

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://buninivan.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин

Автобиографическая заметка

Я родился 10 октября 1870 года. Отца моего звали Алексеем Николаевичем, мать – Людмилой Александровной (в девичестве Чубаровой).

О роде Буниных я кое-что знаю. Род этот дал замечательную женщину начала прошлого века, поэтессу А.П. Бунину, и поэта В.А. Жуковского (незаконного сына А.И. Бунина); в некотором родстве мы с братьями киреевскими, Гротами, Юшковыми, Воейковыми, Булгаковыми, Соимоновыми; о начале нашем в «Гербовнике дворянских родов» сказано, между прочим, следующее: «Род Буниных происходит от Симеона Бунковского, мужа знатного, выехавшего в XV в. из Польши к великому князю Василию Васильевичу».

Правнук его Александр Лаврентьев сын Бунин Служил по Владимиру и убит под Казанью. Стольник Козьма Леонтьев Бунин жалован за службу и храбрость на поместья грамотой. Равным образом и другие многие Бунины служили воеводами и в иных чинах владели деревнями. Все сие доказывается бумагами Воронежского дворянского депутатского собрания о внесении рода Буниных в родословную книгу в VI часть, в число древнего дворянства...».

Род (тоже древнедворянский) Чубаровых мне почти неведом. Знаю только, что Чубаровы – дворяне Костромской, Московской, Орловской и Тамбовской губерний и что были у деда и у отца матери имения в Орловском и Трубчевском уездах. Да и сами Чубаровы знали о себе, вероятно, не больше: с полным пренебрежением к сохранению свидетельств о родовых связях жили наши дворяне. Я же чуть не с отрочества был «вольнодумец», вполне равнодушный не только к своей голубой крови, но и к полной утрате всего того, что было связано с нею: исключительно поэтическими были мои юношеские, да и позднейшие «дворянские элегии», которых, кстати сказать, у меня гораздо меньше, чем видели некоторые мои критики, часто находившие черты личной жизни и личных чувств даже в тех моих писаниях, где почти и следа нет их, и вообще многое навязавшие мне.

Прадед мой по отцу был богат. У деда была земля в Орловской губернии (в Елецком уезде), в Тамбовской и Воронежской, но, кажется, понемногу. Деда братья его обделили. Он был не совсем нормальный, «тронувшийся» человек. Наследство осталось от него не бог весть какое, отец же и того не пощадил. Беспечен и расточителен он был необыкновенно. А Крымская кампания, в которой он участвовал «охотником», как тогда выражались, и переезд в семидесятом году в Воронеж для воспитания детей, моих старших братьев Юлия и Евгения, способствовали нашему разорению особенно. В Воронеже-то и родился я. Там пошли первые три года моей жизни. (Очень слабо, но все-таки помню кое-что из того времени). Но расти в городе мне не пришлось. Страсть к клубу, к вину и картам заставила отца через три с половиной года возвратиться в Елецкий уезд, где он поселился на своем хуторе Бутырки. Тут, в глубочайшей полевой тишине, летом среди хлебов, и прошло все мое детство, полное поэзии печальной и своеобразной.

Отец, человек необыкновенно сильный и здоровый физически, был до самого конца своей долгой жизни и духом почти столь же здоров и бодр. Уныние овладевало им в самых тяжелых положениях на минуту, гнев – он был очень вспыльчив – и того меньше. До тридцати лет, до похода в Крым, он не знал вкуса вина. Затем стал пить и пил временами ужасно, хотя не имел, кажется, ни одной типической черты алкоголика, совсем не пил иногда по нескольку лет (я рожден как раз в один из таких светлых промежутков) и не соединял с этой страстью никаких других дурных страстей. Учился он недолго (в Орловской гимназии), ученья терпеть не мог, но читал все, что попадало под руку, с большой охотой. Ум его, живой и образный, – он и говорил всегда удивительно энергическим и картинным языком, – не переносил логики, характер – порывистый, решительный, открытый и великодушный – преград. Все его существо было столь естественно и наивно пропитано ощущением своего барского происхождения, что я не представляю себе круга, в котором он смутился бы. Но даже его крепостные говорили, что «во всем свете нет проще и добрей» его. То, что было у матери, он тоже прожил, частью раздарил, ибо у него была какая-то неутолимая жажда раздавать. Постоянная охота, постоянная жизнь на воздухе помогли тому, что этот хороший, интересный и по натуре даровитый человек умер восьмидесяти лет легко и спокойно.

Мать ни в чем не походила на него, кроме разве доброты и здоровья, в силу которого она прожила тоже долго, несмотря на все горести своей жизни, на астму, изнурявшую ее в течение последних двадцати лет, и на тяжкий пост, который она, по своей горячей религиозности, возложила на себя и с редкой стойкостью

переносила лет двадцать пять, вплоть до самой кончины. Отец ее тоже пил, но по-иному, культурнее, если можно так выразиться; послужив в военной службе, побывав за границей, пожив в Варшаве, он вообще выделялся среди помещиков, и воспитана была Людмила Александровна тоньше, чем Алексей Николаевич. Характер у нее был нежный, – что не исключало большой твердости при некоторых обстоятельствах, – самоотверженный, склонный к грустным предчувствиям, к слезам и печали. Преданность ее семье, детям, которых у нее было девять человек и из которых она пятерых потеряла, была изумительна, разлука с ними – невыносима. В пору же моего детства мои братья были вдали от нее, отец все отлучался в тамбовское имение, пропадал на охоте, жил не по средствам, и, значит, немало было и существенных поводов для ее слез.

Неизменная бодрость отца и вообще некоторые его черты стали действовать на меня, в противовес ее влиянию, и сказываться во мне наследственно лишь позднее. Редко, повторяю, и бывал он с нами. А «дворян» наша невелика была, с соседями и с родственниками мы в ту пору виделись мало, сверстников я не имел, – сестра Маша была еще совсем ребенок, – игрушек, развлечений и склонности к ним – тоже, впечатлителен был чрезвычайно. Все, помню, действовало на меня – новое лицо, какое-нибудь событие, песня в поле, рассказ странника, таинственные лощины за хутором, легенда о каком-то беглом солдате, едва живом от страха и голода и скрывавшемся в наших хлебах, ворон, все прилетавший к нам на ограду и поразивший мое воображение особенно тем, что жил он, как сказала мне мать, еще, может, при Иване Грозном, предвечернее солнце в тех комнатах, что глядели за вишневый сад на запад... Мать и дворовые любили рассказывать, – от них я много наслушался и песен, и рассказов, слышал, между прочим, «Аленький цветочек», «О трех старцах», – то, что потом читал, им же я обязан и первыми познаниями в языке, – нашем богатышеском языке, в котором, благодаря географическим и историческим условиям, слилось и претворилось столько наречий и говоров чуть не со всех концов Руси.

Лет с семи началась для меня жизнь, тесно связанная в моих воспоминаниях с полем, с мужицкими избами, а потом и с ними, и с моим воспитателем. Чуть не все свободное от учения время я, вплоть до поступления в гимназию, да и приезжая из гимназии на каникулы, провел в ближайших от Бутырок деревушках, у наших бывших крепостных и у однодворцев. Явились друзья, и порой я по целым дням стерег с ними в поле скотину... А воспитателем моим был престранный человек – сын предводителя дворянства, учившийся в Лазаревском институте восточных языков, одно время бывший преподавателем в Осташкове, Тамбове и Кирсанове, но затем спившийся, порвавший все связи родственные и общественные и превратившийся в скитальца по деревням и усадьбам. Он неожиданно привязался ко всем нам, а ко мне особенно, и этой привязанностью и своими бесконечными рассказами, – он немало нагляделся, бродя по свету, и был довольно начитан, владея тремя языками, – вызвал и во мне горячую любовь к себе. Он мгновенно выучил меня читать (по «Одиссее» Гомера), распалял мое воображение, рассказывая то о медвежьих осташковских лесах, то о Дон-Кихоте, – и я положительно бредил рыцарством! – поминутно будил мою мысль своими оригинальными, порой даже не совсем понятными мне разговорами о жизни, о людях. Он играл на скрипке, рисовал акварелью, а с ним вместе иногда по целым дням не разгибался и я, до тошноты насыщаясь с кисточки водой, смешанной с красками, и на всю жизнь запомнил то несказанное счастье, которое принес мне первый коробок этих красок: на мечте стать художником, на разглядывании неба, земли, освещения у меня было довольно долгое помешательство. Он писал стихи, – сатирические вирши на злости дня, – и вот написал стихотворение и я, но совсем не злободневное, а о каких-то духах в горной долине, в лунную полночь. Мне было тогда лет восемь, но я до сих пор так ясно помню эту долину, точно вчера видел ее наяву. Вообще я много представлял себе тогда чрезвычайно живо и точно.

Учил меня мой воспитатель, однако, очень плохо, чему попало и как попало. Из языков он больше всего налегал почему-то на латынь, и немало тяжелых дней провел я в зубрежке латинской грамматики.

Года за два до поступления в гимназию (поступил я туда на одиннадцатом году) я испытал еще одну страсть – к житиям святых, и начал поститься, молиться... Страсть эта, вначале сладостная, превратилась затем, благодаря смерти моей маленькой сестры Нади, в мучительную тоску, длившуюся целую зиму, в постоянную мысль о том, что за гробом. Излечила меня, помню, весна. Отзвуком этого осталось то упоение, с каким отдавался я иногда печали всенощных бдений в елецких церквях, куда водило нас, гимназистов, наше начальство, хотя вообще церковных служб я не любил. (Теперь люблю

– в древних русских церквях и иноверческие, то есть католические, мусульманские, буддийские, – хотя никакой ортодоксальной веры не держусь).

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.r

Гимназия и жизнь в Ельце оставили мне впечатления далеко не радостные, – известно, что такое русская, да еще уездная гимназия, и что такое уездный русский город! Резок был и переход от совершенно свободной жизни, от забот матери к жизни в городе, к нелепым строгостям в гимназии и к тяжелому быту тех мещанских и купеческих домов, где мне пришлось жить нахлебником. Учился я сперва хорошо, воспринимал почти все легко, потом хуже: новая жизнь сделала то, что я стал хворать, таять, стал чрезмерно нервен, да еще на беду влюбился, а влюбленность моя в ту пору, как, впрочем, и позднее, в молодости, была хотя и чужда нечистых помыслов, но восторженная. Дело кончилось тем, что я вышел из гимназии.

Читал я в детстве мало и не скажу, чтобы уж так жаждал книг, но, вероятно, прочитал почти все, что было у нас в доме и что еще не пошло на сигарки тем приживальщикам, прежним слугам-друзьям отца, что иногда гостили у нас, и до сих пор еще помню, как читал я «Английских поэтов» Гербеля, «Робинзона», затасканный том «Живописного обозрения», кажется, за 1878 год, чью-то книгу с картинками под заглавием «Земля и люди» <... > Суть того чувства, что вызывали во мне эти книги, и до сих пор жива во мне, но ее трудно выразить. Главное заключалось в том, что я видел то, что читал, – впоследствии даже слишком остро, – и это давало какое-то особое наслаждение.

В гимназии много из того, что обычно читается в такие годы, мне совсем не нравилось. (Из того, что произвело на меня в первые гимназические годы особенно поэтическое и восторженное впечатление, вспоминается сейчас «Колокол» Андерсена). И стихов в гимназии я почти не писал, хотя до чужих был жаден и отличался способностью запоминать наизусть чуть не целую страницу даже гекзаметра, только раз пробежав ее. (Память у меня вообще хорошая, – то, что интересуется, запоминаю крепко,

– но насилия не терпит: убедился в этом еще в ранней молодости, когда, по гоголевской

манере, пытался упражняться в наблюдательности.)

Зато необыкновенно много исписал я бумаги и прочел за те четыре года, что прожил после гимназии в елецкой деревне Озерках, в имении, перешедшем к нам от умершей бабки Чубаровой. Дома я снова быстро окреп, сразу возмужал, развился, исполнился радостного ощущения все растущей молодости и сил. Тут как раз на целых три года выслали к нам брата Юлия, уже кончившего университет и пробывшего год в тюрьме по политическим делам, и он прошел со мной весь гимназический курс, занимался со мной языками, читал мне начатки психологии, философии, общественных и естественных наук; кроме того, мы без конца вели с ним разговоры о литературе. И помню, что в ту пору мне все казалось очаровательно: и люди, и природа, и старинный с цветными окнами дом бабки, и соседние усадьбы, и охота, и книги, один вид которых давал мне почти физическое наслаждение, и каждый цвет, каждый запах...

Писал я в отрочестве сперва легко, так как подражал то одному, то другому, – больше всего Лермонтову, отчасти Пушкину, которому подражал даже в почерке, потом, в силу потребности высказать уже кое-что свое, – чаще всего любовное, – труднее. Читал я тогда что попало: и старые и новые журналы, и Лермонтова, и Жуковского, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколеев, и Шекспира, и Белинского<... > Потом пришла настоящая любовь к Пушкину, но наряду с этим увлечение, хотя и недолгое, Надсоном, чему, впрочем, много способствовала его смерть. Вообще о писателях я с детства, да и впоследствии довольно долго, мыслил как о существах высшего порядка. (Помню, как поразил меня рассказ моего воспитателя о Гоголе, – он однажды видел его, – вскоре после того, как я впервые прочел «Страшную месть», самый ритм которой всегда волновал меня необыкновенно.) Самому мне, кажется, и в голову не приходило быть меньше Пушкина, Лермонтова, – благо лермонтовское кропотливо было в двадцати пяти верстах от нас, да и вообще чуть не все писатели родились поблизости, – и не от самомнения, а просто в силу какого-то ощущения, что иначе и быть не может. Но это не исключало страстного интереса вообще к писателям, даже к таким, каким был, например, некто Назаров. Озерский кабатчик как-то сказал мне, что в Ельце появился «автор». И я тотчас же поехал в Елец и с восторгом познакомился в базарном трактире с этим Назаровым, самоучкой-стихотворцем из мещан. Из новых писателей мне очень нравился тогда Гаршин (самоубийство которого ужасно поразило меня). Нравился и Эртель, хотя я и тогда чувствовал его литературность, непростоту, копировку Тургенева, даже эту неприятную изысканность знаков препинания, обилие многоточий. В Чехове (его юмористических рассказов я тогда не знал) тоже кое-что задевало меня – то, что он писал бегло, жидко...

В апреле 1887 года я отправил в петербургский еженедельный журнал «Родина» стихотворение, которое и появилось в одном из майских номеров. Утра, когда я шел с этим номером с почты в Озерки, рвал по лесам росистые ландыши и поминутно

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
перечитывал свое произведение, никогда не забуду. Писал и читал я в то лето особенно много, а чтобы ничто не мешало мне в этом и с целью «наблюдения таинственной ночной жизни», месяца на два прекратил ночной сон, спал только днем.

В сентябре 1888 года мои стихи появились в «Книжках Недели» (издаваемой П.А. Гайдебуровым), где часто печатались вещи Щедрина, Глеба Успенского, Л. Толстого, Полонского. Гайдебуров отнесся ко мне крайне внимательно и запретил сотрудничать в других изданиях, – взял меня под свое исключительное руководство.

Между тем благосостояние наше, по милости отца, снова ухудшалось. Брат Юлий переселился в Харьков. Весной 1889 года отправился туда и я и попал в кружки самых завзятых «радикалов», как выражались тогда, а пожив в Харькове, побывал и в Крыму, о котором у меня еще в детстве составилось самое поэтическое представление, благодаря рассказам отца, и нашел, что ходить верст по сорок в сутки, загорать от солнца и от морского ветра и быть очень легким от голода и молодости – превосходно. С осени стал работать при «Орловском вестнике», то бросая работу и уезжая в Озерки или Харьков, то опять возвращаясь к ней, и был всем, чем придется, – и корректором, и передовиком, и театральным критиком, что, к счастью, совсем не приставало ко мне. Тут опять сразила меня, к великому моему несчастью, долгая любовь.

К более нормальной жизни, к более правильной работе литературной и образовательной я возвратился только через два года, переселившись в Полтаву, где брат Юлий заведовал статистическим бюро губернского земства. В Полтаве я был библиотекарем земской управы, затем тоже статистиком, много корреспондировал в газеты о земских делах; усердно учился, писал, ездил и ходил по Малороссии, – служба у меня была легкая и свободная, – затем, увлеченный толстовской проповедью, стал навещать «братьев», живших под Полтавой и в Сумском уезде, прилаживаться к бондарному ремеслу, торговать изданиями «Посредника». Но сам же Толстой, к которому я ездил с А.А. Волкенштейном, и созерцание которого произвело на меня истинно потрясающее впечатление, и отклонил меня опрощаться до конца. (Как к художнику я относился к нему и тогда уже с не меньшим восторгом. Но к этому времени относится и мое увлечение флорбером, а наряду с этим – «Словом о полку Игореве», малорусскими «думами», – теми, что наиболее величавы и торжественны, – некоторыми вещами Мицкевича, особенно его крымскими сонетами, балладами, страницами из «Пана Тадеуша»: ради Мицкевича я даже учился по-польски.)

За работой при «Орловском вестнике» я писал урывками, печатаясь в «Северном вестнике», «Наблюдателе» и иллюстрированных журналах, и издал первую книжку стихов, чисто юношеских, не в меру интимных. Первая рецензия на нее появилась в «Артисте» и заключала в себе странный упрек в подражании фету и совет заняться лучше прозой. Остальные отзывы были весьма сочувственны. В Полтаве я впервые приступил более или менее серьезно к беллетристике, и первый же рассказ (без заглавия) послал в «Русское богатство», руководимое тогда Кривенко и Михайловским. Михайловский написал, что из меня выйдет «большой писатель», и рассказ под чьим-то заглавием – «Деревенский эскиз» – был напечатан в апреле 1894 года. В то же время редкое участие принял во мне А.М. Жемчужников, вступивший со мной в переписку и проводивший меня в «Вестник Европы»: сам Сталюкевич был чересчур строг и порой несправедлив. (Вот пустяк, но характерный. Было у меня стихотворение: «Ржи наливают в цветку». Сталюкевич изумился: «Кого наливают?» – и написал «наливаются»). Жемчужников горячо вступился за меня.)

В январе 1895 года, бросив службу, я впервые попал в Петербург, видел некоторых писателей, Михайловского, Кривенко, который отнесся ко мне с истинно отеческой нежностью. В этом же году я познакомился в Москве с Чеховым, с Бальмонтом, с Эртелем, с Брюсовым, тогда еще студентом. Позднее я мельком видал Коневского и Добролюбова. Они произвели на меня впечатление больших мальчиков с полным сумбуром в голове и в душе, благодаря и болезненности своей и кое-чему прочитанному. Видал я и некоего поэта, славившегося тогда по Москве своей книжкой, посвященной «самому себе и египетской царице Клеопатре», и тем, что он ходил, как говорили, в папахе, в бурке, в нижнем белье, привязывал себе к пальцам когти и производил перевороты в стихотворной форме. Он, впрочем, раньше других бросил все эти «дерзания» и «переоценки ценностей» и, увы, не попал в историю «новой русской литературы», хотя именно ему долго приписывали многие все эти «закрой свои бледные ноги» и т. п.

В октябре 1895 года в «Новом слове», которое редактировал Кривенко, разошедшийся с «Русским богатством», а издавала О.Н. Попова, появился мой рассказ «На край света», встреченный очень хорошо (особенно Скабичевским, слову которого придавали тогда большой вес). Следующей осенью я с удовольствием согласился на предложение Поповой издать свои рассказы. Вышли они в свет (в январе 1897 г.) среди почти единодушных похвал. Но тут я внезапно надолго исчез

из Петербурга, да не только исчез, а и замолчал на несколько лет. Два года затем я жил особенно скитальчески и разнообразно, – то в Орловской губернии, то в Малороссии, снова был в Крыму, бывал в Москве, все чаще встречался и со старыми и с молодыми писателями, посещал «Посредник», куда заезжал Толстой... Сам чуя свой рост и в силу многих душевных переломов, уничтожал я тогда то немногое, что писал прозой, беспощадно; из стихов кое-что (то, что было менее интимно, преимущественно картины природы) печатал; довольно много переводил – чужое было легче передавать.

С той поры собственно и начинается моя более или менее зрелая жизнь, сложная и внутренне и внешне и столь еще близкая мне, что говорить о ней подробно – задача долгая и трудная. Поэтому кончу эти беглые заметки еще более бегло.

В 1898 году я женился на А.Н. Цакни, гречанке, дочери известного революционера и эмигранта Н.П. Цакни. Женившись, года два прожил в Одессе (где сблизился с кружком южно-русских художников). Затем разошелся с женой и установил в своих скитаниях, уже не мешавших мне работать в известной мере правильно, некоторый порядок; зимой столицы и деревня, иногда поездка за границу, весной юг России, летом преимущественно деревня. За это время я был, между прочим, ближайшим участником известного литературного кружка «Среда», душой которого был Н.Д. Телешов, а постоянными посетителями – Горький, Андреев, Куприн и т. д. Революция, прокатившаяся над всеми нами, надолго рассеяла этот кружок. С 1907 года жизнь со мной делит В.Н. Муромцева. С этих пор жажда странствовать и работать овладела мною с особенной силой. За последние восемь лет я написал две трети всего изданного мною. Видел же за эти годы особенно много. Неизменно проводя лето в деревне, мы почти все остальное время отдали чужим краям. Я не раз бывал в Турции, по берегам Малой Азии, в Греции, Египте, вплоть до Нубии, странствовал по Сирии, Палестине, был в Ороне, Алжире, Константинополе, Тунисе и на окраинах Сахары, плывал на Цейлон, изъездил почти всю Европу, особенно Сицилию и Италию (где три последних зимы мы провели на Капри), был в некоторых городах Румынии, Сербии – и, говоря словами Боратынского, отовсюду – «к вам приходил, родные степи, моя начальная любовь» – и снова «по свету бродил и наблюдал людское племя...»

Что же до литературной моей деятельности за эти годы, то ход и развитие ее известны. В конце 1898 года вышел мой перевод «Песни о Гайавате», давший повод некоторым моим критикам, при их обычной поспешности суждений и любви (или необходимости), повторять друг друга, записать меня в число идилликов и каких-то «созерцателей». В 1900 году издал первую книгу моих стихов «Скорпион», с которым я, однако, не возмев никакой охоты играть с моими новыми сотоварищами в аргонавтов и демонов, в магов и нести высокопарный вздор, хотя некоторые критики уже заговорили было о моем «увлечении декадентами» и усердно цитировали мой сонет «В Альпах», мысль которого, в сущности, была совсем не нова, – подобно мысли того самого сонета Пушкина, где сказано: «услышишь шум глупца», – меж тем как другие одобряли меня за то, что я держусь каких-то «заветов», «традиций», хотя любить талант, самостоятельность, ум, вкус вовсе не значит держаться каких-то традиций. В 1902 году «Знание», ближайшим сотрудником которого я был после этого почти все время его деятельного существования, издало первый том моих сочинений. Какие книги следовали за этими тремя, говорить нет нужды. Известно также, что от Академии наук я получал Пушкинские премии, что в 1909 году я был избран ею в число почетных академиков, в 1912 году – почетным членом Общества любителей российской словесности, коего я состою теперь временным председателем, и т. д. Добавлю еще, что в текущем году книгоиздательство Маркса выпускает приложением к «Ниве» редактированное мною собрание моих сочинений, куда входит все, что я считаю более или менее достойное печати.

В общем, жизненный путь мой был довольно необычен, и о нем и вообще обо мне долго существовало довольно превратное представление. Взять хотя бы первое десятилетие моей литературной деятельности: большинство тех, что писали о моих первых книгах, не только спешили уложить меня на какую-нибудь полочку, не только старались раз навсегда установить размеры моего дарования, не замечая, что им самим уже приходилось менять свои приговоры, но характеризовали и мою натуру.

И выходило так, что нет писателя более тишайшего («певец осени, грусти, дворянских гнезд» и т. п.) и человека, более определившегося и умиротворенного, чем я. А между тем человек-то был я как раз не тишайший и очень далекий от какой бы то ни было определенности: напротив, во мне было самое резкое смещение и печали, и радости, и личных чувств, и страстного интереса к жизни, и вообще стократ сложнее и острее жил я, чем это выразилось в том немногом, что я печатал тогда. Бросив через некоторое время прежние клички, некоторые из писавших обо мне обратились, как я уже говорил, к диаметрально противоположным – сперва «декадент», потом «парнасец», «холодный мастер», – в то время как прочие все еще твердили: «певец осени, изящное дарование, прекрасный русский язык, любовь к

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
природе, любовь к человеку... есть что-то тургеневское, есть что-то чеховское»
(хотя решительно ничего чеховского у меня никогда не было). Впрочем, в
литературе стоял тогда невероятный шум.

А второе десятилетие моей литературной деятельности еще у всех в памяти. Тут отношение ко мне, как известно, изменилось, во внимании ко мне за это время недостатка не было. Отмечу только один факт, уже не раз, к сожалению, повторявшийся в русской литературе, – то, как некоторые отнеслись к моей «Деревне» и «Ночному разговору», к «Суходолу». На первых порах чего только, наряду с похвалами моему художеству, не наслушался я! Иные унижались даже до того, что говорили, что я был просто испуган революцией, как помещик (каковым на самом деле я отроду не был), корили меня моим происхождением, – точно я был первый и единственный «дворянин» в русской литературе, – уверяли, что я для деревни только «пришлый интеллигент», приплетали нехоти мои «поездки в Индию», хотя поездки эти могли принести мне, конечно, только пользу, ибо справедливо сказал Шекспир, что «недалеко ушла от глупости домоседная мудрость». По шаблону, в угоду традициям и благодаря круглому незнанию жизни, некоторые неизменно прибавляли, говоря о моих произведениях, касавшихся русского народа: «А все-таки это не так», – и, никогда не приводя никаких доказательств, отделялись фразами о «искрах божьих», «отрадными» частностями, ссылками на Достоевского, Тютчева или Глеба Успенского и Чехова, хотя этих «искр» я никогда не отрицал, хотя не о частностях, а об общем, типическом говорил я, хотя Достоевский и Тютчев для меня ничуть не обязательны, хотя Успенского тоже упрекали в «хмуром и желчном пессимизме» и «полном незнании народа», хотя, укоряя меня Чеховым, почти слово в слово повторяли то самое, что говорили Чехову, укоряя его предшественниками его. Все это, конечно, в порядке вещей. Судьба «Горя от ума» всем известна. О «Мертвых душах» и о «Ревизоре» в один голос кричали: «Это клевета, это невозможность». Гончарову, по свидетельству А.Ф. Кони, «пришлось выслушать, что он совершенно не понимает и не знает русского народа». «Преступление и наказание» Достоевского называли (и не где-нибудь, а в «Современнике») «клеветой на молодое поколение», «дребеденью», «позорным измышлением», «произведением самым жалким»... А ведь теперь дела стали еще хуже: литература наша изовралась невероятно, критика пала донельзя, провал между народом и городом образовался огромный, о дворянах теперь городской интеллигент знает уже только по книжкам, о мужиках – по извозчикам и дворникам, о солдатах – только одно: «так что, ваше благородие», говорить с народом он не умеет, изобразители сусальной Руси, сидя за старыми книжками и сочиняя какой-то никогда не бывалый, утрированно-русский и потому необыкновенно противный и неудобочитаемый язык, врут ему не судом, вкусы его все понижаются... Но все же не раз думал я: доколе же так вот и будет писаться история? Не ужасно ли, что, покричав: «Это клевета, это невозможность», – мы всегда тем скорее успокаивались, что не проходило и нескольких лет, как то, что называлось «невозможностью», признавалось «классическим» и поступало уже в полное ведение учителей словесности?

За всем тем на критику серьезную жаловаться я и тогда не мог.
Москва, 10.IV.15

Стихотворения

Не видно птиц. Покорно чахнет...

Не видно птиц. Покорно чахнет

лес, опустевший и больной.

Грибы сошли, но крепко пахнет

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах сваялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва.

А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж – и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сел и деревень.

И, убаюкан шагом конным,
С отрадной грустью внемлю я,
Как ветер звоном однотонным
Гудит-поет в стволы ружья.

1889

Седое небо надо мной...

Седое небо надо мной
И лес раскрытый, обнаженный.
Внизу, вдоль просеки лесной,
Чернеет грязь в листве лимонной.

Вверху идет холодный шум,
Внизу молчанье увяданья...
Вся молодость моя – скитанья
Да радость одиноких дум!

1889

Один встречаю я дни радостной недели...

Один встречаю я дни радостной недели, –
В глуши, на севере... А там у нас весна:
Растаял в поле снег, леса повеселели,
Даль заливных лугов лазурна и ясна;

Стыдливо белая береза зеленеет,
Проходят облака все выше и нежней,
А ветер сушит сад, и мягко в окна веет
Теплом апрельских дней...

1889

Как дымкой даль полей закрыв на полчаса...

Как дымкой даль полей закрыв на полчаса.
Прошел внезапный дождь косыми полосами –
И снова глубоко синеют небеса
Над освеженными лесами.

Тепло и влажный блеск. Запахли медом ржи,
На солнце бархатом пшеницы отливают,
И в зелени ветвей, в березах у межи,
Беспечно иволги болтают.

И весел звучный лес, и ветер меж берез
Уж веет ласково, а белые березы
Роняют тихий дождь своих алмазных слез
И улыбаются сквозь слезы.

1889

В степи

Н. Д. Телешову

Вчера в степи я слышал отдаленный
Крик журавлей. И дико и легко
Он прозвенел над тихими полями...
Путь добрый! Им не жаль нас покидать:
И новая цветущая природа,
И новая весна их ожидает
За синими, за теплыми морями,
А к нам идет угрюмая зима:
Засохла степь, лес глохнет и желтеет,
Осенний вечер, тучи нагоняя,
Открыл в кустах звериные лазы,
Листвой засыпал доли и овраги,
И по ночам в их черной темноте,
Под шум деревьев, свечками мерцают,
Таинственно блуждая, волчьи очи...
Да, край родной не радует теперь!
И все-таки, кочующие птицы,
Не пробуждает зависти во мне
Ваш звонкий крик, и гордый и свободный.

Здесь грустно. Ждем мы сумрачной поры.

Когда в степи седой туман ночует,
Когда во мгле рассвет едва белеет
И лишь бугры чернеют сквозь туман.

Но я люблю, кочующие птицы,
Родные степи. Бедные селенья –
Моя отчизна; я вернулся к ней,
Усталый от скитаний одиноких,
И понял красоту в ее печали
И счастье – в печальной красоте.

Бывают дни: повеет теплым ветром,
Проглянет солнце, ярко озаряя
И лес, и степь, и старую усадьбу,
Пригреет листья влажные в лесу,
Глядишь – и все опять повеселело!
Как хорошо, кочующие птицы,
Тогда у нас! Как весело и грустно
В пустом лесу меж черными ветвями.
Меж золотыми листьями берез
Синеет наше ласковое небо!

Я в эти дни люблю бродить, вдыхая
Осинников поблекших аромат
И слушая дроздов пролетных крики;
Люблю уйти один на дальний хутор,
Смотреть, как озимь мягко зеленеет,
Как бархатом блестят на солнце пашни,
А вдалеке, на жнивьях золотых,
Стоит туман, прозрачный и лазурный.

Моя весна тогда зовет меня, –
Мечты любви и юности далекой,

Когда я вас, кочующие птицы,
С такою грустью к югу провожал!
Мне вспоминается бывшее счастье.
Былые дни... Но мне не жаль бывшего:
Я не грущу, как прежде, о бывшем, –
Оно живет и в моем безмолвном сердце,
А мир везде исполнен красоты.
Мне и нем теперь все дорого и близко:
И блеск весны за синими морями,
И северные скудные поля,
И даже то, что уж совсем не может
Вас утешать, кочующие птицы, –
Покорность грустной участи своей.

1889

В туче, солнце заступающей...

В туче, солнце заступающей,
Прокатился гулкий гром,
Ангел, радугой сияющий,
Золотым взмахнул крестом –
И сорвался бурей, холодом,
Унося в пыли бурьян,
И помчался шумно, молодо
Дымным ливнем ураган.

1891

Свежеют с каждым днем и молодеют сосны,
Чернеет лес, синеет мягче даль, –
Сдается наконец сырым ветрам февраль,
И потемнел в лощинах снег наносный.

На гумнах и в саду по-зимнему покой
Царит в затишье дедовских строений,
Но что-то тянет в зал, холодный и пустой,
Где пахнет сыростью весенней.

Сквозь стекла потные заклеенных дверей
Гляжу я на балкон, где снег еще навален,
И голый, мокрый сад теперь мне не печален, –
На гнезда в сучьях лип опять я жду грачей.

Жду, как в тюрьме, давно желанной воли,
Туманов мартовских, чернеющих бугров,
И света, и тепла от белых облаков,
И первых жаворонков в поле!

1892

Бушует полая вода...

Бушует полая вода,
Шумит и глухо, и протяжно.
Грачей пролетные стада
Кричат и весело, и важно.

Дымятся черные бугры,
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом.

А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо голубеет,
И солнце ласковое греет
В затишье гумен и дворов.

Весна, весна! И все ей радо.
Как в забытии каком стоишь
И слышишь свежий запах сада
И теплый запах талых крыш.

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,
А ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает.

1892

Догорел апрельский светлый вечер...

Догорел апрельский светлый вечер,
По лугам холодный сумрак лег.
Спят грачи; далекий шум потока
В темноте таинственно заглох.

Но свежее пахнет зеленью
Молодой озябший чернозем,
И струится чище над полями
Звездный свет в молчании ночном.

По лощинам, звезды отражая,
Ямы светят тихою водой,
Журавли, друг друга окликая,
Осторожной тянутся гурьбой.

А Весна в зазеленевшей роще
Ждет зари, дыхание затая, –
Чутко внемлет шороху деревьев,
Зорко смотрит в темные поля.

1892

Соловьи

То разрастаясь, то слабея,
Гром за усадьбой грохотал,
Шумела тополей аллея,
На стекла сумрак набегал.
Все ниже тучи наплывали;

Все ощутительней, свежей
Порывы ветра обвевали
Дождем и запахом полей.
В полях хлеба к межам клонились...
А из лощин и из садов –
Отвсюду с ветром доносились
Напевы ранних соловьев.

Но вот по тополям и кленам
Холодный вихорь пролетел...
Сухой бурьян зашелестел,
Окно захлопнулось со звоном,
Блеснула молния огнем...
И вдруг над самой крышей дома
Раздался треск короткий грома
И тяжкий грохот... Все кругом
Затихло сразу и глубоко,
Сад потемневший присмирел, –
И благодатно и широко
Весенний ливень зашумел.
На межи низко наклонились
Хлеба в полях... А из садов
Все так же звучно доносились
Напевы ранних соловьев.

Когда же, медленно слабея,
Дождь отшумел и замер гром,
Ночь переполнила аллеи
Благоуханьем и теплом.
Пар, неподвижный и пахучий,
Стоял в хлебах. Спала земля.
Заря чуть теплилась под тучей
Полоской алого огня.

А из лощин, где распускались
Во тьме цветы, и из садов
Лились и в чащах отдавались
Все ярче песни соловьев.

1892

Еще от дома на дворе...

Еще от дома на дворе
Синеют утренние тени,
И под навесами строений
Трава в холодном серебре;
Но уж сияет яркий зной,
Давно топор стучит в сарае,
И голубей пугливых стаи
Сверкают снежной белизной.

С зари кукушка за рекою
Кукует звучно вдалеке,
И в молодом березняке
Грибами пахнет и листвою.
На солнце светлая река
Трепещет радостно, смеется,
И гулко в роще отдается
Над нею ладный стук валька.

1892

Ковыль

Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано предъ зорями
Сл. о пл. Игор.

I

Что шумит-звенит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле?

Холодеет ночь перед зарею,
Смутно травы шепчутся сухие, –
Сладкий сон их нарушает ветер.
Опускаясь низко над полями,

По курганам, по могилам сонным.
Нависает в темных балках сумрак.
Бледный день над сумраком забрезжил,
И рассвет ненастный задымился...

Что шумит-звенит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле?

Холодеет ночь перед зарею,
Серой мглой подернулись балки...

Или это ратный стан белеет?
Или снова веет вольный ветер
Над глубоко спящими полками?
Не ковыль ли, старый и сонливый,
Он качает, клонит и качает,
Вежи половецкие колышет

и бежит-звенит старинной былью?

II

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходит вдаль. Кругом все степь да степь.
Шумит трава дремотно и лениво.
Немых могил сторожевая цепь
Среди хлебов загадочно синееет,
Кричат орлы, пустынный ветер веет
В задумчивых, тоскующих полях.
Да день от туч кочующих темнеет.

А путь бежит... не тот ли это шлях,
Где Игоря обозы проходили
На синий дон? Не в этих ли местах
В глухую ночь в яругах волки выли,
А днем орлы на медленных крылах
Его в степи безбрежной провожали
И клетком псов на кости созывали,
Грозя ему великою бедой?

– Гей, отзовись, степной орел седой!
Ответь мне, ветер буйный и тоскливый!

...Безмолвна степь. Один ковыль сонливый
Шуршит, склоняясь ровной чередой...

Костер

Ворох листьев сухих все сильней, веселей разгорается,
И трещит, и пылает костер.
Пышет пламя в лицо; теплый дым на ветру развеваает;
Затянул весь лесной косогор.

Лес гудит на горе, низко гнутся березы ветвистые,
Меж стволами качается тень...
Блеском, шумом листвы наполняет леса золотистые
Этот солнечный ветреный день.

А в долине – затишье, светло от орешника яркого,
И по светлой долине лесной
Тянет гарью сухой от костра распаленного, жаркого,
Развевается дым голубой.

Камни, заросли, рвы. Лучезарным теплом очарованный,
В полусне я лежу у куста...
Странно желтой листвой озарен этот дол заколдованный,
Эти лисьи, глухие места!

Ветер стоны несет... Не собаки ль вдали заливаются?
Не рога ли тоскуют, вопят?
А вершины шумят, а вершины скрипят и качаются,
Однотонно шумят и скрипят...

17. IX.95
Лес Жемчужникова

Когда на темный город сходит...

Когда на темный город сходит
В глухую ночь глубокий сон,
Когда метель, крутясь, заводит
На колокольнях перезвон, –

Как жутко сердце замирает!
Как заунывно в этот час,
Сквозь вопли бури, долетает
Колоколов невнятный глас!

Мир опустел... Земля остыла...
А вьюга трупы замела,
И ветром звезды загасила,
И бьет во тьме в колокола.

И на пустынном, на великом
Погосте жизни мировой
Кружится Смерть в веселье диком
И развевает саван свой!

1895

Счастлив я, когда ты голубые...

Счастлив я, когда ты голубые
Очи поднимаешь на меня:
Светят в них надежды молодые –

небеса безоблачного дня.

Горько мне, когда ты, опуская
Темные ресницы, замолчишь:
Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застенчиво таишь.

Но всегда, везде и неизменно
Близ тебя светла душа моя...
Милый друг! О, будь благословенна
Красота и молодость твоя!

<1896>

Вьется путь в снегах, в степи широкой...

Вьется путь в снегах, в степи широкой.
Вот – луга и над оврагом мост,
Под горой – поселок одинокий,
На горе – заброшенный погост.

Ни души в поселке; не краснеют
Из-под крыш вечерние огни;
Слепо срубы в сумерках чернеют...
Знаю я – покинуты они.

Пахнет в них холодной золою,
В печку провалилася труба,
И давно уж смотрит нежилою,

Под застрехи ветер жесткий дует,
Сыплет снегом... Только он один
О тебе, родимый край, тоскует
Посреди пустых твоих равнин!

Путь бежит, в степи метель играет,
Хмуро сходит долгой ночи тень...
О, пускай скорее умирает
Этот жуткий, этот тусклый день!

1897

Три ночи

Старый сад всю ночь гудел угрюмо,
Дождь шумел, и, словно капли слез,
Падал он в холодный снег на землю
С голых сучьев стонущих берез.

По лесным трущобам и оврагам,
По полям, пустынным и глухим,
Первые весенние туманы
Расползались медленно, как дым.

И леса седой оделись мглою,
На озерах поднялись льды,
И долины грозно потемнели
От свинцовой мартовской воды...

А другая ночь – все победила:
Ветер снес сырой туман с полей,
Загорелись звезды, и в долинах
Зашумели воды веселей.

До зари кричали хлопотливо
В ближней роще черные грачи,
Старый сад и тихую усадьбу
Оглашали столами сычи.

И темней ночное было небо –
Издалека в темноте ночной
Веяло весенним ароматом,
Веяло грядущую весной...

И недолги были ожидания:
За день вся природа ожила!
Вечер был задумчив и прекрасен,
И заря, как летняя, тепла.

А когда померк закат далекий,
Вспомнилась мне молодость моя,
И окно открыл я, и забылся,
В сердце, грусть и радость затая.

Понял я, что юной жизни тайна
В мир пришла под кроном темноты,
Что весна вернулась – и незримо
Вырастают первые цветы.

1889–1897

Беру твою руку и долго смотрю на нее...

Беру твою руку и долго смотрю на нее,
Ты в сладкой истоме глаза поднимаешь несмело:
Вот в этой руке – все твоё бытие,
Я всю тебя чувствую – душу и тело.

Что надо ещё? Возможно ль блаженнее быть?
Но Ангел мятежный, весь буря и пламя,
Летающий над миром, чтоб смертною страстью губить,
Уж мчится над нами!

1898

На дальнем севере

Так небо низко и уныло,
Так сумрачно вдали,
Как будто время здесь застыло,
Как будто край земли.

Густое чахлое полесье
Стоит среди болот,
А там – угрюмо в поднебесье
Уходит сумрак вод.

Уж ночь настала, но свинцовый
Дневной не меркнет свет.
Немая тишь в глуши сосновой,
Ни звука в море нет.

И звезды тускло, недвижимо
Горят над головой,
Как будто их зажег незримо
Сам ангел гробовой.

1898

Плеяды

Стемнело. Вдоль аллей, над сонными прудами,
Бреду я наугад.
Осенней свежестью, листвою и плодами
Благоухает сад.

Давно он поредел, – и звездное сиянье
Белеет меж ветвей.
Иду я медленно, – и мертвое молчанье
Царит во тьме аллей.

И звонок каждый шаг среди ночной прохлады.
И царственным гербом
Горят холодные алмазные Плеяды
В безмолвии ночном.

1898

В пустынной вышине...

В пустынной вышине,
В открытом океане небосклона
Восток сияет ясной бирюзой.
В степной дали
Погасло солнце холодно и чисто,
Свеж, звонок воздух над землей,
И тишина царит, –
Молчание осеннего заката
И обнаженных черных тополей...
Как хороши пустынные аллеи!

Иду на юг,
Смотрю туда, где я любил когда-то,
Где грусть моя далекая живет...
А там встают,
Там медленно плывут и утопают
В глубоком океане небосклона,
Как снеговые горы, облака...
Как холодны и чисты изваянья
Их девственных алеющих вершин!
Как хороши безлюдные равнины!

Багряная листва,
Покрытая морозною росой,
Шуршит в аллее под моей ногой...
Вот меркнет даль,
Темнеет сад, краснее запад рдеет,

В холодной и безмолвной красоте
Все застывает, медленно мертвея,
И веет холод ночи па меня,
И л стою, безмолвием объятый...
Как хороша, как одинока жизнь!

1898

Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес...

Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес.
Но мирно розовый мерцает Антарес
На южных небесах, куда прозрачным дымом
Нисходит Млечный Путь к лугам необозримым.
С опушки на луга гляжу из-под ветвей,
И дышит ночь теплом, и сердце верит ей, –
Колосьям божьих нив, на гнездах смолкшим птицам,
Мерцанью кротких звезд и ласковым зарницам,
Играющим огнем вокруг немой земли
Пред взором путника, звенящего вдали
Валдайским серебром, напевом беззаботным
В просторе полевом, спокойном и дремотном.

1900

Затрепетали звезды в небе...

Затрепетали звезды в небе,
И от зари, из-за аллеи,

Повеял чистый, легкий ветер
Весенней свежестью полей.

К закату, точно окрыленный,
Спешу за ним, и жадно грудь
Его вечерней ласки ищет
И счастья в жизни потонуть.

Не верю, что умру, устану,
Что навсегда в земле усну, –
Нет, – упоенный счастьем жизни,
Я лишь до солнца отдохну!

1900

Нет солнца, но светлы пруды...

Нет солнца, но светлы пруды,
Стоят зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсем бы казались пустыми,
Но в них отразились сады.

Вот капля, как шляпка гвоздя,
Упала – и, сотнями игол
Затоны прудов бороздя,
Сверкающий ливень запрыгал –
И сад зашумел от дождя.

Смешал молодые березки,
И солнечный луч, как живой,
Зажег задрожавшие блестки,
А лужи налил синевою.

Вон радуга... Весело жить
И весело думать о небе,
О солнце, о зреющем хлебе
И счастьем простым дорожить:

С открытой бродить головой,
Глядеть, как рассыпали дети
В беседке песок золотой...
Иного нет счастья на свете.

1900

Листопад

Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стеной
Стоит над светлою поляной.

Березы желтою резьбой
Блестят в лазури голубой,
Как вышки, елочки темнеют,
А между кленами синеют
То там, то здесь в листве сквозной

Лес пахнет дубом и сосной,
За лето высох он от солнца,
И Осень тихую вдовой
Вступает в пестрый терем свой.

Сегодня на пустой поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра.
Сегодня целый день играет
В дворе последний мотылек
И, точно белый лепесток,
На паутине замирает,
Пригретый солнечным теплом;
Сегодня так светло кругом,
Такое мертвое молчанье
В лесу и в синей вышине,
Что можно в этой тишине
Расслышать листика шуршанье.
Лес, точно терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Стоит над солнечной поляной,
Завороженный тишиной;
Заквохчет дрозд, перелитая
Среди подседа, где густая
Листва янтарный отблеск льет;
Играя, в небе промелькнет
Скворцов рассыпанная стая –
И снова все кругом замрет.

Последние мгновенья счастья!
Уж знает Осень, что такой

Предвестник долгого ненастья.

Глубоко, странно лес молчал

И на заре, когда с заката

Пурпурный блеск огня и злата

Пожаром терем освещал.

Потом угрюмо в нем стемнело.

Луна восходит, а в лесу

Ложатся тени на росу...

Вот стало холодно и бело

Среди полян, среди сквозной

Осенней чащи помертвелой,

И жутко Осени одной

В пустынной тишине ночной.

Теперь уж тишина другая:

Прислушайся – она растет,

А с нею, бледностью пугая,

И месяц медленно встает.

Все тени сделал он короче,

Прозрачный дым навел на лес

И вот уж смотрит прямо в очи

С туманной высоты небес.

О, мертвый сон осенней ночи!

О, жуткий час ночных чудес!

В серебристом и сыром тумане

Светло и пусто на поляне;

Лес, белым светом залитой,

Своей застывшей красотой

Как будто смерть себе пророчит;

Сова и та молчит: сидит

Да тупо из ветвей глядит,

Сорвется с шумом с высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядет на кусты
И смотрит круглыми глазами,
Водя ушастью головой
По сторонам, как в изумленье;
И лес стоит в оцепененье,
наполнен бледной, легкой мглой
И листьев сыростью гнилой...

Не жди: наутро не проглянет
На небе солнце. Дождь и мгла
Холодным дымом лес туманят, –
Недаром эта ночь прошла!
Но Осень затаит глубоко
Все, что она пережила
В немую ночь, и одиноко
Запрется в тереме своем:
Пусть бор бушует под дождем,
Пусть мрачны и ненастны ночи
И на поляне волчьи очи
Зеленым светятся огнем!
Лес, точно терем без призора,
Весь потемнел и полинял,
Сентябрь, кружась по чащам бора,
С него местами крышу снял
И вход сырой листвой усыпал;
А там зазимок ночью выпал
И таять стал, все умертвив...
Трубят рога в полях далеких,
Звенит их медный перелив,
Как грустный вопль, среди широких
Ненастных и туманных нив.

Сквозь шум деревьев, за долиной,
Теряясь в глубине лесов,
Угрюмо воеет рог туриний,
Скликая на добычу псов,
И звучный гам их голосов
Разносит бури шум пустынный.
Льет дождь, холодный, точно лед,
Кружатся листья по полянам,
И гуси длинным караваном
Над лесом держат перелет.
Но дни идут. И вот уж дымы
Встают столбами на заре.
Леса багряны, недвижимы.
Земля в морозном серебре.
И в горностаевом шугае,
Умывши бледное лицо,
Последний день в лесу встречая,
Выходит Осень на крыльцо.
Двор пуст и холоден. В ворота,
Среди двух высохших осин,
Видна ей синева долин
И ширь пустынного болота.
Дорога на далекий юг:
Туда от зимних бурь и вьюг,
От зимней стужи и метели
Давно уж птицы улетели:
Туда и Осень поутру
Свой одинокий путь направит
И навсегда в пустом бору
Раскрытый терем свой оставит.

Прости же, лес! Прости, прощай,
День будет ласковый, хороший,

Засеребрится мертвый край.
как будут странны в этот белый,
Пустынный и холодный день
и бор, и терем опустелый,
и крыши тихих деревень,
и небеса, и без границы
В них уходящие поля!
как будут рады соболя,
и горностаи, и куницы,
Резвясь и греясь на бегу
в сугробах мягких на лугу!
А там, как буйный пляс шамана,
Ворвутся в голую тайгу
Ветры на тундры, с океана,
Гудя в крутящемся снегу
и завывая в поле зверем.
Они разрушат старый терем,
Оставят колья и потом
На этом остове пустом
Повесят инеи сквозные,
и будут в небе голубом
Сиять чертоги ледяные
и хрусталем и серебром.
А в ночь, меж белых их разводов.
Взойдут огни небесных сводов,
Заблещет звездный щит Стожар –
В тот час, когда среди молчанья
Морозный светится пожар,
Расцвет полярного сиянья.

1900

На распутье

На распутье в диком древнем поле
Черный ворон на кресте сидит.
Заросла бурьяном степь на воле.
И в траве заржавел старый щит.

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротишься домой.

Путь направо без коня оставит –
Побредешь один и сир, и наг, –
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в незнаемых полях...»

Жутко мне! Вдали стоят могилы...
В них былое дремлет вечным сном...
«Отзовися, ворон чернокрылый!
Укажи мне путь в краю глухом».

Дремлет полдень. На тропах звериных
Тлеют кости в травах. Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах...
Но куда и как по ним идти?

Где равнина дикая граничит?
Кто, пугая чуткого коня,
В тишине из синей дали кличет

И один я в поле, и отважно
Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...
Черный ворон сумрачно и важно,
Полусонный, на кресте сидит.

1900

Вирь

Где ельник сумрачным стоит
В лесу зубчатым темным строем,
Где старый позабытый скит
Манит задумчивым покоем,

Есть птица Вирь. Ее убор
Весь серо-аспидного цвета.
Головка в хохолке, а взор
Исполнен скорбного привета.

Она так жалостно поет,
С такою нежностью глубокой,
Что, если к скиту забредет
Случайно путник одинокий,

Он не покинет те места:
Лес молчаливый и унылый
И скорбной песни красота
Полны неотразимой силы!

И вот, когда в лесу пустом
Горит заря, а ельник черный
Стоит на фоне золотом
Стеною траурно-узорной,

С какой отрадой ловит он
Все, что зарей еще печальней:
Вечерний колокольный звон,
Напевы женщин в роще дальней,

И гул сосны, и ветерка
Однообразный шелест в чаще...
Невыразима их тоска,
И нет ее больней и слаще!

Когда же лес, одетый тьмой,
Сгустится к ней и тьма сольется
С его могильной бахромой, –
Вирь в темноте тревожно вьется,

В испуге бьется средь ветвей,
Тоскливо стонет и рыдает,
И тем тоскливей, тем грустней,
Чем человек больней страдает...

1900

Последняя гроза

Не прохладой, не покоем,
А истомою и зноем
Ночь с горячих пашен веет:
Хлеб во мраке ночи зреет.

Обступают осторожно
Небо тучи, и тревожно,
Точно жар и бред недуга,
Набегает ветер с юга.

Шелестя и торопливо
Волны ветра ловит нива,
Страстным шепотом привета
Провожает их, – и мнится:
Ночь прощается тоскливо
С лаской пламенного лета,
Разметалась и томится...

Блеск зарниц ей точно снится.
Мрак растет над ней кошмаром,
И когда всю степь пожаром
Красный сполох озаряет, –
В поле чей-то призрак темный,
Величавый и огромный,
На мгновенье вырастает,
Чьи-то очи ярко блещут,
Содрогаясь от усилья,
И раскинутые крылья
За плечом его трепещут.

Как тот блеск ее пугает!

Точно в страхе пробегает
Знойный шелест по бурьяну...
Быть большому урагану!
Уж над этим смутным шумом
Все слышней, как за горою
Дальний гром ворчит порою,
Как в величии угрюмом.
Потрясая своды неба,
Он проходит тяжким гулом
Над шумящим морем хлеба...

Скоро бешеным разгулом
В поле ветер понесется.
Скоро гром смелее грянет,
Жутким блеском даль зажжется,
Ночь испуганно воспрянет,
Ночь порывисто очнется –
И обильными слезами
Вся тоска ее прольется!

А наутро над полями
Солнце грустно улыбнется –
Озарит их на прощанье,
И на нивы, на селенья
Ляжет кроткое смиренье
Тишины и увяданья.

1900

В отъезде поле

Сумрак ночи к западу уходит,
Серой мглой над черной пашней бродит,
По бурьянам стелется к земле...
Звезды стали тусклы и далеки,
Небеса туманны и глубоки,
Но восток уж виден в полумгле.

Лошади продрогли. Север дышит
Ветром ночи и полынь колышет...
Вот и утро! В колеях дорог
Грязь чернеет, лужи заалели...
Томно псы голодные запели...
Встань, труби в холодный, звонкий рог!

1900

После половодья

Прошли дожди, апрель теплеет.
Всю ночь – туман, а поутру
Весенний воздух точно млеет
И мягкой дымкою синеет
В далеких просеках в бору.

И тихо дремлет бор зеленый.
И в серебре лесных озер –
Еще стройней его колонны,
Еще свежее сосен кроны
И нежных лиственниц узор!

1900

Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет...

Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет;
Колокольчики ландышей в чаще зеленой цветут;
На рассвете в долинах теплом и черемухой веет,
Соловьи до рассвета поют.

Скоро Троицын день, скоро песни, венки и покосы...
Все цветет и поет, молодые надежды тая...
О весенние зори и теплые майские росы!
О далекая юность моя!

1900

Не угас еще вдали закат...

Не угас еще вдали закат,
И листва сквозит узором четким,
А под ней уж серебрится сад
Светом и таинственным, и кротким:

Народился месяц молодой.
Робко он весенними зорями
Светит над зеркальной водой,
По садам сияя меж ветвями.

Завтра он зарею выйдет вновь
И опять напомним, одинокий,
Мне весну, и первую любовь,
И твой образ, милый и далекий...

1900

Лес шумит невнятным, ровным шумом...

Лес шумит невнятным, ровным шумом...
Лепет листьев клонит в сон и лень...
Петухи в далекой караулке
Распевают про весенний день.

Лес шумит невнятным, тихим шумом...
Хорошо и беззаботно мне
Па траве, среди берез зеленых,
В тихой и безвестной стороне!

1900

Еще утро не скоро, не скоро...

Еще утро не скоро, не скоро,
Ночь из тихих лесов не ушла.
Под навесами сонного бора –
Предрассветная теплая игла.

Еще ранние птицы не пели,
Чуть сереютверху небеса,
Влажно-зелены темные ели,
Пахнет летнею хвоей роса.

И пускай не светает подольше.
Этот медленный путь по лесам,
Эта ночь – не воротится больше,
Но легко пред разлукою нам...

Колокольчик в молчании бора
То замрет, то опять запоеет...
Тихо ночь по долинам идет...
Еще утро не скоро, не скоро.

1900

Рассвет (Высоко поднялся и белеет...)

Высоко поднялся и белеет
Полумесяц в бледных небесах.
Сумрак ночи прячется в лесах.
Из долин зеленых утром веет.

Веет юной радостью с полей.
Льется, как серебряное пенье,
Звон костела, славя воскресенье...
Разгорайся, новый день, светлей!

Выйди в небо, солнце, без ненастья,
Возродися в блеске и тепле,
Возвести опять по всей земле,
Что вся жизнь — день радости и счастья.

1900

Родник

В глуши лесной, в глуши зеленой,
Всегда тенистой и сырой,
В крутом овраге под горой
Вьет из камней родник студень:

Кипит, играет и спешит,
Крутясь хрустальными клубами,
И под ветвистыми дубами
Стеклом расплавленным бежит.

А небеса и лес нагорный
Глядят, задумавшись в тиши,
Как в светлой влаге голыши
Дрожат мозаикой узорной.

1900

Учан-Су

Свежее, слаще воздух горный.
Невнятный шум идет в лесу:
Поет веселый и проворный,
Со скал летящий Учан-Су!
Глядишь – и, точно застывая,
Но в то же время ропот свой,
Свой легкий бег не прерывая,
Прозрачной пылью снеговой
Несется вниз струя живая, –
Как тонкий флер, сквозит огнем,
Скользит со скал фатой венчальной
И вдруг, и пеной и дождем
Свергаясь в черный водоем,
Бушует влагою хрустальной...

1900

Зной

Горячо сухой песок сверкает.
Сушит зной на камнях невода.
В море – штиль, и ласково плескает
На песок хрустальная вода.

Чайка в светлом воздухе блеснула..
Тень ее спустилась надо мной –
И в сиянье солнца потонула..
Клонит в сон и ослепляет зной...

И лежу я, упоенный зноем.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Снится сад мне и прохладный грот,

Кипарисы неподвижным строем
Стерегут там звонкий водомет.

Старый мрамор под ветвями тисов
Молодыми розами увит,
И горит залив меж кипарисов,
Точно синим пламенем палит...

1900

Ночь и день

Старую книгу читаю я в долгие ночи
При одиноком и тихо дрожащем огне:
«Все мимолетно – и скорби, и радость, и песни,
Вечен лишь бог. Он в ночной неземной тишине».

Ясное небо я вижу в окно на рассвете.
Солнце восходит, и горы к лазури зовут:
«Старую книгу оставь на столе до заката.
Птицы о радости вечного бога поют!»

1901

На высоте, на снеговой вершине...

На высоте, на снеговой, вершине,

Обращение сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Я вырезал стальным клинком сонет.

Проходят дни. Выть может, и донине
Снега хранят мой одинокий след.

На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.

И весело мне думать, что поэт
Меня поймет. Пусть никогда в долине
Его толпы не радуется привет!

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в полдневный час сонет
Лишь для того, кто на вершине.

1901

В старом городе

С темной башни колокол уныло
Возвещает, что закат угас.
Вот и снова город ночь сокрыла
В мягкий сумрак от усталых глаз.

И нисходит кроткий час покоя
На дела людские. В вышине
Грустно светят звезды. Все земное
Смерть, как страж, обходит в тишине.

Улицей бредет она пустынной,
Смотрит в окна, где чернеет тьма...
Всюду глухо. С важностью старинной
В переулках высится дома.

Там в садах платаны зацветают,
Нежно веет раннею весной,
А на окнах девушки мечтают,
Упиваясь свежестью ночной,

И в молчанье только им не страшен
Близкой смерти медленный дозор,
Сонный город, думы черных башен
И часов задумчивый укор.

1901

Облака, как призраки развалин...

Облака, как призраки развалин,
Встали на заре из-за долин.
Теплый вечер темен и печален,
В темном доме я совсем один.

Слабым звоном люстра отвечает
На шаги по комнате пустой...
А вдали заря зарю встречает,
Ночь зовет бессмертной красотой.

1901

На монастырском кладбище

Ударил колокол – и дрогнул сон гробниц,
и голубей испуганная стая
Вдруг поднялась с карнизов и бойниц
и закружилась, крыльями блистая,
Над мшистою стеной монастыря...

О, ранний благовест и майская заря!
Как этот звон, могучий и тяжелый,
Сливается с открытой и веселой
Равниной зеленеющих полей!
Ударил колокол – и стала ночь светлей,
и позабыты старые гробницы,
и кельи тесные, и страхи темноты –
Душа, затрепетав, как крылья вольной птицы,
Коснулась солнечной поющей высоты!

1901

Ночь (Ищу я в этом мире сочетанья...)

Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и вечного. Вдали
я вижу ночь: пески среди молчанья
и звездный час над сумраком земли.

Как письмена, мерцают в тверди синей
Плеяды, Вега, Марс и Орион.
Люблю я их течение над пустыней
И тайный смысл их царственных имен!

Как ныне я, мирьяды глаз следили
Их древний путь. И в глубине веков
Все, для кого они во тьме светили,
Исчезли в ней, как след среди песков:

Их было много, нежных и любивших,
И девушек, и юношей, и жен,
Ночей и звезд, прозрачно-серебривших
Евфрат и Нил, Мемфис и Вавилон!

Вот снова ночь. Над бледной сталью Понта
Юпитер озаряет небеса,
И в зеркале воды, до горизонта,
Столпом стеклянным светит полоса.

Прибрежья, где бродили тавро-скифы,
Уже не те, – лишь море в летний штиль
Все так же сыплет ласково на рифы
Лазурно-фосфорическую пыль.

Но есть одно, что вечной красотою
Связует нас с отжившими. Была
Такая ж ночь – и к тихому прибою...
Со мной на берег девушка пришла.

И не забыть мне этой ночи звездной,
Когда печь мир любил и для одной!
Пусть я живу мечтою бесполезной,
Туманной и обманчивой мечтой, –

Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и тайного, как сон.
Люблю ее за счастье слиянья
В одной любви с любовью всех времен!

1901

Спокойный взор, подобный взору лани...

Спокойный взор, подобный взору лани,
И все, что в нем так нежно я любил,
Я до сих пор в печали не забыл,
Но образ твой теперь уже в тумане.

А будут дни – угаснет и печаль,
И засинеет сон воспоминанья,
Где нет уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.

1901

За все тебя, господь, благодарю!

За все тебя, Господь, благодарю!
Ты, после дня тревоги и печали,
Даруешь мне вечернюю зарю,
Простор полей и кротость синей дали.

Я одинок и ныне — как всегда.
Но вот закат разлил свой пышный пламень,
И тает в нем Вечерняя Звезда,
Дрожа насквозь, как самоцветный камень.

И счастлив я печальною судьбой,
И есть отрада сладкая в сознание,
Что я один в безмолвном созерцании,
Что всем я чужд и говорю — с тобой.

1901

Высоко наш флаг трепещет...

Высоко наш флаг трепещет,
Гордо вздулся парус полный,
Встал, огромный и косою;

А навстречу зыбью плещет,
И бегут — змеятся волны
Быстрой, гибкой полосой.

Изумруд горит, сверкая,
В ней, как в раковине тесной,

Медью светит на борта;

А кругом вода морская
Так тяжка и полновесна,
Точно ртутью налита.

Ходит зыбкими буграми,
Ходит мощно и упруго,
Высоко возносит челн –

и бегущими горами
Принимают друг от друга
Нас крутые гребни волн.

1901

Утро

Светит в горы небо голубое,
Молодое утро сходит с гор.
Далеко внизу – кайма прибоя,
А за ней – сияющий простор.

С высоты к востоку смотрят горы,
Где за нежно-млечной синевой
Тают в море белые узоры
Отдаленной цепи снеговой.

И в дали, таинственной и зыбкой,

Из-за гор восходит солнца свет –
Точно горы светлую улыбкой
Отвечают братьям на привет.

1901

Полями пахнет, – свежих трав...

Полями пахнет, – свежих трав,
Лугов прохладное дыханье!
От сенокосов и дубрав
Я в нем ловлю благоуханье.

Повеет ветер – и замрет...
А над полями даль темнеет,
И туча из-за них растет,
Закрыла солнце и синеет.

Нежданной молнии игра,
Как меч, блеснувшей на мгновенье,
Вдруг озарит из-за бугра –
И снова сумрак и томленье...

Как ты таинственна, гроза!
Как я люблю твоё молчанье,
Твое внезапное блистанье, –
Твои безумные глаза!

1901

Отрывок (В окно я вижу груды облаков...)

В окно я вижу груды облаков,
Холодных, белоснежных, как зимою,
И яркость неба влажно-голубого.
Осенний полдень светел, и на север
Уходят тучи. Клены золотые
И белые березки у балкона
Сквозят на небе редкою листвою,
И хрусталем на них сверкают льдинки.
Они, качаясь, тают, а за домом
Бушует ветер... Двери на балконе
Уже давно заклеены к зиме,
Двойные рамы, топленные печи –
Все охраняет ветхий дом от стужи,
А по саду пустому кружит ветер
И, листья подметая по аллеям,
Гудит в березах старых... Светел день.
Но холодно, – до снега недалеко.

Я часто вспоминаю осень юга...
Теперь на Черном море непрерывно
Бушуют бури: тусклый блеск от солнца,
Скалистый берег, бешеный прибой
И по волнам сверкающая пена...
Ты помнишь этот берег, окаймленный
Ее широкой смежною грядой?
Бывало, мы сбежим к воде с обрыва
И жадно ловим ветер. Вольно веет
Он бодростью и свежестью морской:
Срывал брызги с бурного прибоя,

Он влажной пылью воздух наполняет
И снежных чаек носит над волнами.
Мы в шуме волн кричим ему навстречу.
Он валит с ног и заглушает голос,
А нам легко и весело, как птицам...

Все это сном мне кажется теперь.

1901

Морозное дыхание метели...

Морозное дыхание метели
Еще свежо, но улеглась метель.
Белеет снега мшистая постель,
В сугробах стынут траурные ели.

Ночное небо низко и черно, –
Лишь в глубине, где млечный путь белеет,
Сквозит его таинственное дно
И холодом созвездий пламенеет.

Обрывки туч порой темнеют в нем...
Но стынет ночь. И низко над землею
Усталый вихрь шипящею змеею
Скользит и жжет своим сухим огнем.

1901

Жесткой, черной листвою шелестит и трепещет кустарник...

Жесткой, черной листвою шелестит и трепещет кустарник,
Точно в снежную даль убегает в испуге.
В белом поле стога, косогор и забытый овчарник
Тонут в белом дыму разгулявшейся вьюги.

Дымный ветер кружит и несет в небе ворона боком.
Конский след на бегу порошит-заметают...
Вон прохожий вдали. Истомлен на пути одиноком,
Мертвым шагом он мерно и тупо шагает.

«Добрый путь, человек! Далеко ль до села, до ночлега?»
Он не слышит, идет, только голову клонит...
А куда и спешить против холода, ветра и снега?
Родились мы в снегу, – вьюга нас и схоронит.

Занесет равнодушно, как стог, как забытый овчарник...
Хорошо ей у нас, на просторе великом!
Бесприютная жизнь, одинокий над бурей кустарник.
Не тебе одолеть в поле темном и диком!

1901

Не устану воспевать вас, звезды!

Не устану воспевать вас, звезды!
Вечно вы таинственны и юны.

Темных бездн сияющие руны.

В детстве я любил вас безотчетно, –

Сказкою вы нежною мерцали.

В молодые годы только с вами

Я делил надежды и печали.

Вспоминая первые признанья.

Я ищу меж вами образ милый...

Дни пройдут – вы будете светиться

Над моей забытою могилой.

И быть может, я пойму вас, звезды,

И мечта, быть может, воплотится,

Что земным надеждам и печалям

Суждено с небесной тайной слиться!

1901

Перед закатом набежало...

Перед закатом набежало

Над лесом облако – и вдруг

На взгорье радуга упала,

И засверкало все вокруг.

Стеклянный, редкий и ядреный,

С веселым шорохом спеша,

Промчался дождь, и лес зеленый

Затих, прохладой дыша.

Вот день! Уж это не впервые:

Прольется – и уйдет из глаз...

Как эти ливни золотые,

Пугая, радовали нас!

Едва лишь добежим до чащи –

Все стихнет... О, росистый куст!

О, взор, счастливый и блестящий,

И холодок покорных уст!

1902

Лесная дорога

В березовом лесу, где распевают птицы,

Где в шелковой траве сквозь темь лучи горят

Темнеют холмики – могил забытых ряд,

А под березами, как юные черницы,

Смиренно елочки зеленые стоят.

Был здесь когда-то скит, как говорят преданья,

И десять девственниц, отрекшись от земли,

В нем приняли обет святого созерцанья,

Держали строгий пост и, как цветы, цвели

Под пенье божьих птиц и странников сказанья.

Выл здесь дремучий бор, в народе говорят,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Был долгий стан татар, в лесах кипели битвы;

Потом был этот край спокоен и богат,
И древний скудный скит и подвиги молитвы
Забылись, точно сон, уж много лет назад.

Немало было снов, – зачем нам помнить их?
И вот опять весна. В лесу все зеленеет,
Лес сенокоса ждет, а небосклон синеет
Меж белых облаков, среди вершин лесных,
И на глазах трава в полдневном зное млеет.

Пройдет моя весна, и этот день пройдет,
По весело бродить и знать, что все проходит,
Меж тем как счастье жить вовеки не умрет,
Покуда над землей заря зарю выводит
И молодая жизнь рождается и свой черед.

Бежит зеленый лес, поют и свищут птицы,
А вон и озеро, песчаный, белый скат...
Пошел! и бубенцы играют и гремят,
В колесах, как лучи, блестя на солнце спицы,
И кружева теней но лошадям скользят...

1902

Бродяги

На позабытом тракте к Оренбургу,
В бесплодной и холмистой котловине
Польшей, глухой дороги на восток,

И бродит кляча в путах. Ни души
Нет на лугу, – цыган в кибитке дремлет,
И девочка-подросток у дороги
Сидит себе одна и равнодушно,
С привычной скукой, смотрит на закат:
На солнце, уходящее за пашню,
На блеск лучей над темным косогором.
Наморщив лоб от ветра, вся в лохмотьях,
Она следит в безлюдье за холодным,
Печальным солнцем, тенью от холма
И алой пылью, веющей с дороги
Из-под копыт кобылы, – то молчит,
То будто грезит, – что-то напевает...
Какая глушь! Какая скудость жизни!
Какие заунывные напевы!

Вот вечереет, солнце в тучку село,
Темнеет в котловине, ветер дует,
И ночь идет... Пошли господь бродягам
Не думать днем и не слышать, как ночью
Шатается в сухом бурьяне ветер
И что-то шепчет, словно в забыти!
Спи под кибиткой, девочка! Проснешься –
Буди отца больного, запрягай –
И снова к путь... А для чего, кто скажет?
Жизнь, как могила в поле, молчалива.

1902

Забытый фонтан

Рассыпался чертог из янтаря, –
Из края в край сквозит аллея к дому.
Холодное дыханье сентября
Разносит ветер по саду пустому.

Он замечает листьями фонтан,
Взвевает их, внезапно налетая,
И, точно птиц испуганная стая,
Кружат они среди сухих полян.

Порой к фонтану девушка приходит,
Влача по листьям спущенную шаль,
И подолгу очей с него не сводит...

В ее лице – застывшая печаль,
По целым дням она, как призрак, бродит,
А дни бегут... Им никого не жаль.

1902

Мороз

Так ярко звезд горит узор,
Так ясно Млечный Путь струится,
Что занесенный снегом двор
Весь и блестит и фосфорится.

Свет серебристо-голубой,
Свет от созвездий Ориона,

Как в сказке, льется над тобой
На снег морозный с небосклона.

И фосфором дымится снег,
И видно, как мерцает нежно
Твой ледяной душистый мех,
На плечи кинутый небрежно,

Как серьги длинные блестят,
И потемневшие зеницы
С восторгом жадности глядят
Сквозь серебристые ресницы.

21. VII.03

Норд-остом жгут пылающие зори...

Норд-остом жгут пылающие зори.
Острей горит Вечерняя звезда.
Зеленое взволнованное море
Еще огромней, чем всегда.
Закат в огне, звезда дрожит алмазом.
Нет, рыбаки воротятся не все!
Ледяно-белым, страшным глазом
Маяк сверкает на косе.

25. VIII.03

На окне, серебряном от инея,
За ночь хризантемы расцвели.
В верхних стеклах – небо ярко-синее
И застреха в снеговой пыли.

Всходит солнце, бодрое от холода,
Золотится отблеском окно.
Утро тихо, радостно и молодо.
Белым снегом все запушено.

И все утро яркие и чистые
Буду видеть краски в вышине,
И до полдня будут серебристые
Хризантемы на моем окне.

VIII.03

Ковсерь

Мы дали тебе Ковсерь.
Коран.

Здесь царство снов, На сотни верст безлюдны
Солончаков нагие берега.
Но воды в них – небесно-изумрудны
И шелк песков белее, чем снега.

В шелках песков лишь сизые полыни
Растит аллах для кочевых отар,

и небеса здесь несказанно сини,
и солнце в них – как адский огонь, Сакар.

и в знойный час, когда мираж зеркальный
Сольет весь мир в один великий сон,
в безбрежный блеск, за грань земли печальной,
в сады Джиннат уносит душу он.

А там течет, там льется за туманом
Река всех рек, лазурная Ковсерь,
и всей земле, всем племенам и странам
Сулит покой. Терпи, молись – и верь.

1903

Звезды горят над безлюдной землею...

Звезды горят над безлюдной землею,
царственно блещет святое созвездие Пса:
Вдруг потемнело – и огненно-красной змеею
кто-то прорезал над темной землей небеса.

Путник, не бойся! В пустыне чудесного много.
Это не вихри, а джины тревожат ее,
Это архангел, слуга милосердного бога,
В демонов ночи метнул золотое копье,

1903

Ночь Аль-Кадра

В эту ночь ангелы сходят с неба.
Коран.

Ночь Аль-Кадра. Сошлись, слились вершины,
И выше к небесам воздвиглись их чалмы.
Пел муэzzин. Еще алеют льдины,
Но из теснин, с долин уж дышит холод тьмы.

Ночь Аль-Кадра. По темным горным склонам
Еще спускаются, слоятся облака.
Пел муэzzин. Перед Великим Троном
Уже течет, дымись. Алмазная Река.

И Гавриил – неслышно и незримо –
Обходит спящий мир. Господь, благослови
Незримый путь святого пилигрима
И дай земле твоей ночь мира и любви!

1903

Далеко на севере Капелла...

Далеко на севере Капелла
Плещет семицветным огоньком,
И оттуда, с поля, тянет ровным,
Ласковым полуночным теплом.
За окном по лопухам чернеет
Тень от крыши; дальше, на кусты

и на жнивье, лунный свет ложится,
Как льняные белые холсты.

1903

Там, на припеке, спят рыбацкие ковши...

Там, на припеке, спят рыбацкие ковши;
Там низко над водой склоняются кистями
Темно-зеленые густые камыши;
Полдневный ветерок змеистыми струями

Порой зашелестит в их потайной глуши,
да чайка вдруг блеснет серебристыми крылами
С плаксивым возгласом тоскующей души –
и снова плавни спят, сияя зеркалами.

Над тонким их стеклом, где тонет небосвод,
нередко облако восходит и глядится
блистающим столбом в зеркальный сон болот –

и как светло тогда в бездонной чаше вод!
Как детски верится, что в бездне их таится
какой-то дивный мир, что только в детстве снится!

1903

Обрыв яйлы. Как руки фурий...

Обрыв яйлы. Как руки фурий,
Торчит над бездною из скал
Колючий, искривленный бурей,
Сухой и звонкий астрагал.

И на заре седой орленок
Шипит в гнезде, как василиск,
Завидев за морем спросонок
В тумане сизом красный диск.

1903

Канун Купалы

Не туман белеет в темной роще,
Ходит в темной роще богоматерь,
По зеленым взгорьям, по долинам
Собирает к ночи божьи травы.

Только вечер им остался сроку,
Да и то уж солнце на исходе:
Застят ели черной хвоей запад,
Золотой иконостас заката.

Уж в долинах сыро, пали тени,
Уж луга синеют, пали росы,
Пахнет под росой медуница,
Золотой венец по роще светит.

Как туман, бела ее одежда,
Голубые очи точно звезды.
Соберет она цветы и травы
И снесет их к божьему престолу.

Скоро ночь – им только ночь осталась,
А наутро срежут их косами,
А не срежут – солнце сгубит зноем.
Так и скажет сыну богоматерь:

«Погляди, возлюбленное чадо,
Как земля цвела и красовалась!
Да недолог пек земным утехам:
В мире Смерть, она и Жизнью правит».

Но Христос ей молвит: «Мать! не солнце,
Только землю тьма ночная кроет:
Смерть не семя губит, а срезает
Лишь цветы от семени земного.

И земное семя не иссякнет.
Скосит Смерть – Любовь опять посеет.
Радуйся. Любимая! Ты будешь
Утешаться до скончанья века!»

1903

Диза

Вечернее зимнее солнце
И ветер меж сосен играют,
Алеют снега, а в светлице
Янтарные пятна мелькают.

Мохнатые тени от сосен,
Играя, сквозят позолотой
И по столу ходят; а Диза
В светлице одна, за работой.

На бронзу волос, на ланиты,
На пальцы и руки широко
Вечернее льется сиянье,
А думы далеко, далеко.

Тяжелое зимнее море
Грохочет за фьордом в утесах,
И стелется по ветру пена
И стынет на снежных откосах;

Качаются с криками чайки
И падают в пену и тают...
Но звонкой весенней слюдою
Давно уж откосы блистают!

Пусть ночи пожарами светят
И рдеют закаты, как раны,
Пусть ветер бушует, – он с юга,
Он гонит на север туманы!

Обращение сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Пусть милый далеко, – он верен...

И вот на вечернее солнце,
На снег, на зеленые ветви
Она загляделась в оконце.

Забыты узоры цветные,
Забыты точеные пальцы,
И тихо косою играют
Прозрачные тонкие пальцы.

И тихо алеют ланиты,
Синяя, как снег, белизною,
И взоры так мягки и яркие,
Как синее небо весною.

<1903>

Запустение

Домой я шел по скату вдоль Оки,
По перелескам, берегам нагорным,
Любуясь сталью вьющейся реки
И горизонтом низким и просторным.
Выл теплый, тихий, серенький денек,
Среди берез желтел осинник редкий,
И даль лугов за их прозрачной сеткой
Синела чуть заметно – как намек.
Уже давно в лесу замолкли птицы,
Свистели и шуршали лишь синицы.

Обращение сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Я уставал, кругом все лес пестрел,

Но вот на перевале, за лощиной,
Фруктовый сад листвою покраснел,
И глянул флигель серою руиной.
Глеб отворил мне двери на балкон,
Поговорил со мною в позе чинной,
Принес мне самовар – и по гостиной
Полился нежный и печальный стон.
Я в кресло сел, к окну, и, отдыхая,
Следил, как замолкал он, потухая.

В тиши звенел он чистым серебром,
А я глядел на клены у балкона,
На вишенник, красневший под бугром...
Вдали синели тучки небосклона
И умирал спокойный серый день,
Меж тем как в доме, тихом, как могила,
Неслышно одиночество бродило
И реяла задумчивая тень.
Пел самовар, а комната беззвучно
Мне говорила: «Пусто, брат, и скучно!»

В соломе, возле печки, на полу,
Лежала груда яблок; паутины
Под образом качались в углу,
А у стены темнели клавесины.
Я тронул их – и горестно в тиши
Раздался звук. Дрожащий, романтический,
Он жалок был, но я душой привычной
В нем уловил напев родной души:
На этот лад, исполненный печали,
Когда-то наши бабушки певали.

Чтоб мрак спугнуть, я две свечи зажег,
И весело огни их заблестели,
И побежали тени в потолок,
А стекла окон сразу посинели...
Но отчего мой домик при огне
Стал и бедней и меньше? О, я знаю –
Он слишком стар... Пора родному краю
Сменить хозяев в нашей стороне.
Нам жутко здесь. Мы все в тоске, в тревоге...
Пора свести последние итоги.

Печален долгий вечер в октябре!
Любил я осень позднюю в России.
Любил лесок багряный на горе,
Простор полей и сумерки глухие,
Любил стальную, серую Оку,
Когда она, теряясь лентой длинной
В дали лугов, широкой и пустынной,
Мне навевала русскую тоску...
Но дни идут, наскучило ненастье –
И сердце жаждет блеска дня и счастья.

Томит меня немая тишина.
Томит гнезда немного запустенье.
Я вырос здесь. Но смотрит из окна
Заглохший сад. Над домом реет тленье,
И скупое в нем мерцает огонек.
Уж свечи нагорели и темнеют,
И комнаты в молчанье цепенеют,
А ночь долга, и новый день далек.
Часы стучат, и старый дом беззвучно
Мне говорит: «Да, без хозяев скучно!

Мне на покой давно, давно пора...
Поля, леса – все глохнет без заботы...
Я жду веселых звуков топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучих рук и смелых голосов!
Я жду, чтоб жизнь, пусть даже в грубой силе,
Вновь расцвела из праха на могиле,
Я изнемог, и мертвый стук часов
В молчании осенней долгой ночи
Мне самому внимать нет больше мочи!»

1903

Одиночество (И ветер, и дождик, и мгла...)

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один – без жены...

Сегодня идут без конца

Те же тучи – гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила – и стал ей чужой.
Что ж! камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

<1903>

Сумерки (как дым, седая мгла мороза...)

Как дым, седая мгла мороза
Застыла в сумраке ночном.
Как привидение, береза
Стоит, серея, за окном.

Таинственно в углах стемнело,
Чуть светит печь, и чья-то тень
Над всем простерлася несмело, –
Грусть, провожающая день,

Грусть, разлитая на закате
В полупомеркнувшей золе,
И в тонком теплом аромате

Сгоревших дров, и в полумгле,

И в тишине, – такой угрюмой,
Как будто бледный призрак дня
С какою-то глубокой думой
Глядит сквозь сумрак на меня.

1903

Полярная звезда

Свой дикий чум среди снегов и льда
Воздвигла Смерть. Над чумом – ночь полгода.
И бледная Полярная Звезда
Горит недвижно в бездне небосвода.

Вглядись в туманный призрак. Это Смерть.
Она сидит близ чума, устремила
Незрячий взор в полуночную твердь –
И навсегда Звезда над ней застыла.

1904

Развалины

Над синим портом – серые руины
Остатки древней греческой тюрьмы
На юг – морские зыбкие равнины,

На север – голые холмы.

В проломах стен – корявые оливы
И дреза, сопутница руин,
А под стенами – красные обрывы
И волн густой аквамарин.

Угрюмо здесь, в сырых подземных кельях;
Н весело тревожить сон темниц,
Перекликаться с эхом в подземельях
И видеть небо из бойниц!

Давно октябрь, но не уходит лето:
Уж на холмах желтеет шелк травы,
Но воздух чист – и сколько в небе света,
А в море нежной синевы!

И тихи, тихи старые руины.
И целый день, под мерный шум валов,
Слежу я в море парус бригаантины,
А в небесах – круги орлов.

И усыпляет моря шум атласный.
И кажется, что в мире жизни нет:
Есть только блеск, лазурь и воздух ясный,
Простор, молчание и свет.

1903–1904

В полях, далеко от усадьбы,
Зимует просяной омет.
Там табунутся волчьи свадьбы,
Там клочья шерсти и помет.
Воловьѣ ребра у дороги
Торчат в снегу – и спал на них
Сапсан, стервятник космоногий,
Готовый взвиться каждый миг.

Я застрелил его. А это
Грозит бедой. И вот ко мне
Стал гость ходить. Он до рассвета
Вкруг дома бродит при луне.
Я не видал его. Я слышал
Лишь хруст шагов. Но спать невмочь.
На третью ночь я в поле вышел...
О, как была печальна ночь!

Когтистый след в снегу глубоком
В глухие степи вел с гумна.
На небе мглистом и высоком
Плыла холодная луна.
За валом, над привадой в яме,
Серб маячила ветла.
Даль над пустынными полями
Была таинственно светла.

Облитый этим странным светом,
Подавлен мертвой тишиной,
Я стал – и бледным силуэтом

По небесам, в туманной мути,
Сияя, лунный лик нырял
и серебристым блеском ртути
Слюду по насту озарял.

Кто был он, этот полуночный
Незримый гость? Откуда он
Ко мне приходит в час урочный
через сугробы на балкон?
Иль он узнал, что я тоскую,
что я один? что в дом ко мне
Лишь снег да небо в ночь немую
Глядят из сада при луне?

Быть может, он сегодня слышал,
Как я, покинув кабинет,
По темной зале в спальню вышел,
Где в сумраке мерцал паркет,
Где в окнах небеса синели,
А в этой сини четко встал
Черно-зеленый конус ели
и острый Сириус блистал?

Теперь луна была в зените,
На небе плыл густой туман...
я ждал его, – я шел к ракете
По насту снеговых полян,
и если б враг мой от привады
внезапно прянул на сугроб, –
я б из винтовки без пощады
пробил его широкий лоб.

Но он не шел. Луна скрывалась,
Луна сияла сквозь туман,
Бежала мгла... И мне казалось,
Что на снегу сидит Сапсан.
Морозный иней, как алмазы,
Сверкал на нем, а он дремал,
Седой, зобастый, круглоглазый,
И в крылья голову вжимал.
И был он страшен, непонятен,
Таинственен, как этот бег
Туманной мглы и светлых пятен,
Порою озарявших снег, –
Как воплотившаяся сила
Той Воли, что в полночный час
Нас страхом всех соединила –
И сделала врагами нас.

9.1.05

Русская весна

Скучно в лощинах березам,
Туманная муть на полях,
Конским размокшим навозом
В тумане чернеется шлях.

В сонной степной деревушке
Пахучие хлебы пекут.
Медленно две побирушки
По деревушке бредут.

Там, среди улицы, лужи,
Зола и весенняя грязь,
В избах угар, а снаружи
Завалинки тлеют, дымясь.

Жмурясь, сидит у амбара
Овчарка на ржавой цепи.
В избах – темно от угара.
Туманно и тихо – в степи.

Только петух беззаботно
Весну воспевает весь день.
В поле тепло и дремотно,
А в сердце счастливая лень.

10.1.05

Старик сидел, покорно и уныло...

Старик сидел, покорно и уныло
Поднявши брови, в кресле у окна.
На столике, где чашка чаю стыла,
Сигара нагоревшая струила
Полоски голубого волокна.

Был зимний день, и на лицо худое,
Сквозь этот легкий и душистый дым,
Смотрело солнце вечно молодое,
Но уж его сиянье золотое

На запад шло по комнатам пустым.

Часы в углу своею четкой мерой
Отмеривали время... На закат
Смотрел старик с беспомощною верой...
Рос на сигаре пепел серый,
Струился сладкий аромат.

23. VII.05

В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины...

В гостиную, сквозь сад и пыльные гардины,
Струится из окна веселый летний свет,
Хрустальным золотом ложась на клавишины,
На ветхие ковры и выцветший паркет.

Вкруг дома глушь и дичь. Там клены и осины,
Приюты горлинок, шиповник, бересклет...
А в доме рухлядь, тлен: повсюду паутины,
Все двери заперты... И так уж много лет.

В глубокой тишине, таинственно сверкая,
Как мелкий перламутр, беззвучно моль плывет.
По стеклам радужным, как бархатка сухая,
Тревожно бабочка лиловая снует.

Но фортки нет в окне, и рама в нем – глухая.
Тут даже моль недолго наживет!

29. VII.05

Осень. Чащи леса...

Осень. Чащи леса.
Мох сухих болот.
Озеро белесо.
Бледен небосвод.

Отцвели кувшинки,
И шафран отцвел.
Выбиты тропинки,
Лес и пуст и гол.

Только ты красива,
Хоть давно суха,
В кочках у залива
Старая ольха.

Женственно глядишься
В воду в полусне –
И засеребришься
Прежде всех к весне.

1905

Бегут, бегут листы раскрытой книги...

Бегут, бегут листы раскрытой книги,
Бегут, струятся к небу тополя,
Гул молотьбы слышней идет из риги,
Дохнули ветром рощи и поля.
Помещик встал и, окна закрывая,
Глядит на юг... Но туча дождевая
Уже прошла. Опять покой и лень.
В горячем свете весело и сухо
Блестит листвой под окнами сирень;
Зажглась река, как золото; старуха
Несет сажать махотки на плетень;
Кричит петух; в крапиву за наседкой
Спешит десяток желтеньких цыплят...
И тени штор узорной легкой сеткой
По конскому лечебнику пестрят.

1905

Все море – как жемчужное зеркало...

Все море – как жемчужное зеркало,
Сирень с отливом млечно-золотым.
В дожде закатном радуга сияла.
Теперь душист над саклей тонкий дым.

Вон чайка села в бухточке скалистой, –
Как поплавок. Взлетает иногда,
И видно, как струею серебристой
Сбегает с лапок розовых вода.

У берегов в воде застыли скалы,
Под ними светит жидкий изумруд,
А там, вдали – и жемчуг, и опалы
По золотистым яхонтам текут.

1905

Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...

Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном:
В черном узоре ветвей – месяца рог золотой.
Слышу, поют петухи. Узнаю по напевам печальным
Поздний, таинственный час. Выйду на снег, на крыльцо.

Замерло все и застыло, лучатся жестокие звезды,
Но до костей я готов в легком промерзнуть меху,
Только бы видеть тебя, умирающий в золоте месяц,
Золотом блещущий снег, легкие тени берез

И самоцветы небес: янтарно-зеленый Юпитер,
Сириус, дерзкий сапфир, синим горящий огнем,
Альдебарана рубин, алмазную цепь Ориона
И уходящий в моря призрак серебристый – Аргон.

1905

Густой зеленый ельник у дороги...

Густой зеленый ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шел олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь елку гнул и белым зубом скреб –
И много хвойных крестиков, остинок
Осыпалось с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг – прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон – и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной.
Он красоту от смерти уносил!

1905

Стамбул

Облезлые худые кобели
С печальными, молящими глазами –
Потомки тех, что из степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Был победитель славен и богат,
И затопил он шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьград.
И предался, как сытый лев, покою.

Но дни летят, летят быстрее птиц!
И вот уже в Скутари на погосте
Чернеет лес, и тысячи гробниц
Белеют в кипарисах, точно кости.

И прах веков упал на прах святынь.
На славный город, ныне полудикий.
И вой собак звучит тоской пустынь
Под византийской ветхой базиликой.

И пуст Сераль, и смолк его фонтан,
И высохли столетние деревья...
Стамбул, Стамбул! Последний мертвый стан
Последнего великого кочевья!

1905

Тонет солнце, рдяным углем тонет...

Тонет солнце, рдяным углем тонет
За пустыней сизой. Дремлет, клонит
Головы баранта. Близок час:

Мы проводим солнце, обувь скинем

Обращение сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
И свершим под звездным, темным, синим

Милосердным небом свой намаз.

Пастухи пустыни, что мы знаем!

Мы, как сказки детства, вспоминаем

Минареты наших отчих стран.

Разверни же, Вечный, над пустыней

На вечерней тверди темно-синей

Книгу звезд небесных – наш Коран!

И, склонив колени, мы закроем

Очи в сладком страхе, и омоем

Лица холодеющим песком,

И возвысим голос, и с мольбою

В прахе разольемся пред тобою,

Как волна на берегу морском.

1915

Ра-Озирис, владыка дня и света...

Ра-Озирис, владыка дня и света,

Хвала тебе! Я, бог пустыни, Сет,

Горжусь врагом: ты, побеждая Сета,

В его стране царил пять тысяч лет.

Ты славен был, твоя ладья воспета

Шел бог пустынь, бог древнего завета –
И вот, о Ра, плоды твоих побед:

Безносый сфинкс среди полей Гизеха,
Ленивый Нил да глыбы пирамид,
Руины Фив, где гулко бродит эхо,
Да письмена в куски разбитых плит.

Да обелиск в блестящей политуре,
Да пыль песков на пламенной лазури.

1905

Тэмджид

Он не спит, не дремлет.
Коран.

В тихом старом городе Скутари,
Каждый раз, как только надлежит
Быть средние ночи, – раздается
Грустный и задумчивый Тэмджид.

На середине между ранним утром
И вечерним сумраком встают
Дервиши джелвети и на башне
Древний гимн, святой Тэмджид поют.

Спят сады и спят гробницы в полночь,
Спит Скутари. Все, что спит, молчит.

Но под звездным небом с темной башни
Не для спящих этот гимн звучит:

Есть глаза, чей скорбный взгляд с тревогой,
С тайной мукой в сумрак устремлен,
Есть уста, что страстно и напрасно
Призывают благодатный сон.

Тяжела, темна стезя земная.
Но зачтется в небе каждый вздох:
Спите, спите! Он не спит, не дремлет,
Он вас помнит, милосердый бог.

<1905>

С острогой

Костер трещит. В фелюке свет и жар.
В воде стоят и серебруются щуки,
Белеет дно... Бери трезубец в руки
И не спеши. Удар! Еще удар!

Но поздно. Страсть – как сладостный кошмар.
Но сил уж нет, противны кровь и муки...
Гаси, гаси – вали с борта фелюки
Костер в лиман... И чад, и дым, и пар!

Теперь легко, прохладно. Выступают
Туманные созвездья в полутьме.

И вверх лицом ложусь я на корме.

Плыть — до зари, но в море путь не скучен.

Я задремлю под ровный стук уключин.

<1905>

Призраки

Нет, мертвые не умерли для нас!
Есть старое шотландское преданье,
Что тени их, незримые для глаз,
В полночный час к нам ходят на свиданье,

Что пыльных арф, висящих на стенах,
Таинственно касаются их руки
И пробуждают в дремлющих струнах
Печальные и сладостные звуки.

Мы сказками предания зовем,
Мы глухи днем, мы дня не понимаем;
Но в сумраке мы сказками живем
И тишине доверчиво внимаем.

Мы в призраки не верим; но и нас
Томит любовь, томит тоска разлуки...
Я им внимал, я слышал их не раз,
Те грустные и сладостные звуки!

<1903–1905>

Неугасимая лампада

Она молчит, она теперь спокойна.
Но радость не вернется к ней: в тот день,
Когда его могилу закидали
Сырой землей, простилась с вею радость.

Она молчит, – ее душа теперь
Пуста, как намогильная часовня,
Где над немой гробницей день и ночь
Горит неугасимая лампада.

<1903–1905>

Вершина

Леса, скалистые теснины –
И целый день, в конце теснин,
Громада снеговой вершины
Из-за лесных глядит вершин.

Селений нет, ущелья дики,
Леса синеют и молчат,
И серых скал нагие пики
На скатах из лесов торчат.

Но целый день, – куда ни кину
Вдоль по горам смущенный взор, –
Лишь эту белую вершину
Повсюду вижу из-за гор.

Она полнеба заступила,
За облака ушла венцом –
И все смирилось, все застыло
Пред этим льдистым мертвецом.

<1903–1905>

Тропами потаенными

Тропами потаенными, глухими,
В лесные чащи сумерки идут.
Засыпанные листьями сухими,
Леса молчат – осенней ночи ждут.

Вот крикнул сыч в пустынном буераке...
Вот темный лист свалился, чуть шурша...
Ночь близится: уж реет в полумраке
Ее немая, скорбная душа.

<1903–1905>

В открытом море

В открытом море – только небо,
Вода да ветер. Тяжело
Идет волна, и низко кренит
Фелюка серое крыло.

В открытом море ветер гонит
То свет, то тень – и в облака
Сквозит лазурь... А ты забыта,
Ты бесконечно далека!

Но волны, пенясь и качаясь,
Идут, бегут навстречу мне
И кто-то синими глазами
Глядит в мелькающей волне.

И что-то вольное, живое,
Как эта синяя вода,
Опять, опять напоминает
То, что забыто навсегда!

<1903–1905>

Сквозь ветви

Осень листья темной краской метит:
Не уйти им от своей судьбы!
Но светло и нежно небо светит
Сквозь нагие черные дубы,

Что-то неземное обещает,
К тишине уводит от забот –
И опять, опять душа прощает
Промелькнувший, обманувший год!

<1903–1905>

Судра

Жизнь впереди, до старости далеко,
Но вот и я уж думаю о ней...
О, как нам будет в мире одиноко!
Как грустно на закате дней!

Умершие оставили одежды –
Их носит бедный Судра. Так и мне
Оставит жизнь не радость и надежды,
А только скорбь о старине.

Мы проживем, быть может, не напрасно;
Но тем больнее будет до конца
С улыбкою печальной и безгласной
Влачить одежды мертвеца!

<1903–1905>

Океаниды

В полдневный зной, когда на щебень,
На валуны прибрежных скал,
Кипя, встает за гребнем гребень,
Крутясь, идет за валом вал, –

Когда изгиб прибоя блещет
Зеркально-вогнутой грядой
И в нем сияет и трепещет
От гребня отблеск золотой, –

Как весел ты, о буйный хохот
Звонящий смех Океанид,
Под этот влажный шум и грохот
Летящих в пене на гранит!

Как звучно море под скалами
Дробит на солнце зеркала
И в пене, вместе с зеркалами,
Клубит их белые тела!

<1903–1905>

Черный камень Каабы

Он драгоценной яшмой был когда-то,
Он был неизреченной белизны –
Как цвет садов блаженного Джинната,
Как горный снег в дни солнца и весны.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Дух Гавриил для старца Авраама

Его нашел среди песков и скал,
И гении хранили двери храма,
Где он жемчужной грудой сверкал.

Но шли века – со всех концов вселенной
К нему неслись молитвы, я рекой
Текли во храм, далекий и священный,
Сердца, обремененные тоской...

Аллах! Аллах! Померк твой дар бесценный –
Померк от слез и горести людской!

<1903–1906>

Гробница Сафии

Горный ключ по скатам и оврагам,
Полусонный, убегает вниз.
Как чернец, над белым саркофагом
В синем небе замер кипарис.

Нежные, как девушки, мимозы
Льют под ним узор своих ветвей,
И цветут, благоухают розы
На кустах, где плачет соловей.

Ниже – дикий берег и туманный,
Еле уловимый горизонт:
Там простор воздушный и безгранный,

Голубая бездна – Геллеспонт.

Мир тебе, о юная! Смиренно
я целую белое тюрбэ:
Пять веков бессмертна и нетленна
На Востоке память о тебе.

Счастлив тот, кто жизнью мир пленяет.
Но стократ счастливей тот, чей прах
Веру в жизнь бессмертную вселяет
И цветет легендами в веках!

<1903–1906>

Новый год

Ночь прошла за шумной встречей года...
Сколько сладкой муки! Сколько раз
я ловил, сквозь блеск огней и говор,
Быстрый взгляд твоих влюбленных глаз!

Вышли мы, когда уже светало
И в церквах затеплились огни...
О, как мы любили! Как томились!
Но и здесь мы были не одни.

Молча шла ты об руку со мною
По середине улиц. Городок
Точно вымер. Мягко веял влажный

Но подъезд уж близок. Вот и двери...
О, прощальный милый взгляд! «Хоть раз,
Только раз прильнуть к тебе всем сердцем
В этот ранний, в этот сладкий час!»

Но сестра стоит, глядит бесстрастно.
«Доброй ночи!» Сдержанный поклон,
Стук дверей – и я один. Молчанье,
Бледный сумрак, предрассветный звон...

<1906>

Из окна

Ветви кедра – вышивки зеленым
Темным плюшем, свежим и густым,
А за плюшем кедра, за балконом –
Сад прозрачный, легкий, точно дым:

Яблони и сизые дорожки,
Изумрудно-яркая трава,
На березах – серые сережки
И ветвей плакучих кружева,

А на кленах – дымчато-сквозная
С золотыми мушками вуаль,
А за ней – долинная, лесная,
Голубая, тающая даль.

<1906>

Змея (Покуда март гудит в лесу по голым...)

Покуда март гудит в лесу по голым
Снастям ветвей, – бесцветна и плоска,
Я сплю в дупле. Я сплю в листе тяжелым,
Холодным сном – и жду: весна близка.

Уж в облаках, как синие оконца,
Сквозит лазурь... Подсохло у корней,
И мотылек в горячем свете солнца
Припал к листе... Я шевелюсь под ней,

Я развиваю кольца, опьяняюсь
Теплом лучей... Я медленно ползу –
И вновь цвету, горю, меняюсь,
Ряжусь то в медь, то в сталь, то в бирюзу.

Где суше лес, где много пестрых листьев
И желтых мух, там пестрый жгут – змея.
Чем жарче день, чем мухи золотистей –
Тем ядовитей я.

<1906>

Песня (я – простая девка на баштане...)

я – простая девка на баштане,
Он – рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море –
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь – с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

<1903–1906>

Детская

От пихт и елей в горнице темней,
Скучней, старинней. Древнее есть что-то
В уборе их. И вечером красней
Сквозь них зари морозной позолота.

Узорно-легкой, мягкой бахромой
Лежит их тень на рдеющих обоях –
И грустны, грустны сумерки зимой
В заброшенных помещичьих покоях!

Сидишь и смотришь в окна из угла
И думаешь о жизни старосветской...
Увы! Ведь эта горница была
Когда-то нашей детской!

<1903–1906>

Донник

Брат, в запыленных сапогах,
Швырнул ко мне на подоконник
Цветок, растущий на парах,
Цветок засухи – желтый донник.

Я встал от книг и в степь пошел...
Ну да, все поле – золотое,
И отовсюду точки пчел
Плывут в сухом вечернем зное.

Толчется сеткой мошкарка,
Шафранный свет над полем реет –
И, значит, завтра вновь жара
И вновь сухмень. А хлеб уж зреет.

Да, зреет и грозит нуждой,
Быть может, голодом... И все же
Мне этот донник золотой
На миг всего, всего дороже!

<1903–1906>

У шалаша

Распали костер, сумей
Разозлить его блестящих,
Убегающих, свистящих
Золотых и синих змей!

Ночь из тьмы пустого сада
Дышит холодом прудов,
Прелых листьев и плодов –
Ароматом листопада.

Здесь же яркий зной и свет,
Тени пляшут по аллеям,
И бегущим жарким змеям,
Их затеям – счета нет!

<1903–1906>

Эсхил

Я содрогаюсь, глядя на твои
Черты немые, полные могучей
И строгой мысли. С древней простотой
Изваян ты, о старец. Бесконечно
Далеки дни, когда ты жил, и мифом

Теперь те дни нам кажутся. Ты страшен
Их древностью. Ты страшен тем, что ты,
Незримый в мире двадцать пять столетий,
Незримо в нем присутствуешь доньше,
И пред твоею славой легендарной
Бессильно Время. – Рок неотвратим,
Все в мире предначертано Судьбою,
И благо поклоняющимся ей,
Всесильной, осудившей на забвенье
дела всех дел. Но ты пред Адрастеей
Склонил чело суровое с таким
Величием, с такою мощью духа,
Какая подобает лишь богам
Да смертному, дерзнувшему впервые
Восславить дух и дерзновенье смертных!

<1903–1906>

У берегов Малой Азии

Здесь царство Амазонок. Были дики
их буйные забавы. Много дней
Звучали здесь их радостные клики
и ржание купавшихся коней.

Но век наш – миг. И кто укажет ныне,
Где на пески ступала их нога?
Не ветер ли среди морской пустыни?
Не эти ли нагие берега?

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Давно унес, развеял ветер южный

Их голоса от этих берегов...

Давно слизал, размыл прибой жемчужный

С сырых песков следы подков...

1903–1906

Золотой невод

Волна ушла – блещет, как золотые.

На солнце валуны.

Волна идет – как из стекла литые.

Идут бугры волны.

По ним скользит, колышется медуза,

Живой морской цветок...

Но вот волна изнемогла от груза

И пала на песок.

Зеркальной зыбью блещет и дробится,

А солнце под водой

По валунам скользит и шевелится,

Как невод золотой.

1903–1906

Новоселье

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Весна! Темнеет над аулом.

Свет фиолетовый мелькнул –
Игорный кряж стократным гулом
Ответил на громовый гул.

Весна! Справляя новоселье,
Она веселый катит гром,
И будит звучное ущелье.
И сыплет с неба серебром.

<1903–1906>

На обвале

Печальный берег! Сизые твердыни
Гранитных стен до облака встают,
А ниже – хаос каменной пустыни,
Лавина щебня, дьявола приют.

Но нищета смиренна. Одиноко
Она ушла на берег – и к скале
Прилипла сакля... Верный раб пророка
Довольствуется малым на земле.

И вот – жилье. Над хижинкой убогой
Дымок синеет... Прыгает коза...
И со скалы, нависшей над дорогой,
Блестят агатом детские глаза.

1903–1906

К востоку

Вот и скрылись, позабылись снежных гор чалмы.
Зной пустыни, путь к востоку, мертвые холмы.

Каменистый, красно-серый, мутный океан
На восток уходит, в знойный, в голубой туман.

И все жарче, шире веет из степей теплынь,
И все суше, слаще пахнет горькая полынь.

И холмы все безнадежней. Глина, роговик...
День тут светел, бесконечен, вечер синь и дик.

И едва стемнеет, смеркнет, где-то между скал,
Как дитя, как джинн пустыни, плачется шакал,

И на мягких крыльях совки трепетно парят,
И на тусклом небе звезды сумрачно горят.

1903–1906

Путеводные знаки

Он ставит путеводные знаки.
Коран.

Бог для ночных паломников в Могребе
Зажег огни – святыя звезды Пса.
Привет тебе, сверкающая в небе
Алмазно-синяя роса!

Путь по пескам от Газы до Арима
Бог оживил приметами, как встарь.
Привет вам, камни – четки пилигрима,
В пустыне ведущие Агарь!

Костями бог усеял все дороги,
Как след гиен среди ущелий Ти.
Привет вам, почивающие в боге,
Нам проторившие пути!

<1903–1906>

Мудрым

Герой – как вихрь, срывающий палатки,
Герой врагу безумный дал отпор,
Но сам погиб – сгорел в неравной схватке,
Как искрометный метеор.

А трус – живет. Он тоже месть лелеет,
Он точит меткий дротик, но тайком.
О да, он – мудр! Но сердце в нем чуть тлеет:
Как огонек под кизяком.

Зеленый стяг

Ты почишь в ларце, в драгоценном ковчеге,
Ветхий деньми, Эски,
Ты, сзывавший на брань и святые набег
Чрез моря и пески.

Ты уснул, но твой сон – золотые виденья.
Ты сквозь сорок шелков
Дышишь запахом роз и дыханием тленья –
Ароматом веков.

Ты покоишься в мире, о слава Востока!
Но сердца покори Ты навек.
Не тебя ль над главою пророка
Воздвигал Гавриил?

И не ты ли царишь над Востоком доныне?
Развернися, восстань –
И восстанет Ислам, как самумы пустыни,
На священную брань!

Проклят тот, кто велений Корана не слышит.
Проклят тот, кто угас
Для молитвы и битв, – кто для жизни не дышит,
Как бесплодный Геджас.

Ангел смерти сойдет в гробовые пещеры, –

Ангел смерти сквозь тьму
Вопрошает у мертвых их символы веры:
Что мы скажем ему?

<1903–1906>

Огромный, красный, старый пароход...

Огромный, красный, старый пароход
У мола стал, вернувшись из Сиднея.
Белеет мол и, радостно синяя,
Безоблачный сияет небосвод.

В тиши, в тепле, на солнце, в изумрудной
Сквозной воде, склонясь на левый борт,
Гигант уснул. И спит пахучий порт,
Спят грузчики. Белеет мол безлюдный.

В воде прозрачной виден узкий киль.
Весь в ракушках. Их слой зелено-ржавый
Нарос давно... У Суматры, у Явы,
В Великом океане... в зной и штиль.

Мальчишка-негр в турецкой грязной феске
Висит в бадье, по борту, красит бак –
И от воды на свежий красный лак
Зеркальные восходят арабески.

И лак блестит под черною рукой,

Сквозь сон поет... Простой напев Судана
Звучит в тиши всем чуждою тоской.

VIII.06

Луна еще прозрачна и бледна...

луна еще прозрачна и бледна,
чуть розовеет пепел небосклона,
и золотится берег. Уж видна
Тень кипариса у балкона.

Пойдем к обрывам. Млеющей волной
Вода переливается. И вскоре
из края в край под золотой луной
Затеплится и засияет море.

Ночь будет ясная, веселая. Вдали,
на рейде, две турецких бригантины.
Вот поднимают парус. Вот зажгли
Сигналы – изумруды и рубины.

Но ветра нет. И будут до зари
Они дремать и медленно качаться,
и будут в лунном свете фонари
Глазами утомленными казаться.

1906

и скрип и визг над бухтой, наводненной...

и скрип и визг над бухтой, наводненной
Буграми влаги пенисто-зеленой:
Как в забыти шатаются над ней
Кресты нагих запутанных снастей,
А чайки с криком падают меж ними,
Сверкая в ряях крыльями тугими,
иль белую яичной скорлупой
Скользят в воде зелено-голубой.
Еще бегут поспешно и высоко
Лохмотья туч, но ветер от востока
Уж дал горам лиловые цвета,
Чеканит грани снежного хребта
На синем небе, свежем и блестящем,
И сыплет в море золотом кипящим.

1906

Проснусь, проснусь – за окнами в саду...

Проснусь, проснусь – за окнами, в саду,
Все тот же снег, все тот же блеск полярный.
А в зале сумрак. Слушаю и жду:
И вот опять – таинственный, коварный,
Чуть слышный треск... Конечно, пол ильмышь.
Но как насторожишься, как следишь
За кем-то, притаившимся у двери
В повисшей без движения портъере!

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Но он молчит, он замер. Тюль гардин

Сквозит в голубоватом лунном блеске,
Да чуть мерцают — искорками льдин —
Под люстрой стеклянные подвески.

1906

Растет, растет могильная трава...

Растет, растет могильная трава
Зеленая, веселая, живая,
Омыла плиты влага дождевая,
И мох покрыл ненужные слова

По вечерам заплакала сова,
К моей душе забывчивой взывая,
И старый склеп, руина гробовая,
Таит укор... Но ты, земля, права!

Как нежны на алеющем закате
Кремль далеких синих облаков!
Как вырезаны крылья ветряков
За темною долиною на скате!

Земля, земля! Весенний сладкий зов!
Ужель есть счастье даже и в утрате.

1906

Геймдаль искал родник божественный...

Геймдаль искал родник божественный.
Геймдаль, ты мудрости алкал –
И вот настал твой час торжественный
В лесах, среди гранитных скал.

Они молчат, леса полночные,
Ручьи, журча, едва текут,
И звезды поздние, восточные
Их вещей говор стерегут.

И шлем ты снял – и холод счастья
По волосам твоим прошел:
Миг обручения, миг причастия
Как смерть был сладок и тяжел.

Теперь ты мудр. Ты жаждал знания –
И все забыл. Велик и прост,
Ты слышишь мхов произрастание
И дрожь земли при свете звезд.

1906

Дядька

За окнами – снега, степная гладь и ширь,
На переплетах рам – следы ночной пурги...
Как тих и скучен дом! Как съежился снегирь

От стужи за окном. – Но вот слуга. Шаги.

По комнатам идет седой костлявый дед,
Несет вечерний чай: «Опять глядишь в углы?
Небось все писем ждешь, депеш да эстафет?
Не жди. Ей не до нас. Теперь в Москве – балы».

Смутясь, глядит барчук на строгие очки,
На седину бровей, на розовую плешь...
– Да нет, старик, я так... Сыграем в дурачки,
Пораньше ляжем спать... Каких уж там депеш!

1906

Новый храм

По алтарям, пустым и белым,
Весенний ветер дул на нас,
И кто-то сверху капал мелом
На золотой иконостас.

И звучный гул бродил в колоннах,
Среди лесов. И по лесам
Мы шли в широких балахонах,
С кистями, в купол, к небесам.

И часто, вместе с малярами,
Там пели песни. И Христа,
Что слушал нас в веселом храме,

Нам все казалось, что под эти
Простые песни вспомнит он
Порог и солнце в Назарете,
Верстак и кубовый хитон.

1907

Нищий

Возноси хвалы при уходе звезд.
Коран.

Все сады в росе, но теплы гнезда –
Сладок птичий лепет, полусон.
Возноси хвалы – уходят звезды,
За горами заалел Гермон.

А потом, счастливый, босоногий,
С чашкой сядь под ивовый плетень:
Мир идущим пыльною дорогой!
Славьте, братья, новый божий день!

Дамаск, 1907

Каин

Баальбек воздвиг в безумии Каин.
Сирийск. предания.

Род приходит, уходит,
и земля пребывает вовек...
Нет, он строит, возводит
Храм бессмертных племен – Баальбек.

Он – убийца, проклятый,
Но из рая он дерзко шагнул.
Страхом Смерти объятый,
Все же первый в лицо ей взглянул.

жадно ищущий бога,
Первый бросил проклятье ему.
и, достигнув порога.
Пал, сраженный, увидевши – тьму.

Но и в тьме он восславит
Только Знание, Разум и Свет –
Башню Солнца поставит,
Вдавит в землю незыблемый след.

и глаза великана
Красной кровью свирепо горят,
и долины Ливана
Под великою ношей гудят.

Синекудрий, весь бурый,
Из пустыни и зноя литой,
Опоясан он шкурой,
Шкурой льва, золотой и густой.

Обращение сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Он спешит, он швыряет,

Он скалу на скалу громоздит.

Он дрожит, умирает...

Но творцу отомстит, отомстит!

<1906–1907>

Закон

Во имя бога, вечно всеблагого!

Он, давший для писания тростник,

Сказал: блюди написанное слово

И делай то, что обещал язык.

Приняв закон, прими его вериги.

Иль оттолкни – иль всей душою чти:

Не будь ослом, который носит книги

Лишь потому, что их велят нести.

<1906–1907>

Мандрагора

Цветок Мандрагора из могил расцветает,

Над гробами зарытых возле виселиц черных.

Мертвый соками тленья Мандрагору питает –

И она расцветает в травах диких и сорных.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Брат Каин, взрастивший Мандрагору из яда!

Бог убийцу, быть может, милосердно осудит.

Но палач – не убийца: он – исчадие ада,

И цветок, полный яда, бог тебе не забудет!

1906–1907

С обезьяной

Ай, тяжела турецкая шарманка!

Бредет седой согнувшийся хорват

По дачам утром. В юбке обезьянка

Бежит за ним, смешно поднявши зад.

И детское и старческое что-то

В ее глазах печальных. Как цыган,

Сожжен хорват. Пыль, солнце, зной, забота..

Далеко от Одессы на Фонтан!

Ограды дач еще в живом узоре –

В тени акаций. Солнце из-за дач

Глядит в листву. В аллеях блещет море...

День будет долог, светел и горяч.

И будет сонно, сонно. Черепицы

Стеклом светиться будут. Промелькнет

Велосипед бесшумным махом птицы.

Да прогремит в немецкой фуре лед.

Ли, хорошо напиться! Есть копейка,

А вон киоск: большой стакан воды
Даст с томною улыбкою еврейка...
Но путь далек... Сады, сады, сады...

Зверок устал, – взор старичка-ребенка
Томит тоской. Хорват от жажды пьян.
Но пьет зверок: лиловая ладошка
Хватает жадно пенистый стакан.

Поднявши брови, тянет обезьяна,
А он жует засохший белый хлеб
И медленно отходит в тень платана...
Ты далеко, Загреб!

1906–1907

Александр в Египте

К оракулу и капищу Сиваха
Шел Александр. Дыханием костра
Дул ветер из пустыни. Тучи праха
Темнили свет и рвали ткань шатра.

Из-под шатра с верблюда, в тучах пыли,
Он различал своих проводников:
Два ворона на синих крыльях плыли,
Борясь с косыми вихрями песков.

И вдруг упали вихри. И верблюды

Песками змей, весь черный. Изумруды
Горят на нем. Глаза — как мутный лед.

Идет — и вот их двое: он, Великий,
и змей, дрожащий в солнечном огне,
Рогатый, мутноглазый, черноликий,
Весь в самоцветах пышных, как в броне.

«Склони чело и дай дорогу змею!» —
Вещает змей. И замер царь... О да!
Кто назовет вселенную своею?
Кто властелином будет? и когда?

Он, символ и зловещий страж Востока,
Он тоже царь: кто ж примет власть богов?
Не вы, враги. Грядущий бог далеко,
Но он придет, друг темных рыбаков!

<1906–1907>

Бог

Дул с моря бриз, и месяц чистым рогом
Стоял за длинной улицей села.
От хаты тень лежала за порогом,
и хата бледно-белою была.

Дул южный бриз, и ночь была тепла.
На отмелях, на берегу отлогом,

Волна, шумя, вела беседу с богом,
Не поднимая сонного чела.

И месяц наклонялся к балке темной,
Грустя, светил на скалы, на погост.
А бог был ясен, радостен и прост:

Он в ветре был, и моей душе бездомной –
И содрогался синим блеском звезд
В лазури неба, чистой и огромной.

7. VI.08

Саваоф

Я помню сумрак каменных аркад,
В середине свет – и красный блеск атласа
В сквозном узоре старых царских врат,
На золотой стене иконостаса.

Я помню купол грубо-голубой:
Там Саваоф, с простертыми руками,
Над скудной и темною толпой,
Царил меж звезд, повитых облаками.

Был вечер, март, сияла синева
Из узких окон, в куполе пробитых,
Мертво звучали древние слова.

Весенний отблеск был на скользких плитах –
И грозная седая голова
Текла меж звезд, туманами повитых.

28. VII.08

Долина Иосафата

Отрада смерти страждущим дана.
Вы побелели, странники, от пыли,
Среди врагов, в чужих краях вы были.
Но вот вам отдых, мир и тишина.

Гора полдневным солнцем сожжена,
Русло Кедрона ветры иссушили.
Но в прах отцов вы посохи сложили,
Вас обрела родимая страна.

В ней спят цари, пророки и левиты.
В блаженные обители ея
Всех, что в чужбине не были убиты,
Сбирает милосердый судия.

По жестким склонам каменные плиты
Стоят раскрытой Книгой Бытия.

20. VIII.08

Бедуин

За Мертвым морем – пепельные грани
Чуть видных гор. Полдневный час, обед.
Он выкупал кобылу в Иордане
И сел курить. Песок как медь нагрет.

За Мертвым морем, в солнечном тумане,
Течет мираж. В долине – зной и свет,
Воркует дикий голубь. На герани,
На олеандрах – вешний алый цвет.

И он дремотно поет, воспевая
Зной, олеандр, герань и тамарикс.
Сидит как ястреб. Пегая абая

Сползает с плеч... Поэт, разбойник, гикс.
Вон закурил – и рад, что с тонким дымом
Сравнит в стихах вершины за Сиддимом.

20. VIII.08

Открыты окна. В белой мастерской...

Открыты окна. В белой мастерской
Следы отъезда: сор, клочки конверта.
В углу стоит прямой скелет мольберта.
Из окон тянет свежестью морской.

Дни все светлей, все тише, золотистей –
И ни полям, ни морю нет конца.
С корявой, старой груши у крыльца
Спадают розовые листья.

28. VIII.08

Художник

Хрустя по серой гальке, он прошел
Покатый сад, взглянул по водоемам,
Сел на скамью... За новым белым домом
Хребет яйлы и близок и тяжел.

Томясь от зноя, грифельный журавль
Стоит в кусте. Опушена косица,
Нога – как трость... Он говорит: «Что, птица?
Недурно бы на Волгу, в Ярославль!»

Он, улыбаясь, думает о том,
Как будут выносить его – как сизы
На жарком солнце траурные ризы,
Как желт огонь, как бел на синем дом.

«С крыльца с кадилом сходит толстый поп.
Выводит хор... Журавль, пугаясь хора,
Защелкает, взовьется от забора –
И ну плясать и стукать клювом в гроб!»

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
В груди першит. С шоссе несется пыль,

Горячая, особенно сухая.

Он снял пенсне и думает, перхая:

«Да-с, водевиль... Все прочее есть гиль».

1908

Баба-Яга

Гулкий шум в лесу нагоняет сон –

К ночи на море пал сырой туман.

Окружен со всех с четырех сторон

Темной осенью островок Буян.

А еще темней – мой холодный сруб,

Где ни вздуть огня, ни топить ее смей,

А в окно глядит только бурый дуб,

Под который смерть закопал Кошей.

Я состарилась, изболелась вся –

Десять сот годов берегу ларец!

Будь огонь в светце – я б погрелась,

Будь дрова в печи – похлебала б щец,

Да огонь – в морях мореходу весть,

Да на много верст слышен дым от лык...

Черт тебе велел к черту в слуги лезть,

Дура старая, неразумный шлык!

<1906–1908>

Последние слезы

Изнемогла, в качалке задремала
Под дачный смех. Снесли небеса.
Зажглась звезда. Потом свежее стало.
Взошла луна – и смолкли голоса.

Текла и млела в море полоса.
Стекло балконной двери заблестало.
И вот она проснулась и устало
Поправила сухие волосы.

Подумала. Полюбовалась далью.
Взяла ручное зеркальце с окна –
И зеркальце сверкнуло синей сталью.

Ну да, виски белеют: седина.
Бровь поднята, измучена печалью.
Светло глядит холодная луна.

<1906–1908>

Христя

Христя угощает кукол на сговоре –
За степною хатой, на сухих бахчах.
Степь в горячем блеске млеет, точно море,
Страница 127

Тыквы светят медью в солнечных лучах.

Собрались соседки к «старой бабе» Христе,
Пропивают дочку – чай и водку пьют.
Дочка – в разноцветной плахте и в монисте,
Все ее жалеют – и поют, поют!

Под степною хатой, в жарком аромате
Спелого укропа, возятся в золе
Желтые цыплята. Мать уснула в хате,
Бабка – в темной клуне, тыквы – на земле.

<1906–1908>

Кружево

Весь день метель. За дверью у соседа
Стучат часы и каплет с окон лед.
У барышни-соседки с мясоеда
Поет щегол. А барышня плетет.

Сидит, выводит крестики и мушки,
Бледна, как снег, скромна, как лен в степи.
Темно в уездной крохотной избушке,
Наскучили гремучие коклюшки,
Весна идет... Да как же быть? Терпи.

Синеет дым метели, вьются галки
Над старой колокольной... День прошел,

И о весне поет дурак щегол.

1906–1908

Сенокос

Среди двора, в батистовой рубашке,
Стоял барчук и, щурясь, звал: «Корней!»
Но двор был пуст. Две пегие дворняжки,
Щенки, катались в сене. Все синей
Над крышами и садом небо млело,
Как сказочная сонная река,
Все горячей палило зноем тело,
Все радостней белели облака,
И все душней благоухало сено...

«Корней, седлай!» Но нет, Корней в лесу,
Осталась только скотница Елена
Да пчельник Дрон... Щенок замял осу
И сено взрыл... Молочный голубь комом
Упал ни крышу скотного варка...
Везде открыты окна... А над домом
Так серебрится тополь, так ярка
Листва вверху – как будто из металла,
И воробьи шныряют то из зала,
В тенистый палисадник, в бересклет,
То снова в зал... Покой, лазурь и свет...

В конюшне полусумрак и прохладно,
Навозом пихнет, сбруей, лошадьми,

Касаточки щебечут... И Ами,
Соскучившись, тихонько ржет и жадно
Косит спой глаз лилово-золотой
В решетчатую дверку... Стременами
Звенит барчук, подняв седло с уздой,
Кладет, подпруги ловит – и ушами
Прядет Ами, вдруг сделавшись стройней
И выходя на солнце. Там к кадушке
Склоняется, – блеск, небо видит в ней
И долго пьет... И солнце жжет подушки,
Луку, потник, играя в серебре...

А через час заходят побирушки:
Слепой и мальчик. Оба на дворе
Сидят как дома. Мальчик босоногий
Стоит и медлит... Робко входит в зал,
С восторгом смотрит в светлый мир зеркал,
Касается до клавиш фортепьяно –
И, вздрогнув, замирает: знойно, странно
И весело в хороммах! – На балкон
Открыта дверь, а солнце жарким светом
Зажгло паркет, и глубоко паркетом
Зеркальный отблеск двери отражен,
И воробьи крикливою станицей
Проносятся у самого стекла
За золотой, сверкающею птицей,
За иволгой, скользящей, как стрела.

8. VII.09

Собака

Мечтай, мечтай. Все уже и тусклей
Ты смотришь золотистыми глазами
На вьюжный двор, на снег, прилипший к раме,
На метлы гулких, дымных тополей.

Вздыхая, ты свернулась потеплей
У ног моих – и думаешь... Мы сами
Томим себя – тоской иных полей,
Иных пустынь... за пермскими горами.

Ты вспоминаешь то, что чуждо мне:
Седое небо, тундры, льды и чумы
В твоей студеной дикой стороне.

Но я всегда делю с тобою думы:
я человек: как бог, я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.

4. VIII.09

Могила в скале

То было в полдень, в Нубии, на Ниле.
Пробили вход, затеплили огни –
и на полу преддверия, в тени,
На голубом и тонком слое пыли,
Нашли живой и четкий след ступни.

Обращение сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Я, путник, видел это. Я в могиле

Дышал теплом сухих камней. Они
Сокрытое пять тысяч лет хранили.

Был некий день, был некий краткий час,
Прощальный миг, когда в последний раз
Вздыхнул здесь тот, кто узкою стопою
В атласный прах вдавил свой узкий след.

Тот миг воскрес. И на пять тысяч лет
Умножил жизнь, мне данную судьбою.

6. VIII.09

Полночь

Ноябрь, сырая полночь. Городок,
Весь меловой, весь бледный под луною,
Подавлен безответной тишиною.
Приливный шум торжественно-широк.

На мачте коменданта флаг намок.
Вверху, над самой мачтой, над сквозною
И мутной мглой, бегущей на восток,
Скользит луна зеркальной белизною.

Иду к обрывам. Шум грознее. Свет
Таинственней, тусклее и печальней.
Волна качает сваи под купальней.

Вдали – седая бездна. Моря нет.
И валуны, в шипящей серой пене,
Блестят внизу, как спящие тюлени.

6. VIII.09

Рассвет (Как стоя птиц, в пустыне одиноко...)

Как стоя птиц, в пустыне одиноко
Белеет форт. За ним – пески, страна
Нагих бугров. На золоте востока
Четка и фиолетова она.

Рейд солнца ждет. Из черных труб «Марокко»
Восходит дым. Зеленая волна
Стальной сажет, блестками полна,
Качает мерно, плавно и широко.

Вот первый луч. Все окна на борту
Зажглись огнем. Вот пар взлетел – и трубы
Призывно заревели в высоту.

Подняв весло, гребец оскалил зубы:
Как нежно плачет колокол в порту
Под этот рев торжественный и грубый!

13. VIII.09

Полдень

Горит хрусталь, горит рубин в вине,
Звездой дрожит на скатерти в салоне.
Последний остров тонет в небосклоне,
Где зной и блеск слились в горячем сне.

На баке бриз. Там, на носу, на фоне
Сухих небес, на жуткой крутизне,
Сидит ливиец в белом балахоне,
Глядит на снег, кипящий в глубине.

И влажный шум над этой влажной бездной
Клонит в дрему. И острый ржавый нос,
Не торопясь, своей броней железной
В снегу взрезает синий купорос.

Сквозь купорос, сквозь радугу от пыли,
Струясь, краснеет киноварь на киле.

14. VIII.09

Вечер

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе легким белым краем
Встает, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.

День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

14. VIII.09

Мертвая зыбь

Как в гору, шли мы в зыбь, в слепящий блеск заката.
Холмилась и росла лиловая волна.
С холма на холм лилось оранжевое злато,
И глубь небес была прозрачно-зелена.

Дым из жерла трубы летел назад. В упругом
Кимвальном пенье рей дрожал холодный гул.
И солнца лик мертвел. Громада моря кругом
Объяла горизонт. Везувий потонул.

И до бортов вставал и, упадая, мерно
Шумел разверстый вал. И гребень, закипев,
Страница 135

Сквозил и розовел, как пенное Фалерно, –
И малахит скользил в кроваво-черный зев.

9. VI.09

Сторож

И снова вечер, сухо позлативший
Дороги, степь и удлинивший тень;
И бледный лик, напротив солнца всплывший;
И четко в ясном воздухе застывший
Среди бахчей курень.

Стар сторож, стар! И слаб и видит плохо,
А век бы жил!.. Так тихо в курене,
Что слышен треск подсохшего гороха...
Да что кому до старческого вздоха
О догоревшем дне!

<16.VIII.09>

Берег

За окном несла сияет пока я.
А в избе – последняя твоя
Восковая свечка – и тесовая
Длинная ладья.

Причесали, нарядили, справили,
Полотном закрыли бледный лик –
И ушли, до времени оставили
Твой немой двойник.

У него ни имени, ни отчества,
Ни друзей, ни дома, ни родни:
Тихи гробового одиночества
Роковые дни.

Да пребудет в мире, да покоится!
Как душа свободная твоя,
Скоро, скоро в синем море скроется
Белая ладья.

<16.VIII.09>

Ночные цикады

Прибрежный хрящ и голые обрывы
Стенных равнин луной озарены.
Хрустальный звон сливает с небом нивы.

Цветы, колосья, травы им полны,
Он ни на миг не молкнет, но не будит
Бесстрастной предрассветной тишины.

Ночь стелет тень и влажный берег студит,
Ночь тянет вдаль свой невод золотой –

Но степь поет. Как колос налитой,
Полна душа. Земля зовет: спешите
любить, творить, пьянить себя мечтой!

от бледных звезд, раскинутых в зените,
и до земли, где стынет лунный сон,
Текут хрустально трепетные нити.

Из сонма жизней соткан этот звон.

10. IX.10

При дороге

Окно по ночам голубое.
Да ветхо и криво оно:
Сквозь стекла расплющенный месяц
Как тусклое блещет пятно.

Дед рано ложится, а внучке
Неволя: лежи и не спи
Да думай от скуки. А долги
Осенние ночи в степи!

Вчера чумаки проходили
По шляху под хатой. Была
Морозная полночь. Блестели

Тянулась арба за арбою,
И месяц глядел как живой
На шлях, на шагавшие тени,
На борозды с мерзлой ботвой...

У Каспия тони, там хватит
Работы на всех – и давно
Ушла бы туда с чумаками,
Да мило кривое окно.

28. I.11
Гелуан (под Каиром)

Океан под ясною луной...

Океан под ясною луной,
Теплой и высокой, бледнолицей,
Льется гладкой, медленной волной,
Озаряясь жаркою зарницей.

Всходят горы облачных громад:
Гавриил, кадя небесным Силам,
В темном фимиаме царских врат
Блещет огнедышащим кадилом.

Индийский океан
25. I.11

Мелькают дали, черные, слепые...

Мелькают дали, черные, слепые,
Мелькает океана мертвый лик:
Бог разверзает бездны голубые,
Но лишь на краткий миг.

«Да будет свет!» Но гаснет свет, и сонный,
Тяжелый гул растет вослед за ним:
Бог, в довременный хаос погруженный,
Мрак сотрясает ропотом своим.

26. II.11

Ночлег

Мир – лес, ночной приют птицы.
Брамины.

В вечерний час тепло во мраке леса,
И в теплых водах меркнет свет зари.
Пади во мрак зеленого навеса –
И, приюťясь, замри.

А ранним утром, белым и росистым,
Взмахни крылом, среди листвы шурша,
И растворишься, исчезни в небе чистом –
Вернись на родину, душа!

Индийский океан, II.11

Солнечные часы

Те часики с эмалью, что впотьмах
Бежали так легко и торопливо,
Давным-давно умолкли. И крапива
Растет в саду на мусорных холмах.

Тот маятник лучистый, что спесиво
Соразмерял с футляром свой размах,
Лежит в пыли чердачного архива.
И склеп хранит уж безыменный прах.

Но мы служили праведно и свято.
В полночный час нас звезды серебрят,
Дней солнце озлащает – до заката.

Позеленел наш медный циферблат.
Но стрелку нашу в диске циферблата
Ведет сам бог. Со всей вселенной в лад.

<1906–1911>

Без имени

Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Страница 141

Беззвучные, на звучном языке.

Но лик сокрыт – опущено забрало.

Но плащ истлел на ржавленной броне.

Был воин, вождь. Но имя Смерть украла

И унеслась на черном скакуне.

1906–1911

Мужичок

Ельничком, березничком – где душа захочет –

В Киев пробирается божий мужичок.

Смотрит, нет ли ягодки? Горбится, бормочет,

Съест и ухмыляется: я, мол, дурачок.

«Али сладко, дедушка?» – «Грешен: сладко, внучек».

«Что ж, и на здоровье. А куда идешь?»

«Я-то? А не ведаю. Вроде вольных тучек.

Со крестом да с верой всякий путь хорош».

Ягодка по ягодке – вот и слава богу:

Сыты. А завидим белые холсты,

Подойдем с молитвою, глянем на дорогу,

Сдернем, сунем в сумочку – и опять в кусты.

1906–1911

Дворецкий

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Ночник горит в холодном и угрюмом

Огромном зале скупно и темно.

Дом окружен зловещим гулом, шумом

Столетних лип, стучащихся в окно.

Дождь льет всю ночь. То чудится, что кто-то

К крыльцу подъехал... То издалека

Несется крик... А тут еще забота:

Течет сквозь крышу, каплет с потолка.

Опять вставай, опять возись с тазами!

И все при этом скудном ночнике,

С опухшими и сонными глазами,

В подштанниках и ветхом сюртучке!

1906–1911

Памяти

Ты мысль, ты сон. Сквозь дымную метель

Бегут кресты – раскинутые руки.

Я слушаю задумчивую ель –

Певучий звон... Все – только мысль и звуки!

То, что лежит в могиле, разве ты?

Разлуками, печалью был отмечен

Твой трудный путь. Теперь их нет. Кресты

Хранят лишь прах. Теперь ты мысль. Ты вечен.

<1906–1911>

Ночь зимняя мутна и холодна...

Ночь зимняя мутна и холодна,
Как мертвая, стоит в выси луна.
Из радужного бледного кольца
Глядит она на след мой у крыльца,
На тень мою, на молчаливый дом
И на кустарник в инее густом.
Еще блестит оконное стекло,
Но волчьей мглой поля заволокло,
На севере огни полночных звезд
Горят из мглы, как из пушистых гнезд.

Снег меж кустов, туманно-голубой,
Осыпан жесткой серою крупой.
Таинственным дыханием гоним,
Туман плывет, – и я мешаюсь с ним.

И меркнет тень, и двинулась луна,
В свой бледный свет, как в дым, погружена,
И кажется, вот-вот и я пойму
Незримое – идущее в дыму
От тех земель, от тех предвечных стран,
Где гробовой чернеет океан,
Где, наступив на ледяную Ось,
Превыше звезд восстал Великий Лось –
И отражают бледные снега
Стоцветные горящие рога.

Ночная змея

Глаза козюли, медленно ползущей
К своей норе вечною сонной пущей,
Горят, как угли. Сумрачная мгла
Стоит в кустах – и вот она зажгла
Два ночника, что зажигать дано ей
Лишь девять раз, и под колючей хвоей
Влачит свой жгут так тихо, что сова,
Плывя за ней, следит едва-едва
Шуршанье мхов. А ночь темна в июле,
А враг везде – и страшен он козюле
В ночном бору, где смолк обычный шум:
Она сосредоточила весь ум,
Всю силу зла в своем горящем взгляде,
И даже их, ежей, идущих сзади,
Пугает яд, когда она в пути
Помедлит, чтоб преграду обойти,
Головку приподымет, водит жалом
Над мухомором, сморщенным и алым,
Глядит на пни, торчащие из ям,
И светит полусонным муравьям.

28. VII.12

В Сицилии

Монастыри в предгорьях глухих,

Наследие разбойников морских,
Обители забытые, пустые –
Моя душа жила когда-то в них:
Люблю, люблю вас, келии простые,
Дворы в стенах тяжелых и нагих,
Валы и рвы, от плесени седые,
Под башнями кустарники густые
И глыбы скользких пепельных камней,
Загромоздивших скаты побережий,
Где сквозь маслины кажется синей
Вода у скал, где крепко треплет свежий,
Соленый ветер листьями маслин
И на ветру благоухает тмин!

1. VIII.12

Потомки пророка

Не мало царств, не мало стран на свете.
Мы любим тростниковые ковры,
Мы ходим не в кофейни, а в мечети,
На солнечные тихие дворы.

Мы не купцы с базара. Мы не рады,
Когда вступает пыльный караван
В святой Дамаск, в его сады, ограды;
Нам не нужны подачки англичан.

Мы терпим их. Но ни одежды белой,
Ни белых шлемов видеть не хотим.

Но и очей не подымай пред ним.

Скажи привет, но помни: ты в зеленом.

Когда придут, гляди на кипарис,

Гляди в лазурь. Не будь хамелеоном,

Что по стене мелькает вверх и вниз.

VIII.12

РИТМ

Часы, шипя, двенадцать раз пробили
В соседней зале, темной и пустой,
Мгновения, бегущие чредой
К безвестности, к забвению, к могиле,

На краткий срок свой бег остановили
И вновь узор чеканят золотой:
Заворожен ритмической мечтой,
Вновь отдаюсь меня стремящей силе.

Раскрыв глаза, гляжу на яркий свет
И слышу сердца ровное биенье,
И этих строк размеренное пенье,
И мыслимую музыку планет.

Все ритм и бег. Бесцельное стремление!
Но страшен миг, когда стремленья нет.

9. VIII.12

Как дым пожара, туча шла...

Как дым пожара, туча шла.
Молчала старая дорога.
Такая тишина была,
что в ней был слышен голос бога,
Великий, жуткий для земли
и внятный не земному слуху,
А только внемлющему духу.
Жгло солнце. Блеклые, в пыли,
Серели травы. Степь роняла
Беззвучно зерна – рожь текла
как бы крупинками стекла
в суглинок жаркий. Тонко, вяло,
Седые крылья распустив,
Птенцы грачей во ржи кричали.
Но в духоте песчаных нив
Терялся крик. И вырастали
на юге тучи. И листва
ветлы, склоненной к их подножью,
вся серебристой млела дрожью –
в грядущем страхе божества.

10. VIII.12

Мушкет

Видел сон Мушкет:

Видел он азовские подолья,
На бурьяне, на татарках – алый цвет,
А в бурьяне – ржавых копий колья.

Черт повил в жгуты,
Засушил в крови казачьи чубы.
Эх, мушкет! А что же делал ты?
Видишь ли оскаленные зубы?

Твой крестовый брат
В Цареграде был посажен на кол.
Брат зовет мушкета в Цареград –
И мушкет проснулся и заплакал.

Встал, жену убил,
Сонных зарубил своих малюток,
И пошел в туретчину, и был
В Цареграде через сорок суток.

И турецкий хан
Отрубил ему башку седую,
И швырнули ту башку в лиман,
И плыла она, качаясь, в даль морскую.

И глядела в высь, –
К господу глаза ее глядели.
И господь ответил: «Не журишь,
Не тужи, мушкет, – попы тебя отпели».

Венеция

Восемь лет в Венеции я не был...
Всякий раз, когда вокзал минуешь
И на пристань выйдешь, удивляет
Тишина Венеции, пьянеешь
От морского воздуха каналов.
Эти лодки, барки, маслянистый
Блеск воды, огнями озаренной,
А за нею низкий ряд фасадов
Как бы из слоновой грязной кости,
А над ними синий южный вечер,
Мокрый и ненастный, но налитый
Синевою мягкой, лиловой, –
Радостно все это было видеть!

Восемь лет... Я спал в давно знакомой
Низкой, старой комнате, под белым
Потолком, расписанным цветами.
Утром слышу, – колокол: и звонко
И певуче, но не к нам призывает
Этот чистый одинокий голос,
Голос давней жизни, от которой
Только красота одна осталась!
Утром косо розовое солнце
Заглянуло в узкий переулок,
Озаряя отблеском от дома,
От стены напротив – и опять я
Радостную близость моря, воли
Ощутил, увидевши над крышей,

Облаков сиреневые клочья
В жидком, влажно-бирюзовом небе.
А потом на крышу прибежала
и белье снимала, напевая,
Девушка с раскрытой головою,
Стройная и тонкая... Я вспомнил
Капри, Грациэллу Ламартина...
Восемь лет назад я был моложе,
Но не сердцем, нет, совсем не сердцем!

В полдень, возле Марка, что казался
Патриархом Сирии и Смирны,
Солнце, улыбаясь в светлой дымке,
Перламутром розовым слепило.
Солнце пригревало стены дождей,
Площадь и воркующих, кипящих
Сизых голубей, клевавших зерна
Под ногами щедрых форестьеров.
Все блестело – шляпы, обувь, трости,
Щурились глаза, сверкали зубы,
Женщины, весну напоминая
Светлыми нарядами, раскрыли
Шелковые зонтики, чтоб шелком
Озаряло лица... В галерее
я сидел, спросил газету, кофе
и о чем-то думал... Тот, кто молод,
Знает, что он любит. Мы не знаем –
Целый мир мы любим... И далеко,
За каналы, за лежавший плоско
и сиявший в тусклом блеске город,
За лагуны Адрии зеленой,
В голубой простор глядел крылатый
Лев с колонны. В ясную погоду

Он на юге видит Апеннины,
А на сизом севере – тройные
Волны Альп, мерцающих над синью
Платиной горбов своих ледяных...

Вечером – туман, молочно-серый,
Дымный, непроглядный. И пушисто
Зеленеют в нем огни, столбами
Фонари отбрасывают тени.
Траурно Большой канал чернеет
В россыпи огней, туманно-красных,
Марк тяжел и древен. В переулках –
Слякоть, грязь. Идут посередине, –
В опере как будто. Сладко пахнут
Крепкие сигары. И уютно
В светлых галереях – ярко блещут
Их кафе, витрины. Англичане
Покупают кружево и книжки
С толстыми шершавыми листами,
В переплетах с золоченой вязью,
С грубыми застежками... За мною
Девочка пристряла – все касалась
До плеча рукою, улыбаясь
Жалостно и робко: «Mi d'un soldo!»[1]
Долго я сидел потом в таверне,
Долго вспоминал ее прелестный
Жаркий взгляд, лучистые ресницы
И лохмотья... Может быть, арабка?

Ночью, в час, я вышел. Очень сыро,
Но тепло и мягко. На пьядетте
Камни мокры. Нежно пахнет морем,
Холодно и сыро вонью скользких

Темных переулков, от канала –
Свежестью арбуза. В светлом небе
Над пьяцеттой, против папских статуй
На фасаде церкви – бледный месяц:
То сияет, то за дымом тает,
За осенней мглой, бегущей с моря.
«Не заснул, Энрико?» – Он беззвучно,
Медленно на лунный свет выводит
Длинный черный катафалк гондолы,
Чуть склоняет стан – и вырастает,
Стоя на корме ее... Мы долго
Плыли в узких коридорах улиц,
Между стен высоких и тяжелых...

В этих коридорах – баржи с лесом,
Барки с солью: стали и ночуют.
Под стенами – сваи и ступени,
В плесени и слизи. Сверху – небо,
Лента неба в мелких бледных звездах...
В полночь спит Венеция, – быть может,
Лишь в притонах для воров и пьяниц,
За вокзалом, светят щели в ставнях,
И за ними глухо слышны крики,
Буйный хохот, споры и удары
По столам и столикам, залитым
Марсалай и вермутом... Есть прелесть
В этой поздней, в этой чадной жизни
Пьяниц, проституток и матросов!
«No amato, amo, Desdemona», [2] –
Говорит Энрико, напевая,
И, быть может, слышит эту песню
Кто-нибудь вот в этом темном доме –
Та душа, что любит... За оградой

Голые, прозрачные деревья,
и стеклом блестят они, и пахнет
Сад вином и медом... Этот винный
Запах листьев тоньше, чем весенний!
Молодость груба, жадна, ревнива,
Молодость не знает счастья – видеть
Слезы на ресницах Дездемоны,
Любящей другого...

Вот и светлый
Выход в небо, в лунный блеск и воды!
Здравствуй, небо, здравствуй, ясный месяц,
Перелив зеркальных вод и тонкий
Голубой туман, в котором сказкой
Кажутся вдали дома и церкви!
Здравствуйте, полночные просторы
Золотого млеющего взморья
И огни чуть видного экспресса,
Золотой бегущие цепочкой
По лагунам к югу!

30. v111.13

Могильная плита

Опять знакомый дом...
Огарев.

Могильная плита, железная доска,
В густой траве растающая в землю, –
И мне печаль могил понятна и близка,

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
И я родным преданьям внемлю.

И я «люблю людей, которых больше нет»,
любовью всепрощающей, сыновней.
Последний их побег, я не забыл их след
Под старой, обветшалою часовней.
я молодым себя, в своем простом быту,
на бедном их погосте вспоминаю.
Последний их побег, под эту же плиту
Приду я лечь – и тихо лягу – с краю.

6. IX.13

Слово

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.

7. I.15 Москва

Война

Взлетела стая черных птиц. –
Тюрбэ расстреляно, разбито.
Вот грязный шелковый покров,
Кораны с оттиском подков...
Как грубо конское копыто!

Вот чей-то сад; он черен, гол –
И не о нем ли мой осел
Рыдающим томится ревом?
А я – я, прокаженный, рад
Бродить, вдыхая горький чад,
Что тает в небе бирюзовом:

Пустой, разрушенный, немой,
Отныне этот город – мой,
Мой каждый спуск и переулочек,
Мои все туфли мертвецов,
Домов руины и дворцов.
Где шум морской так свеж и гулок!

12. IX.15

В жарком золоте заката Пирамиды...

В жарком золоте заката Пирамиды,
Вдоль по Нилу, на утеху иностранцам,
Шелком в воду светят парусные лодки
И бежит луксорский белый пароход.
Это час, когда за Нилом пальмы четки,
И в Каире блещут стекла алым гляncем,
Страница 156

И хедив в ландо катается, и гида
По кофейням отдыхают от господ.

А сиреневые дали Нила к югу,
К дикой Нубии, к Порогам, смутны, зыбки
И все так же миру чужды, заповедны,
Как при Хуфу, при Камбизе... Я привез
Лук оттуда и колчан зелено-медный,
Щит из кожи бегемота, дротик гибкий,
Мех пантеры и суданскую кольчугу,
Но на что все это мне – вопрос.

13. IX.15

Что ты мутный, светел-месяц?

Что ты мутный, светел-месяц?
Что ты низко в небе ходишь,
Не по-прежнему сияешь
На серебряные снега?

Не впервой мне, месяц, видеть,
Что окно ее высоко,
Что краснеет там лампадка
За шелковой занавеской.

Не впервой я ворочаюсь
Из кружала наглый, пьяный
И всю ночь сижу от скуки
Под Кремлем с блаженным Ваней.

И когда он спит — дивуюсь!
А ведь кволый да и голый...
Все смеется, все бормочет,
что башка моя на плахе
Так-то весело подскочит!

13. IX.15
Васильевское

Шестикрылый

Мозаика в Московском соборе

Алел ты в зареве Батыя —
И потемнел твой жуткий взор.
Ты крылья рыже-золотые
В священном трепете простер.

Узрел ты Грозного юрода
Монашеский истертый шлык —
И навсегда в изгибах свода
Застыл твой большеглазый лик.

14. IX.15

Бегство в Египет

По лесам бежала божья мать.

Куньей шубкой запахнув младенца.
Стлалось в небе божье полотенце,
чтобы ей не сбиться, не плутать.

Холодна, морозна ночь была,
Дива дивьи в эту ночь творились:
Волчьи очи зеленью дымились.
По кустам сверкали без числа.

Две седых медведицы в лугу
На дыбах боролись в яркой злобе,
Грызлись, бились и мотались обе,
Тяжело топтались на снегу.

А в дремучих зарослях, впотьмах,
Жались, табунились и дрожали,
Белым паром из ветвей дышали
Звери с бородами и в рогах.

И огнем вставал за лесом меч
Ангела, летевшего к Сиону,
К золотому Иродову тропу.
Чтоб главу на Ироде отсечь.

21. X.15

Малайская песня

L'eclair vibre sa fleche...
L. de Lisle[3]

Чернеет зыбкий горизонт,
Над белым блеском острых волн
Змеится молний быстрый блеск
И бьет прибой мой узкий челн.

Сырой и теплый ураган
Проносится в сыром лесу,
И сыплет изумрудный лес
Свою жемчужную красу.

Стою у хижины твоей:
Ты на циновке голубой,
На скользких лыках сладко спишь,
И ветер веет над тобой.

Ты спишь с улыбкой, мой цветок.
Пустая хижина твоя,
В ненастный вечер, на ветру,
Благоухает от тебя.

Ресницы смольные смежив,
Закрывши длинные глаза,
Окутав бедра кисеей,
Ты изогнулась, как лоза.

Мала твоя тугая грудь,
И кожа смуглая гладка,
И влажная нежна ладонь,
И крепкая кругла рука.

Висят на щиколках твоих,
янтарных, твердых, как кокос,
и сон твой беззаботный тих.

Но черен, черен горизонт!
Зловеще грому вторит гром,
Темнеет лес, и океан
Сверкает острым серебром.

Твои уста – пчелиный мед,
Твой смех счастливый – щебет птиц,
Но, женщина, люби лишь раз,
Не поднимай для всех ресниц!

Ты легче лани на бегу,
Но вот на лань, из тростников,
Метнулся розовый огонь
Двух желтых суженных зрачков:

О женщина! Люби лишь раз!
Твой смех лукав и лгал твой рот –
Клинок мой медный раскален
В моей руке – и метко бьет.

Вот пьяные твои глаза,
Вот побелевшие уста.
Вздувает буря парус мой,
Во мраке вьется блеск холста.

Клинком я голову отсекаю

Косою к мачте привязал –
И снова в путь, во мрак и ночь.

Раскалывает небо гром –
И озаряет надо мной
По мачте льющуюся кровь
И лик, качаемый волной.

23. I.16

Князь Всеслав

Князь Всеслав в железы был закован,
В яму брошен братскою рукой:
Князю был жестокий уготован
Жребий, по жестокости людской.
Русь, его призвав к великой чести,
В Киев из темницы извела.
Да не в час он сел на княжьем месте:
Лишь копьем дотронулся Стола.
Что ж теперь, дорогами глухими,
Воровскими в Полоцк убежав,
Что теперь, вдали от мира, в схиме,
Вспоминает темный князь Всеслав?

Только звон твой утренний, София,
Только голос Киева! – Долга
Ночь зимою в Полоцке... Другие
Избы в нем, и церкви, и снега...
Далеко до света, – чуть сереют

Мерзлые окошечки... Но вот
Слышит князь: опять зовут и млеют
Звоны как бы ангельских высот!
В Полоцке звонят, а он иное
Слышит в тонкой грезе... Что года
Горестей, изгнанья! Неземное
Сердцем он запомнил навсегда.

24. I.16

Кадильница

В горах Сицилии, в монастыре забытом,
По храму темному, по выщербленным плитам,
В разрушенный алтарь пастух меня привел,
И увидал я там: стоит нагой престол,
А перед ним, в пыли, могильно-золотая,
Давно потухшая, давным-давно пустая,
Лежит кадильница – вся черная внутри
От угля и смолы, пылавших в ней когда-то...

Ты, сердце, полное огня и аромата,
Не забывай о ней. До черноты сгори.

25. I.16

У гробницы Виргилия

Дети, тряпки по дворам
И коричневые козы
В сорных травах по буграм,

Без границы и без края
Моря вольные края...
Верю – знал ты, умирая,
Что твоя душа – моя.

Знал поэт: опять весною
Будет смертному дано
Жить отрадою земною,
А кому – не все ль равно!

Запах лавра, запах пыли,
Теплый ветер... Счастлив я,
Что моя душа, Вергилий,
Не моя и не твоя.

31. I.16

Синие обои полиняли...

Синие обои полиняли,
Образа, дагерротипы сняли –
Только там остался синий цвет,
Где они висели много лет.

Позабыло сердце, позабыло

Многое, что некогда любило!
Только тех, кого уж больше нет,
Сохранился незабвенный след.

31. I.16

Лиман песком от моря отделен...

Лиман песком от моря отделен.
Когда садится солнце за Лиманом,
Песок бывает ярко позлащен.

Он весь в рыбалках. Белым караваном
Стоят они на грани вод, на той,
Откуда веет ветром, океаном.

В лазури неба, ясной и пустой,
Та грань чернеет синью вороненой
Из-за косы песчано-золотой.

И вот я слышу ропот отдаленный:
Навстречу крепкой свежести воды,
Вдыхая ветер, вольный и соленый,

Вдруг зашумели белые ряды
И, стоя, машут длинными крылами...
Земля, земля! Несчетные следы

я на тебе оставил. Я годами

Блуждал в твоих пустынях и морях.
Я мерил неустанными стопами

Твой всюду дорогой для сердца прах:
Но нет, вовек не утолю я муки –
любви к тебе! Как чайки на песках,

Опять вперед я протираю руки.

6. II.16

Зеркало

Темнеет зимний день, спокойствие и мрак
Нисходят на душу – и все, что отражалось,
что было в зеркале, померкло, потерялось...
Вот так и смерть, да, может быть, вот так.

В могильной темноте одна моя сигара
Краснеет огоньком, как дивный самоцвет:
Погаснет и она, развеется и след
Ее душистого и тонкого угара...

Кто это заиграл? Чьи милые персты,
Чьи кольца яркие вдоль клавиш побежали?
Душа моя полна восторга и печали –
я не боюсь могильной темноты.

10. II.16

Мулы

Под сводом хмурых туч, спокойствием объятых, –
Ненастный день темнел, и ночь была близка, –
Грядой далеких гор, молочно-синеватых,
На грани мертвых вод лежали облака.

Я с острова глядел на море и на тучи,
Остановясь в пути, – и горный путь, виясь
В обрыве сизых скал, белел по дикой круче,
Где шли и шли они, под ношею клонясь.

И звук их бубенцов, размеренный, печальный,
Мне говорил о том, что я в стране чужой,
И душу той страны, глухой, патриархальной,
Далекой для меня, я постигал душой.

Вот так же шли они при Цезарях, при Реме,
И так же день темнел, и вдоль скалистых круч
Лепился городок, сырой, забытый всеми,
И человек скорбел под оводом хмурых туч.

10. II.16

Сирокко

Гул бури за горой и грохот отдаленных
Страница 167

Полуночных зыбей, бушующих в бреду.
Звон, непрерывный звон кузнечиков бессонных.
И мутный лунный свет в оливковом саду.

Как фосфор, светляки мерцают под ногами;
На тусклом блеске волн, облитых серебром.
Ныряет гробом челн... Господь смешался с нами
И мчит куда-то мир в восторге бредовом.

10. II.16

В Орде

За степью, в приволжских песках,
Широкое алое солнце тонуло.
Ребенок уснул у тебя на руках,
Ты вышла из душной кибитки, взглянула
На кровь, что в зеркальные соли текла,
На солнце, лежавшее точно на блюде, –
И сладкой отрадой стенного, сухого тепла
Подуло в лицо твое, в потные смуглые груди.
Великий был стан за тобой:
Скрипели колеса, верблюды ревели,
Костры, разгораясь, в дыму пламенели
И пыль поднималась багровою тьмой.
Ты. девочка, тихая сердцем и взором,
Ты знала ль в тот вечер, сядясь на песок.
Что сонный ребенок, державший твой темный сосок.
Тот самый Могол, о котором
Во веки веков не забудет земля?
Ты знала ли, Мать, что и я

Восславлю его, – что не надо мне рая,
Христа, Галилеи и лилий ее полевых,
Что я не смиреннее их, –
Атиллы, Тимура, Мамая,
Что я их достоин, когда.
Наскучив таиться за ложью,
Рву древнюю хартию божью.
Насилую, режу, и граблю, и жгу города?
– Погасла за степью слюда,
Дрожащее солнце в песках потонуло.
Ты скучно в померкшее небо взглянула
И, тихо вздохнувши, опять опустила глаза...
Несметною ратью чернели воза,
И синеющей ночи прохладой и горечью дуло.

27VI.16

Цейлон

Окраина земли,
Безлюдные пустынные побережья.
До полюса открытый океан...

Матара – форт голландцев. Рвы и стены,
Ворота в них... Тенистая дорога
В кокосовом лесу, среди кокосов –
Лачуги сингалесов... Справа блеск.
Горячий зной сухих песков и моря...

Мыс Дондра в старых пальмах. Тут свежей,

Гостиницы на сваях – шум воды:
Она, крутясь, перемывает камни,
Кипит атласной пеной...

Дальше – край,
Забытый богом. Джунгли низкорослы,
Холмисты, безграничны. Белой пылью
Слепит глаза... Меняют лошадей.
Толпятся дети, нищие... И снова
Глядишь на раскаленное шоссе.
На бухты океана. Пчелоеды,
В зелено-синих перьях, отдыхают
На золотистых нитях телеграфа...

Лагуна возле Ранны – как сапфир.
Вокруг алеют розами фламинги,
По лужам дремлют буйволы. На них
Стоят, белеют цапли, и с жужжаньем
Сверкают мухи... Сверху, из листвы,
Круглят глаза большие обезьяны...

Затем опять убогое селенье,
Десяток нищих хижин. В океане,
В закатном блеске, – розовые пятна
Недвижных парусов, а сзади, в джунглях, –
Сиреневые горы... Ночью в окна
Глядит луна... А утром, в голубом
И чистом небе – Коршуны Браминов,
Кофейные, с фарфоровой головкой:
Следят в прибое рыбу...

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Вновь дорога:

Лазоревое озеро, в кольцо
на белой соли, заросли и дебри.
Все дико и прекрасно, как в Эдеме:
Торчат шины акаций, защищая
Узорную нежнейшую листву.
Цветами рдеют кактусы, сереют
Стволы в густых лианах... Как огонь,
Пылают чаши лилии ползучей,
Тьмы мотыльков трепещут... На поляне
Лежит громада бурая: удав...
Вот медленно клубится, уползает...

Встречаются двуколки. Крыши их,
Соломенные, длинно выступают
И спереди и сзади. В круп бычков,
Запряженных в двуколки, тычут палкой:
«Мек, мек!» – кричит погонщик, весь нагой,
С прекрасным черным телом... Вот пески,
Пошли пальмиры, – ходят в синем небе
Их веерные листья – распевают
По джунглям петухи, но тонко, странно,
Как наши молодые... В высоте
Кружат орлы, трепещет зоркий сокол...

В траве перебегают грациозно
Песочники, бекасы... На деревьях
Сидят в венцах павлины... Вдруг бревном
Промчался крокодил – шлеп в воду, –
И точно порохом взорвало рыбок!
Тут часто слон встречается: стоит
И дремлет на поляне, на припеке;
Есть леопард, – он лакомка, он жрет,

Есть кабаны и губачи-медведи;
Есть дикобраз – бежит на водопой,
Подняв щетину, страшно деловито,
Угрюмо, озабоченно...

Отсюда,
От этих джунглей, этих берегов
До полюса открыто море...

27. VI.16

Кончина святителя

И скрылось солнце жаркое в лесах,
И звездная пороша забелела.
И понял он: достигнувший предела,
Исчисленный, он взвешен на весах.

Вот точно дуновение в волосах,
Вот снова сердце пало и сомлело;
Как стынет лес, что миг хладеет тело,
И блещет светом пропасть в небесах.

В епитрахили, в поручах, с распятием,
От скудного, последнего тепла,
Навстречу чьим-то ледяным объятьям,
Выходит он из темного дупла.

Трава в росе. Болото дымом млечным

Лежит в лесу. Он на коленях. С Вечным.

3. VII.16

Свет

Ни пустоты, ни тьмы нам не дано:
Есть всюду свет, предвечный и безликий...
Вот полночь. Мрак. Молчанье базилики,
Ты приглядишься: там не совсем темно,
В бездонном, черном своде над тобою,
Там на стене есть узкое окно,
Далекое, чуть видное, слепое,
Мерцающее тайною во храм
Из ночи в ночь одиннадцать столетий...
А вокруг тебя? Ты чувствуешь ли эти
Кресты по скользким каменным полам,
Гробы святых, почиющих под спудом,
И страшное молчание тех мест,
Исполненных неизреченным чудом,
Где черный запрестольный крест
Воздвиг свои тяжелые объятья,
Где таинство сыновнего распятия
Сам бог-отец незримо сторожит?

Есть некий свет, что тьма не сокрушит.

1927

Дедушка в молодости

Вот этот дом, сто лет тому назад,
Был полон предками моими,
И было утро, солнце, зелень, сад,
Роса, цветы, а он глядел живыми
Сплошь томными глазами в зеркала
Богатой спальни деревенской
На свой камзол, на красоту чела,
Изысканно, с заботливостью женской
Напудрен рисом, надушен,
Меж тем как пахло жаркою крапивой
Из-под окна открытого, и звон,
Торжественный и празднично-счастливый,
Напоминал, что в должный срок
Пойдет он по аллеям, где струится
С полей нагретый солнцем ветерок
И золотистый свет дробится
В тени раскидистых берез.
Где на куртинах диких роз,
В блаженстве ослепительного блеска,
Впивают пчелы теплый мед,
Где иволга то вскрикивает резко,
То окариною поет,
А вдалеке, за валом сада.
Спешит народ, и краше всех – она.
Стройна, нарядна и скромна.
С огнем потупленного взгляда

22. VII.16

Овальный стол, огромный. Вдоль по залу
Проходят дамы, слуги – на столе
Огни свечей, горящих в хрустале.
Колеблются. Но скупое немлеть балу.
Гремящему в банкетной, и речам
Мелькающих по залу милых дам
Круг игроков. Все курят. Беглым светом
Блещут огни по жирным эполетам.

Зал, белый весь, прохладен и велик.
Под люстрой тень. Меж золотисто-смуглых
Больших колонн, меж окон полукруглых –
Портретный ряд – вон Павла плоский лик.
Вон шелк и груди важной Катерины.
Вон Александра узкие лосины..
За окнами – старинная Москва
И звездной зимней ночи синева.

Задумчивая женщина прижала
Платок к губам; у мерзлого окна
Сидит она, спокойна и бледна.
Взор устремив на тусклый сумрак зала,
На одного из штатских игроков,
И чувствует он тьму ее зрачков.
Ее очей, недвижных и печальных,
Под топот пар и гром мазурок бальных.

Немолод он, и на руке кольцо.
Весь выбритый, худой, костлявый, стройный,
Он мечет зло, со страстью беспокойной.

Обращение сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Вот поднимает желчное лицо, –

Скользит под красновато-черным коком
Лоск костяной на лбу его высоком, –
И говорит: «Ну что же, генерал,
я, кажется, довольно проиграл? –

Не будет ли? И в картах и в любви
Мне не везет, а вы счастливый муж.
Вас ждет жена...» – «Нет, Стоцкий, почему ж?
Порой и я люблю волнение крови», –
С усмешкой отвечает генерал.
И длится штос, и длится светлый бал...
Пред ужином, в час ночи, генерала
жена домой увозит: «Я устала».

В пустом прохладном зале только дым,
И столовых шумно, говор и расспросы.
Обносят слуги тяжкие подносы,
Князь говорит: «А Стоцкий где? Что с ним?»
Муж и жена – те в темной колымаге
Спешат домой. Промерзлые сермяги.
В заиндеветших шапках и лаптях,
Трясутся на передних лошадях.

Москва темна, глуха, пустынна, – поздно.
Визжат, стучат в ухабах подреза,
Возок скрипит. Она во все глаза
Глядит в стекло – там, в синей тьме морозной,
кудрявится деревьев серых мгла
и мелкие блистают купола...
Он хмурится с усмешкой: «Да, вот чудо!
Нет Стоцкому удачи ниоткуда!»

22. VII.1916

Конь Афины-Паллады

Запели жрецы, распахнулись врата – восхищенный
Пал на колени народ:
Чудовищный конь, с расписной головой, золоченый,
В солнечном блеске грядет.

Горе тебе, Илион! Многолюдный, могучий, великий,
Горе тебе, Илион!
Ревом жрецов и народными кликами дикий
Голос Кассандры – пророческий вопль – заглушён.

Последний шмель

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жильё человечье
И как будто тоскуешь со мной?

За окном свет и зной, подоконники яркие,
Безмятежны и жарки последние дни,
Полетай, погуди – и в засохшей татарке,
На подушечке красной, усни.

Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

26. VII.16

Настанет день – исчезну я...

Настанет день – исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку –
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой.

10. VI.16

Памяти друга

Вечерних туч над морем шла грядя,
И золотисто-серыми столпами
Стояла безграничная вода.
Как небеса лежавшая пред нами.
И ты сказал: «Послушай, где, когда
я прежде жил? я странно болен – снами,
Тоской о том. что прежде был и бог...
О, если б вновь обнять весь мир я мог!»

Ты верил, что откликнется мгновенно
В моей душе твой бред, твоя тоска.
Как помню я усмешку, неизменно
Твои уста кривившую слегка.
Как эта скорбь и жажда – быть вселенной,
Полями, морем, небом – мне близка!
Как остро мы любили мир с тобою
Любовью неразгаданной, слепую!

Те радости и муки без причин,
Та сладостная боль соприкасая
Душой со всем живущим, что один
Ты разделял со мною, – нет названья,
Нет имени для них, и до седин
Я доносу порывы воссозданья
Своей любви, своих плененных сил...
А ты их вольной смертью погасил.

И прав ли ты, не превозмогший тесной
Судьбы своей и жребия творца,
Лишенного гармонии небесной,
И для чего я мучусь без конца
В стремленье вновь дать некий вид телесный

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Чертам уж бестелесного лица.

Зачем я этот вечер вспоминаю,
Зачем ищу ничтожных слов, — не знаю.

12. VIII.16

На Невском

Колоса мелкий снег взрывали и скрипели,
Два вороных надменно пролетели,
Каретный кузов быстро промелькнул,
Блеснувши глянцем стекол мерзлых,
Слуга, сидевший с кучером на козлах,
От вихрей голову нагнул,
Поджал губу, синевшую щетиной,
И ветер веял красной пелериной
В орлах на позументе золотом...
Все пронеслось и скрылось за мостом,
В темнеющем буране... Жажигали
Огни в несметных окнах вокруг меня,
Чернели грубо баржи на канале,
И на мосту, с дыбящего коня
И с бронзового юноши нагого,
Повисшего у диких конских ног,
Дымились клочья праха снегового...

я молод был, беспечен, одинок
В чужом мне мире, сложном и огромном.
Всю жизнь я позабыть не мог
Об этом вечере бездомном.

27. VIII.16

Тихой ночью поздний месяц вышел...

Тихой ночью поздний месяц вышел
Из-за черных лип.
Дверь балкона скрипнула, – я слышал
Этот легкий скрип.
В глупой ссоре мы одни не спали,
А для нас, для нас
В темноте аллеи цветы дышали
В этот сладкий час.
Нам тогда – тебе шестнадцать было,
Мне семнадцать лет,
Но ты помнишь, как ты отворила
Дверь на лунный свет?
Ты к губам платочек прижимала,
Смокшийся от слез,
Ты, рыдая и дрожа, роняла
Шпильки из волос,
У меня от нежности и боли
Разрывалась грудь...
Если б, друг мой, было в нашей воле
Эту ночь вернуть!

27. VIII.16

Помпея

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Помпея! Сколько раз я проходил

По этим переулкам! Но Помпея
Казалась мне скучней пустых могил,
Мертвей и чище нового музея.

Я ль виноват, что все позабыл:
И где кто жил, и где какая фея
В нагих стенах, без крыши, без стропил,
Шла в хоровод, прозрачной тканью вея!

Я помню только древние следы,
Протертые колесами в воротах,
Туман долин, Везувий и сады.
Была весна. Как мед в незримых сотах,
Я в сердце жадно, радостно копил
Избыток сил – и только жизнь любил.

28. VIII.16

Компас

Качка слабых мучит и пьянит.
Круглое окошко поминутно
Гасит, заливает хлябью мутной –
И трепещет, мечется магнит.

Но откуда б, в ветре к тумане,
Ни швыряло пеной через борт,
Верю – он опять поймает Nord.
Крепко сплю, мотаясь на диване.

Не собьет с пути меня никто,
Некий Nord моей душою правит,
Он меня в скитаньях не оставит,
Он мне скажет, если что: не то!

28. VIII.16

Капри

Проносились над островом зимние шквалы и бури
То во мгле и дожде, то в сиянии влажной лазури,
И качались, качались цветы за стеклом,
За окном мастерской, в красных глиняных вазах, –
От дождя на стекле загорались рубины и алмазах
И свежее цветы расцветали на лоне морском.
Ветер в раме свистал, раздувал серый пепел в камине,
Градом сек по стеклу – и опить были яркие и сини
Средиземные зыби, глядевшие в дом,
А за тонким блестящим стеклом,
То на мгле дождевой, то на водной синевшей пустыне,
И золотой пустоте голубой высоты,
Все качались, качались дышавшие морем цветы.
Проносились февральские шквалы. Светлее и жарче сияли
Африканские дали,
И утихли ветры, зацвели
В каменистых садах миндаля,
Появились туристы в панамах и белых ботинках
На обрывах, на козьих тропинках –
И к Сицилии, к Греции, к лилиям божьей земли.
К Палестине

Обращение сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.p
Потянуло меня... И остался лини, пепел в камине

и опустевшей моей мастерской,

Где всю зиму качались цветы на синевшей пустыне мирской.

30. VIII.16

Едем бором, черными лесами...

Едем бором, черными лесами.

Вот гора, песчаный спуск в долину.

Вечереет. На горе пред нами

лес щетинит новую вершину.

И темным-темно в той новой чаще,

Где опять скрывается дорога,

и враждебен мой ящик молчащий,

и надежда в сердце лишь на бога,

да на бег коней нетерпеливый,

да на этот нежный и певучий

колокольчик, плачущий счастливо,

что на свете все авось да случай.

9. IX.16

Первый соловей

Тает, сияет луна в облаках.

Зыбь облаков и мелка и нежна.

Возле луны голубая она.

В холоде голых, прозрачных аллей

Пробует цокать, трещит соловей.

В доме, уж темном, в раскрытом окне,

Девочка косы плетет при луне.

Сладок и нов ей весенний рассказ,

Миру рассказанный тысячу раз.

2. X.16

Падучая звезда

Ночью, звездной и студеной,

В тонком сумраке полей –

Ослепительно-зеленый

Разрывающийся змей.

О, какая ярость злая!

Точно дьявол в древний миг

Низвергается, пылая,

От тебя, Архистратиг.

30. X.16

Старая яблоня

Вся в снегу, кудрявом, благовонном,
Вся-то ты гудишь блаженным звоном
Пчел и ос, завистливых и злых...

Старишься, подруга дорогая?
Не беда. Вот будет ли такая
Молодая старость у других!

<1916>

Семнадцатый год

Наполовину вырубленный лес,
Высокие дрожащие осины
И розовая облачность небес:
Ночной порой из сумрачной лощины
Въезжаю на отлогий косогор
И вижу заалевшие вершины,
С таинственной нежностью, в упор
Далеким озаренные пожаром.
Остановись, оглядываюсь, да,
Пожар! Но где? Опять у нас, – не даром
Вчера был сход! И крепко повода
Натягиваю, слушая неясный.
На дождь похожий, лепет в вышине,
Такой дремотно-сладкий и бесстрастный

Страница 186

К тому, что там и что так страшно мне.

27. VI.17

Укоры

Море с голой степью говорило:

«Это ты меня солончаками
И полынью горькой отравила,
Жарко дую жесткими песками!

Я ли не господняя криница?
Да не пьет ни дикий зверь, ни птица
Из волны моей солено-жгучей,
Где остался твой песок летучий!»

Отвечает степь морской пустыне:

«Не по мне ли, море, ты ходило,
Не по мне ли, в кипени и сини,
За волной волну свою катило?

Я ли виновата, что осталась,
В час, когда со мной ты расставалось,
Белой солью кипень снеговая,
Голубой полынью синь живая?»

11. VIII.17

Роняя снег, проходят тучи...

Роняя снег, проходят тучи,
И солнце резко золотит
Умбрийских гор нагие кручи,
Сухой кустарник и гранит.

И часто в тучах за горами
Обрывки радуги цветут –
Святые нимбы над главами
Анахоретов, живших тут.

12. IX.17

Эпитафия

На земле ты была точно дивная райская птица
На ветвях кипариса, среди золоченых гробниц.
Юный голос звучал, как в полуденной роще цевница,
И лучистые солнца сияли из черных ресниц.
Рок отметил тебя. На земле ты была не жилица.
Красота лишь в Эдеме не знает запретных границ.

19. IX.17

Воспоминание

Золотыми цветут остриями

У кровати полночные свечи.
За открытым окном, в черной яме,
Шепчет сад беспокойные речи.

Эта тьма, дождевая, сырая,
Веет в горницу свежим дыханьем –
И цветы, золотясь, вырастая.
На лазурном дрожат основание.

Засыпаю в постели прохладной,
Очарован их дрожью растущей,
Молодой, беззаботный, с отрадной
думой-песней о песне грядущей.

19. IX.17

Ландыш

В голых рощах веял холод..
Ты светился меж сухих,
Мертвых листьев... Я был молод,
я слагал свой первый стих –

И навек сроднился с чистой –
Молодой моей душой
Влажно-свежий, водянистый,
Кисловатый запах твой!

19. IX.17

Свет незакатный

Там, в полях, на погосте,
В роще старых берез,
Не могилы, не кости –
Царство радостных грез.
Летний ветер мотает
Зелень длинных, ветвей –
И ко мне долетает
Свет улыбки твоей.
Не плита, не распятие –
Предо мной до сих пор
Институтское платье
И сияющий взор.
Разве ты одинока?
Разве ты не со мной
В нашем прошлом, далеком,
Где и я был иной?
В мире круга земного,
Настоящего дня,
Молодого, бывшего
Нет давно и меня!

24. IX.17

Мы сели у печки в прихожей...

Мы сели у печки в прихожей,
Одни, при угасшем огне,

В старинном заброшенном доме,
В степной и глухой стороне.

Жар в печке угрюмо краснеет,
В холодной прихожей темно,
И сумерки, с ночью мешаясь,
Могильно синеют в окно.

Ночь – долгая, хмурая, волчья,
Кругом все леса и снега,
А в доме лишь мы да иконы
Да жуткая близость врага.

Презренного, дикого века
Свидетелем быть мне дано,
И в сердце моем так могильно,
Как мерзлое это окно.

30. IX.17

Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...

Щеглы, их звон, стеклянный, неживой,
И клен над облетевшею листвою,
На пустоте лазоревой и чистой,
Уже весь голый, легкий и ветвистый...
О, мука мук! Что надо мне, ему,
Щеглам, листве? И разве я пойму,
Зачем я должен радость этой муки,
Вот этот небосклон, и этот звон,

И темный смысл, которым полон он,
Вместить в созвучия и звуки?
Я должен взять – и, разгадав, отдать,
Мне кто-то должен сострадать,
Что пригревает солнце низким светом
Меня в саду, просторном и раздетом.
Что озаряет желтая листва
Ветвистый клен, что я едва-едва,
Бродя в восторге по саду пустому,
Мою тоску даю понять другому...
– Беру большой зубчатый лист с тугим
Пурпурным стеблем, – пусть в моей тетради
Останется хоть память вместе с ним
Об этом светлом вертограде
С травой, хрустящей белым серебром,
О пустоте, сияющей над кленом
Безжизненно-лазоревым шатром,
И о щеглах с хрустально-мертвым звоном!

3. X.17

Этой краткой жизни вечным измененьем...

Этой краткой жизни вечным измененьем
Буду неустанно утешаться я, –
Этим ранним солнцем, дымом над селеньем,
В алом парке листьев медленным паденьем
И тобой, знакомая, старая скамья.

Будущим поэтам, для меня безвестным,
Бог оставит тайну – память обо мне:

Стану их мечтами, стану бестелесным,
Смерти недоступным, – призраком чудесным
В этом парке алом, в этой тишине.

10. X.17

Как в апреле по ночам в аллее...

Как в апреле по ночам в аллее,
И все тоньше верхних сучьев дым,
И все легче, ближе и виднее
Побледневший небосклон за ним.

Этот верх в созвездьях, в их узорах,
Дымчатый, воздушный и сквозной,
Этих листьев под ногами шорох,
Эта грусть – все то же, что весной.

Снова накануне. И с годами
Сердце не считается. Иду
Молодыми, легкими шагами –
И опять, опять чего-то жду.

10. X.17

Звезда дрожит среди вселенной...

Звезда дрожит среди вселенной...

Чьи руки дивные несут
Какой-то влагой драгоценной
Столь переполненный сосуд?

Звездой пылающей, потиром
Земных скорбей, небесных слез
Зачем, о господи, над миром
Ты бытие мое вознес?

22. X.17

В дачном кресле, ночью, на балконе...

В дачном кресле, ночью, на балконе...
Оксана колыбельный шум...
Будь доверчив, кроток и спокоен,
Отдохни от дум.

Ветер приходящий, уходящий,
Веющий безбрежностью морской...
Есть ли тот, кто этой дачи спящей
Сторожит покой?

Есть ли тот, кто должной мерой мерит
Наши знанья, судьбы и года?
Если сердце хочет, если верит,
Значит – да.

То, что есть в тебе, ведь существует.

Так любовно мягкий ветер дует –
Как же нет любви?

9. VII. 18

И цветы, и шмели, и трава, и колосья...

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...

Срок настанет – господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным Коленам припав.

14. VII.18

Древняя обитель супротив луны...

Древняя обитель супротив луны,
На лесистом взгорье, над речными водами,
Бледно-синеватый мел ее стены,
Мрамор неба, синий, с белыми разводами.

А на этом небе, в этих облаках,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Глубину небесную в черноту сгущающих, –

Храмы в златокованных мелких шишаках,
Райскою красою за стеной мерцающих.

20. VII.18

На даче тихо, ночь темна...

На даче тихо, ночь темна,
Туманны звезды голубые
Вздыхая, ширится волна,
Цветы качаются слепые –

И часто с ветром, до скамьи,
Как некий дух в эфирной плоти,
Доходят свежие струи
Волны, вздыхающей в дремоте.

13. IX.18

Канарейка

На родине она зеленая...
Брэм

Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она
Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.

Птицей вольной, изумрудной
уж не будешь – как ни пой
Про далекий остров чудный
Над трактирную толпой!

10. V.21

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

25. VI.22

Радуга

Свод радуги – творца благоволение,
Он сочетает воздух, влагу, свет –
Все, без чего для мира жизни нет.
Он в черной туче дивное виденье
являет нам. Лишь избранный творцом,

исполненный господней благодати, –
Как радуга, что блещет лишь в закате, –
Зажжется пред концом.

15. VII.22

Морфей

Прекрасен твой венок из огненного мака,
Мой Гость таинственный, жилец земного мрака.
Как бледен смуглый лик, как долог грустный взор,
Глядящий на меня и кротко и в упор,
Как страшен смертному безгласный час Морфея!

Но сказочно цветет, во мраке пламенея,
Божественный венок, и к радостной стране
Уводит он меня, где все доступно мне,
Где нет преград земных моим надеждам вешним.

Где снюсь я сам себе далеким и нездешним,
Где не дивит ничто – ни даже ласки той,
С кем бог нас разделил могильною чертой.

26. VII.22

Сириус

Где ты, звезда моя заветная,

Венец небесной красоты?
Очарованье безответное
Снегов и лунной высоты?

Где молодость, простая, чистая,
В кругу любимом и родном,
И старый дом, и ель смолистая
В сугробе белом под окном?

Пылай, играй стоцветной силою,
Неугасимая звезда,
Над дальнею моей могилою.
Забытой богом навсегда!

22. VIII.22

И вновь морская гладь бледна...

И вновь морская гладь бледна
Под звездным благостным сияньем,
И полночь теплая полна
Очарованием, молчаньем –
Как, господи, благодарить
Тебя за все, что в мире этом
Ты дал мне видеть и любить
В морскую ночь, под звездным светом.

Засыпая, в ночь с 24 на 25.VIII.22

Зачем пленяет старая могила...

Зачем пленяет старая могила
Блаженными мечтами о былом?
Зачем зеленым клонится челом
Та ива, что могилу осенила
Так горестно, так нежно и светло,
Как будто все, что было и прошло,
Уже познало радость воскресенья
И в лоне всепрощения, забвенья
Небесными цветами поросло?

25. VIII.22

В полночный час я встану и взгляну...

В полночный час я встану и взгляну
На бледную высокую луну,
И на залив под нею, и на горы,
Мерцающие снегом вдалеке...
Внизу вода чуть блещет на песке,
А дальше муть, свинцовые просторы.
Холодный и туманный океан...

Познал я, как ничтожно и не ново
Пустое человеческое слово,
Познал надежд и радостей обман,
Тщету любви и терпкую разлуку
С последними немногими, кто мил,
Кто близостью своею облегчил

Ненужную для мира боль и муку,
И эти одинокие часы
Безмолвного полуночного бденья,
Презрения к земле и отчужденья
От всей земной бессмысленной красоты.

25. VIII.22

Мечты любви моей весенней...

Мечты любви моей весенней,
Мечты на утре дней моих,
Толпились как стада оленей
У заповедных вод речных:

Малейший звук в зеленой чаще –
И вся их чуткая краса,
Весь сонм, блаженный и дрожащий,
Уж мчался молнией в леса!

26. VIII.22

Печаль ресниц, сияющих и черных...

Печаль ресниц, сияющих и черных,
Алмазы слез, обильных, непокорных,
И вновь огонь небесных глаз,
Счастливых, радостных, смиренных, –

Когда-то юных и блаженных!

Откуда же являешься ты мне?

Зачем же воскресаешь ты во сне,

Несрочной прелестью сияя,

И дивно повторяется восторг,

Та встреча, краткая, земная,

Что бог нам дал и тотчас вновь расторг?

27. VIII.22

В гелиотроповом свете молний летучих...

В гелиотроповом свете молний летучих

На небесах раскрывались дымные тучи,

На косогоре далеко – призрак дубравы,

В мокром лугу перед домом – белые травы.

Молнии мраком топило, с грохотом грома

Ливень свергался на крышу полночного дома –

И металлически страшно, в дикой печали,

Гуси из мрака кричали.

30. VIII.22

1885 год

Зияла адом свежая могила,
Но жизнь была легка, как облака,
Как тот дымок, что веял из кадила.

Земля, как зацветающая новь,
Блаженная, лежала предо мною –
И первый стих, и первая любовь
Пришли ко мне с могилой и весною.

И это ты, простой степной цветок.
Забытый мной, отцветший и безвестный.
На утре дней моих попрала смерть, как бог.
И увела в мир вечный и чудесный!

9. IX.22

Петух на церковном кресте

Плывет, течет, бежит ладьей,
И как высоко над землей!
Назад идет весь небосвод,
А он вперед – и все поет.
Поет о том, что мы живем,
Что мы умрем, что день за днем
Идут года, текут века –
Вот как река, как облака.

Поет о том, что все обман,
Что лишь на миг судьбою дан

И круг детей, и внуков круг,

Да вечен только мертвых сон,

Да божий храм, да крест, да он.

12. IX.22

Амбуаз

Что впереди? Счастливый долгий путь...

Что впереди? Счастливый долгий путь.

Куда-то вдаль спокойно устремляет

Она глаза, а молодая грудь

Легко и мерно дышит и чуть-чуть

Воротничок от шеи отделяет –

И чувствую я слабый аромат

Ее волос, дыхания – и чую

Былых восторгов сладостный возврат...

Что там, вдали? Но я гляжу, тоскуя,

Уж не вперед, нет, я гляжу назад.

15. IX.22

Встреча

Ты на плече, рукою обнаженной.

От зноя темной и худой,

Несешь кувшин из глины обожженной,

С нагих холмов, где стелются сухие
Седые злаки и полынь,
Глядишь в простор туманной Кумании.
В морскую вечернюю синь.
Все та же ты, как в сказочные годы!
Все те же губы, тот же взгляд,
Исполненный и рабства и свободы,
Умерший на земле уже стократ.
Все тот же зной и дикий запах лука
В телесном запахе твоём,
И та же мучит сладостная мука, –
Бесплодное томление о нём.
Через века найду в пустой могиле
Твой крест серебряный, и вновь,
Вновь оживет мечта о древней быти.
Моя неуголенная любовь,
И будет вновь в морской вечерней сини.
В ее задумчивой дали,
Все тот же зов, печаль времен, пустыни
И красота полуденной земли.

12. X.22

Опять холодные седые небеса...

«Опять холодные седые небеса,
Пустынные поля, набитые дороги,
На рыжие ковры похожие леса,
И тройка у крыльца, и слуги на пороге...»

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Ах, старая наивная тетрадь!

Как смел я в те года гневить печалью бога?

Уж больше не писать мне этого «опять»

Перед счастливою осеннею дорогой!

7. VI.23

Только камни, пески, да нагие холмы...

Только камни, пески, да нагие холмы,
Да сквозь тучи летящая в небе луна, –
Для кого эта ночь? Только ветер, да мы,
Да крутая и злая морская волна.

Но и ветер – зачем он так мечет ее?
И она – отчего столько ярости в ней?
Ты покрепче прижмись ко мне, сердце мое!
Ты мне собственной жизни милей и родней.

я и нашей любви никогда не пойму:
Для чего и куда увела она прочь
Нас с тобой ото всех в эту буйную ночь?
Но господь так велел – и я верю ему.

1926

Ночь (Ледяная ночь, мистраль...)

(Он еще не стих).

Вижу в окна блеск и даль

Гор, холмов нагих.

Золотой недвижный свет

До постели лег.

Никого в подлунной нет,

Только я да бог.

Знает только он мою

Мертвую печаль,

Ту, что я от всех таю..

Холод, блеск, мистраль.

1952

Рассказы 1892–1909

Перевал

Ночь давно, а я все еще бреду по горам к перевалу, бреду под ветром, среди холодного тумана, и безнадежно, но покорно идет за мной в поводу мокрая, усталая лошадь, звякая пустыми стремянами.

В сумерки, отдыхая у подножия сосновых лесов, за которыми начинается этот голый, пустынный подъем, я смотрел в необъятную глубину подо мною с тем особым чувством гордости и силы, с которым всегда смотришь с большой высоты. Еще можно было различить огоньки в темнеющей долине далеко внизу, на побережье тесного залива, который, уходя к востоку, все расширялся и, поднимаясь туманно-голубой стеной, обнимал полнеба. Но в горах уже наступала ночь. Темнело быстро, я шел, приближался к лесам – и горы вырастали все мрачней и величавее, а в пролеты между их отрогами с бурной стремительностью валился косыми, длинными облаками густой туман, гонимый бурей сверху. Он срывался с плоскогорья, которое окутывал гигантской рыхлой грядой, и своим падением как бы увеличивал хмурую глубину пропастей между горами. Он уже задымил лес, надвигаясь на меня вместе с глухим, глубоким и нелюдимым гулом сосен. Повеяло зимней свежестью, понесло снегом и ветром... Наступила ночь, и я долго шел под темными, гудящими в тумане сводами горного бора, склонив голову от ветра.

«Скоро перевал, – говорил я себе. – Скоро я буду в затишье, за горами, в светлом, людном доме...»

Но проходит полчаса, час... Каждую минуту мне кажется, что перевал в двух шагах от меня, а голый и каменистый подъем не кончается. Уже давно остались внизу сосновые леса, давно прошли низкорослые, искривленные кустарники, и я

начинаю уставать и дрогнуть. Мне вспоминается несколько могил среди сосен недалеко от перевала, где похоронены какие-то дровосеки, сброшенные с гор зимней бурей. Я чувствую, на какой дикой и безлюдной высоте я нахожусь, чувствую, что вокруг меня только туман, обрывы, и думаю: как пройду я мимо одиноких камней-памятников, когда они, как человеческие фигуры, зачернеют среди тумана? хватит ли у меня сил спуститься с гор, когда я уже и теперь теряю представление о времени и месте?

Впереди что-то смутно чернеет среди бегущего тумана... какие-то темные холмы, похожие на спящих медведей. Я пробираюсь по ним, с одного камня на другой, лошадь, срываясь и лязгая подковами по мокрым гольшам, с трудом влезает за мною, – и вдруг я замечаю, что дорога снова начинает медленно подниматься в гору! Тогда я останавливаюсь, и меня охватывает отчаяние. Я весь дрожу от напряжения и усталости, одежда моя вся промокла от снега, а ветер так и пронизывает ее насквозь. Не крикнуть ли? Но теперь даже чабаны забились в свои гомеровские хижины вместе с козами и овцами – кто услышит меня? И я с ужасом озираюсь:

– Боже мой! Неужели я заблудился?

Поздно. Бор глухо и сонно гудит в отдалении. Ночь становится все таинственнее, и я чувствую это, хотя не знаю ни времени, ни места. Теперь погас последний огонек в глубоких долинах, и седой туман воцаряется над ними, зная, что пришел его час, долгий час, когда кажется, что все вымерло на земле и уже никогда не настанет утро, а будут только возрастать туманы, окутывая величавые в своей полнотной страже горы, будут глухо гудеть леса по горам и все гуще лететь снег на пустынном перевале.

Закрываясь от ветра, я поворачиваюсь к лошади. Единственное живое существо, оставшееся со мною! Но лошадь не глядит на меня. Мокрая, озябшая, сгорбившись под высоким седлом, которое неуклюже торчит на ее спине, она стоит, покорно опустив голову с прижатыми ушами. И я злобно дергаю повод, и снова подставляю лицо мокрому снегу и ветру, и снова упорно иду навстречу им. Когда я пытаюсь разглядеть то, что окружает меня, я вижу только седую бегущую мглу, которая слепит снегом. Когда я вслушиваюсь, я различаю только свист ветра в уши и однообразное позвякивание за спиной: это стучат стремена, сталкиваясь друг с другом...

Но странно – мое отчаяние начинает укреплять меня! Я начинаю шагать смелее, и злобный укор кому-то за все, что я выношу, радует меня. Он уже переходит в ту мрачную и стойкую покорность всему, что надо вынести, при которой сладостна безнадежность...

Вот наконец и перевал. Но мне уже все равно. Я иду по ровной и плоской степи, ветер несет туман длинными космами и валит меня с ног, но я не обращаю на него внимания. Уже по одному свисту ветра и по туману чувствуется, как глубоко овладела поздняя ночь горами, – уже давным-давно спят в долинах, в своих маленьких хижинах маленькие люди; но я не тороплюсь, я иду, стиснув зубы, и бормочу, обращаясь к лошади:

– Иди, иди. Будем брести, пока не свалимся. Сколько уже было в моей жизни этих трудных и одиноких перевалов! Как ночь, надвигались на меня горести, страдания, болезни, измены любимых и горькие обиды дружбы – и наступил час разлуки со всем, с чем сроднился. И, скрепивши сердце, опять брал я в руки свой страннический посох. А подъемы к новому счастью были высоки и трудны, ночь, туман и буря встречали меня на высоте, жуткое одиночество охватывало на перевалах... Но – идем, идем!

Спотыкаясь, я бреду как во сне. До утра далеко. Целую ночь придется спускаться к долинам и только на заре удастся, может быть, уснуть где-нибудь мертвым сном, – сжаться и чувствовать только одно – сладость тепла после холода.

День опять обрадует меня людьми и солнцем и опять надолго обманет меня... Где-то упаду я и уже навсегда останусь среди ночи и вьюги на голых и от века пустынных горах?

1892–1898

Танька

Таньке стало холодно, и она проснулась.

Высвободив руку из попонки, в которую она неловко закуталась ночью, Танька

вытянулась, глубоко вздохнула и опять сжалась. Но все-таки было холодно. Она подкатилась под самую «голову» печи и прижала к ней Ваську. Тот открыл глаза и взглянул так светло, как смотрят со сна только здоровые дети. Потом повернулся на бок и затих. Танька тоже стала задремывать. Но в избе стукнула дверь: мать, шурша, протаскивала из сенец охапку соломы

– Холодно, тетка? – спросил странник, лежа на конике.

– Нет, – ответила Марья, – туман. А собаки валяются, – беспрерывно к метели.

Она искала спичек и гремела ухватами. Странник спустил ноги с коника, зевал и обувался. В окна брезжил синеватый холодный свет утра, под лавкой шипел и крякал проснувшийся хромой селезень. Теленок поднялся на слабые растопыренные ножки, судорожно вытянул хвост и так глупо и отрывисто мякнул, что странник засмеялся и сказал:

– Сиротка! Корову-то прогусарили?

– Продали.

– И лошади нету?

– Продали.

Танька раскрыла глаза.

Продажа лошади особенно врезалась ей в память "когда еще картохи копали", в сухой, ветреный день, мать на поле полудновала, плакала и говорила, что ей "кусок в горло не идет", и Танька все смотрела на ее горло, не понимая, о чем толк.

Потом в большой крепкой телеге с высоким передком приезжали «анчихристы» Оба они были похожи друг на дружку – черны, засалены, подпоясаны по кострецам. За ними пришел еще один, еще чернее, с палкой в руке, что-то громко кричал я, немного погодя, вывел со двора лошадь и побежал с нею по выгону, за ним бежал отец, и Танька думала, что он погнался отнимать лошадь, догнал и опять увел ее во двор. Мать стояла на пороге избы и голосила. Глядя на нее, заревел во все горло и Васька. Потом «черный» опять вывел со двора лошадь, привязал ее к телеге и рысью поехал под гору... И отец уже не погнался...

"Анчихристы", лошадиники-мещане, были, и правда, свирепы на вид, особенно последний – Талдыкин. Он пришел позднее, а до него два первые только цену сбивали. Они наперебой пытали лошадь, драли ей морду, били палками.

– Ну, – кричал один, – смотри сюда, получай с богом деньги!

– Не мои они, побереги, полцены брать не приходится, – уклончиво отвечал Корней.

– Да какая же это полцена, ежели, к примеру, кобыленке боле годов, чем нам с тобой? Молись богу!

– Что зря толковать, – рассеянно возражал Корней.

Тут-то и пришел Талдыкин, здоровый, толстый мещанин с физиономией мопса: блестящие, злые черные глаза, форма носа, скулы, – все напоминало в нем эту собачью породу.

– Что за шум, а драки нету? – сказал он, входя и улыбаясь, если только можно назвать улыбкой раздувание ноздрей.

Он подошел к лошади, остановился и долго равнодушно молчал, глядя на нее. Потом повернулся, небрежно сказал товарищам: "Поскорейча, ехать время, я на выгоне дожду", – и пошел к воротам.

Корней нерешительно окликнул:

– Что же не глянул лошадь-то!

Талдыкин остановился.

– Долгого взгляда не стоит, – сказал он.

– Да ты поди, побалакаем...

Талдыкин подошел и сделал ленивые глаза.

– Ну?

Он внезапно ударил лошадь под брюхо, дернул ее за хвост, пощупал под лопатками, понюхал руку и отошел.

– Плоха? – стараясь шутить, спросил Корней.

Талдыкин хмыкнул:

– Долголетня?

– Лошадь не старая.

– Тэк. Значит, первая голова на плечах?

Корней смутился.

Талдыкин быстро всунул кулак в угол губ лошади, взглянул как бы мельком ей в зубы и, обтирая руку о полу, насмешливо и скороговоркой спросил:

– Так не стара? Твой дед не ездил венчаться на ней?.. Ну, да нам сойдет, получай одиннадцать желтеньких.

И, не дожидаясь ответа Корнея, достал деньги и взял лошадь за обротъ.

– Молись богу да полбутылочки ставь.

– Что ты, что ты? – обиделся Корней – Ты без креста, дядя!

– Что? – воскликнул Талдыкин грозно, – обабурился? Денег не желаешь? Бери, пока дурак попадает, бери, говорят тебе!

– Да какие же это деньги?

– Такие, каких у тебя нету.

– Нет, уж лучше не надо.

– Ну, через некоторое число за семь отдашь, с удовольствием отдашь, – верь совести.

Корней отошел, взял топор и с деловым видом стал тесать подушку под телегу.

Потом пробовали лошадь на выгоне... И как ни хитрил Корней, как ни сдерживался, не отвоевал-таки!

Когда же пришел октябрь и в посиневшем от холода воздухе замелькали, повалили белые хлопья, заноса выгон, лазины и завалинку избы, Таньке каждый день пришлось удивляться на мать.

Бывало, с началом зимы для всех ребятишек начинались истинные мучения, проистекавшие, с одной стороны, от желания удрать из избы, пробежать по пояс в снегу через луг и, катаясь на ногах по первому синему льду пруда, бить по нем палками и слушать, как он гулькает, а с другой стороны – от грозных окриков матери.

– Ты куда? Чичер, холод – а она, накося! С мальчишками на пруд! Сейчас лезь на печь, а то смотри у меня, демоненок!

Бывало, с грустью приходилось довольствоваться тем, что на печь протягивалась чашка с дымящимися рассыпчатыми картошками и ломоть пахнущего клетью, круто посоленного хлеба. Теперь же мать совсем не давала по утрам ни хлеба, ни картошек, на просьбы об этом отвечала:

– Иди, я тебя одену, ступай на пруд, деточка!

Прошлую зиму Танька и даже Васька ложились спать поздно и могли спокойно наслаждаться сиденьем на «группке» печки хоть до полуночи. В избе стоял распаренный, густой воздух; на столе горела лампочка без стекла, и копоть темным, дрожащим фитилем достигала до самого потолка. Около стола сидел отец и шил полушубки; мать чинила рубахи или вязала варежки; наклоненное лицо ее было в это время кротко и ласково тихим голосом пела она «старинные» песни, которые слышала еще в девичестве, и Таньке часто хотелось от них плакать. В темной избе, завешанной снежными вьюгами, вспоминалась Марье ее молодость, вспоминались жаркие сенокосы и вечерние зори, когда шла она в девичьей толпе полевой дорогой с звонкими песнями, а за ржами опускалось солнце и золотой пылью сыпался сквозь колосья его догорающий отблеск. Песней говорила она дочери, что и у нее будут такие же зори, будет все, что проходит так скоро и надолго, надолго сменяется деревенским горем и заботой.

Когда же мать собирала ужинать, Танька в одной длинной рубашонке съерзывала с печи и, часто перебирая босыми ножками, бежала на коник, к столу. Тут она, как зверок, садилась на корточки и быстро ловила в густой похлебке сальце и закусывала огурцами и картошками. Толстый Васька ел медленно и тарачил глаза, стараясь всунуть в рот большую ложку... После ужина она с тугим животом так же быстро перебежала на печь, дралась из-за места с Васькой и, когда в темные оконца смотрела одна морозная ночная муть, засыпала сладким сном под молитвенный шепот матери: "Угодники божий, святителю Микола милосливый, столп-охранение людей, матушка пресвятая Пятница – молитте бога за нас! Хрест в головах, хрест у ногах, хрест от лукавого"...

Теперь мать рано укладывала спать, говорила, что ужинать нечего, и грозила "глаза выколоть", "слепым в сумку отдать", если она, Танька, спать не будет. Танька часто ревела и просила "хоть капуски", а спокойный, насмешливый Васька лежал, драл ноги вверх и ругал мать:

– Вот домовой-то, – говорил он серьезно, – все спи да спи! дай бати дождать!

Батя ушел еще с Казанской, был дома только раз, говорил, что везде «беда», – полушубков не шьют, больше помирают, – и он только чинит кое-где у богатых мужиков. Правда, в тот раз ели селедки, и даже "вот такой-то кусок" соленого судака батя принес в тряпочке. "На кстинах, говорит, был третьего дня, так вам, ребята, спрятал..." Но когда батя ушел, совсем почти есть перестали...

Странник обулся, умылся, помолился богу; широкая его спина в засаленном кафтане, похожем на подрясник, сгибалась только в поясице, крестился он широко. Потом расчесал бородку-клинушек и выпил из бутылочки, которую достал из своего походного ранца. Вместо закуски закурил сигарку. Умытое лицо его было широко, желто и плотно, нос вздернут, глаза глядели остро и удивленно.

– Что ж, тетка, – сказал он, – даром солому-то жжешь, варева не ставишь?

– Что варить-то? – спросила Марья отрывисто.

– Как что? Ай нечего?

– Вот домовой-то... – пробормотал Васька.

Марья заглянула на печку:

– Ай проснулся?

Васька сопел спокойно и ровно.

Танька прижукнулась.

– Спят, – сказала Марья, села и опустила голову.

Странник исподлобья долго глядел на нее и сказал:

– Горевать, тетка, нечего.

Марья молчала.

– Нечего, – повторил странник. – Бог даст день, бог даст пищу. У меня, брат, ни крова, ни дома, пробираюсь бережками и лужками, рубежами и межами да по задворкам – и ничего себе... Эх, не ночевывала ты на снежку под ракитовым кустом – вот что!

– Не ночевывал и ты, – вдруг резко ответила Марья, и глаза ее заблестели, – с ребятишками с голодными, не слыхал, как голосят они во сне с голоду! Вот, что я им суну сейчас, как встанут? Все дворы еще до рассвету обегала – Христом богом просила, одну краюшечку добыла... и то, спасибо. Козел дал... у самого, говорит, оборочки на лапти не осталось... А ведь ребят-то жалко – в отделку сморились...

Голос Марьи зазвенел.

– Я вон, – продолжала она, все более волнуясь, – гоню их каждый день на пруд... "дай капуста, дай картошечек..." А что я дам? Ну, и гоню: "Иди, мол, поиграй, деточка, побегай по ледочку..."

Марья всхлипнула, но сейчас же дернула по глазам рукавом, поддала ногой котенка ("У, погибели на тебя нету!..") и стала усиленно сгребать на полу солому.

Танька замерла. Сердце у нее стучало. Ей хотелось заплакать на всю избу, побежать к матери, прижаться к ней... Но вдруг она придумала другое. Тихонько поползла она в угол печки, торопливо, оглядываясь, обулась, закутала голову платком, съерзнула с печки и шмыгнула в дверь.

"Я сама уйду на пруд, не буду просить картох, вот она и не будет голосить, – думала она, спешно перелезая через сугроб и скатываясь в луг, – Аж к вечеру приду..."

По дороге из города ровно скользили, плавно раскатываясь вправо и влево, легкие «козырьки», меринок шел в них ленивой рысцой. Около саней легонько бежал молодой мужик в новом полушубке и одереженевших от снега нагольных сапогах, господский работник. Дорога была раскатистая, и ему поминутно приходилось, завидев опасное место, соскакивать с передка, бежать некоторое время и затем успеть задержать собой на раскате сани и снова вскочить бочком на облучок.

В санях сидел седой старик, с зависшими бровями, барин Павел Антоныч. Уже часа четыре смотрел он в теплый, мутный воздух зимнего дня и на придорожные вешки в инее.

Давно ездил он по этой дороге... После Крымской кампании, проиграв в карты почти все состояние, Павел Антоныч навсегда поселился в деревне и стал самым усердным хозяином. Но и в деревне ему не посчастливилось... Умерла жена... Потом пришлось отпустить крепостных... Потом проводить в Сибирь сына-студента... И Павел Антоныч стал совсем затворником. Он втянулся в одиночество, в свое скупое хозяйство, и говорили, что во всей округе нет человека более жадного и угрюмого. А сегодня он был особенно угрюм.

Морозило, и за снежными полями, на западе, тускло просвечивая сквозь тучи, желтела заря.

– Погоняй, потрогивай, Егор, – сказал Павел Антоныч отрывисто.

Егор задергал вожжами.

Он потерял кнут и искоса оглядывался.

Чувствуя себя неловко, он сказал:

– Что-й-то бог даст нам на весну в саду: прививочки, кажись, все целы, ни одного, почитай, морозом не тронуло.

– Тронуло, да не морозом, – отрывисто сказал Павел Антоныч и шевельнул бровями.

– А как же?

– Объедены.

– Зайцы-то? Правда, провалиться им, объели кое-где.

– Не зайцы объели.

Егор робко оглянулся.

– А кто ж?

– Я объел.

Егор поглядел на барина в недоумении.

– Я объел, – повторил Павел Антоныч, – кабы я тебе, дураку, приказал их как следует закутать и замазать, так были бы целы... Значит, я объел.

Егор растянул губы в неловкую улыбку.

– Чего оскалешься-то? Погоняй!

Егор, роясь в передке, в соломе, пробормотал:

– Кнут-то, кажись, соскочил, а кнутовище...

– А кнутовище? – строго и быстро спросил Павел Антоныч.

– Переломился...

И Егор, весь красный, достал надвое переломленное кнутовище. Павел Антоныч взял две палочки, посмотрел и сунул их Егору.

– На тебе два, дай мне один. А кнут – он, брат, ременный – вернись, найди.

– Да он, может... около городу.

– Тем лучше. В городе купишь... Ступай. Придешь пешком. Один доеду.

Егор хорошо знал Павла Антоныча. Он слез с передка и пошел назад по дороге.

А Танька благодаря этому ночевала в господском доме. Да, в кабинете Павла Антоныча был придвинут к лежанке стол, и на нем тихо звенел самовар. На лежанке сидела Танька, около нее Павел Антоныч. Оба пили чай с молоком.

Танька запотела, глазки у нее блестели яркими звездочками, шелковистые беленькие ее волосики были причесаны на косой ряд, и она походила на мальчика. Сидя прямо, она пила чай отрывистыми глотками и сильно дула в блюдечко. Павел Антоныч ел крендели, и Танька тайком наблюдала, как у него двигаются низкие серые брови, шевелятся пожелтевшие от табаку усы и смешно, до самого виска ходят челюсти.

Будь с Павлом Антонычем работник, этого бы не случилось. Но Павел Антоныч ехал по деревне один. На горе катались мальчишки. Танька стояла в сторонке и, засунув в рот посиневшую руку, грела ее. Павел Антоныч остановился.

– Ты чья? – спросил он.

– Корнеева, – ответила Танька, повернулась и бросилась бежать.

– Постой, постой, – закричал Павел Антоныч, – я отца видел, гостинчика привез от него.

Танька остановилась.

Ласковой улыбкой и обещанием «прокатить» Павел Антоныч заманил ее в сани и повез. Дорогой Танька совсем было ушла. Она сидела у Павла Антоныча на коленях. Левой рукой он захватил ее вместе с шубой. Танька сидела не двигаясь. Но у ворот усадьбы вдруг ерзнула из шубы, даже оголилась вся, и ноги ее повисли за санями. Павел Антоныч успел подхватить ее под мышки и опять начал уговаривать. Все теплей становилось в его старческом сердце, когда он кутал в мех оборванного, голодного и иззябшего ребенка. Бог знает что он думал, но брови его шевелились все живее.

В доме он водил Таньку по всем комнатам, заставлял для нее играть часы... Слушая их, Танька хохотала, а потом настораживалась и глядела удивленно: откуда эти тихие перезвоны и рулады идут? Потом Павел Антоныч накормил ее черносливом – Танька сперва не брала, – "он чернищий, нукошь умрешь", – дал ей несколько кусков сахара. Танька спрятала и думала:

"Ваське не дам, а как мать заголосит, ей дам".

Павел Антоныч причесал ее, подпоясал голубеньким пояском. Танька тихо улыбалась, втащила пояс под самые мышки и находила это очень красивым. На расспросы она отвечала иногда очень поспешно, иногда молчала и мотала головой.

В кабинете было тепло. В дальних темных комнатах четко стучал маятник... Танька прислушивалась, но уже не могла одолеть себя. В голове у нее роились сотни смутных мыслей, но они уже облекались сонным туманом.

Вдруг на стене слабо дрогнула струна на гитаре и пошел тихий звук. Танька засмеялась.

– Опять? – сказала она, поднимая брови, соединяя часы и гитару в одно.

Улыбка осветила суровое лицо Павла Антоныча, и давно уже не озарялось оно такою добротою, такою старчески-детскою радостью.

– погоди, – шепнул он, снимая со стены гитару. Сперва он сыграл «Качугу», потом "Марш на бегство Наполеона" и перешел на «Зореньку»:

Заря ль моя, зоренька.

Заря ль моя, ясная!

Он глядел на задремывающую Таньку, и ему стало казаться, что это она, уже молодой деревенской красавицей, поет вместе с ним песни:

По заре-зарю

играть хочется!

Деревенской красавицей! А что ждет ее? Что выйдет из ребенка, повстречавшегося лицом к лицу с голодною смертью?

Павел Антоныч нахмурил брови, крепко захватив струны...

Вот теперь его племянницы во флоренции... Танька и флоренция!..

Он встал, тихонько поцеловал Таньку в голову, пахнущую курной избой.

И пошел по комнате, шевеля бровями.

Он вспомнил соседние деревушки, вспомнил их обитателей. Сколько их, таких деревушек, – и везде они томятся от голода!

Павел Антоныч все быстрее ходил по кабинету, мягко ступая валенками, и часто останавливался перед портретом сына...

А Таньке снился сад, по которому она вечером ехала к дому. Сани тихо бежали в чащах, опушенных, как белым мехом, инеем. Сквозь них роились, трепетали и потухали огоньки, голубые, зеленые – звезды... Кругом стояли как будто белые хоромы, иней сыпался на лицо и щекотал щеки, как холодный пушок... Снился ей Васька, часовые рулады, слышалось, как мать не то плачет, не то поет в темной дымной избе старинные песни...

1892

Кастрюк

I

Внезапно выскочив из-за крайней избы, с полевой дороги, во всю прыть маленьких лошадок летели по деревенской улице барчуки из Залесного. Подпрыгивая и хватаясь за холки, они гнались вперегонки, и ветер пузырями надувал на их спинах ситцевые рубашки. Теленок шарахнулся от них в сенцы, куры и впереди них петух, приседая к земле, неслись куда глаза глядят. Но отчаяннее всех улепетывала по деревенской улице маленькая белоголовая девочка в одной рубашонке. Обезумев от страха, она вскочила на огороды, несколько раз с размаху упала по дороге и вдруг увидала в воротах риги дедушку. С звонким криком бросилась она в его колени.

– Что ты, что ты, дурочка? – закричал и дед, ловя ее за рубашку.

– Барчуки... на жеребцах! – захлебываясь от слез, едва могла выговорить внучка.

Дед усадил ее на колени, начал уговаривать.

Внучка скоро затихла и, изредка всхлипывая, обиженным, вздрагивающим голосом начала рассказывать, как было дело.

Поглаживая ее по голове, дед задумчиво улыбался. В риге было прохладно и уютно. В мягкую темноту ее из глубины ясного весеннего неба влетали ласточки исчиликаньем садились на переметы, на сани, сложенные в угол риги. Все было ясно и мирно кругом – и на деревне и в далеких зазеленевших полях. Утреннее солнце мягко пригрело землю, и по-весеннему дрожал вдаль тонкий пар над ней. Там, в полях, подымалась пашня, блестящие черные грачи перелетали около сох. Здесь, на деревне, в холодке от изб, только девочки тоненькими голосками напевали песни, сидя на траве за коклюшками. Кроме ребятишек и стариков, все были в поле – даже все Орелки, Буянки и Шарик.

Дед сегодня первый раз за всю жизнь остался дома на стариковском положении. Старуха померла мясоедом. Сам он пролежал всю раннюю весну и не видал, как деревня уехала на первые полевые работы. К концу Фоминой он стал выходить, но еще и теперь не поправился как следует. И вот всеми обстоятельствами деревенской жизни вынужден он проводить самое дорогое для работы утро дома.

– Ну, Кастрюк (деда все так звали на деревне, потому что выпивши, он любил петь про Кастрюка старинные веселые прибаутки), ну, Кастрюк, – говорил ему на заре сын, выравнивая гужи на сохе, между тем как его баба зашпиливала веретье на возу с картошками, – не тужи тут, поглядывай обапол дому да за Дашкой-то... Кабы ее телушка не забрухала...

Дед, без шапки, засунув руки в рукава полушубка, стоял около него.

– Кому Кастрюк – тебе дяденька, – говорил он с рассеянной улыбкой.

Сын, не слушая, затягивал зубами веревку и продолжал деловым тоном:

– Твое дело, брат, теперь стариковское. Да и горевать то, почесть, не по чем: оно только с виду сладко хрип-то гнуть.

– Да уж чего лучше, – отвечал дед машинально.

Когда сын уехал, он сходил за чем то в пуньку, потом передвинул в тень водовозку – все искал себе дела. То он бережливо, согнув старую спину, сметал муку в закроме, то там и сям тюкал топором. В риге он сел и пристально чистил трубку медной капаушкой. Иногда ворчал:

– Долго ли пролежал, – глядь, уж везде беспорядок. А умри – и все прахом пойдет.

Иногда старался подбодрить себя. "Небось!" – говорил он кому-то с задором и

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.r
значительно; иногда подергивал плечами и с ожесточением выговаривал: "Эх, мать твою не замать, отца твоего не трогать! Был конь, да уездился..." Но чаще опускал голову.

Закипели в колодезях воды,

Заболело во молодца сердце, –

напевал он, и ему вспоминалось прежнее, мысли тянулись к тому времени, когда он сам был хозяином, работником, молодым и выносливым. Глядя внучку по голове, он с любовью перебирал в памяти, что в такой-то год в эту пору он сеял, и с кем выходил в поле, и какая была у него тогда кобыла...

Внучка шепотом предложила пойти наломать веничков, про которые мать уже давно толковала. Дед легкомысленно забыл про пустую избу и, взяв за руку внучку, повел ее за деревню. Идя по мягкой, давно неезженной полевой дороге, они незаметно отошли от деревни с версту и принялись ломать полынь.

Вдруг Дашка встрепенулась.

– Дедушка, глянь-ка! – заговорила она и быстро и нараспев, – глянь-ка! Ах, ма-а- тушки!

Дед глянул и увидел бегущий вдали поезд. Он торопливо подхватил внучку на руки и вынес ее на бугорок, а она тянулась у него с рук и радостно твердила:

– Дедушка! Рысью, рысью!

Поезд разрастался и под уклон работал все быстрее, весь блестя на солнце. Долго и напряженно глядела Дашка на бегущие вагоны.

– Должно, к завтраму приедет, – сказала она в раздумье. Блестя трубой, цилиндрами, мелькающим поршнем, колесами, поезд тяжелым взмахом урагана пронесся мимо, завернул и мелькнув задним вагоном, стал сокращаться и пропадать вдали.

Жаворонки пели в теплом воздухе... Весело и важно кагакали грачи... Цвели цветы в траве около линии... Спутанный меринок, пофыркивая, щипал подорожник, и дед чувствовал, как даже мерину хорошо и привольно на весеннем корму в это ясное утро.

– Здорово, сударушка, – закричал он, завидев идущего по рельсам сторожа-солдата. – Здравия желаем, ваше благородие! – прибавил он, чтобы подделаться к солдату и поболтать немного.

– Здравствуй, – сказал солдат сухо, не вынимая изо рта трубки.

– Иди, сударушка, покурим, – продолжал дед, – погудеть с Кастрюком. Я, брат, ноне тоже замест часового приставлен.

– Я путь должен обревизовать к прибытию второго номера, – ответил сторож и, наклонившись, тюкнул молотком по рельсе и пошел дальше.

Дед застенчиво улыбнулся и крикнул солдату вдогонку.

– А то погодил бы!

Солдат не обернулся.

По дороге назад дед поболтал с пастухами и полюбовался на стадо.

– Дюже хороши ноне корма будут! – сказал он.

– Хороши, – ответил подпасок и вдруг, с криком – назад смертные! – бросился за свиньями.

Стадо привольно разбрелось по пару Жеманно, на разные лады, тонкими голосками перекликались ягнята. Один, упав на колени, засовал мордочкой под пах матери и так торопливо, дрожа хвостиком и подталкивая ее, стал сосать, что дед засмеялся от удовольствия.

II

Поспешно подходя к своей избе, он увидел, что по выгону, прямо к ней, едет молодой барин из Залесного, и бросился отгонять под гору соседскую кобылу: вороной барский жеребец весь заиграл и заплясал, выгибая шею.

Сдерживая его и сгибая своей тяжестью дрожки, барин въехал в тень избы и остановился. Дед почтительно стал у порога.

– Здравствуй, Кастрюк, – сказал барин ласково и, отирая красное лицо с рыжей бородой, достал папиросы.

– Жарко! – прибавил он и протянул папироску и деду.

– Непривычны, Миколай Петрович, – захихикал тот. – Трубочку вот, а то шкалик – другой красенького – это мы, старики, любим!

– А я было к вам по дельцу, – начал Николай Петрович отдуваясь. – Ездил

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
повешать на Мажаровку... надевай шапку-то, Семен!.. да вот, кстати, и к вам. Девоч
своих не пошлете ли ко мне?
– Аль еще не сажали? – спросил дед участливо.
– Запоздали нынче... не я один.
– Запоздали, Миколай Петрович, запоздали...
– Я... – продолжал барин и вдруг так зычно гаркнул: «балуй», что дед со всех
ног бросился держать жеребца.
– Немножко-то посадил, – опять начал барин, – а пора и совсем управиться.
Девчонок-то своих и турили бы ко мне.
– Разя один совладаешь, Миколай Петрович?
– Да ты скажи своим-то...
– Солдатка-то дома, что ль? – спросил дед деловым тоном у подошедшей старухи
и замаялся.
– Кабы солдатка была, она бы сбила, – сказал он, как бы оправдываясь. – А я,
сударушка, дома ноне сижу... Мне и отойтить нельзя... Кабы прежнее мое дело,
покоситься там али под паринку, – я бы единым духом.
– Жалко, – сказал барин задумчиво. – Видно, вечером заверну, – и взялся за
вожжи.
Чтобы как-нибудь задержать его, дед вдруг сказал:
– Ты, сударушка, нанял бы меня в работники...
– Что ж, нанимайся, – сказал барин, рассеянно улыбаясь.
– А когда заступать?
Барин пристально поглядел на него и качнул головою.
– Заступать когда! Эка ты – шустрый какой!
– Я-то, сударушка! Да я их всех, молоденьких, за пояс заткну! Я еще жениться
хочу! Да на свадьбе еще плясать буду!
– Да уж ты! – перебил барин, усмехаясь, ударил вожжей жеребца и покатыл по
выгону.
Дед постоял, подумал...
Все говорило ему, что он теперь отживший человек. Так только, для дому
нужен, пока еще ноги ходят... "Ишь покатыл!" – подумал он с сердцем, глядя вслед
убегавшим дрожкам, и пошел вынимать из печки похлебку.
Пообедав, внучка с ребятишками ушла в лужок за баранчиками. Все они так
жалобно просились пустить их, что дед не мог устоять. Только сказал:
– Не найдете, ребята, разве снытку только... В избе он от нечего делать снова
принялся за еду. Он натер себе картошек, налил в них немного молока (боялся, что
и за это сноха будет ругаться) и долго ел месиво.
В пустой избе стоял горячий, спертый воздух. Солнце сквозь маленькие,
склеенные из кусочков, мутные стекла било жаркими лучами на покоробленную доску
стола, которую, вместе с крошками хлеба и большой ложкой, черным роем облепили
мухи.
Вдруг дед с радостью вспомнил, что есть еще дело – достать из-под крыши
пачку листовой махорки, раскрошить ее и набить трубку. Влезая в сенцах по
каменной стене под застреху, он едва не сорвался – голова у него закружилась, в
спине заломило... Он опять с горечью подумал о своей старости и, уже лениво
дотащившись до порога избы, на который еще падала тень, медленно занялся делом.
В полдень деревня вся точно вымерла. Тишина весеннего знойного дня очаровала
ее...
Старухи-соседки долго «искались» под старой лозиной на выгоне, потом легли,
накрыли головы занавесками и заснули. Самые маленькие ребятишки хлопотливо
лепили из глины ульи, собравшись в размытом спуске около пруда. Изредка мычал
теленочек, привязанный за кол около спящих баб. Изредка доносился крик петуха и
нагонял на деревню тихую дрему. А в полях по-прежнему заливались жаворонки,
зеленели всходы и по горизонтам, как расплавленное стекло, дрожал и струился
пар.
Дед лег около пуньки. стараясь заснуть. Для этого он старался представить
себе, как шумит лес, как ходит волнами рожь на буграх по ветру и шуршит,
переливается, и слегка покачивался сам. Но сон не приходил.
Лежа с закрытыми глазами, дед все думал о своей старости.
Теперь небось Андрей крепко спит под телегом Деду же, может быть, до самой
смерти не придется больше заснуть в поле. В рабочую пору он будет проводить
долгие знойные дни наедине с внучкою... А ведь было время – лучше его не косил
никто во всей округе. Бывало, когда всей деревней косили у барина, он всех вел
за собою. Да никто не мог и выпить больше его, когда, вернувшись гурьбой с поля
на господский двор, мужики усаживались около амбара за ведром водки и начиналась
"веселая беседа".
Никогда, однако, не пропивал он ума и разума. Все у него было всегда в
порядке: и изба каждую осень крылась новой соломой, и кобыла была всегда в теле

("печка! – говорили мужики, – хоть спать ложись на спине!"), и свадьбу сына он справил всем на удивление. Вся деревня собралась смотреть, когда на первый, после княжеского пира, престольный праздник Андрей приехал к тестю. Рядом со своей разряженной бабой сел он в новые «козырьки», покрытые цветной попоной, выставил за грядку одну ногу в валенке и покатыл по выгону... Дед надеялся тогда, что под старость будет у него первая во всей деревне семья, что никому не позволит он ссориться, заводить дележи...

– Пирог ситный в обмочку, думал, буду есть, – пробормотал он.

Ан все вышло не по-гаданному.

Младший сын отделился, а старший хотя и остался с ним, да немного вышло проку... Главное же – старуха всех подрезала.

Умерла в самое плохое, голодное время. Да ослабели и его ноженьки, и придется ему теперь до смерти сидеть с ребятишками, вроде караульщика.

"Ишь ровесник-то мой, – подумал он с озлоблением, – Салтан-то – и то ушел со двора!"

И чего он, дед, маялся на свете и на что надеялся – бог его знает!

"Ни почету не дождался, – думал дед, вспоминая сына, посадившего его караульщиком, – ни богатства – ничего! И помрешь вот-вот, и ни один кобель по тебе не взвоет!"

III

Долго этот день показался ему!

Дашка воротилась из лужка и присоединилась к ребятам, игравшим в спуске.

"Ай уж и мне пойтить к ним свистульки лепить?" – думал дед с горькой улыбкой и, наконец, не выдержал.

– Посмотри, сударушка, за избой, – сказал он старухе-соседке, которая около пуньки медленно скатывала холсты.

– Ай соскучился? – спросила та жалобно.

– Соскучился, сударушка! И как только это вы, бабы, дома сидите!

– А ты надолго небось!

– Нет, я сейчас, в одну минутку...

До заката было еще далеко. Но Андрей должен был, по расчетам деда, управиться раньше вечера. Он поглядывал на солнце и решал, что осминник надо досадить именно к этой поре.

На выгоне он встретил возвращавшегося с поля Глебочку. Глебочка, высокий, худощавый мужик с веснушками на бледном лице и с опухшими красными веками, в старом полушубке, из лохматых дыр которого виднелась белая рубаха, покачивался, сидя боком на спине лошади: перевернутая соха тащилась сзади, дребезжа палицей о подвои.

– Ай, сударушка, рассохи-то пропил? – пошутил дед.

– Пропил, – с бледной улыбкой ответил Глебочка.

– А мои скоро?

– Должно, едут.

– Где ж девки-то твои?

– Девки идут, – ответил Глебочка картаво.

На валу, под молодыми лозинками, дед сел и, щурясь от низкого солнца, глядел в даль, по дороге.

Тишина кроткого весеннего вечера стояла в поле. На востоке чуть вырисовывалась гряда неподвижных нежно-розовых облаков. К закату собирались длинные перистые ткани тучек... Когда же солнце слегка задернулось одной из них, в поле, над широкой равниной, влажно зеленеющей всходами и пестреющей паром, тонко, нежно засинел воздух. Безмятежнее и еще слаще, чем днем, заливались жаворонки. С паров пахло свежестью, зацветающими травами, медовой пылью желтого донника... Дед закрывал глаза, прислушивался, убаюкиваясь.

"Эх, кабы теперь дождичка, – думал он, – то-то бы ржи-то поднялись! Да нет, опять солнышко чисто садится!"

Вспоминая, что и завтра предстоит ему стариковский день, он морщился, придумывал, как бы избавиться от него. Он досадливо качал головой, скреб спину, облаченную в длинную стариковскую рубаху... и, наконец, пришел к счастливой мысли.

– Ну, прикончил? – говорил он через полчаса заискивающим тоном, шагая рядом с сыном и держась за оглоблю сохи.

– Кончить-то кончил, – отвечал Андрей ласково, – а ты-то как? Небось соскучился?

– И-и, не приведи бог! – воскликнул дед ото всего сердца. – Сослужил, брат, службу... не хуже какого-нибудь солдата старого на капусте!

И смеясь, не желая придавать своим словам просящего выражения, попросился в ночное.

– С ребятами... а? – сказал он, заглядывая сыну в глаза.

– Что ж, води! – ответил Андрей. – Только не забудь на полях кобылу напоить. Дед закашлялся, чтобы скрыть свою радость.

IV

На закате, после ужина, положил он на спину кобылы зипун и полушубок, взвалился на нее животом и рысцей тронул за ребятами.

– Эй, погоди старика, – кричал он им.

Ребята не слушали. Старостин сынишка обскакал его, растарачив босые ножки на спине кругленького и екающего селезенкой мерина. Легкая пыль стлалась по дороге. Топот небольшого табуна сливался с веселыми криками и смехом.

– Дед, – кричали некоторые тоненькими голосками, – давай на обгонки!

Дед легонько поталкивал лаптями под брюхо кобылы. В лошине, за версту от деревни, он завернул на пруд. Отставив увязшую в тину ногу и нервно вздрагивая всей кожей от тонко поющих комаров, кобыла долго-долго однообразно сосала воду, и видно было, как вода волнисто шла по ее горлу. Перед концом питья она оторвалась на время от воды, подняла голову и медленно, тупо огляделась кругом. Дед ласково посвистал ей. Теплая вода капала с губ кобылы, а она не то задумалась, не то залюбовалась на тихую поверхность пруда. Глубоко-глубоко отражались в пруде и берег, и вечернее небо, и белые полосы облаков. Плавно качались части этой отраженной картины и сливались в одну от тихо раскатывающегося все шире и шире круга по воде... Потом кобыла сделала еще несколько глотков, глубоко вздохнула и, с чмоканьем вытащив из тины одну за другою ноги, вскарабкалась на берег.

Позвякивая полуоторванной подковой, бодрой иноходью пошла она по темнеющей дороге. От долгого дня у деда осталось такое впечатление, словно он пролежал его в болезни и теперь выздоровел. Он весело покрикивал на кобылу, вдыхал полной грудью свежий вечерний воздух.

"Не забыть бы подкову оторвать", – думал он.

В поле ребята курили донник, спорили, кому в какой черед дежурить.

– Будя, ребята, спорить-то, – сказал дед. – Карауль пока ты, Васька, – ведь, правда, твой черед-то. А вы, ребята, ложитесь. Только, смотри, не ложись головой на межу – домовою отдавит!

А когда лошади спокойно вникли в корм и прекратилась возня улегшихся рядышком ребят, смех над коростелью, которая оттого так скрипит, что дерет ногу об ногу, дед постлал себе у межи полушубок, зипун и с чистым сердцем, с благоговением стал на колени и долго молился на темное, звездное, прекрасное небо, на мерцающий Млечный Путь – святую дорогу ко граду Иерусалиму.

Наконец, и он лег.

Темнота разливалась над безбрежной равниной. В свежести весенней степной ночи тонули поля. За ними, за ночным мраком, слабо, как одинокая мачта, на слабом фоне заката маячил силуэт далекой-далекой мельницы...

1892

На хуторе

Долго-долго погорала заря бледным румянцем. Неуловимый свет и неуловимый сумрак мешались над равнинами хлебов. Темнело и в деревне, – одни оконца изб на выгоне еще отсвечивали медным блеском. Вечер был молчалив и спокоен. Загнали скотину, пришли с работ, поужинали на камнях перед избами и затихли... Не играли песен, не кричали ребятишки...

Все задумалось вечерней думой, задумался и Капитон Иваныч, сидя у поднятого окна.

Усадьба его стояла на горе; мелкорослый сад, состоявший из акаций и сирени, заглухший в лопухах и черныльнике, шел вниз, к ложине. Из окна, через кусты, было далеко видно.

Поле молчало, лежало в бледной темноте. Воздух был сухой и теплый. Звезды в небе трепетали скромно и таинственно. И одни только кузнечики неутомимо стрекотали под окнами в черныльнике, да в степи отчетливо выкрикивал «пять-пальвать» перепел.

Капитон Иваныч был один – как всегда. Ему словно на роду было написано всю

жизнь прожить одиноко. Мать и отец его, очень бедные, мелкопоместные дворяне, проживавшие у князей Ногайских, умерли, когда ему было меньше году от рождения. Детство и отрочество он провел в доме сумасшедшей тетки, старой деви, и в школе кантонистов. В юности он писал песни, подражая Дельвигу и Кольцову, называл ее в своих стансах Валентиной – на деле ее звали Анютой и была она дочь чиновника, служившего в комиссариате, – но взаимности не имел.

Имя у него было «как у дворецкого», наружность не обращающая на себя внимания; смуглый, худощавый и высокий, он похож был, по отзывам приятелей, на семинариста даже тогда, когда, по протекции князя (недаром говорили, что князь – отец Капитона Иваныча), добился офицерского чина. Тут ему досталось именице от тетки, и он вышел в отставку. Он еще воображал себя порою то героем из какого-нибудь романа Марлинского, то даже Печориным, стригся по новейшей моде – «а-ля-полька»... Но ничего не вышло из этого. «Валентина» поехала гостить к подруге и вышла замуж. А он «до гробовой доски» запер стихи в шифоньерке.

Он стал ходатайствовать; думал служить в только что открывшемся земстве, но и в земстве ему не повезло: предводитель, закусывая однажды в буфете дворянского собрания, сказал, что Капитон Иваныч «добряк, но фантазер... старый фантазер... отживающий свое время тип...». Капитон Иваныч перезнакомился с соседями мелкопоместными и увлекся охотой, приобретя себе незаменимого друга в легавой Джальме. И дни пошли за днями и стали слагаться в годы... Он стал настоящим мелкопоместным, носил «тужурку» и длинные черные усы; забыл даже думать о своей наружности и, вероятно, не знал, что его смуглое, немного рябое лицо очень привлекательно своей спокойной добротой...

Нынче он грустил. Утром зашла богомолка Агафья, бывшая дворовая Капитона Иваныча, и, между прочим, сказала:

- А помните, сударь, Анну Григорьевну?
- Помню, – сказал Капитон Иваныч.
- Умерла-с. Великим постом схоронили.

Целый день потом Капитон Иваныч неопределенно улыбался. А вечером... Вечер настал такой тихий и грустный!

Капитон Иваныч не стал ужинать, не лег спать рано, как ложился обыкновенно. Он свернул толстую папиросу из черного крепкого табаку и все сидел у окна, поджав под себя одну ногу.

Ему хотелось куда-то пойти. Как человек, привыкший все спокойно обдумывать, он спрашивал себя: «куда?». Разве перепелов ловить? Но заря уже прошла, да и идти не с кем. Семен нынче в ночном... Да и что перепела!

Он вздыхал и почесывал свой давно не бритый подбородок.

Как, в сущности, коротка и бедна человеческая жизнь. Давно ли был он мальчиком, юношей? Школа кантонистов – хорошо, что теперь их нет более! – холод, голод, поездки к тетке... Вот был человек! Он отлично помнил ее, старую худую деву с растрепанными, сухими черными волосами, с безумными глазами, – говорили, от несчастной любви сошла с ума, – помнил, как она, по старой институтской привычке, твердила наизусть французские басни, закатывая глаза и делая блаженную, важную физиономию; помнил и «Полонез Огинского»... Страстно и необычно звучал он, потому что с безумной страстью играла его старая дева... Ах, этот полонез! И она играла его...

Звезды в небе светят так скромно и загадочно; сухо трещат кузнечики, и убаюкивает и волнует этот шепот-треск... В зале стоят старинные фортепианы. Там открыты окна... Если бы туда вошла теперь она, легкая, как привидение, и заиграла, тронула старые звонко-отзывчивые клавиши! А потом они вышли бы из дома и пошли рядом полевой дорожкой, между ржами, прямо туда, где далеко-далеко брезжит свет запада...

Капитон Иваныч поймал себя и усмехнулся.

– Расфан-та-зировался... – протянул он вслух.

Трещали кузнечики в тихом вечернем воздухе, и из сада пахло лопухами, бледной, высокой «зарей» и крапивой. И этот запах напоминал – вечера, когда он приезжал домой, из города, и сладко было ему думать о ней, обманывать себя надеждами на счастье.

Ни одного огонька не светилось на деревне, когда он поднимался в гору. Все спало под открытым звездным небом. Темны и теплы были апрельские ночи; мягко благоухали сады черемухой, лягушки заводили в прудах дремотную, чуть звенящую музыку, которая так идет к ранней весне... И долго не спалось ему тогда на соломе, в садовом шалаше! По часам следил он за каждым огоньком, что мерцал и пропадал в мутно-молочном тумане дальних ложин; если оттуда с забытого пруда долетал иногда крик цапли – таинственным казался этот крик и таинственно стояла темнота в аллеях... А когда перед зарей, охваченной сочной свежестью сада, он открывал глаза – сквозь полураскрытую крышу шалаша на него глядели целомудренные предутренние звезды...

Капитон Иваныч встал и пошел по дому. Шаги его отдавались по комнатам, полы кое-где гнулись и скрипели.

«Восемьдесят лет домику! – думал Капитон Иваныч. – Вот осенью надо звать плотников, а то холод зимою будет ужасный!»

Шагая по зале, он чувствовал себя как-то неловко. Высокий, худой, немного сгорбленный, в длинных старых сапогах и расстегнутой тужурке, из-под которой виднелась ситцевая косоворотка, он бродил по залу и, поднимая брови, покачивая головою, напевал «Полонез». Он чувствовал что он сам следит за своею походкою и фигуру представляет себя как другого человека, шагающего в полусвете старинной залы, человека, который бродит один-одинешенек, которому грустно и которого ему до боли жаль. Он взял картуз и вышел из дому.

На дворе было светлее. Свет зари, погасающей за деревней, еще слабо разливался по двору.

– Михайла! – тихонько позвал Капитон Иваныч старого пастуха. Никто не откликнулся. Михайла ушел «ко двору, рубаху сменить».

Стараясь придумать себе дело, он направился по двору к варку: накопил ли Митька травы коровам? Но, думая совсем о другом, Капитон Иваныч только постоял у варка.

– Митька! – позвал он.

Опять никто не отозвался. Только за воротами тяжело-тяжело вздохнула корова и завозились и затрепыхали крыльями на насесте куры.

«Да и на что они мне нужны?» – подумал Капитон Иваныч и не спеша пошел за каретный сарай, туда, где начинались на косогоре ржи. Шурша, пробрался он по глухой крапиве на бугор, закурил и сел.

Широкая равнина лежала внизу в бледной темноте. С косогора была далеко видна молчаливо утонувшая в сумраке окрестность.

«Сижу, как сыч на бугре, – подумал Капитон Иваныч. – Вот, скажет народ, делать нечего старику!»

«А ведь правда – старик я, – продолжал он размышлять. – Умирать скоро... Вот и Анна Григорьевна померла... Где же это все девалось, все прежнее?»

Он долго смотрел в далекое поле, долго прислушивался к вечерней тишине...

– Как же это так? – сказал он вслух. – Будет все по-прежнему, будет садиться солнце, будут мужики с перевернутыми сохами ехать с поля... будут зори в рабочую пору, а я ничего этого не увижу, да не только не увижу меня совсем не будет! И хоть тысяча лет пройдет – я никогда не появлюсь на свете, никогда не приду и не сяду на этом бугре! Где же я буду?

Сгорбившись, закрывши глаза и потягивая левою рукой черный, сидящий ус, он сидел, покачивался...

Сколько лет представлялось, что вот там-то, впереди, Судет что-то значительное, главное... Был когда-то мальчиком, был молод... Потом... в жаркий день на выборы на дрожках ехал по большой дороге! И Капитон Иваныч сам усмехнулся на такой скачок своих мыслей...

Но и это уже давно было. И вот доходишь до такой поры, в которой, говорят, все кончается; семьдесят, восемьдесят лет... а дальше уже и считать не принято! Что же наконец, долга или коротка жизнь?

«Долга! – подумал Капитон Иваныч. – Да, все-таки долга!»

В темном небе вспыхнула и прокатилась звезда. Он поднял кверху старческие грустные глаза и долго смотрел в небо. И от этой глубины, мягкой темноты звездной бесконечности ему стало легче. «Ну, так что же! Тихо прожил, тихо и умру, как в свое время высохнет и свалится лист вот с этого кустика...» Очертания полей едва-едва обозначались теперь в ночном сумраке. Сумрак стал гуще, и звезды, казалось, сияли выше. Отчетливее слышался редкий крик перепелов. Свежее пахло травой... Он легко, свободно вздохнул полной грудью. Как живо чувствовал он свое кронное родство с этой безмолвной природой!

1892

Вести с родины

«А право, – с улыбкой подумал Волков, сидя вечером в собрании сельскохозяйственного общества, – нигде так не развиваются способности к живописи, как на заседаниях! Ишь, как старательно выводят!»

Головы сидящих за зеленым освещенным столом были наклонены; все рисовали –

вензеля, монограммы, необыкновенные профили. Чай, бесшумно разносимый сторожами, изредка прерывал эти занятия. Спор вице-президента с одним из членов общества на время оживил всех; но доклад, который монотонно начал читать секретарь, снова заставил всех взяться за карандаши. Рассеянно глядя на белую руку президента, в которой дымилась папироса, Волков почувствовал, что его трогают за рукав: перед ним стоял его товарищ по агрономическому институту и сожитель по меблированным комнатам, поляк Свида, высокий, худой и угловатый в своем старом мундире.

– Здравствуйте, – сказал он шепотом, – о чем речь?

– Доклад Толвинского: «Из практики сохранения кормовой свекловицы».

Свида сел и, протирая снятые очки, утомленными глазами посмотрел на Волкова.

– Там вам телеграмму принесли, – сказал он и поднял очки, разглядывая их на свет.

– Из института? – быстро спросил Волков.

– Не могу знать.

– Из института, верно, – сказал Волков.

И, поднявшись торопливо, на цыпочках пошел из залы. В швейцарской, где уже не надо было держать себя напряженно, он вздохнул свободнее, быстро надел шинель и вышел на улицу.

Дул сырой мартовский ветер. Темное небо над освещенной улицей казалось черным, тяжелым пологом. Около колеблющихся в фонарях газовых рожков видно было, как из этой непроглядной темноты одна за другой неслись белые снежинки. Волков поднял воротник и быстро пошел по мокрым и блестящим асфальтовым панелям, засовывая руки в карманы.

«И чего только не рисуют, – думал он. – И как старательно!»

Темнота, сырой ветер, треск проносящихся экипажей не мешали его спокойному и бодрому настроению. Телеграмма, верно, из института... Да она теперь и не нужна. Он уже знал, что через полмесяца будет помощником директора опытного поля; перевезет туда все свои книги, гербарии, коллекции, образцы почв... Все это надо будет уставить, разложить (он уже ясно представлял себе свою комнату и себя самого за столом, в блузе), а затем начать работать серьезно – и практически, и по части диссертации...

– «Восста-аньте из гробов!» – пропел он с веселым пафосом, заворачивая за угол, и столкнулся с невысоким господином, у которого из-под шапки блеснули очки.

– Иван Трофимыч?

Иван Трофимыч живо вскинул кверху бородку и, улыбаясь, стиснул руку Волкова своею холодною и мокрою маленькой рукою.

– Вы откуда?

– Из сельскохозяйственного, – ответил Волков.

– Что же так рано?

– «По домашним обстоятельствам». А вы?

– Из конторы. Работаем, батенька...

– У вас, значит, и вечерние занятия?

– Да, то есть нет, только весною – к отчету подгоняем... Да скверно, знаете...

Даже не скверно, собственно говоря, а прямо-таки – подло... Бессмыслица...

Иван Трофимыч запустил руки в карманы и съежился в своем пальтишке с небольшим, потешным воротником из старого меха.

– Почему? – спросил Волков. Иван Трофимыч встрепенулся.

– То есть как почему? Да на кой черт кому нужна эта работа? Какой смысл, позвольте спросить, в этих пудо-верстах, осе-верстах, пробегах и во всяких этих столах переборов и всяческих ахинеях?

– Ну, положим, смысл-то есть...

– Белиберда! – воскликнул Иван Трофимыч с сердцем. Волков снисходительно улыбнулся.

– Ну, идите куда-нибудь еще, – сказал он спокойно

– То есть куда это?

– Да у вас ведь имеется диплом?

– Самый форменный.

– Ну, и что же?

– Ну, и что же? – повторил Иван Трофимыч, поднимая брови и сверкая очками. – Вы думаете, я не ушел бы? Да ради бога – куда угодно! Вы подумайте только, – начал он с напряжением, отчетливо, беря Волкова за борт пальто, но Волков перебил его:

– Отчего же не идете?

– Вам сколько лет? – вдруг спросил Иван Трофимыч.

– Двадцать четыре года и пять месяцев. А что?

– Ну, вот видите! А мне сорок... И, главное, никуда, то есть так-таки никуда меня не пустят. Я ведь якутский человек. Понимаете? Вот теперь люди мрут от

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.p голода, есть живое, святое дело... Понимаете? Святое! А разве нас с вами пустят туда?

– Я занимаюсь наукой и работаю, могу сказать, серьезно, – сказал Волков.

– И пудо-верстами вы бы занялись так же серьезно?

– Пожалуй, и пудо-верстами... Я, право, не понимаю, господа...

– Прекрасно, – почти закричал Иван Трофимыч, – я отлично знаю, что вы, господа, многого действительно не понимаете! Только вот что, батенька, – утешаю себя недоверием, понимаете, утешаю себя тем, что многие из вас только играют в эту трезвость! Разумеется, уже сама по себе эта игра...

– Именно играть-то мы и не хотим, – перебил Волков. – Вы говорите: идите, помогайте. А мы будем помогать наукой, а не «хорошими» словами.

Иван Трофимыч махнул рукой.

– Мы, знаете, так раскричались с вами, – сказал он с улыбкой и крепко пожал руку Волкова, – будьте здоровы!

И, повернувшись, съехал и скрылся за углом. Волков постоял, подумал... И, мгновенно забыв об Иване Трофимыче, зашагал еще быстрее.

Он торопливо пробежал лестницу своих меблированных комнат, отпер номер и при спичке разорвал телеграмму.

«Посылаются пятницу девятнадцатого», – стояло в ней.

На столе, кроме телеграммы, лежали два письма. Адрес на одном из них написан был рукой зятя. Волков зажег свечи, сел на диван и с улыбкой принялся за письмо.

«Любезный брат Дмитрий, – читал он, – мы, разумеется, все живы и здоровы, про тебя, конечно, ничего не знаем: как уехал, прислал два слова; пиши, брат, пожалуйста, поскорее, приедешь ли ты хоть к святой неделе. Отвечай поскорее, а то вот-вот полая вода и на станцию не будет ни проходу, ни проезду...»

Волков перевернул страницу и стал просматривать конец письма:

«Невозможно проехать в город, все метели, а голодают у нас здорово. Впрочем, я тебе не писал со святок, и ты не знаешь, что в Двориках умерло несколько человек. Умерла, брат, наша Федора, кривой солдат воргольский и Мишка Шмыренко. У Мишки прежде умер ребенок, а на первой неделе и сам он – от голодного тифа...»

Волков вдруг опустил письмо... переставил подсвечник и снова с ужасом и напряжением перечитал эти две строки:

«...Умерла Федора, кривой солдат воргольский и Машка Шмыренко...»

– Не может быть! – сказал он громко, поднимаясь. – Не может быть! Мишка – друг детства... головастики вместе ловили... от голода!

Волков опять сел, криво улыбнулся, снова вскочил и торопливо пошел к дверям. Но от двери он круто повернулся и зашагал по комнате, быстро пощелкивая пальцами и ловя разлетевшиеся мысли...

Он читал в газетах, что там-то и там-то люди пухнут от голода, уходят целыми деревнями побираться, покупал сборники и всякие книжки в пользу голодающих или, как на них печаталось, «в пользу пострадавших от неурожая». Но те, пухнувшие от голода, казанские мужики не отделялись от газетных строк; а это не казанские мужики, это истомился и свалился с ног и скончался на холодной печке Мишка Шмыренко, с которым он когда-то, как с родным братом, спал на своей детской кровати, звонко перекинулся, купаясь в пруде, ловил головастиков. И вот он умер, и на распутицу для него ездили в село за тесом на гроб. Максим, колесник, сколотил этот гроб, и в него положили детски-худое тело Мишки. У него и прежде были узкие плечи, худощавое лицо... Но еще худее стал он, когда его, в белой новой рубахе, клали в гроб. И наутро этот гроб поставили на розвальни и повезли по весенним полям в село...

Наклонившись под кровать, Волков вытащил оттуда большой деревянный ящик. В ящике лежало несколько ветхих детских учебников, и на исподней стороне их переплетов Волков увидел рисунки Мишки: кривой дом с зигзагообразным дымом из трубы, удивительно изогнувшийся конь с хвостом, похожим на этот дым, и разъехавшиеся в разные стороны караули: «Михаил Колесов»...

Еще до сих пор от этих книг пахло курной избой. Вместе с Мишкой бегал он в Дворики учиться по ним у солдата Савелия. Там, при тусклом свете коптящей лампочки, за столом сидела толпа ребятишек. Поминутно чмокала отворявшаяся дверь и словно вливались в волны пара новые ученики. Шумно усаживались они за стол и, положив на него локти и болтая под лавкой ногами, наперебой начинали долбить уроки.

– «Богородица-диво-радуйся... Богородица-диво-радуй-ся...» – тоненьким голоском заливался Мишка.

– «А ну-ка, Бишка, почитай, что в книжке...» – сосредоточенно бубнил старостин сын Никитка, толстый малый, который всегда сидел без полушубка, но в шарфе.

Сам Догадун, староста, коренастый мужик с румяным лицом и сивыми кудрями, расчесанными на прямой ряд, стоял против стола, опершись на сажень, с которой не расставался.

– Никит, – перебивал он иногда важно, – ты что учишь?

Никитка решительно откашливался, краснел и отвечал сиплым шепотом.

– Выучил?

– Нет еще.

– Ну, так стой, погоди, ребята, – продолжал Догадун, – разгадай задачу... А вы все, ребята, тоже не дреми!

И он начинал:

– Шли пять стариц и несли они, ребята, по пяти костылей. На каждом костыле – по пяти суков, на каждом суку – по пяти кошелей, у каждом кошеле – по пяти пирогов, у каждом пирогу... к примеру сказать, по пяти воробьев. Сколько это воробьев выходит?... Ну-ка, барчук?

И с каким удовольствием барчук забивался тогда с Мишкой в угол и каким торопливым шепотом начинал считать, воробьев, пока явившаяся за ним кухарка не увозила их обоих на розвальнях домой!

Мать Мишки жила тогда у Волковых. Теперешний помощник директора опытного поля ревел тогда по целым вечерам, если к нему не пускали Мишку. У Мишки болели с лета губы от лопухов и козельчиков, и боялись, что это пристанет к барчуку. Но Мишка успевал-таки иногда удрать в хоромы. Вечером он внезапно влетал в детскую.

– Насилушка убёг, – говорил он, запыхавшись, и его глазки сверкали радостью.

От него пахло снегом, зимней свежестью; он летел по сугробам босой, в изорванной на животе рубашонке и коротеньких портчонках. Нянька с неудовольствием поглядывала на него, грязного от саж, оборванного и взлохмаченного. Но Митя испускал при его появлении звонкий крик, настаивал, чтобы Мишка непременно остался с ним в детской на ночь. Весь вечер они строили на постели «кутки», были «нарочно разбойники», разглядывали и вырезывали картинки...

«Как же так случилось, – думал Волков, – как могло это случиться – эта голодная смерть?»

Его повезли в летний день в тарантасе в город в гимназию. Мишка только за гумном успел увидеть его. Он с утра сидел в коноплянике, желая проститься с ним. В дом, где была суета, его не пускала мать... И когда Митя довольно холодно попрощался с ним, он повернулся, заплакал и тихо пошел по меже к деревне, поддерживая одной рукой штанишки и ступая босыми ножками по горячей пыли... Митя же глядел вперед, все мысли его заняты были только новым кепи...

В гимназии он стоял на актах и ждал книжки с золоченым переплетом, а Мишка в это время стоял с плетушкой колоса около риги... Надвигались зимние сумерки... все было серо, тихо в деревушке, приютившейся около лощинки, среди снежных полей, слившихся с темным небом... слышались голоса баб, скликавших выпущенных овец – «вычь, вычь, вычь!..» Покачивая бадьей, его мать шла в лощинку за снеговой водою...

Митя в бессознательном веселье напивался на первых студенческих вечеринках, а Мишка был в это время уже хозяин, мужик, обремененный горем и семьею. В те зимние ночи, когда Митя, среди говора, дыма и хлопанья пивных пробок, до хрипоты спорил или пел: «Из страны, страны далекой...», Мишка шел с обозом в город... В поле бушевала вьюга... В темноте брели по пояс в снегу мужики, не присаживаясь до самого рассвета: на санях были навалены бочки с винокуренного завода. Иногда весь обоз останавливался... Сквозь вьюгу и ветер слышалась перекличка, ругань... Мишке приходилось лазить по сугробам, отыскивая дорогу, или одереженевшими пальцами и зубами затягивать оборвавшуюся завертку...

Когда Митя приезжал гимназистом на каникулы, он еще был близок с Мишкой. Он просил его говорить ему «ты», они ходили с ним ловить перепелов, вели душевные беседы, лежа по ночам на межах, среди ржей. Но потом...

Волков закрыл лицо руками. Он вспомнил свою последнюю встречу с Мишкой – месяца три тому назад, на Рождестве.

Волков был в деревне. На хутор съехалось много гостей. На другой день Нового года задумали ехать в город, в театр, и ночью поехали на тройках на станцию.

Ночь была страшно морозная и ветреная; сухой, мерзлый снег визжал и скрипел под санями; за необозримым мертвым полем всходил красный огромный месяц, и в его низком свете видно было, как задирали и дымилась поземка. Волков, отвернувшись от колющего ветра, слушал визг саней и курил папиросу; ветер разносил красные искры и доносил до него отрывки разговоров, смех, звон бубенчиков на другой тройке... Кто-то крикнул: «Пошел», лошади рванулись, ветер стал кидать снегом в лицо и размахивать и отбрасывать обмерзший воротник. Волков приподнялся, чтобы поправить шубу... Чья-то пешая, занесенная снегом фигура мелькнула перед ним.

На станции пришлось ждать долго, и когда Волков пошел пред приходом поезда в залу третьего класса за билетом, то увидел эту фигуру около дверей.

– Мишка! Ты? – воскликнул Волков.

И вдруг случилось то, от чего теперь у него облилось сердце кровью: Мишка,

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
прежде веселый, бойкий, торопливо сдернул шапочку и ответил испуганно и покорно:

– Я-с, Дмитрий Петрович...

– Ты зачем здесь? – спросил Волков, подавая ему руку.

Он был в растрепанных лаптях, и углы воротника его рваного зипуна торчали по-нищенски, закрывая исхудалое, болезненное лицо.

– Попроситься в город, – отвечал Мишка простуженным голосом.

– Как попроситься?

– На машину...

– Да как попроситься?

Мишка слабо улыбнулся.

– Даром не проедешь, – сказал он тихо.

Волков купил ему билет, всунул его в руку ему. Мишка, стоя без шапки, долго и безучастно глядел на билет.

В поезде Волков вспомнил про Мишку снова и пошел искать его. В промерзлом, трещащем на ходу вагоне он увидел его около красной, раскаленной печки.

– Ты зачем в город-то?

– Беда! – заговорил Мишка монотонно. – Може, в городе что найду... Совсем обезживотел...

– Не может быть! – воскликнул опять Волков. – Не может этого быть!..

Коллекции, гербарии... «Кормовая свекловица»... Какая галиматья!

И, стискивая пальцы, стал хохотать и качаться, как от зубной боли.

1893

На чужой стороне

На вокзале не было обычной суматохи: наступила святая ночь. Когда прошел курьерский девятичасовой поезд, все поспешили докончить только самые неотложные дела, чтобы поскорее разойтись по квартирам, вымыться, надеть все чистое и в семье, с облегченным сердцем, дожидаться праздника, отдохнуть хоть ненадолго от беспорядочной жизни.

Полутемная зала третьего класса, всегда переполненная людьми, гулом настойчивого говора, тяжелым теплым воздухом, теперь была пуста и прибрана. В отворенные окна и двери веяло свежестью южной ночи. В углу восковые свечи слабо озаряли аналой и золотые иконы, и среди них грустно глядел темный лик спасителя. Лампада красного стекла тихо покачивалась перед ним, по золотому окладу двигались полосы сумрака и света...

Проезжим мужикам из голодающей губернии некуда было пойти подготовиться к празднику. Они сидели в темноте, на конце длинной платформы.

Они чувствовали себя где-то страшно далеко от родных мест, среди чужих людей, под чужим небом. Первый раз в жизни им пришлось двинуться на «низ», на дальние заработки. Они всего боялись и даже перед носильщиками неловко и торопливо сдергивали свои растрепанные шапки. Уже второй день томились они скукой, ожидая, пока к ним выйдет тщедушная и горделивая фигурка помощника начальника станции (они уже успели прозвать его "кочетком") и строго объявит, когда и какой товарный поезд потянет их на Харцызскую. Со скуки они весь день проспали.

Надвигались тучи. Изредка обдавал теплый благовонный ветер, запах распускающихся тополей. Не смолкая ни на минуту, неся с ближнего болота злорадный хохот лягушек и, как всякий непрерывный звук, не нарушал тишины. Направо едва-едва светил закат; тускло поблескивая, убегали туда рельсы. Налево уже стояла синяя темнота. Огонек диска висел в воздухе одинокой зеленовато-бледной звездочкой. Оттуда, с неизвестных степных мест, шла ночь...

– Ох, должно, не скоро еще! – шепотом сказал один, полулежавший около вокзальных ведер, и протяжно зевнул.

– Служба-то? – отозвался другой. – Должно, не скоро. Теперь не более семи. – А то и всех восемь наберется, – добавил третий. Всем было тяжело. Только один не хотел сознаться в этом.

– Ай соскучился? А-а-а... – зевнул он, передразнивая первого говорившего. – Гляди, ребята, заревет еще, пожалуй!

– Будя, Кириух, буравить-то, – серьезно ответил первый и деловым тоном обратился к соседу: – Парменыч, поди глянь на часы, ты письменный.

Пармёныч отозвался добрым слабым голосом:

– Не уразумею, малый, по тутешним, все сбиваюсь: целых три стрелки.

– Да аи не все равно? – опять заметил Кирилл насмешливо. – Хушь смотри, хушь не смотри – одна честь...

Долго молчали. Тучи надвинулись, густая темнота теплой ночи мягко обнимала все. Старик открыл трубку, помял пальцем красневший в ней огонь и на время так жарко раскурил ее, что смутно осветил свои седые солдатские усы и ворот зипуна. На мгновение выступили из мрака и белая рубаха лежащего на животе Кирилла, и заскорузлые, изорванные полушубки двух других пожилых мужиков. Потом он закрыл трубку, попытался и покосился влево, на своего племянника. Тот дремал. Длинные худые ноги его, завернутые в белые суконные портянки, лежали без движения; по очертаниям худощавого тела было видно, что это совсем еще мальчик, истомленный и до времени вытянувшийся на работе.

– Федор, спишь? – тихо окликнул его старик.

– Н-нет, – ответил тот сиплым голосом.

Старик ласково наклонился к нему и, улыбаясь, шепотом спросил:

– Аи соскучился?

Ответ последовал не сразу:

– Чего ж мне скучать?

– Да ну! Ты скажи, не бойся.

– Я и так не боюсь.

– То-то, мол, не таись...

Федька молчал. Старик погладел на его худенькие плечи... потом тихонько отвернулся.

Уже и на закате стемнело. Контуры вокзальных крыш едва рисовались на фоне ночного неба. Там, где оно сливалось с темнотою земли, перекрещивались и мигали зеленые, синие и красные огоньки. Осторожно лязгая колесами, прокатился мимо платформы паровоз, осветил ее красным отблеском растопленной печки, около которой, как в темном уголке ада, копошились какие-то черные люди, и все опять потонуло в темноте. Мужики долго прислушивались, как он где-то в стороне сипел горячим паром.

Потом издалека гнусаво запел рожок. Из темноты и из-за разноцветных огней выделился треугольник огненных глаз. Он разгорался и приближался медленно-медленно, а за ним тянулся длинный, бесконечно длинный товарный поезд; подвигаясь все слабее, он остановился и затих. Через минуту что-то завизжало, заскрипело, вагоны дрогнули, подались назад – и замерли. Раздались чьи-то громкие голоса и тоже смолкли. Кто-то невидимый нес фонарь, и светлый круг, колеблясь, двигался по земле, под стеной вагонов.

– Тридцать четыре, – сказал один из мужиков.

– Кого? Вагонов-то? Боле будя.

– А может, и боле...

Федька облокотился на руку и долго глядел на темную массу паровоза, смутно освещенную посередине, слушал, как что-то хлопотало и замирало в нем, как потом он отделился от поезда и, облегченно и тяжело дохнув несколько раз, ушел в темноту, отрывистыми свистками требуя пути... Ничто, ничто не напоминало тут праздника!

– Я думал, они хушь в праздник-то не ходят, – сказал Фалька.

– Ну да, не ходят! Им нельзя не ходить...

И слышались несмелые предположения, что, может быть, с этим-то поездом их и отправят. Тяжело в такую ночь сидеть в темноте товарных вагонов, да уж все одно, лучше бы отправили! Старик заговорил о Харцызской. Но впереди была полная неизвестность: и где эта Харцызская, и когда они приедут туда, и какая будет работа, да и будет ли еще? Вот если бы земляков встретить, которые направили бы на хорошее место! А то, пожалуй, опять придется сидеть где-нибудь в томительном ожидании, запивать сухой хлеб теплой водой из вокзальной кадки. И тоска, тревога снова овладела всеми. Даже Кирилл заворочался, беспокойно зачесался, сел и опустил голову...

– И чего тут остались? – слышался один неуверенный голос. – Хушь бы в город пошли – авось всего версты четыре...

– А ну как сейчас велят садиться? – угрюмо ответил Кирилл. – Его пропустишь, а там и сиди опять десять ден. – Надо пойтить спросить...

– Спросить? У кого?

– Да у начальника...

– И правда, пожалуй...

– Да его теперь небось нету...

– Ну, кто-нибудь за него...

– Служба-то и тут такая же будет, – проговорил Кирилл по-прежнему угрюмо.

– Не такая же, короткая, сказывали, будет... И разговеться тоже нечем...

– А как совсем пойдешь Христа ради? И все с тоской поглядели на вокзальные постройки, где светились окна, где в каждой семье шли приготовления к празднику. – Дни-то, дни-то какие! – со вздохом, слабым задушевым голосом сказал старик. – А мы, как татары какие, и в церкви ни разу не были!

– Ты бы теперь уж на клиросе читал, дедушка...

Но старик не слышал этих мягко и грустно сказанных слов. Он сидел и бормотал в раздумье: "Предходят сему лица ангельстии со всяким началом и властью... лице закрывающе и вопиюще песнь аллилуйя..."

И, помолчав, прибавил увереннее, глядя в одну точку перед собою: "Воскресни, боже, суди земли, яко ты наследииши во всех языцех..."

Все упорно молчали.

Все думали об одном, всех соединяла одна грусть, одни воспоминания. Вот наступает вечер, наступает сдержанная суматоха последних приготовлений к церкви. На дворах запрягают лошадей, ходят мужики в новых сапогах и еще распоясанных рубахах, с мокрыми расчесанными волосами; полунаряженные девки и бабы то и дело перебегают от изб к пульткам, в избах завязывают в платки куличи и пасхи... Потом деревня остается пустою и тихою... Над темной чертой горизонта, на фоне заката, видны силуэты идущих и едущих на село... На селе, около церкви, поскрипывают в темноте подъезжающие телеги; церковь освещается... В церкви уже идет чтение, уже теснота и легкая толкотня, пахнет восковыми свечами, новыми полушубками и свежими ситцами... А на паперти и на могилах, с другой стороны церкви, темнеют кучки народа, слышатся голоса...

Вдруг где-то далеко ударили в колокол. Мужики зашевелились, разом поднялись и, крестясь, с обнаженными головами, до земли поклонились на восток.

– Федор! Вставай! – взволнованно забормотал старик.

Мальчик вскочил и закрестился быстро и нервно. Засуетились и прочие, торопливо накидывая на плечи котомки.

В окнах вокзала уже трепетали огни восковых свечей. Золотые иконы сливались с золотым их блеском. Зала ретягого класса наполнялась служащими, рабочими. Мужики стали на платформе, у дверей, не смея войти в них.

Поспешно прошел молодой священник с причтем и стал качаться в светлые ризы, шуршащие глазом; он что-то сварил и зорко вглядывался в полусумрак наполнявшейся народом залы. Зажигаемые свечи осторожно потрескивали, ветерок колебал их огни. А издалека, под темным ночным небом, лился густой звон.

"Воскресение твое, Христе спасе, ангели поют на небеси..." – торопясь, начал священник звонким тенором.

И как только он сказал это, вся толпа заволновалась, задвигалась, крестясь и кланяясь, и сразу стало светлее в зале, на всех лицах засиял теплый отблеск восковых свечек.

Одни мужики стояли в темноте. Они опустили на колени и торопливо крестились, то надолго припадая лбами к порогу, то жадно и скорбно смотря в глубину освещенной залы, на огни и иконы, подняв свои худые лица с пепельными губами, свои голодные глаза...

– Воскресни, боже, суди земли!

1893

На край света

I

То, что так долго всех волновало и тревожило, наконец разрешилось: Великий Перевоз сразу опустел наполовину.

Много белых и голубых хат осиротело в этот летний вечер. Много народу навек покинуло родимое село – его зеленые переулки между садами, пыльный базарный выгон, где так весело в солнечное воскресное утро, когда крутом стоит говор, гудит бранью и спорами корчма, выкрикивают торговки, поют нищие, пиликает скрипка, меланхолично жужжит лира, а важные волю, прикрывая от солнца глаза, сонно жуют сено под эти нестройные звуки; покинуло разноцветные огороды и густые верболозы с матово-бледной длинной листвою над криницею, при спуске к затону реки, где в тихие вечера в воде что-то стонет глухо и однотонно, словно дует в пустую бочку; навсегда покинуло родину для далеких уссурийских земель и ушло «на

Когда на село, расположенное в долине, легла широкая и прохладная тень от горы, закрывающей запад, а в долине, к горизонту, все зарумянилось отблеском заката, зарделись рощи, вспыхнули алым глянец изгибы реки, и за рекой как золото засверкали равнины песков, народ, пестреющий яркими, праздничными нарядами, собрался на зеленую леваду, к белой старинной церковке, где молились еще казаки и чумаки перед своими далекими походами.

Там, под открытым небом, между нагруженных телег, начался молебен, и в толпе воцарилась мертвая тишина. Голос священника звучал внятно и отдельно, и каждое слово молитвы проникало до глубины каждого сердца...

Много слез упало на этом месте и в былые дни. Стояли здесь когда-то снаряженные в далекий путь «лыцари». Они тоже прощались, как перед кончиной, и с детьми и с женами, и не в одном сердце заранее звучала тогда величаво-грустная «дума» о том, «як на Чорному Морі, на білому камені сидить ясен сокіл-білозірець, жалібненько квилить-поквиляє...». Многих из них ожидали «кайдани турецькії, каторга бусурманська», и «сиві тумани» в дороге, и одинокая смерть под степным курганом, и стаи орлов сизокрылых, что будут «на чорнії кудрі наступати, з лоба очі козацьки видирати...». Но тогда надо всем витала гордая казацкая воля. А теперь стоит серая толпа, которую навсегда выгоняет на край света не прихоть казацкая, а нищета, эти желтые пески, что сверкают за рекою. И как на великой панихиде, заказанной по самом себе, тихо стоял народ на молебне с поникшими, обнаженными головами. Только ласточки звонко щебетали над ними, проносясь и утопая в вечернем воздухе, в голубом глубоком небе...

А потом поднялись вопли. И среди гортанного говора, плача и криков двинулся обоз по дороге в гору. В последний раз показался Великий Перевоз в родной долине – и скрылся... И сам обоз скрылся наконец за хлебами, в полях, в блеске низкого вечернего солнца...

II

Провожавшие возвращались домой. Народ толпами валил под гору, к хатам. Были и такие, что только вздохнули и пошли домой торопливо и беспечно. Но таких было мало.

Молча, покорно согнувшись, шли старики и старухи; хмурились суровые хозяйственные мужики; плакали дети, которых тащили за маленькие ручки отцы и матери; громко кричали молодые бабы и дивчата.

Вот две спускаются под гору, по каменистой дороге. Одна, крепкая, невысокая, хмурит брови и рассеянно смотрит своими черными серьезными глазами куда-то вдаль, по долине. Другая, высокая, худенькая, плачет... Обе наряжены по-праздничному, но как горько плачет одна, прижимая к глазам рукава сорочки! Спотыкаются сафьяновые сапоги, на которые так красиво падает из-под плахты белоснежный подол... Звонко, с неудержимой радостью пела она до глубокой ночи, бегая на берегу с ведрами, когда отец Юхыма твердо сказал, что не пойдет на новые места! А потом...

– Прокинулись сю ніч, – говорил Юхым растерянно, – прокинулись вони, Зинька, та й кажуть: «Ідемо на переселения!» – «Як же так, тату, вы ж казали...» – «Ні, кажуть, я сон бачив...»

А вот на горе, около мельниц, стоит в толпе стариков старый Василь Шкуть. Он высок, широкоплеч и сутул. От всей фигуры его еще веет степной мощью, но какое у него скорбное лицо! Ему вот-вот собираться в могилу, а он уже никогда больше не услышит родного слова и помрет в чужой хате, и некому будет ему глаза закрыть. Перед смертью оторвали его от семьи, от детей и внучат. Он бы дошел, он еще крепок, но где же взять эти семьдесят рублей, которых не хватило для разрешения идти на новые земли?

Старики, растерянно переговариваясь, каждый со своей думой, стоят на горе. Они все глядят в ту сторону, куда отбыли земляки.

Уже давно не стало видно и последней телеги. Опустела степь. Весело и кротко распевают, сыплют трели жаворонки. Мирно и спокойно догорает ясный день. Привольно зеленеют кругом хлеба и травы, далеко-далеко темнеют курганы; а за курганами необъятным полукругом простерся горизонт, между землей и небом охватывает степь полоса голубоватой воздушной бездны, как полоса далекого моря.

«Що воно таке, сей Уссурийський край?» – думают старики, прикрывая глаза от солнца, и напрягают воображение представить себе эту сказочную страну на конце света и то громадное пространство, что залегает между ней и Великим Перевозом, мысленно увидеть, как тянется длинный обоз, нагруженный добром, бабами и детьми, медленно скрипят колеса, бегут собаки и шагают за обозом по мягкой пыльной дороге, пригретой догорающим солнцем, «дядьки» в широких шароварах.

Небось и они все глядят в эту загадочную голубоватую даль:

«Що воно таке, сей Уссурійський край?»

А старый Шкуть, опершись на палку, надвинув на лоб шапку, представляет себе
воз сына и с покорной улыбкой бормочет:

– Я йому, бачите, і пилу і фуганок дав... і як хату строїть, він тепер знає...
Не пропаде!

– Богато людей загинуло! – говорять, не слухая его, другие. – Богато, багато!

III

Темнеет – и странная тишина царит в селе.

Теплые южные сумерки неясной дымкой смягчают вечернюю синеву глубокой долины, затушевывают эту огромную картину широкой низменности с темными кущами прибрежных рощ, с тускло блестящими изгибами речки, с одинокими тополями, что чернеют над долиной. Старинный Великий Перевоз сереет своими скученными хатами в котловине у подошвы каменистой горы. Смутно, как полосы спелых ржей, желтеют за рекой пески. За песками, уже совсем неясно, темнеют леса. И даль становится дымчато-лиловой и сливается с сумеречными небесами.

Все как всегда бывало в этой мирной долине в летние сумерки... Но нет, не все! Много стоит хат темных, забитых и немых...

Уже почти все разбрелись по домам. Пустеет дорога. Медленно бредет по ней несколько человек, провожавших переселенцев до ближнего перекрестка.

Они чувствуют ту внезапную пустоту в сердце и непонятную тишину вокруг себя, которая всегда охватывает человека после тревоги проводов, при возвращении в опустевший дом. Спускаясь под гору, они глядят на село другими глазами, чем прежде, – точно после долгой отлучки...

Вот расстилается пахучий дымок над чьей-то хатой... покойно и буднично...

Вот красной звездочкой, среди темных садов, среди скученных дворов, загорелся огонек...

Глядя на огоньки и в долину, медленно расходятся старики, и на горе, близ дороги, остаются одни темные ветряки с неподвижно распростертыми крыльями.

Молча идет под гору, улыбаясь своей странной улыбкой старческого горя.

Василь Шкуть. Медленно отложил он калитку, медленно прошел через дворик и скрылся в хате.

Хата родная. Но Шкуть в ней больше не хозяин. Ее купили чужие люди и позволили ему только «дожить» в ней. Это надо сделать поскорее...

В теплом и душном мраке выжидательно трюкает сверчок из-за печки... словно прислушивается... Сонные мухи гудят по потолку... Старик, согнувшись, сидит в темноте и безмолвии.

Что-то он думает? Может быть, про то, как где-то там, по смутно белеющей дороге, тихо поскрипывает обоз? Э, да что про то и думать!

Звонкий девический голос замирает за рекою:

Ой зійди, зійди,

Ясен місяцю!

Глубокое молчание. Южное ночное небо в крупных жемчужных звездах. Темный силуэт неподвижного тополя рисуется на фоне ночного неба. Под ним чернеет крыша, белеют стены хаты. Звезды сияют сквозь листья и ветви...

IV

А они еще далеко.

Они ночуют в степи, под родным небом, но им уже кажется, что они за тысячу верст ото всего привычного, родного.

Как цыганский табор, расположились они у дороги. Распрягли лошадей, сварили ужин; то вели беспокойные разговоры, то угрюмо молчали и сторонились друг друга...

Наконец все стихло.

В звездном свете темнели беспорядочно скученные возы, виднелись фигуры лежащих людей и наклоненных к траве лошадей. Сторожевые, с кнутами в руках, сонно ежились возле телег, зевали и с тоской глядели в темную степь...

Но с какой радостью восторжеслись они, когда услышали скрип проезжей телеги! Земляк! Они окружили его, улыбались и жали ему руку, словно не видались много-много лет.

Разбуженные говором, подымались с земли и другие и, застенчиво скрывая свою радость, тоже толпились у телеги проезжего, закуривали трубки и были готовы говорить хоть до самого света...

Потом опять все затихло.

Взволнованные встречей, засыпали они, закрывая головы свитками, и все думали об одном – о далекой неизвестной стране на краю света, о дорогах и больших реках в пути, о родном покинутом селе...

Холоднело. Все спало крепким сном – и люди, и дороги, и межи, и росистые хлеба.

С отдаленного хутора чуть слышно донесся крик петуха. Серп месяца, мутно-красный и поникший па сторону, показался на краю неба. Он почти не светил. Только небо около него приняло зеленоватый опенок, почернела степь от горизонта, да на горизонте выступило что-то темное. Эти были курганы. И только звезды и курганы слушали мертвую тишину на степи и дыхание людей, позабывших во сне свое горе и далекие дороги.

Но что им, этим вековым молчаливым курганам, до горя или радости каких-то существ, которые проживут мгновение и уступят место другим таким же – снова волноваться и радоваться и так же бесследно исчезнуть с лица земли? Много кочевавших в степи обозов и станов, много людей, много горя и радости видели эти курганы.

Одни звезды, может быть, знают, как свято человеческое горе!

1894

Учитель

I

Накануне сочельника учитель земской школы в Можаровке, Николай Нилыч Турбин, занимался очень неохотно. Класс был наполовину пуст. Турбин с усилием дотягивал занятия до половины второго. За последнее время во многих неприятностях и в утомительной работе он подкреплял себя напряженным ожиданием праздника и надеждой съездить домой. Но ехать оказалось не на что. Турбин давно уже понял, что никуда не поедет, но сказать себе это определенно все оттягивал. Теперь больше всего хотелось остаться одному. «Обсудим, обсудим!» – думал он беспокойно, прикрывая глаза, и ребята думали, что он или сердит, или нездоров. И правда, к концу занятий у него начало ломить в левой стороне головы.

Когда же школа опустела, Турбин со злобой прихлопнул дверь в передней и быстро пошел в свою комнату.

– Пусть будет так! – сказал он и, хмурясь, скинул с себя пиджак. Повесив его под простыню на стену, он накинул на себя длинный тулуп, крытый казинетом, и лег на кровать. «Ночной зефир струит эфир...» – напевал он мысленно. В голове стояло одно и то же: «Пусть будет так! – черт его побери, не ехать, так не ехать... эка важность!» Тащиться к дьячку обедать не хотелось. Левая сторона головы продолжала болеть. Он обмял плечом подушку поудобнее и старался не шевелиться.

Сквозь дремоту он слышал, как приходил сторож Павел, обивал от снега лапти, кричал с мороза, сморкался и гремел ведрами; видел сквозь полузакрытые веки, что в комнате разливается отсвет заката, и чувствовал, что от холода стынут ноги и кончик носа...

II

Турбину шел двадцать четвертый год. Был он белокур, очень высок ростом, худ и от застенчивости очень неловок. Был он сын сельского дьякона, учился в семинарии, но курса не кончил: по бедности пришлось вернуться домой; дома он все выписывал программы, думая подготовиться то в юнкерскую, то в межевую школу. Кончил, однако, экзаменом на сельского учителя и рад был этому. Жить дома было тяжело. Матери он не помнил, а дьякон отличался болезненно-угрюмым характером; лицо у него было как на старинных иконах у схимников – темное, деревянное, фигура сухая, сутулая; говорил он глухим басом и все кашлял, заправляя за ухо длинные косицы седых волос. Даже тон его был всегда один – такой, словно он старался вразумить, растолковать, образумить.

Однако, проживши год одиноко, Турбин стал вспоминать об отце с тоской и нежностью, дни и ночи мечтал о поездке домой. Он все обманывал себя надеждами на будущее: вот, мол, дай только это время пережить, а там... все пойдет прекрасно. Лето он пробыл на кондичии – из-за одного содержания – у богатого лесорубщика и думал отправиться домой в августе, хотя неделки на две. Но нужно было справиться к зиме тулуп. Осенью он надеялся на святки. Со всеми подробностями представлял он себе, как приедет домой... долго будет сидеть с отцом в первый вечер за самоваром, в знакомой чистой и теплой хате, задушевно будет говорить с ним до поздней ночи. А потом поедет в большое торговое село к двоюродной сестре; у сестры будут каждый вечер гости, барышни и молодые люди с фабрики. «Надо будет захватить с собою гитару», – думал Турбин.

Чтобы скопить денег, он от священника перешел обедать и ужинать к дьячку. Но в ноябре отец написал ему, что он должен ехать в губернский город лечиться, и просил денег. Чтобы предупредить отказ, письмо было строго и властно. Внизу же была приписка: «А последнее мое слово: имей бога и сознание, пожалуй мою старость». И учитель отослал все свое сбережение. Осталась надежда заработать корреспонденциями. Он стал почти ежедневно посылать в губернский город статьи под заглавием: «Родные отголоски» и за подписью «Ариель». Но из них взяли только пару заметок – о дождях и о несчастном случае на винокуренном заводе.

III

Школа стояла одиночкой, на горе. Слева были церковь и кладбище, походившее на запущенный сад, справа – косогор. Дорога шла из полей мимо училища влево под гору.

Под горой, ниже кладбища, жили духовные; против них, через дорогу, стояли лавка и кабак Грибакина. На той стороне, за речкой, была усадьба Линтварева с белыми хоромами и скучно синеющими рядами елей перед ними. Винокуренный завод вечно дымился в стороне от нее, над речкой. Подле него находились неуклюжие заводские строения – очистные, подвальные – и домики на манер железнодорожных – для служащих.

С завода приходили к Грибакину гости – старый барский повар, всеми уважаемый за его поездку в Иерусалим, о которой он постоянно со смирением и важностью рассказывал, и за его близкое знакомство с интимной жизнью господ, конторщики, подвальные, дистиллятор, медник. Это был народ, лавочнику нужный; по вечерам они забавлялись у него стуколкой. Турбин избегал попадать на такие вечера: его усаживали за карты, а он не любил проигрывать. Да и Грибакин обходился с ним учтиво, но холодно. Весной он заметил, что у его жены, нахально- красивой молодой женщины, стали завязываться с учителем какие-то особенные разговоры, заметил и не подал виду, выжидая, что дальше будет: такой он был благообразный и вежливый старичок в опрятной серой поддевочке. И правда, учитель нравился лавочнице. Но он старался отделяться от нее шуточками. Она сперва покрикивала на него – «это еще что за новости?» – а потом начала звать гулять на кладбище и все чаще напевать сдержанно-страстно, прикрывая, как бы в изнеможении, глаза:

Вот скоро, скоро я уеду,

Забудь мой рост, мои черты!

Тогда Турбин стал пропадать по вечерам в поле. «Пойдут сплетни, – думал он, – различные неприятности... немыслимо!» И лавочница стала говорить ему при встречах дерзости.

«Ага, – думал Грибакин, – перековала язычок!» В гостях на заводской стороне учитель бывал у дистиллятора Таубкина. Таубкин, молодой еврей, рыжий и золотушный, в золотых очках для близоруких, был человек очень радушный, и у него собиралась большая компания. Но между нею и учителем отношения тоже как-то не завязывались. Учитель дичился, а заводские все были друг с другом запанибрата, – все жили дружно, одними интересами, часто бывали друг у друга, пили портвейн и закусывали сардинами, танцевали под аристон, а после играли в «шестьдесят шесть». Старшие рабочие на заводе из очистной, здоровые мужики в фартуках, отличались во всем грубой решительностью и собственными достоинствами. Учитель некоторых из них побаивался даже, – например, посыльного на почту: говорил ему «вы», давал на водку, но посыльный все-таки поражал его своим презрительным спокойствием.

IV

Осень началась солнечными днями.

По воскресеньям Турбин с утра уходил в поле, туда, где видны были на горизонте станция и один за другим уходящие вдаль телеграфные столбы. Его тянуло туда, потому что в ту сторону поезд должен был унести его на родину. С утра было светло и тихо. Низкое солнце блестело ослепительно. Белый, холодный туман затоплял реку. Белый дым таял в солнечных лучах над крышами изб и уходил в бирюзовое небо. В барском парке, прохваченном ночью сыростью, на низах стояли холодные синие тени и пахло прелым листом и яблоками; на полянах, в солнечном блеске, сверкали паутины и неподвижно рдели светло-золотые клены. Резкий крик дроздов иногда нарушал тишину. Листья, пригретые солнцем, слабо колеблясь, падали на темные, серые дорожки. Сад пустел и дичал; далеко виден был в нем полураскрытый, покинутый шалаш садовника.

Не спеша, учитель всходил на гору. Село лежало в широкой котловине. Ровно тянулся ввысь дым завода; в ясном небе кружили и сверкали белые голуби. На деревне всюду резко желтела новая солома, слышался говор, с громом неслись через мост порожные телеги... А в открытом поле – под солнцем, к югу – все блестело; к северу горизонт был темен и тяжел и резко отделялся грифельным цветом от желтой скатерти жнивья. Издалека можно было различить фигуры женщин, работающих на картофельных полосах, медленно едущего по полю мужика. Золотистыми кострами пылали в лощинах лесочки. Кирпично краснели крыши помещичьих хуторов. Учитель напряженно смотрел на них. Им овладело беспокойство одиночества, тянуло в эту неизвестную ему среду, в новую обстановку, где жизнь, кик ему казалось, проходит свободно, легко, весело. И за думами о помещичьей жизни он совсем не видел простора, красоты, которая была вокруг.

На месте срубленного леса белела щепка, среди обрубленных сучьев и поблекших листьев возвышались три длинные, тонкие березки с уцелевшими макушками. Их очертания так хорошо гармонировали с открытыми полями. А Турбин, при виде этих березок, всегда вспоминал, что здесь он встретил жену Линтварева. С Линтваревыми он познакомился и встречался несколько раз на станции. Они держали себя с ним просто и даже ласково. Про Линтварева было слышно, что он окончил курс в университете, увлечен земскими делами, профессиональным образованием. Все это, с придачей богатства и знатности, внушило Турбину большое уважение к Линтваревым. При встрече с ним жена Линтварева так ласково улыбнулась ему и показалась так изящна и аристократична, что учитель покраснел от радости и тут же решил непременно побывать у них в гостях, завязать прочное знакомство. Он долго глядел вслед ее английскому шарабану. Он не видел, куда идет, мечтая о том, как он будет сидеть у Линтварева на балконе, вести интересный, живой разговор, пить прекрасный чай и курить дорогую сигару...

V

В конце сентября, в октябре дожди лили с утра до ночи. Линтваревы уехали. Сад их почернел, стал как будто ниже и меньше. Деревня приняла темный, жалкий вид. Холодный ветер затягивал окрестности туманной сеткой дождя. В училище запахло кислой печной сыростью, стало холодно, темно и неуютно.

Турбин вставал еще при огне, в ту неприязненную пору, когда, после мрачной дождливой ночи, над грязными полями, над колеями дорог, полными водою, недовольно начинал дымиться бледный рассвет. Будил стук дверей. Ребята натаскивали на лаптях в переднюю грязи, возились, топали и кричали. В двери несло ледяной сыростью. С дрожью подходил учитель к умывальнику. Потом спешно пил горячий жидкий чай вприкуску и тушил лампочку. После ее желтого света в комнате синел холодный утренний сумрак. В этом сумраке учитель входил в класс и, завернувшись в тулуп, натягивая его на холодеющие колени, садился за свой стол. Начиналась упорная работа. Сперва он горячился, напрягал все усилия говорить понятнее и сдержаннее, потом только смотрел, как сечет окна косой дождь и тянутся обозы к заводу; мужики шлепали по грязи, накрывшись рогожами; от потных, потемневших лошадей валил пар. И все представлял учитель самого себя едущим на вокзал в телеге: телега медленно качается, хлюпает по дороге, и заливаются-стонет ветер, гнет в поле одинокую голую березку...

Оживлялся он при говоре и толкотне уходивших учеников.

– Здорово льет? – спрашивал он Павла, засовывая ноги в старые большие калоши.

– Кажись, перестает, – каждый день отвечал на это Павел.

– По морю, яко по суху, – каждый день говорил лавочник, стоя под навесом кабака, и снисходительно смеялся.

Турбин, всегда в этот момент перебиравшийся на другую, менее грязную сторону дороги, махал с ответным смехом рукой и вдруг делал со всех своих длинных ног гигантский, отчаянный шаг. Шлепнув калошей в лужу и видя, что над этим прыжком покатывается со смеху сидящая за шитьем под окном лавочница, он, с кривой улыбкой, неловко пробирался под плетнем дальше.

– Писем, Иван Филимонович, нету? – кричал он издали лавочнику. – Вы, говорят, на станции были?

– Пишут-с!

– То-то несуразный-то! – говорила лавочница, как бы с сожалением, качая головой и откусывая нитку.

Дьячок Скрябин был самый убогий человек в селе. Унылый, поблекший нос, жидкая коса, слезящиеся глаза, – все в нем напоминало старуху. Тяжело было глядеть, как он весной, в полую воду, или осенью, под дождем, брел к выгону в огромных растрепанных валенках, внутри которых была солома. На клиросе он читал и подпевал разбитым голосом так, словно он был выпивши или бредил. В избе у него, как у большинства духовных, было довольно чисто и уютно, но толклось семь человек детей. Никто не обращал на них внимания. И сам Скрябин, и жена его только и думали с утра до ночи, что об еде. Скрябин ел походя: то лазил в печку за картофелем, то пек яйца, то наливал череп полчасика после обеда чашку похлебки, то жевал хлеб. Раз в три или четыре в день он возился с самоваром, собирал щепки, раздувал его то губами, то старым голенищем. У жены Скрябина было приветливое, открытое и покорное лицо. Когда в октябре она умерла перед концом беременности, Турбин долго не мог без содрогания видеть ее хибарки.

Чаще всего после обеда он бывал в гостях у священника о. Федора Рокотова. Священник выходил заспанный, с светлыми слезящимися глазами и красными полосами на виске от рубцов подушки. Он улыбался и говорил с благодушным снисхождением к своей слабости:

– А я прилег на минуту, да и задремал, как сурок...

Вечером затеивалась игра в преферанс на орехи. Иногда Турбин играл с поповной на двух гитарах «В глубокой теснине Дарьяла», «Раздумье Вольтера» или на мотив малороссийского казачка «Прибежали в избу дети»... Томной меланхолией звучали струны гитар. Священник острел насчет худобы и роста Турбина, и Турбин всегда при этом смеялся, прикрывая, по своей манере, рот рукой.

VI

Деревня тонула в сырых сумерках, зажигались на заводе огни и тянуло дымом самоваров, а он скользил по липкой грязи, мучился медленным восхождением на гору. Темь, холод, запах угарной печки и одиночество встречали его в безмолвном училище. Но первое время это не смущало его. Первый год в школе прошел как-то удивительно быстро. Турбин мечтал. Молодым скрытным семинаром он мечтал о многом – думал стать миссионером, городским священником. Представлял он себя в губернском городе, о. Николаем в шелковой лиловой рясе, на которую падают выхоленные кудри, даже почему-то в золотых очках, как протоиерей в Вознесенском соборе. Мечтал о жизни с достатком, думал вести хорошее знакомство, быть человеком просвещенным, следящим за наукой, за политикой. Эти мечты погибли. Едучи в школу, он весь был переполнен рвением поскорее начать работать, сразу сделать свою школу образцовой, пописывать статьи по народному образованию, приняться за составление учебников. День за днем тускнели эти мечты. В Можаровке близость завода наводила его на мысль попасть на службу по акцизу, да так, чтобы годиков через пять получать тысячи три, а то и четыре, – бывали примеры.

Но прежде всего необходимо заняться самообразованием, – решал он, – это прежде всего; завести знакомство, почувствовать себя человеком. Вот только дай пройдет эта осень! Съезжу домой, а вернусь – буду ходить к Линтвареву, буду, бог даст, с живыми, настоящими людьми общаться...

И, волнуясь, он расхаживал по своей комнате. Потом брал выпрошенную еще в семинарии у товарища книжку журнала и принимался за статью: «Взгляд на русское судоустройство и судопроизводство». Но статья была невеселая. Осилив несколько страниц, Турбин опускал книгу, закрывал глаза и опять отдавался думам... Иногда, поздней ночью, растроганный нежностью к отцу, Турбин писал к нему длинные письма; но наутро они казались ему витиеватыми и невыразительными, и он не посылал их...

Когда обнаружилось, что ехать не на что, вечера изменились. Он стал проводить их в беспокойной тоске и бесплодных придумываниях, как устроить эту поездку. Иногда он решался даже на последнее средство – занять денег. Но тотчас же отказывался от него. «Немыслимо! Долги – погибель!» Проклиная в душе и себя, и темноту, и училище, он шагал к дьячку ужинать. Возвратясь, тотчас же завертывался в тулуп и ложился в постель. Вся тоска осенних дней охватывала его

тогда. Черная ночь глядела в окна. На деревне во мраке зиял огнями завод; огненными искрами роились его высокие трубы; тогда тяжелым взмахом налетал ветер, чаще и гуще стрекал косой дождь в стекла окон и еще жалобнее завывало в печке... А на рассвете отдаленными-отдаленными, протяжными стонами доносилась перекличка петухов; медленно-медленно пробуждалась после долгой ночи жизнь. Дождь стихал; холоднело; ветер гнал в холодном небе белесые космы туч. Над деревней, над голыми полями занимался новый скучный день...

А потом пошли метели, засыпая снегом избы, слепя окна. Поболевшая деревня еще более опустела и затихла – даже собаки забивались в сенцы.

С утра до ночи неслась над ней вьюга и стояли мутные сумерки. В белой пыли тонули и завод и церковь. Ветер по ночам жалобно перезванивал на колокольне...

VII

Носов около шести Павел с громом уронил на пол вьюшку. Чтобы нагладить свою неловкость, он закричал и чмокнул губами:

– Ну и студено же на дворе! Вызвездило – страсть!

– А ты плешивых посчитай! – раздался из темноты спокойный голос учителя.

– Аи проснулись!

– Подремал, – отвечал учитель, зевая.

На душе у него было пусто. Он спустил длинные ноги с кровати и соображал, идти или нет к дьячку. Есть хотелось, – надо было идти.

На селе было темно и тихо. Морозило; на черном небе сверкали крупные звезды. лай собачонки с того боку деревни звонко отдавался в чистом воздухе... Свежесть зимней ночи ободрила Турбина.

– Отцу Алексею – почтение! – сказал он шутливо-громко и с ударением на «о», нагибаясь и входя в избушку дьячка. – С преддверием!

Дьячок чинил хомут, сидя на лавке около коптившей лампочки. Он медленно поднял голову и, приложив большой палец к ноздре, сильно дунул носом в сторону. И опять посмотрел на Турбина сквозь висевшие на кончике носа очки.

– Не на званом ли обеде были? – спросил он, слабо улыбаясь и утирая нос полюю.

– На званом, отец Алексей, на званом.

Старшая дочка дьячка, косенькая, миловидная и тихая девочка лет шести, шлепая босыми ножками по полу, собрала на стол. Турбин молча принялся хлебать щи.

– Попробую и я с вами... – сказал дьячок, откладывая хомут в сторону, подошел к лейке над лоханью, плеснул водой на руки и взялся за ложку.

Косенькая девочка молча стояла у печки. Дьячок посмотрел на нее, опустил голову и сказал:

– Еже во плоти рождество господа нашего Иисуса Христа... Да... воспоминание избавления церкви и державы... А там и отдание праздника, и Новый год... Что-то я забыл, когда восход солнца? Заход знаю, а вот восход? Вы не помните?

Турбин захохотал, откинувшись к стене и закрыв рот рукою.

– А на что он нам, отец Алексей?

Девочка подошла к столу и серьезно стала убирать ложки. Турбин смолк и поскорее выбрался на улицу.

– Эхе-хе-хе-хе! – говорил он, шагая в гору и качая головой.

На полугоре он остановился и глубоко вздохнул свежим воздухом.

«Какой же, собственно, смысл в тоске? – подумал он. – живут и хуже моего!»

К удивлению его, в училище светился огонь. Не отец ли приехал? Или кто-нибудь из забытых товарищей? Но тогда у крыльца были бы лошади... «Наверно, Слепушкин или Кондрат Семеныч».

VIII

Кондрат Семеныч был сын обедневшего помещика, учился в гимназии, но дотянул только до пятого класса. Этому, впрочем, помогло и то, что на охоте с борзыми он сломал себе ногу. От отца Кондрату Семенычу осталось только тридцать десятин земли, небольшой флигелек на выезде Можаровки, шитье с дворянского мундира, портрет Николая I, два бронзовые шандала и дорожный ларчик красного дерева, из затейливых ящиков которого пахло старинными кислыми духами. Кондрат Семеныч сдал исполу мужикам землю, нанял кучера, записного охотника и пьяницу Ваську, и уже не разлучался с ним.

Кондрат Семеныч был широкоплеч, небольшого роста, особенно тогда, когда оседал на левый бок, на хроющую ногу; черные волосы его кудрявились, а загорелое, кирпичного цвета лицо оживлялось маленькими веселыми глазками; нижняя челюсть выдавалась у него, но это придавало ему добродушное выражение; концы черных

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
усиков на короткой верхней губе лихо завивались кверху.

Душа у Кондрата Семеныча была добрая, открытая. Пил он и в кабаках, и в гостях, и на охоте, лгал, хватался отчаянно и не скрывал этого: «А я тебе, брат, чертовски брехал вчера», – сплетничал без всякой предвзятой цели – просто под влиянием расположения к другу, а друзьями у него на селе были почти все. Колтыхая по деревенской улице, он так же дружески встречался и с помещиком, как и ставил ногу на втулку колеса к мужику, насыпая из его кисета сигарку махоркой. Носил, как все мелкопоместные, длинные сапоги, шаровары, картуз и поддевку, которая издавала какой-то особенный запах – запах пороха и лошади; как и они, любил хвастнуть своей рыженькой троечкой.

Турбин был у него раза два. Он надеялся через Кондрата Семеныча познакомиться со многими помещиками. Но тот только силился напоить его. К тому же и обстановка у него была не такая, какую думал встретить Турбин: крыльцо перед домом было разрушено; в прихожей пол был как в свиной закуте – так он был унавожен жившими здесь и зиму и лето турманами, которые при входе людей поднимались тучей, с шумом и свистом крыльев, и совсем затемняли свет, проникавший сквозь радужные от времени стекла. В углу золы был насыпан ворох овса; тут же на соломе повизгивали, ползали и тыкались слепыми мордами гончие щенята; большая красивая сука, спавшая возле них, подняла голову с лап и наполнила всю залу музыкальным лаем. Голые стены кабинета были темны от табаку и мух; над турецким диваном висели ногайки, кинжалы и желтые шкурки лисиц. Под окном, на письменном столе, кучей была насыпана махорка, стояла коробка колесной мази, лежала шлея; из-под стола зеленела четверть водки. Турбин чувствовал себя неприятно. Не нравилось ему и то, что Кондрат Семеныч говорил ему «ты» и называл его циркулем.

Слепушкин служил на заводе подкурщиком; лицо у него было толстое, обрюзглое и темное, как у заправского алкоголика, голос тяжелый, фигура медведя. Пил Слепушкин водку, смешанную с пивом: такой состав назывался «ершом», по трудности проглотить его сразу. В гостях у Турбина он засиживался до трех часов ночи и часто просил писать к лавочнику записки, чтобы тот прислал «дюжинку».

– Не понимаю, – говорил он сонно, облокотясь на стол и глядя на учителя свинцовыми глазами, – не понимаю этих нежностей: ведь мне он не верит... а я, надеюсь, в состоянии заплатить вам этот несчастный целковый.

– Само собой, – говорил Турбин, расхаживая по комнате, – я не сомневаюсь, но право же...

– Само собой, само собой! – дразнил Слепушкин.

– Пусть будет так... – начинал Турбин, – но главная вещь...

Тогда Слепушкин подымался.

– А уж этого «пусть будет так» я совсем не выношу! – говорил он с искренним презрением. – Вероятно, мы теперь не скоро увидимся.

IX

С неудовольствием вспоминая все это, Турбин подошел к училищу и заглянул в окно.

Кондрат Семепыч лежал на кровати, Таубкин, выгнув сутулую спину и запустив руки в карманы модных узких брюк, сверкал очками. Слепушкин сосредоточенно играл на гитаре, опустив голову и покачиваясь. Ему вторил на гармонике один из подвальных, Митька Лызлов, белобрысый и безусый. Он играл и с блаженной усмешкой тянул фальцетом:

А всем барышням-модисткам

По поклончику по низком!

Но кто-то был еще, какой-то благообразный господин с лысиной во всю голову, с длинными черными баками. Осторожно Турбин пробрался к противоположному окну, и даже руки у него похолодели: это был Прохор Матвеич, линтваревский лакей.

«Значит, Линтварев приехал, – думал Турбин. – Но какова это будет штука, если я пойду к нему, буду сидеть в зале – и вдруг входит Прохор Матвеевич?»

Стук двери и голоса послышались на крыльце. Турбин прижался за угол. По снегу заскрипели шаги, Лызлов звонко заиграл на гармонике. Турбин осторожно пробрался в школу. Дверь на крыльцо осталась открытой; в комнате пахло табаком и свежестью морозного воздуха. Турбин поморщился. Но вдруг взгляд его упал на

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
стол: конверт из плотной бумаги! Турбин смешался, покраснел, неловко рванул его...

«Многоуважаемый Николай Нилыч, – стояло в письме, – простите за поздний ответ. В тот приезд, как получил ваше письмо, я не успел ответить, а теперь хотелось бы поговорить с вами лично по поводу вашей просьбы, почему надеюсь, что вы не откажете мне в удовольствии видеть вас у себя на второй день праздника вечером. Преданный вам Линтварев».

Это был ответ на просьбу Турбина помочь школе учебниками. Но теперь Турбину было не до учебников; он ходит по комнате и бормотал с сияющим лицом:

– Преданный! Гм... Вот, ей-богу, чудак! И. внутри у него все дрожало от радости.

X

К утру сочельника комната его сильно настудилась. Вода в умывальнике замерзла. Стекла окон были сверху донизу запущены инеем и зарисованы серебряными пальмовыми листьями, узорчатыми папоротниками. Турбин спал крепко, и проснулся с ощущением какой-то хорошей цели.

Он вскочил и отдернул примерзшую форточку. Резкий скрип саней стоял над всем выгоном: из-под горы тянулся длинный обоз, весь заваянный ночной поземкой; морды лошадей были в кудрявом инее. Все тонуло в ярких, но удивительно нежных и чистых красках северного утра. Выгоны, лозины, избы – все казалось снеговыми изваяниями. И на всем уже сиял огнистый блеск восходящего солнца. Турбин заглянул из форточки влево и увидел его за церковью во всем ослепительном великолепии, в морозном кольце с двумя другими, отраженными солнцами.

– Поразительно! – воскликнул он и, торопливо захлопнув форточку, юркнул под одеяло.

– Уши! – сказал он громко и засмеялся, вспомнив, что мужики называют эти отражения солнца «ушами».

Передняя, куда он вышел умываться, вся была озарена солнцем. Он долго и особенно тщательно мылся, потом заглянул в классную: и там было теперь весело от солнца и тишины предпраздничного утра. «Не шуми ты, рожь...» – затянул он во все горло... Голос гулко отдался в пустой комнате, и это напомнило ему его одиночество. Он замолк и прошел в переднюю пить чай на окне, при солнце. Сообразивши, что идти к обедне уже поздно, он даже обрадовался. Его тянуло обдумать, получше обдумать что-то. Но, подавляя внутреннюю торопливость, он убрал чашки и самовар, надел новое пальто и медленно вышел.

Щурясь от ослепительного сверканья на парче снега, от блестящих отшлифованных, как слоновая кость, ухабов дороги, глубоко дыша холодным воздухом, он шел и все любовался деревней, синими резкими тенями около строений и горизонтом зеленоватого неба над далеким лесочком в снежном поле: туда, к горизонту, небо было особенно нежно и ясно. Иней приятно садился на веки, пар шел от дыхания, солнце пригревало щеку... Хорошо бы теперь откинуться в задок барских саней, полuzакрyть глаза и только покачиваться, слушая, как заливаются колокольчик над тройкой, запряженной впряжку!

«Ну, так как же? Иду, значит? Или нет – не стоит?» – думал Турбин, шагая.

В душе он еще вчера решил, что пойдет. «Да, так лучше, – говорил он себе, – пойду на третий день, утром, по делу, ненадолго. Немыслимо сразу и гости прийти... это он дли приличия... Погонюрю и уйду. Атом, на Новый год, примерно, уж и вечером можно».

Незаметно он уходил все дальше и дальше и. говори одно, повторял в то же время другое: «Ну, так как же?..» Представив себе все неприятности этого посещения, он тотчас же начал разубеждать себя в этом, говорил, что «глупо рисовать все в дурном смысле», что он не хуже других... В конце концов, эта путаница мысли испортила ему настроение, утомила, стала мучить. Он поспешно пошел обедать.

Вернувшись и увидя свою бедную комнатку вымытой и прибранной к празднику, он почувствовал себя совсем одиноким и стал думать спокойнее и серьезнее.

XI

Наступил праздник.

Турбин чувствовал себя как-то особенно, как привык чувствовать себя с детства в большие праздники, чинно стоял в церкви, чинно разговлялся у батюшки. Дома, не зная, за что приняться, он бесцельно походил по классу, заглянул в окно... В безлюдье села чувствовалось: все дождалось чего-то, оделись получше и не знают, что делать. С утра было серо и ветрено. После полудня воздух прояснился, облачное небо посинело, бледно-желтым пятном обозначилось солнце, снег стал ярче и желтее, поземка струйками закурилась на гребнях сугробов, подхватываясь и

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
развеваясь белой пылью, криво понесли по ветру галки. Проезжий мужик повязал уши платком, стал на колени и погнал лошадь. Розвальни бежали, разрывая переносы сухого снега на обмерзлой дороге, постукивая и раскатываясь...

Скука с новой силой охватила Турбина.

Но вечером, когда он пошел на заводскую сторону, он неожиданно столкнулся с Линтваревым и совершенно потерялся от смущения.

– С праздником! – сказал он не то галантно, не то в шутку, неестественно изгибаясь.

Линтварев был среднего роста, с простым приятным лицом, с русою бородкой и ласковыми глазами. На нем был полушубок и валенки, на голове – барашковая шапка.

– Ах, Николай нилыч! – сказал он, восторгаясь и как будто даже заискивая. – Здравствуйте, здравствуйте!.. Благодарю вас... Ну, что, как вы, – не соскучились?

– Пока еще нет, – ответил Турбин, краснея и сляясь вложить в каждое слово не то что-то особенное, не то ироническое.

– Да, да...

Постояли, помялись.

– Ну, так увидимся? Да завтра?

Турбин опять не то галантно, не то комически раскланялся.

Домой он шел очень быстро. Как быть, где взять крахмальную рубашку? В вышитой полохительно невозможно!

XII

Вечером он долго, с великим трудом зашивал задник сапога нитками и замазывал их чернилами.

Все утро он ходил по комнатам в одном белье, умывался, несколько раз принимался чистить сапоги, пачкал и опять мыл руки и все думал о рубашке.

– Ничего не придумаешь! – говорил он, останавливаясь среди комнаты. – Послать к Слепушкину? Немыслимо! Начнут судить, рядить... дойдет до Линтварева... Гадость!

Но нечто подобное случилось.

Около полудня к крыльцу школы подлетела тройка Кондрата Семеныча. С мороза его лицо было особенно свежо и темно-красно. Подбородок был выбрит, усы чернели ярко и лихо. На нем была сюртучная пара; в передней он сбросил енотовую шубу. Коренастый, приземистый, – об дорогу не расшибешь, что называется, – бойко прихрамывая, он быстро вошел к Турбину, крепко поцеловался с ним, причем на Турбина пахнуло морозной свежестью и запахом закуски, и тотчас принял живейшее участие в заботах о его наряде.

– Валяй, брат, валяй смелей!

Турбин, хотя и относился к Кондрату Семенычу, как к человеку пустому, однако знал, что Кондрат Семеныч «бывал в обществе» и может подать совет.

– Как валять-то? – говорил он, сдерживая улыбку. – Тут такая неприятная история! Рубашки крахмальной нет! Кондрат Семеныч качнул головой.

– Это, брат, скверно. В вышитой явиться в первый раз в дом – нахальство!

– Ну, так как же? – говорил Турбин растерянно.

– Ни черта, – сказал Кондрат Семеныч. – Не робей!

И, отворив форточку, он своим хриплым охотничьим голосом гаркнул:

– Васька! Домой валяй! Духом доставь рубашку крахмальную... в сундуке, подлетной поддевкой...

Пока Василий ездил за рубашкой, Кондрат Семеныч рассказал, где он успел уже побывать, и с улыбкой сатира, от которой заблестели его маленькие карие глаза, вытащил из рукава шубы бутылку водки.

– Хвати для храбрости! Хочешь? – говорил он, обивая сургуч с горлышка.

– Ну уж нет!

– Что, думаешь, пахнуть будет? Ни капельки. Только чаем заужуй. А впрочем, черт с тобой. Нет ли чашечки?

Выпив и закусив кренделем, Кондрат Семеныч заговорил серьезно:

– Ты, брат, себя поразвязней держи, посвободнее. А то ведь будешь сидеть, как кнут проглотил.

– А как брюки – ничего? – спрашивал Турбин. Кондрат Семеныч оглядел их с полной добросовестностью и подумал.

– Сойдет! – сказал он решительно. – За милую душу сойдет. Только вот смяты немного. Снимай, давай разгладим.

– Нет, нет, пустяки, – пробормотал Турбин, густо краснея.

– Ну, как знаешь.

Кондрат Семеныч лег на постель и вполголоса запел:

Вода – для рыбы, раков,
А мы, герои, водку пьем!

В это время Васька внес рубашку. Но едва Турбин надел ее, Кондрат Семеныч так и покатился со смеху.

– Нет... Не срамись! – хрипел он, задирая ее на голову Турбина. – Не годится!

Правда, рубашка не годилась. Накрахмалена она была отвратительно – вся была грязно-синяя, ворот ее был непомерно широк.

– Декольте! – повторил Кондрат Семеныч сквозь смех.

Турбин снова покраснел и даже запотел от злобы.

– Я вам не шут гороховый! – крикнул он бешено.

– Да за что ж серчаешь-то? – заговорил Кондрат Семеныч растерянно. – Сам тонок, как шест, хоть грачей доставать, а на меня серчает... Ну, хочешь, достану?

– Не понимаю – где? – глядя в сторону, пробормотал Турбин.

– Да уж это мое дело. Ну, хочешь?

И, не дожидаясь ответа, хлопнул дверью, накинул на себя шубу и выскочил па крыльцо. Рыженькая троечка подхватила мод гору. Турбин бросился к дверям:

– Кондрат Семеныч! Кондрат Семснч!

Но Кондрат Семеныч только рукой махнул.

– Это бог знает что такое! – сказал Турбин, чуть не плача. – Это значит, всему заводу будет известно!..

Однако, когда Кондрат Семеныч через десять минут явился обратно и привез с собой Таубкина и его крахмальную рубашку, когда Таубкин самым задушевым тоном стал просить «не беспокоиться» и когда рубашка оказалась как раз впору, Турбин, весь красный от волнения, начал улыбаться.

– Что вы беспокоитесь? – говорил Таубкин фальцетом. – Что такое? Разве я не понимаю? Конечно, это останется между нами. Хотите мои часы?

Турбин отказывался. Кондрат Семеныч преувеличенно расхваливал его костюм.

Наконец Турбин был готов. Он повеселел, хотя и чувствовал себя напряженным и точно связанным. Он садился то на один, то на другой стул,

– Вы к нему по делу? – вдруг спросил Таубкин, как будто вскользь.

– Да, то есть так... по делу отчасти.

– Так вам, пожалуй, пора.

Турбин уже давно думал про это. «Пожалуй, что и правда пора, – соображал он, – что же, к шапочному разбору-то прийти? Только хозяев в неловкое положение поставишь...»

– А который час?

– Четверть восьмого.

– Вали, брат, вали, – сказал Кондрат Семеныч.

– Пожалуй, – согласился Турбин, медленно подымаясь.

Напевая, Кондрат Семеныч накинул на себя шубу, осмотрел пальто Турбина.

– Молодец! – сказал он, смеясь глазами. – Хочешь, подвезу?

Турбин заторопился отказаться.

– Ну, черт с тобой! Едем.

Он сунулся лицом к лицу Турбина для поцелуя, ввалился в сани рядом с Таубкиным и крикнул:

– Обрати посерьезнее внимание на Линтвариху. Хороша, анафема!

XIII

Уже подходя к аллее перед линтваревским домом, Турбин вдруг оробел, оглянулся и поспешно зашагал опять под гору. «Рано, рано, невысимо так рано!..»

Волнуясь, он дошел до моста и опять оглянулся. Вот будет скверно, если видели, что он приходил! Но никого не было кругом. Только па деревне горланили на «улице» девки. Из дома через аллею загадочно светились окна. Что там, в доме? Начался вечер или нет? И кто там, и что делают? А обстановка? «Небось люстры, паркет, бархат, фамильные портреты... Вот отсчитаю сто... нет, двести, и тогда пойду».

Вдруг на мосту послышался скрип шагов. Турбин быстро повернулся и, не оглядываясь, почти побежал по аллее. Не думая, он быстро растворил дверь, шагнул через три ступеньки в сених и стал шарить по притолке звонка. В дверях щелкнул замок, и нарядная горничная появилась на пороге.

– Павел Андреевич дома?

– Пожалуйста–с.

Горничная помогла ему снять пальто. Как в тумане, увидел он большую светлую залу, открытый блестящий рояль, тонкие стулья, тропические растения... Поразили его только ширмочки около них из матового стекла; все остальное показалось ему чересчур просто. Цапаясь копиями по паркету, из столовой выбежала щеголеватая тонкая черная собачка, а за нею быстро вышел Линтварев.

– Имею честь поздравить! – сказал Турбин и в смущении вынул носовой платок.

Предупредительно-ласково Линтварев пожал ему руку.

– Милости просим, милости просим!

И, пропуская Турбина вперед, повел его в столовую.

– А, Николай Нилыч! – сказала Надежда Константиновна так, словно давно ждала его.

Турбин расшаркался, оглянулся.

– Николай Нилыч Турбин... Господин Турбин... – поспешно говорил хозяин.

Молодой, свежий, красивый флотский офицер встал быстро и поклонился с преувеличенной вежливостью. Невысокий, худощаво-широкоплечий, с обветренным, инородческого типа лицом доктор пожал ему руку просто и без улыбки. Пожилой, солидный господин, не вставая, сдержанно-вежливо наклонил голову.

– Присаживайтесь–ка! – сказала хозяйка опять так, словно хотела сказать:

«Ну, наконец–то, вот теперь все пойдет прекрасно».

Турбин сел, вытер платком лоб, все еще глядя словно через воду. То, что один из гостей не подал ему руки, заставило его ощутить почти физическую боль в сердце.

– Николай Нилыч, вам сколько кусков сахара? – обратилась к нему хозяйка с улыбкой.

Турбин встрепенулся.

– Я бы попросил без сахара, – сказал он.

И он взял стакан, замирая от страха повалить его на скатерть или прикоснуться руками к рукам Надежды Константиновны. Так как общий разговор на минуту прервался, то она продолжала:

– Ну что, как ваша школа?

– Ничего, прекрасно, – ответил Турбин, и его голос ему показался чужим и слишком громким.

– А в Можаровке вы на все святки остались? – заботливо прибавил хозяин.

– Да, уж нынешний год, думаю... решил так, что не ездить лучше.

– Да?

Линтварев наклонил голову, словно приятно изумился. Затем торопливо, с виноватой улыбкой – по необходимости, мол – обернулся к соседу.

Стараясь держаться свободнее, Турбин стал осматриваться.

XIV

Тот, что не подал руки Турбину, Беклемишев, был богатый помещик и видный человек в земстве. Он был плотен, родовит, с матовым цветом моложавого лица, сед. Держался с удивительным хладнокровием. И Турбин старался не глядеть на него.

Земский доктор держался строго, но просто, и его черемисское лицо и взгляды сквозь очки между быстрыми глотками чая не пугали. Родственники хозяйки, княжны Трипольские, часто вставляли свои замечания в рассказ Беклемишева о его поездке к министру Ермолову ленивым тоном, гримасничая, когда улыбались. Их Турбин уже видел несколько раз осенью, когда они амазонками проезжали по селу кататься. И у священника и у лавочника велись тогда бесконечные разговоры о них. От старого повара все знали, что княжны очень богаты, живут то в Петербурге, то в своем имении, то гостят у Линтварева, а больше всего – за границей.

– Что ж им? Катайся в снос удовольствие, да и только! – говорил лавочник с умилением.

Когда о Турбине забыли, он успокоился и только чувствовал себя как–то странно–хорошо в этой новой обстановке, среди легко развивающегося разговора, сидя около хозяйки, похожей на английскую леди: таких изящных черт лица, такой чистоты и нежности кожи он еще никогда не видывал. А когда он вставал, так было легко и приятно отодвигать тонкий красивый стул, ходить по паркету в этой просторной столовой, ярко озаренной большой лампой над столом, видеть блеск серебряного самовара и посуды из тончайшего стекла. Было, правда, одно очень неприятное обстоятельство: во время рассказа Беклемишева Турбин, не зная, что делать, наклонился и поймал собачку; но та, как стальная, выскочила из рук и при этом так пронзительно взвизгнула, что хозяйка схватилась за висок и все встрепенулась, обратила на него глаза, и Турбин готов был провалиться сквозь землю от смущения. Но сама же хозяйка и сумела замять эту историю: так

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
непринужденно, словно ничего и не было, обратилась к нему: «Николай Нилыч, вы позволите еще чаю?» — что он ободрился и смог очень ловко ответить: «Нет, merci... достаточно уже».

Он выпил два стакана, наслаждаясь ароматом рома, который с тихой лаской подлипал ему в чай хозяин, и от рома оживился, почувствовал смелость и верную упругость в нотах. Он даже не смутился, когда приехало еще несколько человек гостей: красивая, полная вдова-помещица, завитая, с горящими от мороза ушками, старик-помещик, который немножко рисовался простотой, но которого все любили за эту простоту и тотчас окружили с веселыми улыбками, еврей-инженер, сухой, черненький, подвижной, вроде той собачки, которую поймал Турбин, и наконец член суда, такой чистый, как все судейские, свободный и веселый остряк, делавший умные, насмешливые глаза.

Говорили о театре. Трипольские с восторгом рассказывали об игре Заньковецкой в Петербурге, бранили Мазини хвалили Фигнера... рассказывали про своих знакомых, про поэта Надсона. Как будто желая описать, какой он милый и больной человек, княжны рассказывали, что он у них был в гостях, а потом они его навестили в Ницце. Член суда декламировал пародии Буренина на надсоновские стихи. Потом разговор разбился — в одном месте слышались имена земцев, в другом все еще Мазини и Фигнера. Учитель, изгибаясь и покачиваясь, подходил то к одной, то к другой группе и все время был в напряженном состоянии от желания хоть что-нибудь сказать. Но весь разговор шел о неизвестном, и он молчал или смеялся сдержанно и неискренно, когда смеялись другие.

— А вы все о своем профессиональном образовании? — сказал он наконец, подходя к Линтвареву и Беклемишеву.

Беклемишев тихо поднял на него глаза.

— Нет, почему же... — сказал Линтварев, улыбаясь. Турбин, тоже улыбаясь, продолжал:

— Вы хотите, как я слышал, так серьезно им заняться? От неловкости Турбин подчеркивал слова, и их можно было принять за насмешку. Особенно нехорошо ему было от пристального и спокойного взгляда Беклемишева. Но все-таки он присел к столу, предварительно посмотрев на стул и раздвинув полы сюртука, расставил острыми углами свои тонкие ноги и, поставив локоть на колено, стал пощипывать кончики своих жидких белесых усов.

— Меня, по правде сказать, очень интересует этот вопрос, — сказал он, помолчав, как-то внезапно. — Я, конечно, говорю искренне...

— С какой же именно стороны вас интересует? — спросил Беклемишев.

— То есть как с какой стороны? Вообще... в применении его к жизни.

Беклемишев, поставив руки на стол и соединяя ладони, смотрел, ровно ли приходятся пальцы один к другому. Линтварев старательно набивал машинкой папиросы.

— Я читал, — продолжал Турбин уже с усилием, — недавно в одной газетке про книжицу какого-то Весселя о профессиональном образовании... Меня, собственно, удивило, что к его мыслям, очевидно, многие относятся враждебно: например, директор ремесленного училища цесаревича Николая... Мне кажется, что тут есть несправедливость... Он говорит, например, что школа, собственно, несовместима с мастерской...

— То есть это, — мягко перебил Линтварев, — Песталоцци мнение, а Вессель, хотя и...

— Ну да, и Песталоцци, — перебил в свою очередь Турбин, и в нем уже загорелось желание спора. — Только, по моему мнению, это и понятно... Когда мне, позвольте спросить, обучать своего какого-либо мальчика мастерить разные безделушки, когда он сам, в своем быту, так сказать...

— Зачем же непременно безделушки?

Турбин развел руками.

— Мне, собственно, это все представляется как бы игрушками... Мне трудно это объяснить, но все эти затеи... Говорят, подспорье хозяйству... но ведь смешно подпирать то, что разваливается окончательно... да и не соответствует все это духу нашего народа, истого земледельца... А учить его, например, делать плетушки...

— Ну да, ученого учить — только портить, — насмешливо сказал Беклемишев.

Турбин хотел продолжать, сказать, что он думает, более ясно и связно. Но Беклемишев, как бы забыв о его присутствии, тихо и спокойно промолвил Линтвареву:

— Да, так я думаю, что это еще гадательно: князь слишком глуп для этого, а Гарницкий — юн.

Линтварев виновато посмотрел на Турбина. Турбин смолк. Теперь ему хотелось одного — поскорее уйти из столовой. Но встать сразу было неловко.

— А я все хотел попросить у вас какой-либо книжицы из вашей библиотеки, — сказал он наконец, подымаясь.

– С величайшим удовольствием, – поспешил ответить Линтварев.

Турбин встал и медленно прошелся по столовой. Он долго стоял перед камином, рассматривал большой портрет Толстого, писанный масляными красками. Но ему уже было не по себе. Музыка в зале ударила ему по сердцу как-то болезненно. И, под предлогом, что он идет слушать, он вышел в залу.

XV

Играл член суда.

– Что это? – спросил сидевший около него старик-помещик, обращаясь к хозяйке.

– Соната Грига. Вы не знаете?

– Десять лет не играл, – сказал помещик со вздохом, – а хорошо!

– Чудо! – подтвердила хозяйка.

Музыка Грига решительно не нравилась Турбину. Звуки лились вычурно, быстро и не трогали его сердца. Он чувствовал, что она так же чужда ему, как все общество, окружавшее его. В начале вечера он все ждал, что будет что-то хорошее. Теперь это чувство ослабело. Он думал, что надо идти домой, что никому он не нужен. Никто далее не поинтересовался им, не поговорил, чтобы узнать, что он за человек. Даже хозяин только предупредительно, беспокойно вежлив с ним...

Музыка смолкла. «Посижу еще, послушаю немного и уйду», – решил Турбин. Но поднялся разговор о Григе. Старик-помещик добродушно-насмешливо покачивал головой. «Хорошо, а не забирачивает», – говорил он. Член суда горячился, доказывая, что «Григ великолепен».

И, покачивая головой, тихо начал «Белые ночи» Чайковского:

Какая ночь! На всем какая нега!

Турбин не знал ни этих слов, ни Чайковского; но при первых же чистых звуках мелодии у него дрогнуло сердце: что-то нежно-призывающее было в них; а когда эти зовущие звуки определились в томительно-грустные, Турбину захотелось плакать.

Но рояль стих. Турбин встал: ему хотелось еще музыки, но он не знал, что назвать. Он подумал о «Молитве девы»... но это было как-то неловко сказать.

– Будьте добры, сыграйте еще что-нибудь, – обратился он к члену суда.

– Что же? – спросил тот, перебирая ноты.

– Что-нибудь Бетховена.

Член суда посмотрел на него внимательно.

– Сонату? – спросил он. Турбин в смущении качнул станом.

– Да, сонату...

– Какую же?

– Все равно... – пробормотал Турбин, чувствуя, что над ним смеются.

Но тут позвали к столу. Турбин настроил себя чинно и шел медленнее всех.

Хозяин особенно хвалил и предлагал селедку. Член суда, с видом знатока, попробовал ее и нашел «гениальной».

– Николай Нилыч! Водки? – сказал хозяин.

– Можно! – ответил Турбин.

– Хинной или простой?

– Хинной так хинной.

– Так будьте добры – распоряжайтесь сами.

– Не беспокойтесь, не беспокойтесь, пожалуйста!

Около стола теснились, оживленно переговаривались. С тарелкой в руках Турбин долго стоял в конце всех. Он не обедал и с особенным удовольствием выпил рюмку водки, погнался вилкой за ускользящим грибком и ограничился на первое время пирогом. После первой же рюмки он почувствовал легкий хмель, очень захотел есть и долго, поглядывая искоса и стараясь не торопиться, ел одних омаров. Член суда уже дружески предлагал ему выпить с ним, и Турбин выпил еще рюмку простой водки. И водка и дружеский тон члена суда совсем размягчили его.

Первые минуты опьянения он чувствовал себя так же, как в самом начале вечера: как сквозь воду видел блеск огней и посуды, лица гостей, слышал говор и смех, чувствовал, что теряет способность управлять своими словами и движениями, хотя сознавал еще все ясно. Раскрасневшееся, потное лицо затягивало паутиной; в голове слегка шумело. Но все-таки он старался оглядываться смело и весело своими томными глазами. Ему было жарко. Когда же Линтварев (Турбину казалось, что и Линтварев запянул) взял его под руку и повел к столу ужинать, он почувствовал

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
себя очень большим и неловким.

– Не выпьем ли еще по одной? – сказал член суда.

– Блаженный Теодорит велит повторить, – отвечал Турбин со смехом.

– Repetito est mater studiorum.[4] Не так ли? – промолвил с другого конца флотский офицер, явно подделяваясь под семинарскую речь.

Турбин понял это и вызывающе поглядел на офицера. «Ну, и черт с тобой!» – подумал он и, усмехаясь, крикнул:

– Optime![5]

Член суда поспешил налить. Хозяйка как будто вскользь, но значительно поглядела на него. И это Турбин заметил, но никак не мог обидеться: так просто и тепло стало у него на душе.

– Да и последняя! – сказал он, выпивая и махая рукой, – Я и так мокрый, как мышь.

Удерживаясь от смеха, младшая княжна зажала рот платком.

Ужин, как показалось, прошел чрезвычайно быстро. Турбин запомнил только, что ел горячий ростбиф, что сои огнем охватили ему рот, что пил он мадеру, лафит и плохо соображал, о чем разговор.

Когда подали шампанское (был день рождения хозяйки), Турбин быстро встал и оглушительно крикнул «ура!». Но за оживлением на это не обратили особенного внимания. Все столпились в кучу, поздравляя хозяйку и самого Линтварева. Линтварев, с бокалом в одной руке, прижимал другую к сердцу и старался казаться и тронутым и шутливым.

– Ура! – крикнул еще раз Турбин, но уже потише и улыбнулся слабой, жалкой улыбкой.

– Не стоит! – шепнул доктор, сжимая ему локоть.

– Ну, не надо...

И, улыбаясь, Турбин медленно пошел в залу. Теперь он уже освоился с тем, что не может управлять собою.

XVI

В зале Прохор Матвеич разносил чай, снова предложенный хозяином. «Люблю, грешный человек! – говорил он. – Господа, кто желает китайского зелья?» Все приняли это предложение с шумными одобрениями, как на земских собраниях: «Просим, просим!..»

– Сергей Львович, сыграть просим! – крикнул хозяин.

– Благодарю, господа, я чувствую себя слишком утомленным, – отнекивался Сергей Львович, продолжая пародировать гласных. Но тут поднялся такой шум и крик, что откалываться стало невозможно.

– Просим! – крикнул Турбин уже после всех.

– Давненько я не брал в руки шишек, – говорил Сергей Львович, кряхтя и усаживаясь за рояль.

– Сергей Львович! Вебера! – крикнул член суда.

Сергей Львович поднял брови и подумал.

– Нет, – сказал он с улыбкой, – попробуем блеснуть техникой. Ну-ка...

– Тарантелла... – шепнул флотский офицер. – Николая Рубинштейна.

Член суда утвердительно кивнул головой.

Из медленных, в которых сказывалась хитрая, сдержанная удаль, звуки быстро превратились в шумные, быстрые и затрепетали в каком-то диком восторге. Возгласы одобрения поминутно заглушали их. Казалось, что, если бы танец не кончился, можно было бы задохнуться от напряжения... Турбин хохотал нервным смехом.

– Вот это так так, – бормотал он в восторге.

– А теперь, – крикнул Линтварев, – гротеск!

Под церемонные звуки старинной музыки дамы во главе с хозяином и членом суда начали комически двигаться, раскланиваться, но спутались, перемешались и со смехом остановились.

– Ну, лянсье! – взывал хозяин.

– Не выйдет!

– Выйдет!

Турбин тоже порывался танцевать и быстро оглядывался кругом.

– Сергей Львович! – вдруг завопил он. – Пожалуйста!.. Ту, веселую...

– Тарантеллу?

– Да, да!

Сергей Львович мельком взглянул на него и ударил по клавишам. И не успели опомниться гости и хозяин, как произошло нечто дикое: не слушая музыки, без всякого такта, Турбин вдруг зашаркал ногами, потом все быстрее, быстрее пошел мелкой дробью и вдруг стукнул в паркет, подпрыгнул и пустил руки между ногами, словно разрубил что-то со всего размаха.

– Bravo! – крикнул кто-то насмешливо. – Бис!

И под разрастающиеся звуки Турбин охотно побежал назад, заплетая и размахивая ногами как веслами, хотел еще раз стукнуть в пол – и вдруг замер: в двух шагах от него стоял отец Линтварева! Шаркая и подаваясь вперед, он поторопился из маленькой гостиной, где играл в карты, на шум в зале. Увидев пляску, он с изумлением поднял свою седую большую голову и, приложив к переносице пенса, глядел прямо в лицо Турбину остановившимися глазами.

Турбин качнулся в сторону и с жалкой улыбкой махнул рукой. Доктор быстро подошел к нему.

– Пойдемте, батенька, домой, – сказал он ему строго.

– Нет, чего же? – ответил Турбин. – Я еще не хочу. Лицо его было бледно, холодный пот крупными каплями покрывал лоб.

– Нельзя, нельзя, – повторил доктор еще строже и, взяв его под руку, повел в переднюю Турбин, приплясывая, покорно пошел...

XVII

Спал или не спал он, добравшись домой? До головокружения живы и беспокойны были сновидения. Казалось, что он все еще в гостях: люди двигались, перетасовывались проходили перед ним как в пантомиме, и он сам во всем участвовал и чувствовал, что все выходит хорошо и ловко, хотя и беспокоит что-то, спутывает все. Турбин старался вспомнить, что же это мешает, и никак не мог, и мучился, осаждаемый сновидениями. Истомленный до последней степени, он наконец открыл глаза. Дневной свет сразу отрезвил его, – стыд, жгучий стыд до слез, до физической боли пронзил его душу. Он стиснул зубы, крепко прижал голову к подушке.

Вдруг он вскочил. Он решился переломить себя, задавить все эти воспоминания. Он поспешно одевался, убирал комнату. В ногах была слабость, но голова не болела. Он старался делать все как можно правильнее и серьезнее. И в то же время беспокойно выискивал оправдания себе...

Отворилась дверь.

– Самовар-то ставить, что ль? – спросил Павел.

– А почему же не ставить? – хрипло крикнул Турбин.

– Да то-то, мол, надо ли?

Турбин отвернулся и еще крепче стиснул зубы. Павел помолчал, потом вдруг лукаво заглянул Турбину в глаза и, с просиявшим лицом, быстрым шепотом спросил:

– Ай слетать к Ивану Филимонычу?

– Это зачем?

– За похмелочкой? А?

– Убирайся ты от меня к шути со своими бессмысленными глупостями! – закричал Турбин, багровея от злобы.

После чая он лежал на кровати и с глухой яростью придумывал самые оскорбительные фразы, которые, вероятно, посыпались по его адресу, как только он вышел, в доме Линтварева. А на селе! С какими глазами показаться теперь на село?

Однако он заставил себя одеться и пошел к дьячку обедать. «Знают или нет?» – думал он, боязливо глядя на заводскую сторону.

Около лавки он постарался идти как можно медленнее.

– С праздником, Иван Филимоныч! – сказал он, увидя лавочника, стоявшего около саней с ящиком водки.

Лавочник считал бутылки, передавая их в лавку мальчику, и ответил учтиво и поспешно:

– И вас также! Милости просим.

– Постараюсь.

– Николай Нилыч теперь загордел, – вдруг раздался голос лавочницы с крыльца.

Она смотрела на Турбина насмешливо-пристально. Лавочник вдруг обернулся к ней с строгим взглядом, и по одному этому взгляду Турбин понял, что все известно, все... и с замирающим сердцем поспешил скрыться в избе дьячка.

Обед прошел спокойно. Но, когда Турбин уже поднялся из-за стола, дьячок, глядя в сторону, сказал так, словно продолжал давно начатый разговор.

– И совсем не стоило туда ходить. И батюшка то же говорит, и Иван Филимоныч.

Турбина словно ударили по голове.

– Куда это? – через силу спросил он.

– Если, гырт, – продолжал дьячок уныло-невозмутимым тоном, – если, гырт, съесть-спить, так и у меня был бы сыт, не попрекнул бы куском... Да и правда: не нам с вами бывать у таких персон!

– Ну, да я... я, отец Алексей, кажется, сам не маленький...

Дьячок только вздохнул. Дрожащими руками Турбин нашел скобку и хлопнул дверью.

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
– И прекрасно! И прекрасно! – с злобной радостью похохатывал он, почти бегом взбираясь на гору.

XVIII

– Дома? – раздался в передней голос Слепушкина, как только Турбин вошел к себе и, скинув пальто, упал на постель.
Павел отвечал что-то торопливым шепотом.
– Ну, ну, но надо; не буди... бог с ним.
Дверь хлопнула, все стихло. Турбин лежал без движения...
– Поздравляю! – раздался вдруг крик Кондрата Семеныча, со смехом ввалившегося в комнату. – Ты, говорят, черт знает каких штук там натворил? Какой это ты танец своего изобретения плясал?
– Оставьте, пожалуйста, меня в покое! – тихо ответил Турбин.
– Да нет, как же, брат, ты, говорят, вдребезги насадился?
Ухмыляясь, Кондрат Семеныч присел на кровать и продолжал уже с искренним участием, обращаясь к Турбину, как к заведомому пьянице:
– Гм, пожалуй, правда, свинство! Ты бы хоть на первый-то раз поддержался немного... Надо сходить извиниться. Еще, пожалуй, с места попрут...
А через полчаса на столе стояла бутылка водки. Турбин, уже захмелевший, облокотившись на стол и положив голову на руки, сидел молча.
– Черт знает что! – говорил Кондрат Семеныч, – говорят, тебя за крыльцо выкинули?
– Кто это?
– Что?
– Говорит-то?
– Слепушкин. – Турбин злорадно захохотал.
А Кондрат Семеныч с серьезным лицом грустно продолжал:
– Он, брат, Линтварев-то этот, глумился над тобой. Оплевать, воспользоваться твоей необразованностью! Подло, брат! Мне тебя от души жаль.
Турбин сморщился, захлюпал, хотел что-то сказать, но захлебнулся слезами и только зубами скрипнул.
– Ну, вот, опять готов! – сказал Кондрат Семеныч с сожалением. – Тебе, брат, стоит бросить пить.
– Да не пьян я! – закричал Турбин бешено, с красными, полными слез глазами, и треснул кулаком по столу.

XIX

– Э-эй, держись! – крикнул Васька, когда рыженькая троечка что есть духу разнеслась в темноте под гору и толпа ребят и девок, как стадо овец, шарахнулась в сторону.
Взрыв хохота и криков на время покрыл звон колокольчиков... Мелькнули огни кабака... Турбина охватило отчаянное чувство смелости и веселья.
– Делай! – крикнул он Ваське,
Сани налетели на водовозку, сбили ее в сторону. Около завода какая-то фигура вынырнула из темноты и упала на ноги Турбина.
– Митька? Ты? – крикнул Кондрат Семеныч.
– Ребята гнались, – молчи!
И на повороте в село фигура выпрыгнула из саней и опять скрылась в темноте.
В избах светились огни, чернели кучки народа на улице, шум и гам покрывали горластые песни, толкотня, пляска, гармоники. Стоном стояла и разливалась протяжная «страдательная», ее заглушал азартный трепак, топот ног и взвизгивания...
Сперва попали в какую-то избу, битком набитую народом. С непривычки Турбину показалось даже страшно в ней: так было жарко, низко и людно... Шла игра в «короли». Неиграющие, ложась друг другу на плечи и почти доставая головами до потолка, покрытого от черной топки словно черным густым лаком, теснились к столу. За столом сидели ребята в расстегнутых полушубках и чистых рубашках, девки в красных ситцах, сильно пахнущих краскою. У всех были сжаты корабликом карты в руках и напряженно веселы лица. Ребятишки шмыгали по ногам, лезли из сенец в избу. «Выстудили избу, окаянные!» – кричала на них хозяйка и громко спрашивала Кондрата Семеныча:
– А это чей же будет?
– Свой, тетка! – ответил Турбин с хохотом и, севши на лавку, не удержался, завалился за сидящих и задрал ноги.
А через минуту он был опять в санях. Кондрат Семеныч втащил в них какую-то хохочущую солдатку и, стоя, крикнул Ваське:

– К печнику!

– Попала шлея под хвост! – подхватил Турбин.

XX

От посещения печника более всего осталось в памяти его пение. И сам печник, волосатый, пожилой мужик, и жена его, всегда веселая и разбитная баба, больше всего на свете любили водку и песни. Гости за посещение их избы напаявали их, и беспутные супруги бывали очень довольны такими вечерами. И теперь тотчас же в печке запылал огонь, зашипела и затрещала яичница с ветчиной, загудела труба на самоваре. Запьяневшая, раскрасневшаяся хозяйка поддувала пламя под таганчиком и с ласковой улыбкой останавливалась, рассматривая Турбина. Затем начался пир. За каждым куском следовала водка; ошалевший Турбин не отставал от других; хотя уже чувствовал, что с великим трудом слышит говор и песни вокруг себя. Песни начал печник. Положив голову на руку, он что ни есть мочи разливался таким неистовым криком, что на шее у него вздувались синие жилы.

– Ешьте, что ль, ветчину-то! – кричала хозяйка.

Турбин машинально, кусок за куском, ел страшно соленую ветчину, и челюсти у него ломило от бесплодных усилий разжевать эти жареные брусочки.

На печника уже не обращал никто внимания. Перебивая его песни, Кондрат Семеныч с Васькой лихо играли на двух гармониках «барыню», а бабы, с прибаутками, с серьезными, неподвижными лицами выхаживали друг перед другом, постукивая каблуками.

Посылала меня мать

Караулить гусака, –

вычитывала хозяйка.

Уж я ее кнутом,

И кнутом, и прутом, –

бойко покрикивала в ответ солдатка, то прихлопывая в ладоши, то упирая руки в бока.

– Делай! – повторял Васька, потрясая гармоникой над головой и пускаясь в самые отчаянные варьяции «барыни». В чаду беспричинной напряженной веселости сознание учителя иногда прояснялось. «Где это я? Что такое?» – спрашивал он себя, но тотчас начинал хлопать в ладоши и в такт «барыни» стучать сапогами в пол.

А за окном, которое завесили попоной, галдел народ, порываясь в избу. Горький пьяница, рабочий с завода, Бубен, огромный худой мужик, с лошадиным лицом, с растрепанными пьяными губами, несколько раз отворял дверь.

– Не пускай, ну его к черту! – говорил Кондрат Семеныч,

– Ну, что ты? Кого тебе? – спрашивала хозяйка, загораживая порог.

Улыбаясь и качаясь, Бубен придерживался за притолку и говорил:

– Да чего? Да ничего! Зайти закурить только.

– Никого тут нетути. Иди.

– Буде, буде толковать-то!

– Тури его в шею! – кричал Кондрат Семеныч.

У Турбина нестерпимо ломило в темени от жары и водки. Но он все еще не отставал от других и, когда раздались крики, что с лошадей сняли вожжи и чересседельник, он даже выскочил вместе с Васькой на улицу, готовый на отчаянную драку. На морозе водка еще более разобрала его, и с этого момента воспоминания его совершенно путаются. Запомнил он только то, что долго бродил по сенцам, а когда Кондрат Семеныч выпихнул к нему какую-то бабу, он потащил ее на скотный двор, и она вырывалась и торопливо шептала:

– Что ты, что ты? Ай подеялось?.. Ай очумел?.. Ох, батюшки, пусти, пусти- и... Тут погребница!..

И ошалевший Турбин опять с трудом отыскал дверь в избу и очутился в полном мраке, и эта темнота, шепот, возня на соломе еще более взбудоражили его кровь. Он долго шарил по соломе трясущимися руками, наткнулся на печника, который сидел на полу и бормотал что-то, повалил кочергу... потом потерял всякое представление о том, где он...

Чувствовал только во сне, что откуда-то по ногам несет холодом. Он тщетно прятал их под солому. Потом началась страшная жажда. Все внутри у него горело, и он чувствовал это сквозь сон и никак не мог проснуться, и все шептал горячечным шепотом:

– Пить... Бога ради пить!..

Казалось, что какая-то толпа растет вокруг него, а он пляшет под «тарантеллу», пляшет без конца и вдруг слышит над своей головой рукоплескания и крики, отчаянный крик. Он вскочил: петух еще раз крикнул на всю избу и затрепыхал крыльями.

Холод плыл по ногам. Еле-еле светало. В смутном сумраке было видно несколько человек, спящих на соломе. Шатаясь, Турбин начал шарить по печуркам спичек; в печурках были какие-то сырые теплые перья; на рубке лежала деревянная спичечница, но она была пуста. Турбин задыхался от жажды.

– Бога ради, напиться! – сказал он громко.

– Ох, чтоб тебе совсем! Вот напужал-то!

Солдатка вскочила и, заспанная, торопливо и неловко стала завязывать юбку и завертывать под платок сбитые волосы.

– Пить нет ли? Душа запеклась!

– Посмотри в угле, в щербатом чугунике.

Турбин с жадностью припал к чугунику. Но квас был тик кисел и холоден, что Турбина с первых глотков подхватила лихорадка, и, не попадая зуб на зуб, он бросился по нарам, через Кондрата Семеныча, на печку; Кондрат Семеныч замычал и заскрипел во сне зубами.

Какой-то тяжелый запах и тепло охватили Турбина, и он заснул как убитый. Но и этот сон продолжался как будто мгновение. Затопили печку по-черному, и дым, пеленой потянувшийся под потолком в дверь, завешенную попоной, стал душить Турбина. Он зарывал голову в солому и сор, но ничто не помогало. Тогда он свесил голову с печки, кое-как приладил ее к кирпичам и так проспал до самых завтраков.

В завтраки Кондрат Семеныч, с опухшим лицом, но уже в спокойном, будничном настроении, сидел за столом против печника, похмелялся и, вертя сигарку, поглядывал на сонное лицо Турбина. Оно было как мертвое: истомленное, страдальческое и кроткое.

– Вот-те и педагог! – сказал он с сожалением. – Пропал малый!

– Сирота небось! – задумчиво произнес печник.

1894

В поле

I

Темнеет, к ночи поднимается выюга.

Завтра Рождество, большой веселый праздник, и от этого еще грустнее кажутся непогожие сумерки, бесконечная глухая дорога и поле, утопающее во мгле поземки. Небо все ниже нависает над ним; слабо брезжит синевато-свинцовый свет угасающего дня, и в туманной дали уже начинают появляться те бледные неуловимые огоньки, которые всегда мелькают перед напряженными глазами путника в зимние степные ночи...

Кроме этих зловещих таинственных огоньков, в полуверсте ничего не видно впереди. Хорошо еще, что морозно, и ветер легко сдувает с дороги жесткий снег. Но зато он бьет им в лицо, засыпает с шипеньем придорожные дубовые вешки, отрывает и уносит в дыму поземки их почерневшие, сухие листья, и, глядя на них, чувствуешь себя затерянным в пустыне, среди вечных северных сумерек...

В поле, далеко от больших проезжих путей, далеко от больших городов и железных дорог, стоит хутор. Даже деревушка, которая когда-то была возле самого хутора, гнездится теперь в верстах в пяти от него. Хутор этот господ Баскаковы много лет тому назад наименовали Лучезаровкой, а деревушку – Лучезаровскими

Лучезаровка! Шумит, как море, ветер вокруг нее, и на дворе, по высоким белым сугробам, как по могильным холмам, курится поземка. Эти сугробы окружены далеко друг от друга разбросанными постройками, господским домом, «каретным» сараем и «людской» избой. Все постройки на старинный лад – низкие и длинные. Дом обшит тесом; передний фасад его глядит во двор только тремя маленькими окнами; крыльца – с навесами на столбах; большая соломенная крыша почернела от времени. Была такая же и на людской, но теперь остался только скелет той крыши и узкая, кирпичная труба возвышается над ним, как длинная шея...

И кажется, что усадьба вымерла: никаких признаков человеческого жилья, кроме начатого омета возле сарая, ни одного следа на дворе, ни одного звука людской речи! Все забито снегом, все спит безжизненным сном под напевы степного ветра, среди зимних полей. Волки бродят по ночам около дома, приходят из лугов по саду к самому балкону.

Когда-то... Впрочем, кто не знает, что было «когда-то»! Теперь числится при Лучезаровке уже всего-навсего двадцать восемь десятин распахной и четыре десятины усадебной земли. В город переселилась семья Якова Петровича Баскакова: Глафира Яковлевна замужем за землемером, и почти круглый год живет у нее и Софья Павловна. Но Яков Петрович – старый степняк. Он на своем веку прогулял в городе несколько имений, но не пожелал кончать там «последнюю треть жизни», как выражался он о человеческой старости. При нем живет его бывшая крепостная, говорливая и крепкая старуха Дарья; она нянчила всех детей Якова Петровича и навсегда осталась при баскаковском доме. Кроме нее, Яков Петрович держит еще работника, заменяющего кухарку: кухарки не живут в Лучезаровке больше двух-трех недель.

– Тот-то у него будет жить! – говорят они. – Там от одной тоски сердце изноет!

Поэтому-то и заменяет их Судак, мужик из Двориков. Он человек ленивый и неуживчивый, но тут ужился. Водить воду с пруда, топить печи, варить «хлебово», месить резку белому мерину и курить по вечерам с барином махорку – невелик труд.

Землю Яков Петрович всю сдает мужикам, домашнее хозяйство его чрезвычайно несложно. Прежде, когда в усадьбе стояли амбары, скотный двор и рига, усадьба еще походила на человеческое жилье. Но на что нужны амбары, рига и скотные дворы при двадцати восьми десятинах, заложенных, перезаложенных в банке? Благоразумнее было их продать и хоть некоторое время пожить на них веселее, чем обыкновенно. И Яков Петрович продал сперва ригу, потом амбары, а когда употребил на топку весь верх со скотного двора, продал и каменные стены его. И неуютно стало в Лучезаровке! Жутко было бы среди этого разоренного гнезда даже Якову Петровичу, так как от голода и холода Дарья имела обыкновение на все большие зимние праздники уезжать в село к племяннику, сапожнику, но к зиме Якова Петровича выручал его другой, более верный друг.

– Селям алекюм! – раздавался старческий голос в какой-нибудь хмурый день к «девичьей» лучезаровского дома.

Как оживлялся при этом, знакомом с самой Крымской кампании, татарском приветствии Яков Петрович! У порога почтительно стоял и, улыбаясь, раскланивался маленький седой человек, уже разбитый, хилый, но всегда бодрящийся, как все бывшие дворовые люди. Это прежний денщик Якова Петровича, Ковалев. Сорок лет прошло со времени Крымской кампании, но каждый год он является перед Яковым Петровичем и приветствует его теми словами, которые напоминают им обоим Крым, охоты на фазанов, ночевки в татарских саклях...

– Алекюм селям! – весело восклицал и Яков Петрович. – жив?

– Да ведь севастопольский герой-то, – отвечал Ковалев.

Яков Петрович с улыбкой осматривал его тулуп, крытый солдатским сукном, старенькую поддевичку, в которой Ковалев качался седеньким мальчиком, поярковые валенки, которыми он так любил похвастать, потому что они поярковые...

– Как вас бог милует? – спрашивал Ковалев.

Яков Петрович осматривал и себя. И он все такой же: плотная фигура, седая, стриженная голова, седые усы, добродушное, беспечное лицо с маленькими глазами и «польским» бритым подбородком, эспаньолка...

– Байбак еще, – шутил в ответ Яков Петрович. – Ну, раздевайся, раздевайся! Где пропал? Удил, огородничал?

– Удил, Яков Петрович. Там посуды полой водой унесло нынешний год – и не приведи господи!

– Значит, опять в блиндажах сидел?

– В блиндажах, в блиндажах...

– А табак есть?

– Есть маленько.

– Ну, садись, давай завертывать.

- Как Софья Павловна?
- В городе. Я был у ней недавно, да удрал скоро. Тут скука смертная, а там еще хуже. Да и зятек мой любезный... Ты знаешь, какой человек! Ужаснейший холоп, интересан!
- Из хама не сделаешь пана!
- Не сделаешь, брат... Ну, да черт с ним!
- Как ваша охота?
- Да все пороху, дроби нету. На днях разжился, пошел, пришиб одного косолобого...
- Их нынешний год страсть!
- Про то и толк-то. Завтра чем свет зальемся.
- Обязательно.
- Я тебе, ей-богу, от души рад!
- Ковалев усмехался.
- А шашки целы? – спрашивал он, свернув сигарку и подавая Якову Петровичу.
- Целы, целы. Вот давай обедать и срежемся!

II

Темнеет. Наступает предпраздничный вечер. Разыгрывается на дворе метель, все больше заносит снегом окошко, все холоднее и сумрачнее становится в «девичьей». Это старинная комнатка с низким потолком, с бревенчатыми, черными от времени стенами и почти пустая: под окном длинная лавка, около лавки простой деревянный стол, у стены комод, в верхнем ящике которого стоят тарелки. Девичьей по справедливости она называлась уже давным-давно, лет сорок – пятьдесят тому назад, когда тут сидели и плели кружева дворовые девки. Теперь девичья – одна из жилых комнат самого Якова Петровича. Одна половина дома, окнами на двор, состоит из девичьей, лакейской и кабинета среди них; другая, окнами в вишневый сад, – из гостиной и залы. Но зимой лакейская, гостиная и зала не топят, и там так холодно, что насквозь промерзает и ломберный стол, и портрет Николая I. В этот непогожий предпраздничный вечер в девичьей особенно неуютно. Яков Петрович сидит на лавке и курит. Ковалев стоит у печки, склонив голову. Оба в шапках, валенках и шубах; баранье пальто Якова Петровича надето прямо на белье и подпоясано полотенцем. Смутно виден в сумраке плавающий синеватый дым махорки. Слышно, как дребезжат от ветра разбитые стекла в окнах гостиной. Мотель бушует кругом дома и чисто прорывает разговор его обитателей: все кажется, что кто-то подъехал.

– Постой! – вдруг останавливает Ковалева Яков Петрович. – Должно быть, это он.

Ковалев смолкает. И ему почудился скрип саней у крыльца, чей-то голос, невнятно донесшийся сквозь шум метели...

– Поди-ка посмотри, – должно быть, приехал.

Но Ковалеву вовсе не хочется выбегать на мороз, хотя и он с большим нетерпением ожидает возвращения Судака из села с покупками. Он прислушивается очень внимательно и решительно возражает:

– Нет, это ветер.

– Да что тебе, трудно посмотреть-то?

– Да что ж смотреть, когда никого нет?

Яков Петрович вздергивает плечами; он начинает раздражаться...

Так было все хорошо складывалось... Приезжал богатый мужик из Калиновки с просьбой написать прошение к земскому начальнику (Яков Петрович славится в околотке как сочинитель прошений) и привез за это курицу, бутылку водки и рубль денег. Правда, водка была выпита при самом сочинении и чтении прошения, курица в тот же день зарезана и съедена, но рубль остался цел, – Яков Петрович приберег его к празднику... Потом вчера утром внезапно явился Ковалев и принес с собой кренделей, полтора десятка яиц, да еще и шестьдесят копеек. И старики были веселы и долго обсуждали, что купить. В конце концов, развели в чашке сажи из печки, заострили спичку и жирными, крупными буквами написали в село лавочнику: «В харчевню Николай Иванова. Отпусти 1 ф. махорки полуотборной, 1,000 спичек, 5 сельдей маринованных, 2 ф. масла конопляного, 2 осьмушки фруктового чаю, 1 ф. сахару и 1 ф. жамок мятных».

Но Судака нет с самого утра. А это влечет за собой то, что предпраздничный вечер пройдет вовсе не так, как думалось, и, главное, придется самим идти за соломой в омет; от вчерашнего дня соломы осталось в сенцах чуть. И Яков Петрович раздражается, и все начинает рисоваться ему в мрачных красках.

Мысли и воспоминания идут в голову самые невеселые... Вот уж около полугода он не видал ни жены, ни дочери... Жить на хуторе становится с каждым днем все хуже и скучнее...

– А, да черт его побери совсем! – говорит Яков Петрович свою любимую

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
успокаивающую фразу.

Но сегодня она не успокаивает...

– Ну, и холода же завернули! – говорит Ковалев.

– Ужаснейший холод! – подхватывает Яков Петрович. – Ведь тут хоть волков морозь! Смотри... Хх! Пар от дыхания видно!

– Да, – продолжает Ковалев монотонно. – А ведь, помните, мы под Новый год когда-то цветочки рвали в одних мундирчиках! Под Балаклавой-то...

И опускает голову.

– А он, видимое дело, не приедет, – говорит Яков Петрович, не слушая. – Мы в дурацкой ажитации, ни больше ни меньше!

– Не ночевать же он останется в харчевне!

– А ты что думаешь? Ему очень нужно!

– Положим, здорово метет...

– Ничего там не метет. Обыкновенно, не лето...

– Да ведь трус государственный! Замерзнуть боится...

– Да как же это замерзнуть? День, дорога табельная...

– Пойдите! – перебивает Ковалев. – Кажется, подъехал...

– Я говорю тебе, выйди, посмотри! Ты, ей-богу, совсем отетеревел нынче! Надо же самовар ставить и соломы надергать.

– Да ведь, конечно, надо. А то что ж там сделаешь ночью?

Ковалев соглашается, что идти за соломой необходимо, но ограничивается приготовлениями к топке: он подставляет к печке стул, взлезает на него, отворяет заслонку и вынимает вьюшки. В трубе начинает завывать на разные голоса ветер.

– Впусти хоть собаку-то! – говорит Яков Петрович.

– Какую собаку? – спрашивает Ковалев, кряхтя и слезая со стула.

– Да что ты дураком-то прикидываешься? Флембо, конечно, – слышишь, визжит.

Правда, Флембо, старая сука, жалобно повизгивает в сенцах.

– Надо бога иметь! – прибавляет Яков Петрович. – Ведь она замерзнет... А еще охотник! Лодырь ты, брат, как я погляжу! Уж правда байбак.

– Да оно и вы-то, должно быть, из той же породы, – улыбается Ковалев, отворяет дверь в сенцы и впускает в девичью Флембо.

– Затворяй, затворяй, пожалуйста! – кричит Яков Петрович. – Так и понесло по ногам холодом... Куш тут! – грозно обращается он к Флембо, указывая пальцем под лавку.

Ковалев же, прихлопывая дверь, бормочет:

– Там несет – свету божьего не видно!.. А, должно быть, скоро нас потащут в Богословское! Вот-вот отец Василий припожалует за нами. Я уж вижу. Всё мы ссоримся. Это перед смертью.

– Ну, уж это обрекай себя одного, пожалуйста, – возражает Яков Петрович задумчиво.

И опять выражает свои мысли вслух:

– Нет, я уж больше не буду сидеть в этом тырле сторожем! Кажется, скоро-скоро затрещит эта проклятая Лучезаровка...

Он развертывает кисет, насыпает сигарку махоркой и продолжает:

– Дошло до того, что завяжи глаза да беги со двора долой! А все моя доверенность дурацкая да друзья-приятели! Я всю жизнь был честен, как булат, я никому ни в чем не отказывал... А теперь что прикажете делать? На мосту с чашкой стоять? Пулю в лоб пустить? «Жизнь игрока» разыграть? Вон у племянника, Арсения Михалыча, тысяча десятин, да разве у них есть догадочка помочь старику? А уж сам я по чужим людям не пойду кланяться! Я самолюбив, как порох!

И, окончательно раздраженный, Яков Петрович совсем зло прибавляет:

– Однако телиться нечего, надо за соломой отправляться!

Ковалев еще больше сгорбливается и запускает руки в рукава тулупа. Ему так холодно, что у него стынет кончик носа, но он всё еще надеется, что как-нибудь «обойдется»... может быть, Судак подъедет... Он отлично понимает, что Яков Петрович ему одному предлагает отправляться за соломой.

– Да ведь телиться! – говорит он. – Ветер-то с ног сшибает...

– Ну, барствовать теперь не приходится!

– Побарствуешь, когда поясицу не разогнешь. Не молоденькие тоже! Слава богу, двум-то нам под сто сорок будет.

– Уж, пожалуйста, не прикидывайся мерзлым бараном!

Яков Петрович тоже отлично понимает, что один Ковалев ничего не поделает в занесенном снегом омете. Но и он надеется, что как-нибудь обойдется без него...

Между тем в девичьей становится уже совсем темно, и Ковалев наконец решается посмотреть, не едет ли Судак. Шаркая разбитыми ногами, идет он к двери...

Яков Петрович пускает через усы дым, и так как ему уже очень хочется чаю, то мысли его принимают несколько иное направление.

– Гм! – бормочет он. – Как вам это покажется? Хорош праздничек! Лопать, как

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
собаке, хочется. Ведь недалога царства нету... Прежде хоть венгерцы ездили!.. Ну, погоди же, Судак!

Двери в сенцах хлопают, вбегает Ковалев.

– Нету! – восклицает он. – Как провалился! Что ж теперь делать? В сенцах соломы чуть!

В снегу, в тяжелом тулупе, маленький и сгорбленный, он так жалок и беспомощен.

Яков Петрович вдруг подымается.

– А вот я знаю, что делать! – говорит он, осененный какой-то хорошей мыслью, – наклоняется и достает из-под лавки топор.

– Эта задача очень просто разрешается, – прибавляет он, опрокидывая стул, стоящий около стола, и взмахивает топором. – Таскай пока солому-то! Черт его поberi совсем, мне свое здоровье дороже стула!

Ковалев, тоже сразу оживившийся, с любопытством смотрит, как летят щепки из-под топора.

– Ведь там небось еще на потолке много? – подхватывает он.

– Валяй на чердак да самовар вытрясай!

В растворенную дверь несет холодом, пахнет снегом... Ковалев, спотыкаясь, таскает в девичью солому, ручки старых кресел с чердака...

– За милую душу истопим, – твердит он. – Крендели еще есть... Яиц бы напечь!

– Тащи их на кон. А то сидим плакучими ивами!

III

Медленно протекает зимний вечер. Не смолкая бушует мотель за окнами...

Но теперь старики уже не прислушиваются к ее шуму. Поставили в сенцах самовар, затопили в кабинете почку и оба сели околнее на корточки.

Славно охватывает тело теплом! Иногда, когда Ковалев запихивал в печку большую охапку соломы, глаза флембо, которая тоже пришла погреться к двери кабинета, как два изумрудные камня, сверкали в темноте. А в печке глухо гудело; просвечивая то тут, то там сквозь солому и бросая на потолок кабинета мутно-красные, дрожащие полосы света, медленно разрасталось и приближалось гудящее пламя к устью, прыскали, с треском лопаясь, хлебные зерна... Мало-помалу озарялась вся комната. Пламя совсем овладевало соломой, и когда от нее оставалась только дрожащая груда «жара», словно раскаленных, золотисто-огненных проволок, когда эта груда опадала, блекла, Яков Петрович скидывал с себя пальто, садился задом к печке и поднимал на спине рубаху.

– Аа-аа, – говорил он. – Славно спину-то нажарить! И когда его толстая спина становилась багровой, отскакивал от печки и накидывал тулуп.

– Вот так пробрало! А то ведь беда без бани... Ну да уж нынешний год обязательно поставлю!

Это «обязательно» Ковалев слышит каждый год, но каждый год с восторгом принимает мысль о бане.

– Добро милое! Беда без бани, – соглашается он, нагревая у печки и свою худощавую спину.

Когда дрова и солома прогорели, Ковалев поджаривал в печке крендели, отклоняя от жары пылающее лицо. В темноте, озаренный красноватым жерлом печки, он казался бронзовым. Яков Петрович хлопотал около самовара. Вот он налил себе в кружку чаю, поставил ее около себя на лежанке, закурил и, немного помолчав, вдруг спросил:

– А что-то теперь поделявает премилая сова?

Какая сова? Ковалев хорошо знает, какая сова! Лет двадцать пять тому назад он подстрелил сову и где-то на ночлеге сказал эту фразу, но фраза эта почему-то не забылась и, как десятки других, повторяется Яковом Петровичем. Сама по себе она, конечно, не имеет смысла, но от долгого употребления стала смешной и, как другие, подобные ей, влечет за собой много воспоминаний.

Очевидно, Яков Петрович совсем повеселел и приступает к мирным разговорам о былом. И Ковалев слушает с задумчивой улыбкой.

– А помните, Яков Петрович? – начинает он...

Медленно протекает вечер, тепло и светло в маленьком кабинете. Все в нем так просто, незатейливо, по-старинному, желтенькие обои на стенках, украшенных выцветшими фотографиями, вышитыми шерстью картинами (собака, швейцарский вид), низкий потолок оклеен «Сыном отечества»; перед окном дубовый письменный стол и старое, высокое и глубокое кресло; у стены большая кровать красного дерева с ящиками, над кроватью рог, ружье, пороховница; в углу образничка с темными иконами... И все это родное, давным-давно знакомое!

Старики сыты и согрелись. Яков Петрович сидит в валенках и в одном белье, Ковалев – в валенках и поддевочке. Долго играли в шашки, долго занимались своим

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
любимым делом – осматривали одежду – нельзя ли как-нибудь вывернуть? – искроили
на шапку старую «тужурку»; долго стояли у стола, мерили, чертили мелом...

Настроение у Якова Петровича самое благодушное. Только в глубине души
шевелится какое-то грустное чувство. Завтра праздник, он один... Спасибо Ковалеву,
хоть он не забыл!

– Ну, – говорит Яков Петрович, – возьми эту шапку себе.

– А вы-то как же? – спрашивает Ковалев.

– У меня есть.

– Да ведь одна вязаная?

– Так что ж? Бесподобная шапка!

– Ну, покорнейше благодарим.

У Якова Петровича страсть делать подарки. Да и не хочется ему шить...

– Который-то теперь час? – размышляет он вслух.

– Теперь? – спрашивал Ковалев. – Теперь десять. Верно, как в аптеке. Я уж
знаю. Бывало, в Петербурге, по двое серебряных часов нашивал...

– Да и брешь же ты, брат! – замечает Яков Петрович ласково.

– Да нет, вы позвольте, не фрапируйте сразу-то!

Яков Петрович рассеянно улыбается.

– То-то, должно быть, в городе-то теперь! – говорит он, усаживаясь на
лежанку с гитарой. – Оживление, блеск, суета! Везде собрания, маскарады!

И начинаются воспоминания о клубах, о том, сколько когда выиграл и проиграл
Яков Петрович, как иногда Ковалев вовремя уговаривал его уехать из клуба. Идет
оживленный разговор о прежнем благосостоянии Якова Петровича. Он говорит:

– Да, я много наделал ошибок в своей жизни. Мне не на кого пенять. А судить
меня будет уж, видно, бог, а не Глафира Яковлевна и не зятек миленький. Что ж, я
бы рубашку им отдал, да у меня и рубашек-то нету... Вот я ни на кого никогда не
имел злобы... Ну, да все прошло, пролетело... Сколько было родных, знакомых, сколько
друзей-приятелей – и все это в могиле!

Лицо Якова Петровича задумчиво. Он играет на гитаре и поет старинный
печальный романс.

Что ты замолк и силишь одиноко? –

поет он в раздумье.

Дума лежит на угрюмом челе...

Иль ты не видишь бокал на столе?

И повторяет с особенной задушевностью:

Иль ты не видишь бокал на столе?

Медленно вступает Ковалев.

Долго на свете не знал я приюту, –

разбитым голосом затягивает он, сгорбившись в старом кресле и глядя в одну
точку перед собою.

Долго на свете не знал я приюту, –

вторит Яков Петрович под гитару:

Долго носила земля сироту,
Долго имел я в душе пустоту...

Ветер бушует и рвет крышу. Шум у крыльца... Эх, если бы хоть кто-нибудь приехал! Даже старый друг, Софья Павловна, забыла... И, покачивая головой, Яков Петрович продолжает:

Раз в незабвенную жизни минуту,
Раз я увидел создание одно,
В коем все сердце мое вмещено...
В коем все сердце мое вмещено...

Все прошло, пролетело... Грустные думы клонят голову... Но печальной удалью звучит песня:

Что ж ты замолк и сидишь одиноко?
Стукнем бокал о бокал и запьем
Грустную думу веселым вином!

– Не приехала бы барыня, – говорит Яков Петрович, дергая струны гитары и кладя ее на лежанку. И старается не глядеть на Ковалева.

– Кого! – отзывался Ковалев. – Очень просто.

– Избавь бог плутает... В рог бы потрубить... на всякий случай... Может быть, Судак едет. Ведь замерзнуть-то недолго. По человечеству надо судить...

Через минуту старики стоят на крыльце. Ветер рвет с них одежду. Дико и гулко заливается старый звонкий рог на разные голоса. Ветер подхватывает звуки и несет в непроглядную степь, в темноту бурной ночи.

– Гоп-гоп! – кричит Яков Петрович.

– Гоп-гоп! – вторит Ковалев.

И долго потом, настроенные на героический лад, не унимаются старики. Только и слышится:

– Понимаешь? Они тысячами с болота на овсяное поле! Шапки сбивают!.. Да все матерые, кряковые! Как ни дам – просто каши наварю!

Или:

– Вот, понимаешь, я и стал за сосной. А ночь месячная – хоть деньги считай! И вдруг прет... Лобище вот этакий... Как я его брызну!

Потом идут случаи замерзания, неожиданного спасения... Потом восхваление Лучезаровки.

– До смерти не расстанусь! – говорит Яков Петрович. – Я все-таки тут сам себе голова. Имение, надо правду сказать, золотое дно. Если бы немножко мне перевернуться! Сейчас все двадцать восемь десятин – картофелем, банк – долой, и опять я кум королю!

Всю долгую ночь бушевала в темных полях вьюга.

Старикам казалось, что они легли спать очень поздно, но что-то не спится им. Ковалев глухо кашляет, с головой закрытый тулупом; Яков Петрович ворочается и отдувается; ему жарко. Да и слишком уж грозно буря потрясает стены, слепит и засыпает снегом окна! Слишком неприятно дребезжат разбитые стекла в гостиной! Жестко там теперь, в этой холодной, необитаемой гостиной! Она пустая, мрачная, – потолки в ней низки, амбразуры маленьких окон глубоки. Ночь же такая темная! Смутно отсвечивают свинцовым блеском стекла. Если даже прильнешь к ним, то разве едва-едва различишь забитый, занесенный сугробами сад... А дальше мрак и метель, метель...

И старики сквозь сон чувствуют, как одинок и беспомощен их хуторок в этом бушующем море степных снегов.

– Ах ты, господи, господи! – слышится порою бормотанье Ковалева.

Но опять странной дремотой обвеивает его шум метели. Он кашляет все тише и реже, медленно задремывает, словно погружается в какое-то бесконечное пространство... И опять чувствует сквозь сон что-то зловещее... Он слышит...

Да, шаги! Тяжелые шаги наверху где-то... По потолку кто-то ходит... Ковалев быстро приходит в сознание, но тяжелые шаги ясно слышны и теперь... Скрипит мантия...

– Яков Петрович! – говорит он. – Яков Петрович!

– А? Что? – спрашивает Яков Петрович.

– А ведь по потолку-то кто-то ходит.

– Кто ходит?

– А вы послушайте-ка!

Яков Петрович слушает: ходит!

– Да нет, это всегда так, – ветер, – говорит он наконец, зевая. – Да и трус же ты, брат! Давай-ка лучше спать.

И правда, сколько уже было толков про эти шаги на потолке. Каждую непогожую ночь!

Но все-таки Ковалев, задремывая, шепчет с глубоким чувством:

– Живой в помощи вышнего, в крове бога небесного... Не убоишься от страха ночного, от стрелы, летящая в дни... На аспиде и василиска наступиши и попреси льва и змия...

И Якова Петровича что-то беспокоит во сне. Под шум метели мерещится ему то гул векового бора, то звон отдаленного колокола; слышится невнятный лай собак где-то в степи, крик работника Судака... Вот шуршат у крыльца сани, скрипят чьи-то лапти по мерзлому снегу в сенцах... И сердце Якова Петровича сжимается от боли и ожидания: это его сани, а в санях – Софья Павловна, Глаша... подъезжают они медленно, забитые снегом, еле видные в темноте бурной ночи... едут, едут, по почему-то мимо дома, все дальше, дальше... Их увлекает метель, засыпает их снегом, и Яков Петрович торопливо ищет рог, хочет трубить, звать их...

– Черт знает что такое! – бормочет он, очнувшись и отдуваясь.

– Что это вы, Яков Петрович?

– Не спится, брат! А ночь давно, должно быть!

– Да, давненько!

– Зажигай-ка свечку-то да закуривай!

Кабинет озаряется. Щурясь от свечки, пламя которой колеблется перед заспанными глазами, как лучистая, мутно-красная звезда, старики сидят, курят, с наслаждением чешутся и отдыхают от сновидений... Хорошо проснуться в долгую зимнюю ночь в теплой, родной комнате, покурить, поговорить, разогнать жуткие ощущения веселым огоньком!

– А я, – говорит Яков Петрович, сладко зевая, – а я сейчас вижу во сне, как ты думаешь, что?... Ведь приснится же!.. Будто я в гостях у турецкого султана!

Ковалев сидит на полу, сгорбившись (какой он старенький и маленький без поддевички и со сна!), в раздумье отвечает:

– Нет, это что – у турецкого султана! Вот я сейчас видел... Верите ли? Один за одним, один за одним... с рожками, в пиджачках... мал мала меньше... Да ведь какого транташа около меня разделявают!

Оба врут. Они видели эти сны, даже не раз видели, но совсем не в эту ночь, и слишком часто рассказывают их они друг другу, так что давно друг другу не верят. И все-таки рассказывают. И, наговорившись, в том же благодушном настроении, тушат свечу, укладываются, одеваются потеплей, надвигают на лоб шапки и засыпают сном праведника...

Медленно наступает день. Темно, угрюмо, буря не унимается. Сугробы под окнами почти прилегают к стеклам и возвышаются до самой крыши. От этого в кабинете стоит какой-то странный, бледный сумрак...

Вдруг с шумом летят кирпичи с крыши. Ветер повалил трубу...

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Это плохой знак: скоро, скоро, должно быть, и следа не останется от
Лузезаровки!
1895

Святые Горы

I

Путь к Донцу, к древнему монастырю на Святых Горах, протекает на юго-восток, на Азовские степи.

Ранним утром великой субботы я был уже под Славянском. Но до Святых Гор оставалось еще верст двадцать, и нужно было идти поспешно. Этот день мне хотелось провести в обители.

Предо мной серело пустынное поле. Один сторожевой курган стоял вдалеке и, казалось, зорко глядел на равнины. С утра в степи было по-весеннему холодно и ветрено; ветер просушивал колеи грязной дороги и шуршал прошлогодним бурьяном. Но за мной, на западе, картинно рисовалась на горизонте гряда меловых гор. Темнея пятнами лесов, как старинное, тусклое серебро чернью, она тонула в утреннем тумане. Ветер дул мне навстречу, холодил лицо, рукава, степь увлекала, завладевала душой, наполняла ее чувством радости, свежести.

За курганом блеснула круглая ложбина, налитая весенней водой. Я свернул к ней на отдых. Есть что-то чистое и веселое в этих полевых апрельских болотцах; над ними вьются звонкоголосые чибисы, серенькие трясогузки щеголевато и легко перебегают по их бережкам и оставляют на иле свои тонкие, звездообразные следы, а в мелкой, прозрачной воде их отражается ясная лазурь и белые облака весеннего неба. Курган был дикий, еще ни разу не тронутый плугом. Он расплывался на два холма и, словно поблекшей скатертью из мутно-зеленого бархата, был покрыт прошлогодней травой. Седой ковыль тихо покачивался на его склонах – жалкие остатки ковыля. «Время его, подумал я, – навсегда проходит; в вековом забытии он только смутно вспоминает теперь далекое былое, прежние стоны и прежних людей, души которых были роднее и ближе; ему, лучше нас умели понимать его шепот, полный от века задумчивости пустыни, так много говорящей без слов о ничтожестве земного существования».

Отдыхая, я долго лежал на кургане. С полей уже тянуло теплом. Облака светлели, таяли. Жаворонки, невидимые в воздухе, напоенном парами и светом, заливались над степью безотчетно-радостными трелями. Ветер стал ласковый, мягкий. Солнце согревало меня, и я закрывал глаза, чувствуя себя бесконечно счастливым. В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были. А побывать на Донце, на Малом Танаисе, воспетом «Словом», – это была моя давнишняя мечта. Донец видел Игоря, – может быть, видел Игоря и Святогорский монастырь. Сколько раз разрушался он до основания и пустели его разбитые стены! Сколько претерпел он, стоя на татарских путях, в диких степных равнинах, когда иноки его были еще воинами, когда они переживали долгие осады от полчищ диких орд и воровских людей!

Скрип телеги, на которой сидел старик, свесив с грядки ноги в допотопных сапогах, и сопение волов, которые, покачиваясь и вытягивая шеи, придавленные тяжелым ярмом, медленно тащились по дороге, разогнали мои думы. Я зашагал еще поспешнее.

Полоса леса серовато чернела вдали. Я не сводил с нее глаз, думая, что за лесом-то и откроется долина Донца и Горы. Лес оказался очень старым, загложшим. Меня поразила его безжизненная тишина, его корявые, иссохшие дебри. Замедляя шаги, я с трудом пробирался по хворосту и бурелому, который гнил в грязи глубоких рытвин дороги. Ни одной птицы не слышно было в чащах. Иногда дорогу затопляло целое болото весенней воды. Сухие деревья сквозили кругом; их кривые сучья бросали слабые, бледные тени.

Скоро, однако, в пролете лесной дороги снова проглянула просторная, вольная даль. Сухой степной ветер все усиливался, разгоняя в ярком весеннем небе белые облака, делая даль бесконечной. Монастыря же все не было.

Хохол, к которому я подходил с расспросами о дороге, рослый мужик с маленькой головой, одетый в короткую, словно из осиновой коры сшитую, свитку, не спеша шел за плугом. Плуг тащили четыре вола, а волов вела девочка.

– Тату! – сказала она мужику, обращая его внимание на меня.

Он остановился.

– Эта дорога на Святые Горы? – спросил я.

– А куды вам треба?

– В монастырь.

– Якій монастырь?

– Да вы разве никогда не были на Святых Горах?

– В економії?

– Да не в экономии, а в самом монастыре, в церкви.

– У церкві? Та у нас своя церква на селі.

– А в монастыре?

– Та був, ще хлопцем. Тоді чума на скот була, так казали, що там пробував такий монах, що знав замовляти. От і ходили усі, у кого скотина боліла; звісно, молебствіє служили і в село привозили того інока. Ну, походив він по дворах, покропив водою, а про те нічого не допомоглось.

– Так это дорога туда?

– Эге ж...

И хохол, даже не взглянув на меня, снова спокойно пошел за плугом.

Я уже чувствовал усталость. Ноги ныли в пыльных, горячих сапогах. И я принялся считать шаги, и занятие это так увлекло меня, что я очнулся только тогда, когда дорога круто завернула влево и вдруг ослепила резкой белизной мела. Вдалеке, налево, на самом горизонте, над чащей леса, сверкал золотой купол церкви. Но я едва взглянул туда. Передо мной, в огромной, глубокой долине, открылся Донец.

Долго простоял я неподвижно, глядя на мутную синеву этих привольных лугов. Все они были затоплены водой, – Донец был в разливе. Стальные полосы реки сверкали в чащах коричневых камышей и залитых половодьем прибрежных лесов, а к югу разливались еще шире, совсем уже смутные у подножья далеких меловых гор. И горы эти белели так смутно-смутно... Потом я обгонял идущий на богомолье народ – женщин, подростков, дряхлых калек с выцветшими от времени и степных ветров глазами, и все думал о старине, о той чудной власти, которая дана прошлому... Откуда она и что она значит?

Между тем монастырь все еще не показывался. Небо потускнело, ветер начал пылить по дороге, и в степи стало скучно. Донец скрылся за холмами. Я попросил проезжего хлопца подвезти меня, и он посадил меня в свою тележку на двух колесах. Мы разговорились, и я не заметил, как мы въехали в лес и стали спускаться под гору.

Все круче, отвеснее становилась горная дорога, каменистая, узкая, живописная. Мы спускались все ниже и ниже, а столетние красноватые стволы мачтовых сосен, гордо выделяясь среди разнообразной лесной заросли, мощно вцепившись корнями в каменистые берега дороги, плавно подымались все выше и выше, возносились зелеными кронами к голубому небу. Небо над нами казалось еще глубже и невиннее, и чистая, как это небо, радость наполняла душу. А внизу, сквозь зеленую чащу леса, между соснами, вдруг проглянула глубокая и, как показалось, тесная долина, золотистые кресты, купола и белые стены домов у подошвы лесистой горы – все скученное, картинно сокращенное отдалением, – и светлая полоса узкого Донца, и густая синева воздуха над сплошными луговыми лесами за ним...

II

Донец под Святими Горами быстр и узок. Правый берег его возвышается почти отвесной стеной и тоже щетинится лесной чащей. Под ним-то и стоит белокаменная обитель с величавым, грубо раскрашенным собором посреди двора. Выше, на полугоре, белея в зелени леса, висят два меловых конуса, два серых утеса, за которыми ютятся старинная церковка. А еще выше, уже на самом перевале, рисуется в небе другая.

С юга надвигалась туча, но весенний вечер был еще ясен и тепел. Солнце медленно уходило за горы; широкая тень стлалась по Донцу от них. По каменному двору обители, мимо собора, я пошел к крытым галереям, что ведут в гору. В этот час пусто было в их бесконечных переходах. И чем выше подымался я, тем все более веяло на меня суровой монастырской жизнью – от этих картинок, изображающих скиты и кельи отшельников с гробами вместо ночных лож, от этих печатных поучений, развешанных на стенах, даже от каждой стертой и ветхой ступеньки. В полусумраке этих переходов чудились тени отошедших от мира сего инок, строгих и молчаливых схимников...

Меня тянуло туда, к меловым серым конусам, к месту той пещеры, где в трудах и молитве, простой и возвышенный духом, проводил свои дни первый человек этих

гор, та великая душа, которая полюбила горный гребет над Малым Танаисом. Дико и глухо было тогда в первобытных лесах, куда пришел святой человек. Лес бесконечно синел под ним. Лес глушил берега, и только река, одинокая и свободная, плескала и плескала своими холодными волнами под его навесом. И какая тишина царила кругом! Резкий крик птицы, треск сучьев под ногами дикой козы, хриплый хохот кукушки и сумеречное уханье филина – все гулко отдавалось в лесах. Ночью величавый мрак простирался над ними. По шороху и плеску воды угадывал иннок, что вплавь переходят Донец люди. Молчаливо, как рать дьяволов, перебирались они через реку, шуршали по кустам и исчезали во мраке. Жутко тогда было в горной норе одинокому человеку, но до рассвета мерцала его свечечка и до рассвета звучали его молитвы. А утром, изнуренный ночными ужасами и бдением, но с светлым лицом, выходил он на божий день, на дневную работу, и опять коротко и тихо было в его сердце...

Глубоко внизу подо мною все тонуло в теплых сумерках, мелькали огни. Там уже начиналась сдержанно радостная тревога приготовлений к светлой заутрене. А здесь, за меловыми утесами, было тихо и еще брезжил свет зари. Птицы, живущие в трещинах скал и под карнизами церковки, реяли вокруг, визжа, как старый флюгер, и всплывали снизу и неслышно падали вниз, в сумрак, на своих мягких крыльях. Туча с юга заволокла все небо, вея теплотой дождя, весенней душистой грозы, и уже содрогалась от вспышек молний. Сосны горного обрыва сливались в темную опушку и чернели, как горб спящего зверя...

Я успел сходить и на вершину горы, в верхнюю церковку, нарушил шагами ее гробовую тишину. Монах, как привидение, стоял за ящиком со свечами. Два-три огонька чуть потрескивали... Поставил и я свою свечу за того, кто, слабый и преклонный летами, падал ниц в этом маленьком храме в те давние грозные ночи, когда костры осады пылали под стенами обители...

III

Утро было праздничное, жаркое; радостно, наперебой трезвонили над Донцом, над зелеными горами колокола, уносились туда, где в ясном воздухе стремилась к небу белая церковка на горном перевале. Говор гулом стоял над рекой, а на баркасе прибывало по ней в монастырь все больше и больше народу, все гуще пестрели праздничные малороссийские наряды. Я нанял лодку, и молоденькая хохлушка легко и быстро погнала ее против течения по прозрачной воде: Донца, в тени береговой зелени. И девичье личико, и солнце, и тени, и быстрая речка – все было так прелестно в это милое утро...

Я побывал в скиту – там было тихо, и бледная зелень березок слабо шепталась, как на кладбище, – и стал взбираться в гору.

Взбираться было трудно. Нога глубоко тонула во мху, буреломе и мягкой прелой листве, гадюки то и дело быстро и упруго выскальзывали из-под ног. Зной, полный тяжелого смолистого аромата, неподвижно стоял под навесами сосен. Зато какая даль открылась подо мною, как хороша была с этой высоты долина, темный бархат ее лесов, как сверкали разливы Донца в солнечном блеске, какую горячую жизнью юга дышало все крутом! То-то, должно быть, дико-радостно билось сердце какого-нибудь воина полков Игоревых, когда, выскочив на хрипящем коне на эту высь, повисал он над обрывом, среди могучей чащи сосен, убегающих вниз!

А в сумерках я уже опять шагал в степи. Ветер ласково веял мне в лицо с молчаливых курганов. И, отдыхая на них, один-единешенек среди ровных бесконечных полей, я опять думал о старине, о людях, почивающих в степных могилах под смутный шелест седого ковыля...

1895

На даче

I

Окна в сад были открыты всю ночь. А деревья раскидывались густой листвой возле самых окон, и на заре, когда в саду стало светло, птицы так чисто и звонко щебетали в кустах, что отдавалось в комнатах. Но еще воздух и молодая майская зелень в росе были холодны и матовы, спальни дышали сном, теплом и покоем.

Дом не походил на дачный; это был обыкновенный деревенский дом, небольшой, но удобный и покойный. Петр Алексеевич Примо, архитектор, занимал его уже пятое лето. Сам он больше бывал в разъездах или в городе. На даче жила его жена, Наталья Борисовна, и младший сын, Гриша. Старший, Игнатий, только что кончивший курс в университете, так же, как и отец, появлялся на даче гостем: он уже служил.

В четыре часа в столовую вошла горничная. Сладко зевая, она переставляла мебель и шаркала половой щеткой. Потом она прошла через гостиную в комнату Гриши и поставила у кровати большие штиблеты на широкой подошве без каблука.

Гриша открыл глаза.

– Гарпина! – сказал он баритоном.

Гарпина остановилась в дверях.

– Чого? – спросила она шепотом.

– Поди сюда.

Гарпина покачала головой и вышла.

– Гаприна! – повторил Гриша.

– Та чого вам?

– Поди сюда... на минутку.

– Не підіду, хоч заріжте!

Гриша подумал и крепко потянулся.

– Ну, пошва вон!

– Бариня загадали вчора спитать вас, чи попдете у город?

– А дальше?

– Казали, щоб не пздили, бо барин сьоголні прыпдуть.

Гриша, не отвечая, обувался.

– Повотенце? – спросил он громко.

– Та на столі – он! Не збудіть бариню...

Заспанный, свежий и здоровый, в сером шелковом картузе, в широком костюме из легкой материи, Гриша вышел в гостиную, перекинул через плечо мохнатое полотенце, захватив стоявший в углу крокетный молоток, и, пройдя переднюю, otvorил дверь на улицу, на пыльную дорогу.

Дачи в садах тянулись направо и налево в одну линию. С горы открывался обширный вид на восток, на живописную низменность. Теперь все сверкало чистыми, яркими красками раннего утра. Синеватые леса темнели по долине; светлой, местами алой сталью блестела река в камышах и высокой луговой зелени; кое-где с зеркальной воды снимались и таяли полосы серебряного пара. А вдали широко и ясно разливался по небу оранжевый свет зари: солнце приближалось...

Легко и сильно шагая, Гриша спустился с горы и дошел по мокрой, глянцевитой и резко пахнущей сыростью траве до купальни. Там, в дощатом номере, странно озаренном матовым отсветом воды, он разделся и долго разглядывал свое стройное тело и гордо ставил свою красивую голову, чтобы походить на статуи римских юношей. Потом, слегка прищуривая серые глаза и посвистывая, вошел в свежую воду, выплыл из купальни и сильно взмахнул руками, увидав, что на горизонте чуть-чуть показавшееся солнце задрожало тонкой огнистой полоской. Белые гуси с металлически-звонкими криками, распутив крылья и шумно бороздя воду, тяжело шарахнулись в тростники. Широкие круги, плавно перекатываясь, закачались и пошли к реке...

– Григорий Петрович! – крикнул чей-то голос с берега.

Гриша перевернулся и увидел на берегу высокого мужика с русой бородой, с открытым лицом и ясным взглядом больших голубых глаз навывкате. Это был Каменский, «толстовец», как его называли на дачах.

– Вы придете сегодня? – крикнул Каменский, снимая картуз и вытирая лоб рукавом замашной рубахи.

– Здравствуйте!.. Приду, – отозвался Гриша. – А вы куда, если не секрет?

Каменский с улыбкой взглянул исподлобья.

– Ведь вот люди! – сказал он важно и ласково. – Всё у них секреты!

Гриша подплыл к берегу и, стоя и качаясь по горло в воде, пробормотал:

– Ну, если хотите, не секрет... Я просто любопытствовал, почему вы меня спросили?

– А мне нужно побывать у знакомых.

– Да, так вы в город едете!

– Разве в город только ездят? – снова перебил Каменский. – И разве знакомые бывают только в городе?

– Конечно, нет. Только я не понимаю...

– Вот это верно. Я сказал, что буду и в городе и у знакомых – вот тут недалеко – на огородах.

– Так, значит, попоздней прийти?

– Да, попоздней.

– Тогда до свидания! – крикнул Гриша и подумал: «Правду говорит Игнатий – психопаты!» Но, отплывши, он опять обернулся и пристально посмотрел на высокую фигуру в мужицкой одежде, уходившую по тропинке вдоль реки.

На реке еще было прохладно и тихо. За лугами, в синеющей роще, куковала кукушка. У берега зашуршали камыши, и из них медленно выплыла лодка. Седенький старичок в очках и поломанной соломенной шляпе сидел в ней, рассматривая удочку. Он поднял ее и соображал что-то, лодка остановилась и вместе с ним, с его белой рубашкой и шляпой, отразилась в воде. А из купальни слышались крики, плеск и хохот. По гнущимся доскам бежали с берега, стуча сапогами, гимназисты, студенты в белых кителях, чиновники в парусинных рубашках...

Грише не хотелось возвращаться туда, и он стал нырять, раскрывать глаза в темно-зеленой воде, и его тело казалось ему чужим и странным, словно он глядел сквозь стекло. Караси и гольцы с удивленными глазками останавливались против него и вдруг таинственно юркали куда-то в темную и холодную глубину. Вода мягко, упруго сжимала и качала тело, и приятно было чувствовать под ногами жесткий песок и раковины... А наверху уже припекало. Теплая, неподвижная вода блестела кругом, как зеркало. С зеленых прибрежных лозин в серых сережках тихо плыл белый пух и тянуло запахом тины и рыбы.

II

Ровно час после купанья Гриша посвятил гимнастике. Сперва он подтягивался по канату и висел на трапедии в саду, потом в своей комнате становился в львиные позы, играя двухпудовыми гириями.

Со двора звонко и весело раздавалось кудахтанье кур. В доме еще стояла тишина светлого летнего утра. Гостиная соединялась со столовой аркой, а к столовой примыкала еще небольшая комната, вся наполненная пальмами и олеандрами в кадках и ярко озаренная янтарным солнечным светом. Канарейка возилась там в покачивающейся клетке, и слышно было, как иногда сыпались, четко падали на пол зерна семени. В большом трюме, перед которым Гриша ворочал тяжестями, вся эта комната отражалась в усиленно-золотистом освещении с неестественно прозрачной зеленью широкой цветочной листвы.

Когда же Гриша вышел на балкон, сел за накрытый стол и, покачиваясь на передних ножках стула, стал, слегка расширяя ноздри, медленно пить молоко, в тишине дома раздался томный голос Натальи Борисовны:

– Гарпина!

«Какая скука! – подумал Гриша. – Каждый день начинается одним и тем же воззванием!»

– Гарпина! – повторила Наталья Борисовна нетерпеливее. – Гри-иша!

Гриша лениво поднялся с места.

– Ну, что тебе? – сказал он, входя в спальню.

Наталья Борисовна, полная женщина лет сорока, сидела на постели и, подняв руки, подкалывала темные густые волосы. Увидав сына, она недовольно повела плечом.

– Ах, какой ты, брат, невежа! – сказала она, смягчая слова улыбкой.

Гриша молча ждал. В комнате с опущенными шторами стоял пахучий полусумрак. На ночном столике возле свечки тикали часики и лежала развернутая книжка «Вестника Европы»,

– Да как же, право! – добавила Наталья Борисовна еще ласковее. – Зову, зову!...

И она попросила достать из столика деньги, посмотреть, где записка – что врать в библиотеке, собрать журналы и позвать Гарпину.

– Гарпина сейчас: едет в город, – сказала она, – не нужно ли тебе чего?.. Нынче приедет отец и, вероятно, с ним Игнатий.

– Будь добра, поскорее! – перебил Гриша. – Ты ведь знаешь, что сейчас я должен идти к Каменскому.

– Ну, ты невозможен, наконец! – воскликнула Наталья Борисовна. – Я же тебе и хотела про это сказать... Ты, например, даже ничего не сообщил мне о нем...

– Ты сама его видела.

– Что же я могла видеть в десять минут, когда человек брал заказ? Кроме как о шкапе, мы двух слов не сказали.

– Но ведь и я хожу к нему только третий день.

– Но все-таки?

– Обыкновенный толстовец.

– Ну, словом, позови его, пожалуйста, к нам сегодня вечером. Ты знаешь, это будет интересно Игнатию. Только позови, голубчик, как-нибудь потоньше, а то ведь откажется!

Гриша кивнул головой и вышел.

III

«Опять день, опять долгий день!» – шевельнулось в глубине души Натальи Борисовны, когда она, после чая и переговоров с кухаркой, взяла зонтик, книжку журнала и, покачиваясь, слегка щурясь от яркого утреннего света и придерживая левой рукой подол широкого чесучового платья, медленно сошла с балкона и направилась в общий дачный парк по своему саду, где, в солнечном блеске, на яблонях в белых нарядных цветах, гудели пчелы, а в чащах журчали горлинки.

«Как трогательно!» – подумала она с ленивой улыбкой, отворив калитку и увидав невдалеке профессора Камарницкого под руку с женою. И тотчас же ласково крикнула им слабым голосом:

– Откуда бог несет?

Профессор, грубоватый на вид, рыжий и курносый, двигался не спеша, и его толстые очки блестели очень строго; в петличке у него краснел цветок, в руках была корзина. Профессорша, маленькая еврейка, похожая на гитару, приклоняла свою черную головку к его плечу.

– Здравсьте! – сказала она небрежно, сквозь зубы. Как всегда, в ее меланхолических глазах и во всем птичьем личике; было что-то надменное и презгливое: никто не должен был забывать, что профессорша – марксистка, жила в Париже, была знакома с знаменитыми эмигрантами.

– Что это вы так рано? – спросила Наталья Борисовна.

– По грибы, – ответила профессорша, а профессор, сияясь улыбнуться, прибавил:

– Дачей нужно пользоваться.

«Какие скучные!» – подумала Наталья Борисовна, глядя им вслед.

– Ах, какие скучные! – повторила она, выходя в парк. На обширной поляне парка стояли одни темно-зеленые, широковетвистые дубы. Тут обыкновенно собирались дачники. Теперь большинство их, чиновники, шли по дороге, пролегающей между дубами, к железнодорожной станции. Барышни в пестрых легких платьях и мужчины в чесуче, в мягкой обуви, проходили мимо Натальи Борисовны и углублялись по узкой дороге в лес, где от листьев орешника стоял зеленоватый полусвет, сверкали в тени золотые лучи, а воздух был еще легкий и чистый, напоенный резким запахом грибов и молодой лесной поросли.

И Наталья Борисовна снова почувствовала себя хорошо и покойно на этой дачной поляне, раскланиваясь с знакомыми и садясь на скамейку под свой любимый дуб. Она откинулась на ее спинку, развернула книгу и, еще раз оправив складки платья, принялась за чтение. Иногда она тихо подымала голову, улыбалась и переговаривалась с дачницами, расположившимися под другими дубами, и опять не спеша опускала глаза на статью по переселенческому вопросу.

А поляна оживлялась. Подходили дамы и барышни с работой и книгами, няньки и важные кормилицы в сарафанах и кокошниках. Изредка, но все-таки без надобности щелкая, прокатывались велосипедисты в своих детских костюмах. Худые проносились с форсированной быстротой, согнувшись и работая ногами, как водяные пауки. Коренастые, у которых узкий костюм плотно обтягивал широкие зады, ехали тише, уверенно и весело оглядываясь. Блестящие спицы велосипедов трепетали на солнце частыми золотыми лучами. А дети взапуски бегали, звонко перекликались и прятались друг от друга за дубами.

– Жарко! – сказала Наталья Борисовна, прищуриваясь, опуская на колени книгу и обращаясь к молоденькой женщине, сидевшей невдалеке с вязаньем в руках.

– Жарко! – согласилась та, сдувая со щеки длинный волос.

Золотистый, чуть заметный туман стоял вдали в знойном воздухе. На местах солнечных золотисто-зеленые мухи словно прилипали к дорожкам и деревьям. Вверху, над вершинами дубов, где ровно синела глубина неба, собирались облака с причудливо округляющимися краями. Веселый и томный голос иволги мягкими переливами звучал в чаще леса.

IV

Гриша шел к Каменскому, сбивая молотком цветы по дороге.

Каменский занимался столярной работой, и Гриша брал у него уроки. Ему давно хотелось узнать какое-нибудь ремесло и потому, что это полезно для здоровья, и потому, что когда-нибудь будет приятно показать, что вот он образованный человек, умеет работать и простую работу. По дороге он, между прочим, думал, что, выучившись, он сам сделает себе идеальные шары и молотки для крокета, да, пожалуй, и всю мебель для своей комнаты... простую, удобную и оригинальную. Занимало и то, что теперь он может похвалиться, что знает «живого толстовца».

В доме отца Гриша с детства видел самых разнохарактерных людей: тузов разных

служб и профессий, имеющих всегда такой вид, словно они только что плотно пообедали, богатых толстых евреев, которые важно, по-гусиному, переваливались на ходу, известных докторов и адвокатов, профессоров и бывших радикалов. И отец называл за глаза тузов мошенниками, евреев – «жидовскими мордами», остальных – болтунами, ничтожеством. Когда Гриша только что начал читать серьезные книги, знакомиться со студентами, ему часто приходилось удивляться: вдруг оказывалось, что какой-нибудь писатель или знаменитый профессор, который представлялся человеком необыкновенным – ни больше ни меньше, как «идиот», «посредственность», вся известность которой основывается на энциклопедических иностранных словарях да на приятельстве с людьми влиятельными. И говорил это не кто-нибудь иной, а сам Петр Алексеич, которому было достаточно рассказать в шутовском тоне, что такая-то знаменитость затыкает уши вагой, любит чернослив и, как огня, боится жены, чтобы авторитет этой знаменитости навсегда померк и глазах Гриши. Такие же новости привозил из столицы и Игнатий, а он, как человек крайне нервный, был еще более резок в мнениях.

– Что ж, и терпентин на что-нибудь полезен, – сказал он однажды словами Пруткова, когда зашел разговор о толстовцах и толстовском учении, – этой «доморощенной философии самоучки с недисциплинированной головой». И Гриша, робея Каменского, усвоил себе манеру насмешливо шуриться, думая о нем.

Жил Каменский на мельнице, в версте от деревни. Мельница стояла на зеленом выгоне, к югу от дачных садов, там, где местность еще более возвышалась над долиной. Хозяин почему-то забросил ее: маленькое поместье с высоким тополем над соломенной крышей избышки, с бурьяном на огороде, медленно приходило в запустение. Внизу, в широкой долине, темным бархатом синели и, сливаясь, округлялись вершины лесов. Мельница, как объятья, простирала над долиной свои изломанные крылья дикого цвета. Она, казалось, все глядела туда, где горизонт терялся в меланхолической дымке, а хлеба со степи все ближе подступали к ней; двор зарос высокой травой; старые серые жернова, как могильные камни, уходили в землю и скрывались в глухой крапиве; голуби покинули крыши. Одни кузнечики таинственно шептались в знойные летние дни у порога избышки, мирно дремлющей на солнце.

– Вот и келья под елью! – усмехнулся Гриша, взглянув на мельницу в первое утро. Он уже представлял себе, как Каменский начнет поучать его, спасать его душу, и заранее вооружился враждебной холодностью. Однако Каменский только показал ему, как надо распиливать доски; и это даже обидело Гришу: «Не хочет снизойти до меня», – думал он, искоса поглядывая на работающего учителя и стараясь подавить в себе чувство невольного почтения к нему.

Сегодня он подходил к этой келье в девятом часу. Обыкновенно Каменский в это время работал. Но теперь в сенцах, где стоял верстак, никого не было.

– Алексей Александрович! – окликнул Гришу и, не получив ответа, пошел к мельнице: гам вчера Каменский распиливал большие доски. Но и в мельнице было пусто. Только воробьи стайей снялись с пола, да ласка таинственно, как змейка, шмыгнула по стояку в развалившийся мучной ларь.

«Значит, у огородника загостился», – подумал Гриша, возвращаясь в избу.

В сенцах, обращенных дверями к северу, было прохладно от глиняного пола; в сумраке стоял уксусный запах стружек и столярного клея. Грише нравился этот запах, и он долго сидел на пороге, помахивая на себя картузом и глядя в поле, где дрожало и убегало дрожащими волнами море жаркого майского дня. Дачные сады казались в нем мутными, серыми набросками на стекле. Грачи, как всегда в жару, кричали где-то в степи тонкими томными голосами. А на дворе мельницы не было ни малейшего дуновения ветерка, на глазах сохла трава... Разгоняя дремоту, Гриша поднялся с порога.

Близ порога валялся топор. На верстаке, среди инструментов, в белой пыли пиленого дерева, лежали две обгорелые печеные картошки и книга в покоробленном переплете. Гриша развернул ее: Евангелие. На заглавном листе его было написано: «Боже мой! Я стыжусь и боюсь поднять лицо мое к тебе, боже мой, ибо беззакония наши стали выше головы и вина наша возросла до небес...»

– Что это такое? – пробормотал Гриша, чувствуя, как что-то новое, возвышенное коснулось его души.

– Станный человек! – прибавил он в раздумье и снова развернул Евангелие. В середине его были письма («Дорогие братья во Христе Алексей Александрович и Павел Федорич...» – начиналось одно из них), бумажки с выписками... На одной было начало стихотворения:

Долго я бога искал в городах и селениях шумных,

Долго на небо глядел – не увижу ли бога...

На другой опять тексты:

«Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности...»

Ласточка с щебетаньем влетела в сенцы и опять унеслась стрелою на воздух. Гриша вздрогнул и долго следил за ней в небе. Вспомнилось нынешнее утро, купальня, балкон, теплица – и все это вдруг показалось чужим и далеким... Он постоял перед дверью в избу, тихо отворил ее.

В передней узкой комнате загудели мухи; воздух в ней был душный, обстановка мрачная, почти нищенская: почерневшие бревенчатые стены, развалившаяся кирпичная печка, маленькое, тусклое окошечко. Постель была сделано из обрубовок полей и досок, прикрытых только попоной; в головах лежал свернутый полушубок, а вместо одеяла – старое драповое пальто. На столе, среди истрепанных книг, валялись странные для этой обстановки предметы – бронзовый позеленевший подсвечник, большой нож из слоновой кости, головная щетка и фотографический портрет молодой женщины с худощавым грустным лицом. Из деликатности Гриша отвел глаза от стола – и сердце его сжалось при взгляде на эти старые, засиженные мухами, уже давно не бывшие в употреблении вещи и на этот портрет.

Зачем это самоистязание? Он смотрел на бревенчатые стены, на нищенское ложе, стараясь понять душу того странного человека, который одиноко спал на нем. Были, значит, и у него другие дни, был и он когда-то другим человеком... Что же заставило его надеть мужицкие вериги?

– Странный человек! – повторил Гриша, хмурясь на темную фототипию, висевшую над кроватью, – снимок с картины знаменитого художника. Это было жестокое изображение крестной смерти, написанное резко, с болью сердца, почти с озлоблением. Все, что вынесло человеческое тело, пригвожденное по рукам и ногам к грубому тяжелому кресту, было передано в лице почившего Христа, исхудалого, измученного допросами, пытками и страданием медленной кончины. И тяжело было глядеть на стриженую, уродливую голову привязанного к другому кресту и порывающегося вперед разбойника, на его лицо с безумными глазами и раскрытым ртом, испутившим дикий крик ужаса и изумления перед смертью того, кто назвал себя сыном Божиим... Морщась, Гриша отворил дверь в другую комнату.

Тут было очень светло от солнца, совершенно пусто и пахло закромом. По полу когда-то прошелся широкими полукругами веник, но не dokonчил своего дела, и мучная пыль белела в углах и на карнизах. У одного окна, на котором грудками лежали литографированные тетрадки, учебник «Эсперанто», изречения Эпиктета, Марка Аврелия и Паскаля, стоял стул. На нем Каменский, должно быть, отдыхал и читал. На простенке были приклеены хлебом печатные рассуждения под разными заглавиями: «О Слове», «О Любви», «О плотской жизни». Среди же них еще стихотворение, крупно написанное на белом листе бумаги:

Боже! Жизнь возьми – она

Вся тебе посвящена!

Дни возьми – пусть каждый час

Слышишь ты хвалебный глас!

А ниже – из псалмов Давида:

«Ты дал мне познать путь жизни; ты исполнишь меня радостью перед лицом твоим!»

Как все это было странно и ново для Гриши! Он с изумлением смотрел кругом, прислушивался к тишине этого заглохшего поместья и к тому, что пробуждалось в его сердце, долго ходил из угла в угол... Потом вернулся в полутемную комнату, вышел в сени, снова развернул Евангелие...

«Дети! Недолго уже быть мне с вами...» – читал он отмеченные карандашом слова последней вечери Христа с учениками. – «Да не смущается сердце ваше... «Если мир вас ненавидит, знайте, что меня прежде вас возненавидел»... «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир»...

Отняв глаза от книги, Гриша долго и напряженно глядел в угол, ничего не видя перед собою. И он, этот странный человек, терпит скорбь, «ибо беззакония наши стали выше головы!». Запах избы от ветхого переплета книги напомнил Грише тяжелую работу, кусок корявого хлеба, жесткое деревянное ложе, черные бревенчатые стены. А пустая, безмолвная и вся озаренная солнцем комната – светлое одиночество в минуты отдыха и созерцательной, тихой жизни.

«Ты исполнишь меня радостью перед лицом твоим!» – вспомнил Гриша и почувствовал, как у него самого радостно и жутко затрепетало сердце и глаза наполнились слезами непонятого восторга... «После сих слов, – читал он дальше, ощущая в волосах словно дуновение морозного ветра, – после сих слов Иисус возвел очи свои на небо и сказал: Отче! Пришел час, прославь сына твоего, да и сын твой прославит тебя... Я открыл имя твое человекам... Соблюдай их во имя твое!..»

V

– А, вы уже пришли! – раздался голос Каменского. Гриша смущенно захлопнул книгу.

– Извините, – сказал он, подымаясь.

– В чем вы извиняетесь? – спросил Каменский, стоя перед ним с мешком в руке и пристально глядя ему в лицо.

– Да вот залез в ваши книги, – ответил Гриша небрежно.

– Так что ж тут дурного?

– Я говорю, взял вашу книгу... ну, без спросу, что ли...

– Вашу? Что это значит?

– Как это значит?

– Да так. Зачем вы все такие слова употребляете? Они стояли друг против друга, и Гриша чувствовал, что пристальный взгляд улыбающихся глаз Каменского все более подчиняет его себе.

– Что это вы покупали? – спросил он, чтобы переменить разговор.

– А вот луку немного и хлеба.

И Каменский опустил мешок на землю.

– Так, может быть, начнем? – добавил он. – Я вот покажу вам, разведу огонь и присоединюсь к вам.

Гриша встрепенулся.

– Нет, нет, вы сначала разведите.

– Успеется, – отозвался Каменский. – Давайте доску в верстак, попробуйте фуганком.

Гриша с преувеличенным вниманием стал слушать, как надо работать фуганком, и помогать заправлять доску в верстак.

– Ну-ка попробуйте! – сказал Каменский.

Гриша взял фуганок и с такой силой зашаркал им по доске, что в два-три взмаха испортил ее.

– Да вы потише! – ласково засмеялся Каменский.

Он ушел в избу, вынес оттуда чугунок с водой, поставил его на таган около порога и развел огонь. Синий дымок поплыл по двору. Поглядывая на него, Каменский взял из-за верстака кадушку, сел на порог и стал набивать обручи. Стук молотка звонко отдавался в пустой кадке. Подлаживая под этот стук, Гриша пристально шмыгал фуганком по доске. Стружки кремового цвета, красиво загибаясь, падали на пол.

– Вы живете только с матерью? – спросил вдруг Каменский, опуская молоток.

– Нет, и отец часто приезжает, – поспешно ответил Гриша, поднимая запотевшее и возбужденное лицо. – А в городе всегда вместе.

– Он что же – все города украшает?

– Как города украшает?

– Строит дома богатым людям? Созидает Вавилон?

– Ах, вот что... Если хотите, да.

– Ну, этого-то я не хочу! – серьезно сказал Каменский.

И, положив в воду картофелю и луку, поправив огонь, опять сел на порог за работу.

– Да, – сказал он задумчиво. – А брат ваш что делает?

– Он только что кончил курс... Теперь служит... то есть работает у патрона.

– Так, – сказал Каменский. – У патрона... А вы тоже думаете этим заняться?

Гриша помолчал.

– Не знаю, – сказал он тихо. Каменский тоже помолчал.

– Это хорошо, что не знаете, – сказал он почти строго и стал задумчиво глядеть вдаль. – Люди все еще идут в Египет за помощью. Но и египтяне – люди, а не бог, и кони их – плоть, а не дух.

И, подняв глаза на Гришу, прибавил:

– И вы будете также... также несчастны и одиноки, если будете не жить, а служить. Вы скоро забудете людей, будете знать только отношения вместо людей, и вам будет очень тяжело...

Гриша вспомнил свою семью и опустил глаза.

– Я испытал это на себе, – опять заговорил Каменский. – Я видел, как растет пропасть между моими поступками и намерениями, как жизнь моя обращается в служение крахмальным рубашкам; видел, как растет пропасть между мной и людьми. И когда я приехал в деревню к своим, где думал начать новую жизнь, я ясно увидел, как велика эта пропасть. Я мог только с крыльца слушать говор и весь этот смутный шум деревни, наблюдать жизнь простых и добрых людей, которых я прежде намеревался учить злым и ненужным делам, думая, что эти дела добрые и нужные дела, – только наблюдать: между нами была пропасть. Я был как человек, стоящий у ручья, которому хотелось пить, но которому сказали, что, прежде чем пить, надо взмутить воду, и он стал пить мутную воду, хотя и знал, что мутить воду было не нужно...

Гриша слушал, стараясь не проронить ни одного слова. «Разве ты теперь-то не одинок?» – хотелось ему сказать. Но, боясь сказать это невпопад, неумело, боясь, что Каменский заговорит с ним как с мальчиком, молчал.

– А про Египет, – спросил он наконец, – это чьи слова?

– Исайи. Вы не читали?

– Никогда. Каменский подумал.

– Завтра воскресенье, – сказал он, – мы не будем работать. Если хотите, приходите, и мы почитаем вместе.

– Во сколько?

– Когда хотите. Хоть часов в десять. Раньше нельзя, так как я пойду в город на почту.

– Непременно приду! – воскликнул Гриша. – У вас тут так хорошо!

Он помолчал и вдруг с трудом выговорил:

– А вы не будете ли добры пожаловать к нам сегодня вечером?... Мама будет очень рада вас видеть...

– С удовольствием, – ответил Каменский. – Я людей не избегаю.

Он попробовал палочкой картошки в чугуне, встал и ушел в избу. Гриша торопливо схватил картуз. Очевидно, Каменский сейчас будет обедать и пригласит его... и выйдет неловкость, неприятность, которая испортит все настроение. Есть Грише не хотелось, но отказаться неловко... да даже если бы и хотелось и он сел, вышло бы все-таки что-то фальшивое.

– Ну, – сказал он как можно спокойнее, когда Каменский вышел из избы с глиняной миской и ложкой в руках, – мне необходимо домой...

И, чувствуя, что краснеет, Гриша поспешно добавил:

– Сегодня, знаете, брат и отец приедут... Так мне необходимо... До вечера, значит?

– До свиданья, до вечера! – ответил Каменский ласково.

За мельницей Гриша вздохнул свободнее. Он был взволнован, ему хотелось подумать о чем-то, но он ничего не думал и только шел все дальше в степь. Позади него живописно синела долина, но ему хотелось уйти в открытое поле. И он шел по парам, уже заросшим высокой травой и цветами, и ему было приятно, что они щелкают его по ногам, что поднявшийся ветер обвеивает лицо солнечной теплотой, запахом зеленых хлебов.

– Как хорошо! – воскликнул Гриша, останавливаясь и снимая картуз.

Он постоял, подумал, послушал жаворонком и тихо добавил:

Ты исполнишь меня радостью пород лицом твоим! Потом лег на межу навзничь и стал делать то, что делал и детстве: медленно-медленно закрывать глаза так, чтобы солнечные лучи ярко-золотистой паутиной протянулись к ресницам, а потом задрожали и превратились в трепещущие кружки, радужные, как хвост павлина...

«Как жить? – думал Гриша. – Как жить, чтоб всегда было хорошо, легко, свободно, просто? И чтоб и другим было так же? Как жить?»

Он постарался представить себе, что будет в его жизни... в тридцать, сорок, пятьдесят лет... Но все было смутно и непонятно. Представилось только что-то похожее на туманную синеву в долине под мельницей...

VI

– Откуда так стремительно?

Гриша остановился среди поляны и поднял голову. По дороге от станции шла в большой шляпке стройная и худощавая барышня, одна из служащих в управлении железной дороги.

– А вас, Марья Ивановна, почему это интересует? – спросил Гриша с тем неестественным спокойствием, с которым говорят красивые молодые люди с

Марья Ивановна пожала ему руку. Темно-каштановые волосы локонами падали на ее плечи; простое и наивное личико с голубыми глазами было очень миловидно. Глазами Марья Ивановна кокетничала, бойко и гордо прищуривала их: однако бойкость не удавалась ей, и чаще всего, особенно при новых людях, взгляд Марьи Ивановны пропадал в пространстве, хотя болтала она в это время без умолку.

— Как жарко! — начала она скороговоркой, стараясь не глядеть на Гришу. — А в вагоне просто дышать нечем... И работы сегодня была такая масса! Я уже заявила сегодня своему патрону, что, если будет такая жара, я не буду больше являться на службу.

— А кто же вас заставляет являться? — спросил Гриша.

— Вот мило! Если бы у меня была пара серых в яблоках и коляска на резине, меня, может быть, и не заставляли бы.

Гриша улыбнулся,

— Ведь нот, — сказал он тоном Каменского. — Они не могут без серых, вес; серые нужны!

— А что же прикажете делать?

— Пахать, — ответил Гриша полусерьезно.

— Пахать! — воскликнула Марья Ивановна. — Это новость!

— Вовсе не новость.

— Сохой пахать?

— Сохой.

Марья Ивановна посмотрела куда-то вдаль и легонько вздохнула:

— Это хорошо в теории, а не на практике.

— А вы не отделяйте теории от практики! — добавил Гриша наставительно, поклонился и быстро пошел к своему саду.

На балконе завтракала Наталья Борисовна.

— Игнатик приехал! — сказала она.

Гриша промолчал и сел за стол. На столе был приготовлен ему прибор и завтрак: масло, яйца, глянцеви́то-зеленые огурцы. Среди стаканов стоял серебряный кофейник, подогреваемый синими огнями бензиновой лампы. Наталья Борисовна старательно снимала ножом и вилкой мясо с крылышка холодного цыпленка. Гриша посмотрел на ее плотную спину, на расставленные и приподнятые руки и почему-то вспомнил черепаху. Красивое лицо его стало неприятно.

— Что так поздно? — спросила Наталья Борисовна немного заискивающим тоном.

— Где же Игнатий? — сказал Гриша вместо ответа.

— Купаться ушел. А ты это все у Каменского?

Гриша сделал усталое лицо.

— У Каменского, — пробормотал он.

Наталья Борисовна позвонила. Гарпина внесла на тарелке сковородку с шипящим в масле куском бифштекса.

— Дайте вина! — коротко приказал Гриша. И, когда подали бутылку, залпом выпил стаканчик и принялся за еду очень поспешно.

— Уже? — спросила Наталья Борисовна. — А кофе? Гриша бросил салфетку и встал.

— Merci, не хочу.

— Мало же!...

Гриша прошел в свою комнату и лег на кровать. Ему хотелось еще подумать, как в поле, удержат утренняя хорошая погода. Но от вина и еды приятно напряженнее билось сердце. Гриша с удовольствием вытянул ноги, положил их на отвал кровати, прикрыл глаза... и внезапно заснул крепким сном.

А Наталья Борисовна, балуясь гусиным перышком, откинулась на спинку стула и долго смотрела куда-то в одну точку. О чем она думала? Она бы и сама не сказала. Но, подымаясь из-за стола, она почему-то глубоко вздохнула и пошла по дому лениво.

В спальне она подняла штору, села около окна и машинально взяла книгу. Но читать не хотелось. И она перевела глаза на портрет Петра Алексеевича, стоявший на ее письменном столике. С портрета пристально и насмешливо глядели на нее небольшие, чуть-чуть прищуренные глаза еще бодрого и свежего мужчины лет пятидесяти. Его правильная, яйцеобразная голова с продолговатой бородой, в которой седина тронула волосы только около щек, еще до сих пор была гордо откинута назад. Было видно, что этот человек весь свой век прожил в холле и до старости сохранил барскую осанку высокой, в меру полной фигуры.

«Подурнел! — подумала Наталья Борисовна. — Плечи подняты по-стариковски, под глазами мешки...»

На мгновение она вспомнила свою молодость, прежнего Петра Алексеевича, на мгновение ей стало неприятно, что он так опустился теперь... Но, в сущности, он теперь был ей совсем чужой человек; а думать о прошлом — это и утомительно, и не

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru приводит ни к чему хорошему. И Наталья Борисовна принялась бесцельно смотреть в окно.

Ветер опять стих, и опять стало жарко и скучно. Но уже длинные тени легли от садов и дачи дремали мирным послеобеденным сном долгого летнего дня. По улице прокатилась со станции линейка с дачниками и скрылась, гроыхая развинченными гайками. «Са-ахарно морожино...» – меланхолично доносилось откуда-то издалека.

А в доме было так тихо, что по всем комнатам отдавалось ровное постукивание часов в столовой.

VII

Вечером на поляне около сада Примо играли в крокет.

Солнце скрылось в густую чащу леса за поляной, и лес темнел на шафрановом фоне заката. Воздух был сухой и теплый, даже душный. Около играющих стояли знакомые и незнакомые барышни и студенты; потом они разбрелись, и зрителями остались маленькие гимназисты. Их очень занимал непрекращающийся спор между Гришей и Игнатием.

– А я тебе говорю, что ты ее убил! – азартно кричал Игнатий, стоя перед Гришей. – Я стоял вот здесь, – продолжал он, все более волнуясь, отбегая и стучая молотком по тому мосту, где стоял, – я стоял вот на этом самом месте и отлично видел, как шар Марьи Ивановны коснулся фока!

На толстого Игнатия в широком, мешковатом костюме из чесучи было смешно смотреть. Он неуклюже бегал среди дужек и поминутно снимал соломенную шляпу, обтирая платком круглую, коротко остриженную голову и красное лицо.

– Шнурки-то подбери, – презрительно говорил Гриша, указывая Игнатию на мотающиеся завязки его мягких скороходов.

– Игнатик! – пробовала вмешаться Наталья Борисовна, делам страдальческое лицо и смеясь внутренним смехом. – Keep your temper, Sir![6]

– Оставь, пожалуйста, мама! – огрызнулся Игнатий. – Это же глупо наконец! Я отлично видел, как шар коснулся фока.

Гриша смотрел на Марью Ивановну и думал, что она сегодня была бы очень хороша, если бы не надела этой красной шелковой кофты, широкие рукава которой она поминутно издергивала и взбивала на плечах.

– Ты слеп, мой милый! – лениво возражал он брату.

– Ты слеп!

– Все равно, я не уступлю.

– И я не уступлю!

– Ты молоток ломаешь.

– Ну и отлично!

– Ничего тут нет отличного.

– Я тебе уже давеча раз уступил, – опять стучая молотком в землю, кричал Игнатий, – ты еще давеча нарушил правила.

– Вечно с правилами!

– Конечно, с правилами! Раз ты их не исполняешь...

В это время к крокету подошел профессор Камарницкий с женой.

– Здравсьте, господа! – сказала Софья Марковна. – Продолжайте, продолжайте, пожалуйста.

Но Грише совестно было продолжать спор. Он отвернулся и сказал:

– Марья Ивановна! Вы должны решить.

Марья Ивановна положила ручку молотка за голову на плечи, взялась за нее руками и, качаясь на носках, ответила детским тоном:

– Я не знаю.

И не то улыбаясь, не то гримасничая, она рассеянно смотрела своими голубыми глазами в небо. Грише страстно захотелось подойти и поцеловать ее в губы. И он машинально ответил:

– В таком случае давай новую партию. Мы считаем себя побежденными.

– Павел! – сказала профессорша. – Будем играть?

Профессор покорно согласился. Все взяли молотки и собрались в одно место. Игнатий обтер лоб платком, бросил на землю шляпу и быстрыми ударами молотка согнал шары к фоку.

– Итак, господа, – крикнул он тоном герольда, – мы играем в следующем порядке: одну партию составляет Павел Антоныч, Софья Марковна и Гриша; вторую – я, мама и Марья Ивановна. Гриша, мы начинаем: согласен?

– Согласен, согласен.

Широко шагая, Игнатий торжественно подошел к фоку, отставил левую ногу.

– Господа, начинаю! – крикнул он и ударил в шар. Шар прошел дужку, стукнулся о проволоку второй и наискось проскочил третью.

– Вот это удар! – восторженно завопил Игнатий, любясь, как шар волчком

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
завертелся на одном месте.

А через минуту он уже снова раздраженно кричал на всю поляну:

– Если ты, мама, не умеешь играть – брось! Это глупо наконец! Не умеет даже крокировать!

– Да ведь нога же соскользнула!

И, улыбаясь, Наталья Борисовна снова приподняла край юбки, неумело поставила ботинку на шар, сильно размахнулась, но молоток боком стукнул ее по ноге и выскользнул из рук.

– Не могу сегодня... – выговорила она, трясаясь от смеха, и отошла в сторону.

Зараженная этим смехом, Марья Ивановна принялась хохотать как помешанная.

– Сначала, сначала! – кричала она, бегая за шарами и раскидывая их в разные стороны.

Игнатий в отчаянии поднял плечи, покраснел и сделал ужасное лицо.

– Это черт знает что такое! – воскликнул он басом и, не выдержав, сам расхохотался.

Подъехал еще знакомый – адвокат Викентьев. У него всюду были знакомые, и в городе, с извозчицей пролетки (пешего его трудно было себе представить) он широко и приветливо размахивал шляпой чуть не каждому встречному. Всюду он держал себя как дома, всюду напевал отрывки оперных арий с мягким удалством итальянского тенора и считал себя общим любимцем.

– Стой, стой! – закричал он извозчику, соскакивая с пролетки, и быстро, покачиваясь, пошел к крокету. Это был человек небольшого роста, кругленький, с маленькими ногами и руками. Называя себя «верным шестидесятником», он небрежно повязывал галстук, не стриг своих серых, мягких волос и часто закидывал их назад. Матовое его лицо было моложаво и неприятно.

– Наталья Борисовна! – крикнул он, махая на себя шляпой. – Благоверного вашего лицеизрел!

– Где? – спросила Наталья Борисовна, идя к нему навстречу.

– В городе-с. – Викентьев быстро поцеловал у ней руку, оглянулся. – Да-с, на стогнах града... Оказывается, он вернулся еще вчера, «выпимши малость»... Здравствуйте, барышня!.. Мое почтение, Софья Марковна...

Он пожал всем руки и опять оглянулся:

– Коллеге почтение! Давно изволили пожаловать?

– Только сегодня, – сказала Наталья Борисовна. – Да вы откуда, Александр Иванович?

Викентьев махнул рукой и вздохнул.

– И в городе был и за городом был... у одного почтенного отца семейства... Ну что же? Я вам помешал? Примите меня в заморскую игру?.. Хотя по правде, я голоден, как сорок тысяч братьев Фридрихов...

Но играть было уже поздно. Сумрак мягко синел в парке, и над вершинами дубов показывались серебряные звезды... Хор молодых голосов запел где-то далеко протяжную малороссийскую песню, и Викентьев стал тихонько подтягивать:

Та иалетіли гуси з далекого краю...

– Отчего это, – сказал он, – когда поют хорошую песню, становится кого-то жалко и совсем не знаешь, горя или радости хочется?.. Пойдемте гулять, господа! В такую ночь пади жить только природой.

Пошли смотреть на долину, в сторону, противоположную мельнице Каменского, – туда, где видны были огни города; полежали на скате, непринужденно, по-дачному, снявши шляпы. Синяя темнота все сгущалась от востока над долиной. Прошел за рекою поезд, и долго слышен был его отдаленный шум... Потом все затихло. Город на горизонте роился бледными огнями, а из парка доносилась то та, то другая печальная песня.

– Славно! – сказал Викентьев. – Люблю я эту самую природу, люблю, грешным делом, полежать вот так на травке, но... «камергер редко наслаждается природой»!.. Право, иной раз хочется стать рыбаком, бродягой или хоть толстовцем... вроде вашего новоявленного отца Каменского. Кстати, он еще тут обретається?

Гриша насторожился.

– Да, – ответила Наталья Борисовна. – Обещался сегодня быть у нас.

– Вот как! – сказала Софья Марковна. – Это интересно. Павел, пойдем к Наталье Борисовне?

Профессор, запинаясь, отказался:

– Нет, ты, уж будь добра, иди одна; мне он не интересен, да и надо вовремя лечь в постель.

– Да, он не интересен, – подтвердил Викентьев. – Я с ним встречался. Говорит как по писаному, но все это не ново и хорошо только на словах. «Нельзя объять необъятного»... Да и сам Лев Николаевич-то, кажется, уж соскучился забавляться...

Заговорили о том, что влияние Толстого проходит, что Толстой велик как романист и слаб как философ, что он умеет только отрицать и ничего не дает

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan. ru
положительного... Гриша внимательно слушал. Слова Викентьева заставили его задуматься.

«Болван! – думал он про Викентьева. – Но это-то, пожалуй, отчасти и правда... Не ново-то не ново...»

Посидели еще, не зная, что делать. Всем было хорошо, но все чего-то ждали. И когда Наталья Борисовна сказала, что хочется чаю, поднялись очень живо, словно исполнили обязанность.

У крыльца профессор и Викентьев откланялись. Остальные вошли в дом. В сумраке на балконе кто-то медленно поднялся со стула.

– Здравствуйте! – сказал приятный важный голос.

– Ах, это вы, Алексей Александрович! – воскликнула Наталья Борисовна, дружески пожимая ему руку. Очень, очень рада вас видеть... Что же это Гарпина не зажгла вам лампы?

– Они у Петра Алексеевича.

– Разве он приехал?

– Да, мы уже беседовали с ним. Он пошел в кабинет обливать голову водою.

Наталья Борисовна покраснела. «Ах, боже мой, как нарочно!» – подумала она, но тотчас же весело сказала:

– Ну, господа, вы незнакомы? Знакомьтесь, знакомьтесь, пожалуйста...

VIII

По всем комнатам пахло сигарами. Из кабинета раздавались мужские голоса, слышны были сиплые вскрикивания Ильи Подгаевского, странного субъекта, безотлучно пребывавшего при Петре Алексеевиче и участвовавшего во всех его попойках. Петр Алексеевич редко появлялся один и на этот раз привез с собой еще какого-то военного доктора, которого называл Васей, и своего секретаря, Бобрицкого, молодого человека, очень похожего на жирафа своей маленькой головой и большой, длинной фигурой в клетчатой паре.

Среди сидящих и разговаривающих за круглым столом в ярко освещенной гостиной Каменский резко выделялся высокой фигурой и одеждой. Присутствие его одних смущало, других очень интересовало. Марья Ивановна боялась взглянуть на него и, махая в раскрасневшееся лицо платком, быстро-быстро заговаривала то с тем, то с другим так, словно отвечала на экзамене. Грише очень хотелось уйти с ней на качели в сад, но он знал, что будет спор, так как заметил, с какой порывистой приветливостью пожал руку Каменского Игнатий: очевидно, рад новому человеку, с которым можно сцепиться. Однако разговор шел пока незначительный. Поддерживал его только агроном, человек в золотом пенсне, всегда сдержанный, вежливый и элегантный (агрономией он занимался теоретически, в городе). В тон ему держался и Бобрицкий. Немного отодвинувшись от стола и вытянув ноги, он держал стакан чаю в руках и, когда пил, далеко отставлял мизинец, украшенный перстнем с большим куском бирюзы.

– Вы позволите вам чаю? – с легкой запинкой спросила Наталья Борисовна Каменского.

И все тотчас с любопытством обратились в его сторону: откажется или нет? И что возьмет к чаю?

– Пожалуйста, – очень вежливо ответил Каменский.

То, что он приметлив, тоже немного удивляло всех. Верно, он знал, что Примо устроили сегодня вечер с толстовцем, знал, что за каждым его движением будут следить, будут оглядывать его одежду, и потому надел чистую рубашку, умылся, причесал бороду и густые русые волосы, подстриженные в скобку. Теперь его открытое лицо было красиво.

Подошел еще гость, статистик Бернгардт, бородатый, сумрачный человек. Он недавно вернулся из Сибири, и Грише казалось, что это суровые сибирские мужики приучили его быть таким скупым на слова. И теперь он молча сел в угол со стаканом чаю и принялся рассматривать волосы в своей большой темной бороде. Каменский тотчас заговорил с ним о Сибирской железной дороге. Бернгардт отвечал отрывисто, а все поглядывали на них, как бы спрашивая: какой интерес представляет Каменскому железная дорога? Ведь «они» отрицают цивилизацию!

Вдруг агроном почтительно промолвил:

– Правда, что Лев Николаевич не совсем здоров?

– Да, да, – поспешил ответить Бобрицкий, – я читал недавно сам.

– Нет, неправда, – ответил Каменский. – Я недавно имел о нем известия. Бобрицкий поднял брови.

– Но я же сам, своими глазами читал в «Новом времени»! – сказал он.

– Вы не верьте. Газеты для того же и существуют, чтобы выдумывать неправду, – возразил Каменский с снисходительной улыбкой.

Игнатий задвигался на стуле.

– Ну, знаете, это слишком сильно сказано! – проговорил он с неприятной улыбкой.

– А где он теперь? В Ясной Поляне? – перебила Марья Ивановна.

– Что вы?

Каменский спросил очень ласково, но Марья Ивановна смешалась. Она встряхнула локонами и с трудом выговорила:

– Правда, что он только лето живет в деревне?

– Д«, вот это правда.

Все переглянулись и помолчали. Каменский налил в блюдце чаю и уже начал говорить с агрономом о рамочных ульях, как вдруг Софья Марковна выговорила громко и насмешливо:

– А правда, что он уже сменил пресловутую блузу на костюм велосипедиста?

– Вот это опять неправда, – уже совсем важным тоном возразил Каменский.

Снова переглянулись, а Игнатий издал какой-то носовой звук.

– Я, собственно, не понимаю... – начал он, собирая хлебные крошки.

Но в это время раздался насмешливо-отчетливый голос Петра Алексеевича:

– А правда, что мы с Илюшей еще пьяны?

Все живо обернулись.

Улыбаясь, Петр Алексеевич медленно шел с коробкой сигар в одной и с дымящейся папирсой в другой руке, немного приподняв плечи и не поворачивая головы, как уходят богатые люди из ресторанов среди кланяющихся лакеев. После холодной воды он посвежел и ободрился; слегка прищуренные глаза блестели, смуглое припухшее лицо было весело. И как всегда, он был очень представительен; небольшое брюшко, туго обтянутое жилетом, не портило его высокой, плотной фигуры; ноги сравнительно с ней были тонки, но стройны.

Зато маленький, тщедушный человек, который шел за ним в длинном черном сюртуке, производил странное впечатление; старческое лицо его, лицо скопца и алкоголика, было желто и испито; длинные, монашеские волосы жидкими темными космами падали на плечи; маленькие агатовые глаза неестественно блестели.

– Отставной профессор консерватории, потом монах, пьяница и мой друг, Илья Подгаевский, – отрекомендовал его Петр Алексеевич, здороваясь с гостями и усаживаясь к столу.

– Полно, Петр! – с пафосом воскликнул Подгаевский, кивнул всем головой и задумчиво зашагал из угла в угол, бросая себе в рот мятные лепешечки.

Наступило минутное молчание. Каменский пристально, без стеснения рассматривал то Подгаевского, то хозяина. Последний, очевидно, заметил это, потому что отчетливо повторил, обращаясь уже к одному Каменскому:

– Так как вы нас находите? Пьяны мы или уже можем вести душеспасительные беседы?

– Мы этого еще не знаем, – ответил Каменский серьезно.

Петр Алексеевич сделал вид, что уже не слушает, и обратился к Наталье Борисовне:

– Мамаша, – сказал он, – налейте и мне стаканчик чаю, только, пожалуйста, без коньяку!

– Вот как! – засмеялась Наталья Борисовна.

– Я слышу разговор о Толстом, – продолжал Петр Алексеевич, оглядывая всех и подчеркивая слова, – и вот мне перестало хотеться того, чего прежде хотелось, и стало хотеться того, чего прежде не хотелось. И когда я понял то, что понял, я перестал делать то, чего не надо делать, и стал делать то, чего не делал и что нужно делать.

Все засмеялись.

– Очень, очень удачно скопирован Толстой! – подхватил Бобрицкий.

– Какой догадливый! – пробормотал Петр Алексеевич, раздувая ноздри.

– Нет, почему вы так против велосипедистов? – улыбаясь, но уже нервно прикрывая глаза и волнуясь, заговорил Игнатий.

– Разве я это сказал? – спросил Каменский и поднял брови.

– То есть не сказали, но, в сущности, это понятно... И это странно... Я думаю, что всякий труд, исполняемый с наименьшим напряжением мускулов...

Все прислушались. Каменский же немного наклонил голову, и по лицу его было видно, что он хочет вникнуть в каждое слово. Но Игнатий запнулся, щелкнул пальцами и прибавил торопливо:

– Я хочу сказать, что такой труд, во всяком случае, более нужен, чем какой-либо другой...

– Я вас не понимаю, – спокойно возразил Каменский.

– Не понимаете? – переспросил Игнатий.

– Извините, не понимаю.

Игнатий вздернул плечами.

– Что же тут непонятного? Разве я темно выражаюсь?

– Нет, но вы, очевидно, не подумали, что сказали.

Игнатий прикрыл глаза, соображая, подумал он или нет, и наконец выговорил:

– Нет, знаете, я темно выразился, но вполне понятно, что я хотел сказать. Я хотел сказать, что всякий труд...

– Нужно всегда различать, – тихо, по властно перебил Каменский, кладя ладони на стол, – нужно всегда различать, что нужно и что не нужно в жизни; именно, как сказал Петр Алексеевич, надо знать, что нужно делать и чего не нужно делать.

Он мельком взглянул на Петра Алексеевича и продолжал:

– Да, именно так. Поэтому слово «всякий» очень часто не имеет ни значения, ни смысла. Всяким труд! Да вот ведь и обезьяна трудилась и ей стало жарко и скучно наконец.

– То есть я не понимаю, про какую обезьяну вы говорите?

– А вот про ту, что катала чурбан. Помните басню? О труде надо думать серьезно и избирать надо тот труд, который не ограничивается одним наименьшим напряжением мускулов. Труд жизни...

Игнатий заволновался еще больше.

– Вы думаете, кажется, что я не имею понятия о труде?

– О чьем труде?

– Вообще о труде... Я не меньше вашего работал и работаю...

– Я о вас пока не говорил.

– Но ведь это понятно!

– Я о вас не говорил. О вас я еще буду говорить.

Игнатий вспыхнул.

– Но ведь это, конечно, и от меня будет зависеть, – резко возразил он. – Личности тут ни при чем.

– Нет, именно при чем. И отчего нам не говорить друг о друге? Мы не должны учить других, когда еще не очистились сами, но мы должны быть братьями и помогать друг другу.

– Однако же вы говорите тоном именно поучения!

Каменский немного смутился, но тотчас же оправился.

– Я не поучаю, – сказал он серьезно, – я говорю только то, что мне кажется истиной, которую я уразумел сердцем. Я не насилую вас – это главное. И вы напрасно сердитесь на меня.

– Я нисколько не сержусь, я сказал только, что знаю, что такое труд, не хуже другого...

– По вашим рукам этого не видно.

– Если вы, – перебила Каменского Софья Марковна, и все оглянулись на нее, – если вы подразумеваете под трудом труд только физический, то я думаю, что ограничивать настолько труд, по меньшей мере, странно. Умственная жизнь человека нуждается в полном развитии и усовершенствовании.

– Илья? – спросил Петр Алексеевич. – Справедливая это мысль? Правда, мы с тобой труженики и умственно развиваемся? – И с заигравшей в глазах злою улыбкой оглядел всю компанию, долил чай коньяком и выпил, как воду.

– Илюша! Что же ты? – добавил он, обращаясь к Подгаевскому.

Подгаевский, который шагал вокруг стола, оживился.

– Изволь! – сказал он, наливая и себе коньяку. – Но ты обратился ко мне с вопросом. Так я тебе скажу, мой милый, что мысль Софьи Марковны совершенно справедлива. И твоя обычная ирония тут ни при чем. «Оставь ее отжившим и нежившим!»

– Будто бы мы с тобой еще не отжили? – спросил Петр Алексеевич.

– Мы тени, мой милый! Но сущность наша и красота вечны! – сипло вскрикнул Подгаевский.

Петр Алексеевич дослушал его и спокойно выговорил:

– Вот и врешь! И мы с тобой, к сожалению, не тени, и красота не вечна. Например, вот мамаша была очень красива, а теперь только старая карга.

Поднялся общий смех и говор.

– Виноват!.. – говорил Каменский с блестящими глазами.

IX

– Виноват, я не договорил, – повторил он. – Я вас перебыю на минуту, – продолжал он только для того, чтобы вдуматься в то, что хотел сказать, так как намеревался говорить долго. – Я хотел ответить вам, Софья Марковна... Оставим на минуту труд в стороне, нужно сперва говорить о жизни... И вот я думаю так: жизнь человека должна быть направлена прежде всего к раскрытию и познанию...

– К раскрытию чего?

– К раскрытию того, что нужно и важно для человека, к развитию его добрых чувств, чтобы он мог любовно и радостно исполнять свое назначение на земле и

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

волю пославшего его...

- Пославшего его, – повторил Игнатий. – Кто же этот пославший?
- А это называйте, как хотите – Роману, Вишну, Фта... Дух жизни, одним словом.
- Дух жизни! Что такое Дух жизни?
- А вам что – хочется решить его, как уравнение?
- Нисколько, это уравнение, состоящее из всех неизвестных, следовательно, я и пытаюсь не буду решать такое уравнение... Да это и не уравнение будет.

Петр Алексеевич насмешливо кивнул на Игнатия.

- Игнатий-то! – сказал он. – Как уравнению-то обрадовался!
- Дай мне, пожалуйста, говорить! – воскликнул Игнатий со злобой. – Так я говорю: это для меня только звук, и я не знаю, что он значит...
- Дело не в звуке...
- Так позвольте: что же такое Дух жизни?
- Дух жизни?... «Свет, и нет в нем никакой тьмы» – вот вам одно определение.

Добро, любовь – вот вам другое.

- А почему я должен поклоняться добру? – вмешался Подгаевский, внезапно останавливаясь против Каменского.
- В самом деле, – подхватил Игнатий, – почему?
- Да зачем вы ставите эти вопросы? Вы следуйте веленьям своего сердца, в котором заключены и добро и любовь.
- А если у меня не заключено ничего подобного?
- Это неправда. Еще Тертуллиан сказал, что душа христианка.

Игнатий заморгал, развел руками, поднял плечи.

- Да что же это за доказательство! – воскликнул он насмешливо и басом. – Добро, любовь... А если я не верю Тертуллиану вашему, и моя башка, мои мозги... Каменский нахмурился и повторил уже назло:
- Да, еще Тертуллиан сказал. А царь Давид вот что: «И рече безумец в сердце своем – несть бога!»
- Не следует, я думаю, забывать того, что Давид совмещал в себе массу достоинств, но еще более недостатков, – перебила Софья Марковна.
- Господа, позвольте! – закричал Игнатий. – Мы уклонились, так нельзя...
- Вы же не дали мне договорить, – сказал Каменский. Лицо у него покраснелось, руки нервно гладили скатерть.
- Ну, продолжайте, продолжайте, пожалуйста!

Каменский подумал и опять заговорил размеренно:

- Я говорил: человек должен уяснить себе, для чего он живет...

Виноват, – снова не выдержал Игнатий, – одно слово... Как это уяснить, для чего я живу? Я могу сказать, для чего я сегодня в город ездил...

- Да, вот именно так, – подтвердил Каменский, – именно, надо уяснить себе цель жизни так же, как цель поездки в город. И вот: есть жизнь телесная и плотская и есть жизнь духовная и душевная. Жизнь телесная...
- Ну, это уже начинается метафизика какая-то! – воскликнула Софья Марковна.
- Позвольте, – начал Игнатий.
- Виноват, – заговорил и агроном, хотевший примирить и успокоить всех.

А Петр Алексеевич выговорил громче всех:

- Мы вот с Илюшей живем плотской жизнью!
- Метафизика – родня поэзии! Я стою за метафизику! – почти закричал Подгаевский. – Вы говорите: труд; но прогресс движется не трудом, а творчеством!
- Это, положим, вздор! – добавила Софья Марковна. – Возьмите Липперта...

Каменский почувствовал, что здесь нельзя говорить. Но то, что ему хотелось сказать этим людям, которые кричат только от скуки, волновало его, и он поднялся со стула. Встал и Игнатий.

- Что же вы сотворили? – почти строго спрашивал Каменский. – Что? Я скажу вам, что вы сотворили: рабовладельчество, проституцию...
- А что вы так против проституции? – вмешался Петр Алексеевич уже с явной насмешкой. – Вот Илья иначе думает.

Каменский пристально посмотрел на Петра Алексеевича, но тот сделал мутные глаза и отвернулся.

- При совре-мен-ных условиях это не-обхо-димо-е учреждение! – уже кричал Подгаевский.
- Позвольте... Что же, современные условия хороши?
- Нет, вы позвольте!

Лицо Подгаевского исказилось, глаза бегали; то, что у него не было двух верхних зубов, еще более делало его некрасивым.

- Нет, дайте же мне договорить! – пробовал как можно спокойнее возражать Каменский. – Вы сказали именно то, что нужно: вы сказали как человек, который на вопрос: почему он едет так плохо и тихо, ответил, что у него сломана ось.

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.r
Остановись же, – сказали ему, – почини ее.

– Позвольте-с, – заговорил Бернгардт сумрачно, приближаясь к Каменскому, – современные условия зависят не от одного человека. Это не телега, в которой едет благодущный мечтатель и единственный обладатель ее, это наполненный народом дилижанс. И починка зависит не от единичной воли... Конечно, можно и пренебречь сломанным экипажем, встать, махнуть рукой и отправиться пешечком; только это и нечестно, и навряд хорошо для отправившегося пешечком...

– Да, – горячо подхватил Каменский, – если дилижанс плох, нужно его оставить и не тащиться в нем или не сваливать все на других, на «обстоятельства»... И во всяком случае, починка делается не злобой, а единением и любовью!

– А может быть, непотворением злу? – перебил Бернгардт и резко захохотал.

Вдруг Петр Алексеевич поднялся.

– Мамаша! – воскликнул он. – Это наконец подло с вашей стороны! Вы меня все равно не приучите к духовной жизни, я не обедал сегодня!

– Господа, перейдемте в столовую, – обратилась Наталья Борисовна к окружающим.

Гриша поднялся и скрылся в своей комнате.

Понемногу стали подыматься и остальные. Разговор оборвался, и по рассеянным взглядам было видно, что продолжение его и нежелательно.

Агроном сел за рояль и, одним пальцем аккомпанируя, вполголоса запел пролог из «Паяцев». Около него стояли Бобрицкий, Софья Марковна и Подгаевский; Подгаевский покачивал головою и намеревался подтягивать. Петр Алексеевич в ленивой попе сидел на диване; Бернгардт ходил из угла в угол; он не хотел даже серьезно говорить с Каменским, унижать себя. А Игнатий с Каменским незаметно вышли на балкон. Игнатия мало интересовала закуска, и он думал, что, пожалуй, вышло неловко это всеобщее нападение на Каменского. Спорить больше ему не хотелось, хотя он и был немного обижен, так как любил оставаться в горячих разговорах победителем. Он стоял против Каменского и машинально повторял:

– Да-а-с, батенька!

Лицо Каменского было строго и рассеянно. Облокотившись на перила балкона, он старался собрать мысли, так как твердо решил опять завести разговор.

А Марья Ивановна, полуосвещенная светом, падавшим из гостиной на балкон, глядела в сад и говорила тихо и восторженно:

– Как хорошо!

В саду было очень темно и тепло. Ночные неопределенные облака неподвижно дремали в темноте над садом. Дремотно где-то щелкал соловей, невнятно доносился аромат резеды с цветника у балкона...

Х

Гриша сидел за ужином, мрачно покусывая ногти. Когда собрались в столовую, произошла маленькая неловкость.

– Now did you get acquainted with him?[7] – вдруг спросила профессорша Наталью Борисовну, указывая глазами на Каменского.

– Энгельса зашел попросить, – пробормотал Петр Алексеевич.

А Каменский мягко, но серьезно заметил:

– Я знаю английский язык, так что вы говорите лучше на каком-нибудь другом.

И когда Софья Марковна смешалась и покраснела, он добавил снисходительно:

– Да вы не конфузьтесь. Языки надо знать, это ведет людей к сближению. Ведь вся беда людей с древнейших времен и до этого вечера состоит в неумении и бессознательном нежелании общаться с людьми.

Он вызывал на беседу, и лицо его становилось все сосредоточеннее. Но кругом шел оживленный разговор о знакомых, об опере; занимал всех и ужин – молодые картошки с зеленью, бифштекс, вина... К ужину вышел и военный доктор, похожий на цыгана. Заспанный, добродушный, он все старался казаться трезвым и поэтому расшаркивался, подымал плечи и хриплым голосом говорил любезности дамам.

Тогда Каменский, обращаясь как будто к одному Игнатию, произнес целую речь. Голос его стал торжественным, глаза строгими и выразительными.

Он опять начал с того, что нужно в жизни. Современный человек, говорил он, отличается тем, что умеет становиться на всевозможные точки зрения и ни одной не признавать безусловно справедливой, ни одной не увлекаться сердечно. Жизнь стала слишком сложна, и сложная общественная организация парализует нашу волю и растягивает нас в разные стороны. Мы одурманили себя ненужными делами, мы загнипнотизированы книгами и разучились говорить языком сердца. Мы слишком заняты, по словам Лаодзи и Амиеля, слишком много читаем пустого и бесплодного, когда надо стараться упрощать жизнь, стараться быть искренним, вникающим в свою душу, когда нужно отдаться богу, служить только ему, остальное же все приложится. Мы устали от вероучений, от научных гипотез о мире, устали от

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
распрей за счастье личности, слишком много пролили крови, вырывая это счастье друг у друга, когда жизнь наша должна состоять в подавлении личных желаний и исполнении закона любви. Злоба – смерть, любовь – жизнь, говорил он. Жизнь только в жизни духа, а не в жизни тела. Плод же духа – любовь, радость, мир, милосердие, вера, кротость, воздержание... Это повторяли людям все великие учителя человечества, начиная с Будды...

– Ну, знаете, батенька, Будда был довольно-таки ограниченный субъект! – перебил Игнатий.

Каменский, не слушая, продолжал говорить. Он настаивал на том, что мы сами создаем себе миллионы терзаний только потому, что не хотим прислушаться к тому, что говорит нам сердце голосом любви, всепрощения и благоволения ко всему живущему; настаивал на том, что мы гибнем, развивая в себе зверские похоти, тысячи ненужных потребностей и желаний. «Желаете и не имеете; убиваете и завидуете и не можете достигнуть», – напомнил он слова апостола Иакова.

– Это все очень не ново! – слышались голоса. – Это все давно слышанное. К сожалению, не так просто все развязывается. И любить по закону нельзя. Странный рецепт: возьми да люби!

Гриша терялся – с обеих сторон говорили правду!

Размахивая лапами сюртука, Подгаевский ходил по комнате и кричал над ухом Каменского:

– Я ска-жу вам словами такого же апостола, Павла: «Освободившись от греха, вы стали рабами праведности!»

– Лучше быть рабом праведности, чем похоти, – пробовал возражать Каменский.

Но Подгаевский был уже пьян. Пьян был и Вася, который все наклонялся и что-то бормотал на ухо Петру Алексеевичу, воображая, что говорит шепотом. А Петр Алексеевич сидел с раскрасневшимся лицом и мутным взглядом.

Ах, что кому до нас,

когда праздничек у нас! –

запел он вдруг фальшиво и резко.

Дамы встали и начали прощаться. Поднялся и Каменский.

– Что же вы? – спросил Петр Алексеевич. – Уже уходите? Напрасно! Давайте споем.

Каменский пожал плечами.

– Какой вы веселый! – сказал он, нахмуриваясь.

– Веселый! – повторил Петр Алексеевич и вдруг прибавил с неприятной улыбкой: – К стати о труде! Шкап-то скоро будет готов?

– В четверг принесу.

– После дождичка?

– А разве в четверг будет дождь?

– Да вот Брюс пишет – будет.

– Я в Брюса, к сожалению, не верю. До свидания!

– Жаль! А закусить разве не хотите? Ведь хочется небось?

Каменский посмотрел на него долгим взглядом, пожал окружающим руки и пошел из дома через балкон. Петр Алексеевич поднялся.

– Николка! – крикнул он на весь дом.

И когда вбежал лакей, прибавил:

– Лошадей нам! Вася, Илюша – в «Добро пожаловать!». Едем!

– Петр Алексеевич, – сказала Наталья Борисовна, – я тебя прошу, не едь!

– Мамаша! Оставьте! Стыдно при чужих людях...

Ах, что кому до нас, –

запел он снова, обнял доктора и Подгаевского и пошел в кабинет...

Дом опустел. Было слышно, как в столовой убирали посуду. Гриша сидел в своей комнате у открытого окна, стиснув зубы.

– В наше время таких бы не слушали, – со злобой говорил на балконе Бернгардт.

- Вы и теперь не слушаете, – отвечал злобно и Каменский.
- Мы жизнью жертвовали!
- Однако вы живы.
- Не каламбурьте! Вы увлекаете общество от полезной и чосшой работы в свою келью под елью.
- Это что же вы называете работой? Неужели эта дача похожа на рабочий дом?
- Я не про эту дачу говорю. Вы не ехидничайте. Любовь!.. А ведь у вас злоба кипит, вы сами просите борьбы!.. Вы, например, меня ненавидите сейчас.
- Поверьте мне, как брату, – горячо возразил Каменский, – у меня никакой нет злобы против вас. Запомните слова Паскаля: «Есть три рода людей: одни те, которые, найдя бога, служат ему, другие, которые заняты поиском его, и третьи, которые, не найдя его, все-таки не ищут его»...
- Опять тексты!
- Да, тексты! – повторил Каменский снова с сердцем...
- Покойной ночи! – послышался немного погодя голос Игнатия.
- Прощайте! – ответил грустно и важно Каменский.

XI

На заре Гришу разбудили удары грома. Он открыл глаза.

День был серый и дождливый. От надвигающихся туч в комнате темно; в сумраке мелькал красноватый отблеск молнии, после чего начинался где-то вверху смутный рокот. Он приближался тяжкими раскатами, так что дрожали стекла, и вдруг раздражался треском и резкими ударами над самой крышей дома... И начинал сыпать дождь, сначала осторожно, потом все шире и шире, и затихший сад, густые чащи сочной зелени у раскрытых окон стояли не шелохнувшись, насыщаясь влагою. Тяжелый запах цветущих тополей наполнял сырой воздух.

Гриша хотел уже встать, как в столовой послышались тяжелые шаги Петра Алексеевича. Он что-то невнятно приказывал лакею, который звенел ключами, отворяя шкаф.

– Гриша! – раздался вдруг его голос в гостиной. Гриша не ответил.

Петр Алексеевич подошел к порогу и раздвинул портьеры. Он был в шляпе и крылатке, которая сползла у него с плеч.

– Ты спишь? – спросил он.

– Нет, – ответил Гриша и нахмурился. – А что?

– Да так... Я, знаешь, хотел спросить кое-что...

– Именно?

– Именно... Гм!.. Ну, да все равно... Я хотел тебе сказать вот что: не замечал ли ты, что свинья – одно из самых иронических животных?.. Это, во-первых...

Язык Петра Алексеевича заплетался.

– Во-вторых, я зашел к тебе на минутку... – продолжал он медленно. – Я хотел тебе передать, что встретил сейчас Каменского... В город, брат, уже прет!.. И знаешь, что он мне сказал? Он сказал, что я – новая интеллигенция, так называемая «честная», но со всеми признаками самого обыкновенного буржуа, то есть настоящей свиньи... И что будто это порождение последних дней... Это недурно! А главное, изречение!

И тоном Каменского Петр Алексеевич прибавил:

– «Ибо ради вас имя божие хулится у язычников!..» Как тебе это нравится?

Гриша молчал.

– Молчишь? – опять заговорил Петр Алексеевич. – Молчи, брат! Только знаешь что? Ты о себе подумай... подумай и лучше застрелись, если ничего не придумаешь... Непременно застрелись, если не станешь не чем иным, как иронизирующей свиньей!

Дождь лил, ровно и однообразно шумя по траве и деревьям. Мягкими переливами звучал под дождем голос иволги.

Гриша лежал на кровати и зло, загадочно улыбался...

1895

Велга

Слышишь, как жалобно кричит чайка над шумящим, взволнованным морем?

В туманной дали, на западе, теряются его темные воды; в туманную даль, на север, уходит каменистый берег. Холодно и ветрено. Глухой шум зыби, то

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
ослабевая, то усиливаясь, – точно ропот соснового бора, когда по его вершинам идет и разрастается буря, – глубокими и величавыми вздохами разносится вместе с криками чайки... Видишь, как бесприютно вьется она в тусклом осеннем тумане, качаясь по холодному ветру на упругих крыльях? Это к непогоде.

День с самого утра хмурится. Здесь, на этом неприветливом северном море, на его пустынных островах и побережьях, круглый год ненастье. Теперь же осень, а север еще печальнее осенью. Море угрюмо вздулось и становится темно-железного цвета. Издали необозримая равнина его кажется выше берега, она уходит в туманный простор на запад, а ветер все быстрее гонит с запада волны и далеко разносит крик чайки.

– Кри-э! – жалобно и пронзительно звучит по ветру.

Утром она беспокойно и криво летала над самым прибоем. Море непрерывно крутящимися валами окаймляло берег. Здесь оно, налетая на него с грохотом и шумом, рыло под собою гравий, там, как кипящий снег, рассыпалось с шипеньем и широко излизывалось на берег, но тотчас же скользило, как стекло, назад, подпирая собою новый крутящийся вал, а вдаль расшибалось о камни и высоко взвивалось в воздух. И далеко гудел берег от прибоя... Чайка с криком бросалась между волнами, плавно скользя по воде в их ухабы, выносилась на новой волне до высокого гребня и вплетала вся в брызгах и пейс. Ветер вольно носил ее низко над морем.

Но потом она словно устала. Надвигается ненастный вечер, и бессильно качается чайка по ветру, все дальше уходит, белея в тумане, от берега в море... Слышишь, как жалобно раздаются ее радостные стенания?

Вот она уже еле-еле виднеется в сумраке. Быстро спускается темная бурная ночь; чаще и чаще мелькают в море седые космы пены. Шум прибоя растет, ледяной ветер вздымает и бешено срывает волны, разнося по воздуху брызги и резкий запах моря.

– Кри-э!.. – доносится откуда-то издалека, снизу.

Слушай, я расскажу тебе, под шум бушующего северного моря, старую северную легенду.

I

Было это давно, в незапамятное время.

У холодного северного моря жила молодая и сильная Велга. На закат были воды, на восток – песчаный берег, близко за селением сходявшийся с небом. Что было там, к востоку, Велга не знала и не хотела знать. Она никогда не ходила к востоку. Не ходил и отец ее, не ходила и мать, не ходила и старшая сестра, Снеггар. Они знали только море.

Возле моря прошло детство Велги. Быстро прошло оно, и весело было ей в детстве! Зимой, когда море только под самым краем неба чернело волнами, а у берегов было покрыто белым снегом, Велга спала в мягком гагачьем пуху и, просыпаясь, видела перед собой живой свет очага среди темной и низкой хижины. Летом, когда светит солнце, дует теплый ветер и вода легко плещется в море, Велга искала на песках яички зуйков и плавунчиков или бегала к прибою, ложилась ничком на берег, а волны с шумом обдавали ее... Так забавлялась она летом, и всегда с Велгой были Ирвальд и Снеггар.

Толстая Снеггар часто смеялась и пела, да не умела она так звонко кричать и так смело кидаться в шумящее море, как Велга. Но Ирвальд умел, и раз Велга сказала ему:

– Отчего ты не брат мне, Ирвальд? Отчего у меня нет брата, которого я любила бы так, как тебя, Ирвальд? Я бы не скучала без тебя долгую зиму.

Он взглянул на нее, улыбнулся и вдруг кинулся к морю.

– Смотри, смотри: гагара! – закричал он ей.

И они, как истер, гнались друг за другом, убежали туда, где и прибрежных пещерах звонко раздается голос, где у берега громоздятся высокие скалы, а тяжелая вода с шумом поднимается и скользит между ними, шипит и кипит, опускаясь, и с журчаньем, струями сливается с плоского камня. Там дразнили они волны, близко подбегая к ним...

Зачем так быстро прошло детство Велги?

Все нетерпеливее проводила она долгие зимы в хижине, занесенной снегом. Стало ей четырнадцать лет, а Ирвальду – шестнадцать, и часто уходил он теперь за рыбой в море. Но зато как радовалась Велга, когда Ирвальд возвращался!

– Милый Ирвальд, – говорила она ему, – мне хочется плакать, что так долго тебя не было, и хочется смеяться, что я опять вижу тебя!

Но уж выросла и Снеггар большая. Ирвальд забывать стал о Велге. Он часто сидел возле Снеггар и глядел в ее веселое лицо. А Велга издали следила за ними. Не хотелось ей при сестре разговаривать с Ирвальдом. Но, когда он уходил по

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
берегу к своему дому, Велга догоняла его и провожала до самого порога.

– Милый Ирвальд, – говорила она ему, – зачем ты так долго сидел возле Снеггар? Зачем мешаешь моей радости?

И стала Велга петь на берегу моря звонкие песни сквозь слезы. А когда с ней встречались подруги, она замолкала, и лицо ее становилось сурово и гордо.

II

Хижина отца Велги стояла вдалеке от рыбацкого селенья, на каменистом побережье, засыпанном жесткими песками, и в часы прилива море добегало до ее порога.

Если же прилив был в бурю, то оно хлестало даже в окна, затянутые кишками гагары. Тогда Снеггар обрывала песню, бросала в испуге работу и уходила от окон, Старая мать Велги бормотала заклятия и с тревогой прислушивалась к завыванию ветра. Но сама Велга не боялась бури. Она вместе с отцом выходила на мокрый порог хижины, скатывала на ветру сети, а потом вбегала в воду, и холодная вода, поднимаясь и опускаясь, обнимала и мыла ее босые ноги, обдавая их шипящею, серою пеной и опутывая мокрыми бледно-зелеными травами. Велга разрывала их ногами и вдыхала сильной грудью свежий, влажный ветер, поднимала навстречу ему голову, а ветер трепал ее русые волосы. Так стояла она, молодая и стройная, и лицо ее было смело, бирюзовые глаза зорко глядели вдаль. Но только птицы св. Петра носились там крикливыми стаями и по воде взбегали, распутив крылышки, но самые высокие гребни взметывающихся и рассыпающихся водяных бугров.

Девушки стали называть Велгу печальною и злою, потому что никогда не смеялась Велга и не пела с сестрой за работой. Но никогда до пятнадцати лет не бывала Велга печальною и злою. Сердце ее было отважно, как у молодой птицы, и радовалась Велга на бури и море, на солнце и землю, на свою девичью свободу. Только без Ирвальда грустила она: сильно хотелось ей рассказать ему, как хорошо жить на свете.

Ирвальд давно был в море. Утомилась Велга ходить по побережью и следить за волнами: хотелось ей крикнуть через море, что утомилась она ожидать Ирвальда, что нельзя ему любить Снеггар, если Велга не может жить без него.

А когда подул теплый ветер с заката и стало опускаться к морю солнце, Велга пришла к сестре и сказала ей:

– Милая Снеггар, хочешь, я расскажу тебе, как ласков летний ветер, как легко пахнет море водой и как мне грустно без Ирвальда?

– Не хочу, – отвечала Снеггар, праздно и спокойно сидя у порога.

Велга ушла от нее, села на берегу и долго слушала, как плещется теплая вода в сумерках. Слезы, как теплая вода, падали на ее руки.

Увидав Ирвальда, она вскрикнула, а он засмеялся и приказал ей носить из лодки рыбу и сети на берег. Она послушно и долго трудилась с ним, а когда стал подниматься над морем большой бледный месяц, она утомилась, села в пустую лодку и вздохнула ночным ветром.

– Ирвальд, – сказала она, – я ждала тебя – и беспокойно билось и томилось мое сердце. Но когда ты приехал, так легко стало мне!

А Ирвальд сидел, глядел на месяц. Стыдно стало Велге, что он не ответил ей, и она, опустив глаза, спросила его тихо:

– Ты слышал мои слова, Ирвальд?

– Да, – сказал Ирвальд.

И тогда совсем низко наклонила Велга голову и проговорила:

– Возьми меня в свой дом, Ирвальд! Я буду ходить с тобой в море, буду петь тебе песни и работать с тобой. Так сладко жить на свете с тобой!

– Мы никогда не будем жить с тобой, – твердо ответил ей Ирвальд. – Завтра я опять уйду в море, а когда вернусь, возьму за руку Снеггар. Вместе проведем мы зиму, а летом уплывем, как две гагары.

– А я? – медленно сказала Велга и почувствовала, как тяжело застучало ее сердце. – Я останусь одна? – громко сказала Велга.

– Да, – ответил Ирвальд.

Тогда Велга быстро прыгнула на берег и быстро пошла по берегу. И когда далеко ушла, кинулась на серый камень и закричала месяцу, что ей больно в сердце, и зарыдала, и упала на камень.

III

Слышишь, как дико завывает ветер во мраке? Неприветливо северное море!

Осень наступила наутро, и зашумели в тусклом тумане отяжелевшие волны. И когда пахнуло на Велгу холодным ветром, вскочила она и бросилась в воду. Но волна поднялась и далеко отшвырнула ее на берег.

– Море не хочет, чтобы я умерла, – сказала себе Велга. – Прежде я должна убить Ирвальда.

И молча возвратилась она домой. Высохли на щеках ее слезы, и спокойно было ее суровое лицо, но темно на сердце.

– Снеггар, – сказала она сестре, – уехал Ирвальд?

– Да, – отвечала Снеггар.

– Когда вернется он? – спросила Велга.

– Когда начнет падать мокрый снег и потемнеет море, – отвечала Снеггар.

Тогда Велга съела рыбы и ушла на порог хижины. Там села она на ветру и просидела весь день, скорбно сдвинув брови. На ночь она вернулась под кровлю, а утром опять вышла за двери, ожидая Ирвальда. И так проводила она дни и ночи, пока не пошел первый, мокрый снег.

«Скоро вернется Ирвальд, – думала Велга, сладостная горечь обиды томительно вливалась в ее сердце. – Я убью его, а потом и сама успокоюсь в могиле».

Но Ирвальд не возвращался. Уж надвигались сумерки, и все чаще стала Велга подниматься с порога и, стоя, напряженно глядеть в море. И в сумерках из хижины вышел старый отец Волги. Ветер развеивал его длинные седые волосы.

– Велга, дитя мое, – сказал он ласково, – отчего ты покинула родной дом? Вот поднимается зловещая ночная буря, перед которой неутешно тоскует сердце человека. Помоги мне укрепить подпорками стены, положить камней на кровлю из кожи тюленей, и укроюсь под кровлю от непогоды и ночи.

От нежных слов дрогнуло сердце Велги жалостью к самой себе, к отцу и к Ирвальду. Она поспешно стала помогать в работе. Ветер валил их с ног и застилал весь воздух водяною пылью, словно в море бушевала вьюга. В самые окна хлестали волны косматой пеной, и в испуге поспешила Велга под кровлю.

Там, в темноте ночи, вдруг вспомнила она, как много лет тому назад, когда Ирвальд был еще ребенком, он остался ночевать в их хижине. Он был в эту ночь ее гостем, и она сама постлала ему постель и поцеловала его, по обычаю гостеприимства, перед сном. Она вспомнила милое ей лицо его, и еще больше овладели ее сердцем жалость и любовь к нему. Тогда она, забыв, что хотела убить его, быстро встала с ложа и в тревоге стала слушать. Ей чудились в шуме ветра его крики, и всю ночь трепетала она от страха и, обессиленная, забылась сном лишь под утро.

Море же стало стихать; в воздухе повеяло дыханием зимнего мороза. И когда Велга проснулась и отворила на дневной свет дверь дома, навстречу ей переступила порог Снеггар.

– Велга! – сказала она. – Буря унесла Ирвальда на дикие острова Ледяного моря и разбила его лодку. Он один теперь в море и ждет смерти от холода, голода и толстых клювов морских птиц.

– Кто сказал тебе? – крикнула Велга.

– Я была у вещей Чарны, и она гадала мне на кишках гагары, – отвечала Снеггар и, закрыв лицо руками, стала плакать.

– Снеггар... – нежно хотела проговорить Велга.

Но брови ее сурово сдвинулись, и она сильной рукой распахнула дверь дома.

IV

Она быстро пошла по побережью на север. В холодный темный вечер иступила она и хижину Чарны, теплую от костра, пылающего красным пламенем.

– Научи меня, о вещая! – воскликнула она перед Чарной. – Укажи путь к Ирвальду!

– Поспеш! – сказала Чарна. – Два дня и две ночи надо плыть к Ирвальду. Не поспеешь к рассвету третьего дня – он погибнет. Но скажи мне, Велга, слыхала ли ты о пустынях Ледяного моря, где так же дико и печально, как в первые дни мира? Как пойманная рыба, затрепетало сердце Велги.

– Пожалей меня, Чарна, – отвечала она. – Горько мне расстаться с жизнью. Но, если так надо, скажи: что будет со мной?

– Два дня и две ночи проведешь ты в тоске и страхе среди моря, – сказала Чарна. – А когда ступишь на остров, где томится Ирвальд, обратишься ты в чайку, и не узнает он, для кого ты погибла.

Как первый снег, побледнела Велга, но глаза ее сверкнули радостью, и она отвечала Чарне:

– Я иду, Чарна!

– Поспеш, – сказала Чарна.

Против ветра, по мокрому песку побережья побежала Велга к шумящему, темному морю. Хотелось ей крикнуть «прости» сестре, отцу и матери, но беспокойно билась у берега лодка на волнах, и быстро прыгнула в нее Велга. На закат, где едва светила кровавая полоса зари, направила она лодку и стояла, качаясь на волнах, и

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
слезы горели на ее глазах, а ветер развеивал в темноте ее белую одежду и дул в
лицо с ледяного моря.

V

На рассвете увидела она себя окруженной бледным морем у песчаного пустынного острова. Никого не было на том острове. Только вода избегала на его песок и белела пеной. «Водяные пастушки» на высоких и тонких ногах бегали у прибоя и искали среди раковин пищи. Но и «водяных пастушков» было мало. На зиму улетают они к берегам, где дуют теплые ветры.

А Ледяное море уже начиналось. Целый день плыла Велга и вступила в те безграничные воды, что уходят на край света и сливаются с небом. Все тяжелее стучали волны в дно лодки, потому что уже нет земли под теми волнами. Дикие северные птицы живут в тех морях, вдали от людей, на скалистых островах. Они сильны и одеты плотным пухом; они нею зиму могут плавать среди льдов и глубоко ныряют в ледяную воду. Тысячи их гнездились на островах, и каждый остров, как снегом, белел птицами. Там были гнезда на уединенных утесах и в норах, под утесами. И в сумерках проплывала Велга мимо самого большого острова.

Он весь, сверху донизу, был покрыт, как серою корой, засыхающим пометом птиц, их перьями и пухом. Птицы длинными рядами сидели на всех уступах скал. Внизу гнездились те, что были поменьше, наверху стояли и дремали самые большие и прожорливые, с белыми животами и черными спинами, с толстыми шеями и маленькими головами, с блестящими глазами в кольцах белого пуха и с огромными уродливыми клювами, с крепкими грубыми лапами и короткими руками без пальцев. Птицы громко разговаривали, а как только наступили сумерки и Велга, обессиленная борьбой с морозным ветром, причалила к берегу на отдых, тысячи их поднялись с шумом над нею, а самые большие загоготали и заревели дико и радостно, стараясь перекричать друг друга... И как снег побледнела Велга, собрала последние силы и опять прыгнула в лодку.

И к вечеру последнего дня показался среди пасмурного тумана высокий и дикий утес на краю света, тот, до которого доходили только могучие викинги и вбили в него железные кольца, чтобы привязывать лодки. Яростный шум и гул бурунов сливался там с тысячеголосыми криками хищных птиц, кружившихся в тумане. А Ирвальд лежал у прибоя, обессиленный предсмертным сном от холода и голода. Он был бледен, как морская пена, и в кудрях его был мокрый песок.

– Ирвальд! – крикнула Велга страстно и звонко.

От голоса ее мгновенно очнулся Ирвальд. Хотела Велга крикнуть ему, что она любит его, как в детстве, но не коснулись ее ноги земли, когда она прыгнула с лодки на берег: в воздухе повисла она крылатою белою чайкой, и крик ее раздался жалобно-радостным криком чайки над Ирвальдом. Он мгновенно очнулся от крика, – голос друга коснулся его сердца, – но, взглянув, он увидел лишь чайку, взлетевшую с криком над лодкой...

Он уплыл на восток. Она долго вилась над водой, провожая Ирвальда. А когда он сокрылся вдали, закачалась она бесприютною чайкой по ветру. Так тоскует она и доныне, вспоминая утесы в тумане, где когда-то томился Ирвальд. Но в стенаньях ее звучит радость.

1895

Без роду-племени

I

С вечера я спал крепко, потому что слишком измучился за день, но потом мне стало сниться, что я иду по каким-то станционным дворам и запасным пугам, среди паровозов и вагонов, ищу мужа Зины и хочу непременно убедить его, что я вовсе не враг ему, я любил Зину, но теперь не думаю о себе, желаю только ее счастья. Казалось даже, что я говорил ему это, но он все уходил от меня и я плохо его видел, а моя нежность к Зине возрастала, все крутом темнело, странно вытягиваясь коридором, и вот этот коридор – слабо освещенный, насквозь видный ряд вагонов – уже бежит, дрожа подо мною, и какая-то красивая девушка, перебивая мои слова веселым шепотом, зовет и уводит меня за руку все дальше по узкому коридору

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
поезда. Я едва поспеваю за нею, в поезде темнеет, вагоны бегут, увлекая меня за собою, — падают все ниже и ниже, точно сама земля падает под ними, и радость, страсть и отчаяние достигают во мне такого напряжения, что я делаю усилие крикнуть — и просыпаюсь.

Так начался этот день. Очнувшись, я долго и тупо глядел на стену, изумленный спокойным видом комнаты. Давно день, ставни открыты, и на часах — половина десятого... Боже, какой тяжелый вздор снился мне! И что это напоминает он неприятное и как будто неестественное? Ах, да! Зина повенчалась вчера с Богаутом...

Вот теперь я уж твердо верю в это. Правда, я ждал этого и все-таки продолжал ходить к Соймоновым. И вдруг однажды вечером — темнота и тишина во всем доме; старик Соймонов один сидит в темном кабинете, усиленно курит, задыхаясь более обыкновенного, и говорит мне, как только я появляюсь на пороге, неестественно равнодушно:

— А Катерина Семеновна с Зиной по лавкам поехали.

И, попыхтев, продолжает иронически:

— Великое переселение народов, что называется... К семейному торжеству готовимся... Нынче, знаете, весьма скоропалительно выходят эти истории!

Он хочет смягчить свои слова иронией, но я понимаю его и стараюсь только об одном — лучше упасть ему в тон, чтобы поскорее и поприличнее уйти.

И я ушел, пришибленный, точно выгнанный из дому. Чтобы заглушить чувство боли, я усиленно развивал в себе злобу, презрение к этим свадебным приготовлениям. Я бродил по городу и, когда однажды встретил жениха, проехавшего с какими-то картонками в коляске, остановился и расхохотался. Катается на чужих лошадях и доволен! Как домой, является в чужую семью, где портнихи и беловейки завалили все комнаты материями и выкройками!.. А потом будут сумерки, освещенная церковь, суeta около паперти... Подкатывают кареты, и щеголь-пристав горячится, чтобы сохранить порядок в этой церемонии... И церемония совершается в образцовом порядке!

Но даже попытки злиться не удавались мне. Я ходил на службу, и тоска, боль дурманили мне голову. А тут еще Елена! Она одинока, измучена беганьем по урокам, бросила семью и живет впроголодь; но зато у нее есть цели и надежды, мечты о курсах, о науке, о работе для общества. У меня нет пока никаких целей, и вольно же ей было мечтать увлечь и меня за собою! Всегда резко-бодрая, она изменилась за последнее время. То грустно-ласкова со мной, то хмурится, точно ей больно. А когда я заявил ей третьего дня о своем отъезде, она вспыхнула, взглянула на меня изумленными глазами, потом неловко и кротко улынулась и, едва выговорив: «До свидания», — ушла... Я рассеянно посмотрел ей вслед.

Но вот эти сумерки наступили, и я очнулся. Я минута за минутой пережил в воображении все, что должно происходить в церкви, и жгучая злоба, ревность разрывали мне сердце. Я плакал и кого-то умолял сжалиться надо мною... Если бы вошла она в эту минуту! Я обезумел бы от счастья, целовал бы ее ноги! Иногда я порывался бежать к ней и у нее искать спасения от моей скорби. Но она-то и мучила меня. Выхода не было, и я метался по своей комнате... Потом острая боль стала замирать. Совсем стемнело; затихающий гул соборного колокола медленно и ровно раскачивался над городом. Я знал, что все уже кончилось там, в церкви. Острую боль заменила тупая, скучная, и я крепко заснул.

Вот опять день, но мне теперь легче. То, что снилось, так странно слилось со всем пережитым за последнее время. Надо встать, собраться и куда-нибудь уехать...

II

Я долго мылся холодной водой, потом, не спеша, стал одеваться, что-то обдумывая. За стеной малороссийской скороговоркой ругала кухарку хозяйка. Мимо окна мягко прокатил по немощенной мостовой извозчик; стуча сапогами по деревянному тротуару, прошли два семинариста. Мне бы тоже давно пора идти — на службу, но я уже давно бросил думать о службе.

— Вы ж, паньчу, справди уедете сёгодня? — спросила Одарка, входя в комнату с кипящим самоваром в руках.

— Что? — машинально проговорил я и, помню, долго глядел на нее без ответа. «Да, — думал я, — Зина уедет сегодня с мужем в Крым. Значит, мне тоже надо уехать отсюда».

— Непременно уеду, — ответил я твердо. — Непременно.

И, как только Одарка скрылась, заварил чаю и несколько раз прошелся из угла в угол, оглядывая, с чего начать сборы в дорогу. Но вдруг дверь снова распахнулась: почтальон!

Я быстро схватил письмо — и мгновенно разочаровался. «Пожалуйста, не уходи никуда завтра. Мне нужно серьезно поговорить с тобой. Елена». «Какое бабье

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.r
письмо!» – подумал я со злобой. Не уходи, серьезно поговорить! Что я могу
сказать ей? Взволнованный, я кинул письмо на стол и опустил в кресло.

День облачный, ветреный – стоит уже конец сентября, – и ветер проносит по
улице пыль и листья. В открытую форточку долетает тревожный шум тополей. Улица,
где я так однообразно провел почти два года, безлюдная, тихая и вся в деревьях.
Деревья на бульваре и около тротуаров – старые и развесистые. Теперь они шумят
сухой листвою; ветер гонит облака пыли и качает их из стороны в сторону... А пять
месяцев тому назад, в теплые апрельские дни, они кудрявились нежной, мелкой
зеленью, голубое небо сияло между их вершинами, и я бродил под ними по мягкой,
влажной земле, чему-то радуясь!

Пять месяцев... И мне хочется твердо и определенно сказать себе, что я очень
глупо провел эти пять месяцев.

Убедить себя в этом мне тем легче, что я не только не люблю Зины теперь, но
даже со стыдом вспоминаю все, что говорил ей.

В марте образовался у нас «музыкально-драматический кружок», и я сам написал
об этом событии корреспонденцию в «Летопись Юга». Корреспонденции увеличивают
мое жалованье в земской управе рублей на восемь, на десять в месяц, и я
аккуратно сообщаю в «Летопись» обо всех выдающихся городских событиях. С кривой
улыбкой я пишу газетным жаргоном о положении народной столовой и чайной, о
полковых праздниках и дамском благотворительном кружке, о доме трудолюбия, где
бедные старики и старухи, измученные и обездоленные жизнью, обречены под конец
этой жизни выполнять идиотскую работу – трепать, например, мочало... Пишу о том,
что сельскохозяйственное общество «заслушало» и «передало в комиссию»
чрезвычайно любопытный доклад под заглавием: «К вопросу об урегулировании
свиноводства», и тут же добавлю, что «нельзя не отметить и другого отрадного
факта: в среде местного интеллигентного общества, по инициативе супруги
начальника губернии, возникла благая мысль организовать в нашем богоспасаемом
городке кружок с целью проведения в жизнь и доставления публике здоровых и
разумных развлечений...» С той же улыбкой я отправился и в дворянский клуб, на
один из вечеров «кружка», в качестве скрипача, участвующего в концерте.

Утомленный однообразной зимней жизнью – службой, обедами в кухмистерской и
скучными вечерами в своей студенческой комнате, где всегда пахнет дешевым
глицериновым мылом и где вся мебель состоит из стола, кровати, двух-трех стульев
и плетеной корзины, – я был возбужден клубом. Я был доволен, что меня знакомят с
семьями вице-губернатора и председателя суда, с чиновниками особых поручений и с
богатым молодым помещиком Вечесловым, который так хорошо играет в любительских
спектаклях... Все они такие свежие, бодрые, и все хотят незаметно обласкать тебя...
В клубе – светло, просторно, зеркала, бархатная мебель, пахнет дорогим табаком,
и оживленно идет говор. А главное, я не чувствую себя лишним но этот раз: я
сыграл, как настоящий скрипач, одну вещь грустную, нежную, похожую на
колыбельную песенку, а другую – бойкую, в темно мазурки, с резкими ударами
смычка, – исполнил все, что полагается, и был одобрен... Вот тут-то и состоялось
мое знакомство с Соймоновыми.

Все они мне понравились: и сам доктор, пожилой человек, похожий на помещика,
с одышкой, и его жена болтливая, молодящаяся дама, и ее падчерица, Зина, высокая
девушка с темно-синими глазами и длинными ресницами.

– Зиночка, матушка! Что это ты сидишь такая сонная? – сказал Александр
Данилыч, подводя меня к дочери, – Я вот тебе еще жениха привел. Сергей
Николаевич Ветвицкий.

– Ну, садитесь и рассказывайте, – проговорила Зина. Она улыбнулась и подняла
ресницы, но только на мгновение перевела глаза на меня, а потом снова стала
равнодушно глядеть в сторону, сидя прямо и машинально играя веером.

Я спросил:

– С чего начать прикажете?

– В качестве жениха – с того, кто вы такой, откуда? «Имя, родина, родные?»

– Зовусь Магометом я, – сказал я с шутливой грустью.

– Полюбив, мы умираем? – добавила Зина. Потом пристально и задумчиво

посмотрела на меня.

– Вы не декадент? – спросила она.

– Почему? – ответил я, невольно смущаясь от ее взгляда.

– Да так... про вас ходят слухи, что вы нелюдим, гордец... потом у вас такое
лицо...

– Какое? – спросил я живо.

– Больное, – ответила Зина, подумав. – Вы больны?

Я посмотрел на ее глаза и губы, на все ее красивое тело высокой и уже вполне
развившейся девушки, услышал запах ее духов...

– Болен, – ответил я шутливо, с болью чувствуя все обаяние ее.

– Чем?

– Жадой того, чего у меня нет, – сказал я. – А хочу я многого... Любви, здоровья, крепости духа, денег, деятельности...

К удивлению моему, она, помолчав, быстро и серьезно ответила;

– Я очень понимаю вас. У меня тоже ничего нет. Только не нужно говорить об этом...

Я хотел что-то возразить, но удержался и только с радостью почувствовал, что между нами уже установилась какая-то тонкая связь.

– Ну, а почему же вы думаете, что я гордец и нелюдим? – спросил я.

– Потому что у вас очень надменный и грустный взгляд, – сказала Зина. – Мне кажется, что вы никогда никого не любили и что вы большой эгоист.

Я был задет за живое, но опять сдержал себя и стал говорить полушутливым тоном:

– Может быть... Кого любить? За что?

– Виновата, – вдруг сказала Зина. – Мне нужно подойти к тетушке.

И она с приветливой и радостной улыбкой пошла навстречу старухе, сопровождаемой белокурым и женственным молодым человеком, – старухе с лошадиным лицом и совиными глазами, которые посмотрели на меня очень удивленно. Я, как истый пролетарий, опять почувствовал себя лишним и надулся. А когда Зина вернулась ко мне, начал притворно-лениво и очень некстати глумиться над жандармским полковником, над любительницей-певицей, пожилой, некрасивой и сильно декольтированной девушкой, над виолончелистом...

– Посмотрите, – говорил я, – какой он маленький, плюгавый. Лицо – конфетное, но зато волосы совсем как у Рубинштейна...

– А это кто, не знаете? – продолжал я, все более раздражаясь и все более желая вовлечь ее в разговор. – Вот тот пожилой господин с артистической наружностью и лицом алкоголика? Посмотрите, как у него запухли глаза и как он смотрит всегда – точно сонный, с холодным презрением. Это настоящий клубный посетитель, и про него непременно говорят, что он – умница, золотая голова, только спился, опустился и должен всем...

– Это Алексей Алексеевич Бахтин, мой дядя, – ответила Зина с неловкой улыбкой.

III

Таков был первый вечер. Однако я часто начал бывать у Соймоновых, и Зина сперва радовалась мне. Мы даже говорили друг другу, что мы – большие друзья, но что-то метало пашей дружбе: общее у нас было одно – жажда жизни, – в остальном мы были чужды друг другу. Это я чувствовал больше всего, когда у Соймоновых собирались гости. Наши разговоры – даже наедине – не удовлетворяли меня. Наступили апрельские дни, мне хотелось куда-нибудь за город, в степь... Но она неизменно отвечала:

– Я вовсе не хочу, чтобы мы сделались басней города. Вот соберемся как-нибудь компанией. Вы ведь все равно знаете, что я только для вас поеду.

И я ограничивался тем, что провожал ее в лавки или в народную чайную, где она, в числе других дам-благотворительниц, дежурила по пятницам. А вечером я один уходил за город, к вокзалу за реку или в городской сад, где еще не началась летняя ресторанный жизнь.

По вечерам в соду никого не было. Чистый весенний воздух холодел, в пустынном, еще черном саду казалось, что стоит ясный октябрьский вечер. Только звезды по-весеннему, ласково теплились над вершинами деревьев и соловьи в чащах пробовали свои голоса. Резко пахло пробивавшейся из земли травой и самой землею – холодной и влажной... Дома же я до поздней ночи играл у раскрытого окна на скрипке, и скрипка звонко и жалобно пела в лад с моим сердцем.

Потом было одно время, когда Зина резко изменилась ко мне. В середине мая подготовительные управские работы к экстренному собранию не позволяли мне ходить к Соймоновым. И вот как-то в воскресенье я сидел в своей комнате и спешил окончить кое-какие статистические выкладки. С самого утра перепал теплый, золотой дождик, и обмытая им майская зелень, и самый воздух, казалось, молодели от него. Гром рокотал то в той, то в другой стороне, но поминутно, между клубами дымчатых и белых облаков, вздымавшихся по небу, сияла яркая лазурь и выглядывало жаркое солнце. Я засмотрелся в окно, на голубые лужи под деревьями, как вдруг мимо окна быстро прошла Зина. С минуту я сидел неподвижно, изумленный ее появлением, потом схватил шляпу и кинулся на улицу... Ах, какой это был славный день!

Мне было грустно без вас, – говорила Зина, смущенно улыбаясь, – я сама наконец решила идти к вам.

И я в упоении целовал ее душистые руки с колючими перстнями и не знал, что сказать ей, от счастья...

А потом я не знал, что сказать, от сомнений. Я по целым ночам обдумывал на тысячи ладов, что может выйти из моего брака с Зиной. «Мы разные люди, – думал я, – она даже малоинтеллигентна. Наконец, у нее ничего нет и куда я возьму ее? В эту комнату?»

И потянулись томительные вечера, которые я неизменно проводил у Соймоновых... Да и любил ли я ее?

Помню, в один холодный и дождливый вечер мне было особенно скучно. Зина что-то шила, я перелистывал журнал, нашел чье-то стихотворение:

Укор ли нам неся, прощальный ли привет,

Как дальних волн прибой, осенний ветер стонет...

– Не правда ли, хорошо? – спросил я, прочитав эти две строки.

– Да, красиво, – ответила Зина.

– А по-моему, – сказал Александр Данилыч, – все это собачья старость и больше ничего.

Зина звонко расхохоталась...

А тут у Соймоновых почти каждый день начал бывать помощник присяжного поверенного Богаут, молодой человек, здоровый и жизнерадостный, как немец, всегда и со всеми любезный и ласковый. Я же стал проводить вечера в обществе Елены, милой и простой девушки из духовного звания. Мы ели с ней колбасу, пили чай, слушали у окна музыку поенного оркестра, доносившуюся из сада, и говорили о марксистах и народниках... О чем ином мы могли говорить с ней? Что-то очень милое было в ее простом, русском лице, что-то трогательное было в ее открытом взгляде и в том, как она, доставая из кармана юбки роговую гребеночку, причесывала свои стриженные волосы на косой ряд. Но я уже замечал, что она мою товарищескую нежность и нашу выдумку говорить на «ты» начинает принимать за любовь. Я смеялся и над марксистами, и над народниками, говорил, что я мог бы стать общественным человеком только при исключительных условиях, – например, если бы настали дни настоящего общественного подъема, – или если бы я сам хоть немного был счастлив лично... Она смотрела на меня в такие минуты пристально, жадно и, увлекаясь страстностью моих слов о личном счастье, о тоске существования среди поголовного мещанства, говорила задумчиво и убежденно:

– Ты не понимаешь самого себя...

IV

В надежде, что она придет как раз в мое отсутствие, я отправляюсь в кухмистерскую обедать.

В самом деле, какой скучный день! Прохожих мало, белые каменные лома в пыли. Ветер несет по мостовой эту белесую пыль и шуршит на бульварах тощими и почерневшими акациями... Вот присутственные места на площади, вот главная улица. Тут больше прохожих и проезжих; возле магазинов экипажи... Мне же все кажется, что в городе – праздник, потому что Зина вчера повенчалась и сегодня делает с мужем визиты... Шибко прокатил на паре серых, бойких и злых лошадей полицеймейстер. Пристяжная круто отвернула от коренника голову, полицеймейстер весело оглядывается, по-офицерски заложив руки в карманы. Это он к Соймоновым, должно быть... И я бессознательно прибавляю шаг; сердце забилося сильнее, и тянет еще раз взглянуть на их дом... Но зачем?

И, преодолев себя, я сворачиваю на тихую Старо-Замковую улицу, где уже второй год обедаю в польской «кондитерской».

Я быстро подошел к дверям – и внезапно струсил. А если тут Елена? Ведь часто случалось, что мы обедали вместе. Может случиться и сегодня...

В нерешимости я прошел мимо окон, заглянул в столовую. В столовой пусто, значит, можно идти смело... Но невеселые мысли и тут преследовали меня. Знаете вы этих забитых трудом и бедностью старушек, которые встречаются иногда на улицах, в кухмистерских и присутственных местах в дни выдачи пенсий? Почему-то все они маленького роста, ходят в стареньких бурнусах и убогих шляпках, смотрят на все робкими, недоумевающими глазами и возбуждают мучительную жалость своим покорным видом... Как нарочно, и сегодня одна из них тут.

Я старался глядеть только в тарелку, но не мог забыть о своей соседке.

«Верно, – думалось мне, – она дает уроки языков или музыки, живет одна в чистой комнатке, где горит лампадка в часы ее недолгого отдыха, когда темнеет субботний

вечер и тихо реет над городом звон ко всенощной... Чувствует ли она, как горько на старости лет, без семьи, без близких, отдыхать только в субботний вечер? Знает ли она, как тяжело глядеть на нее, когда плетется она в своем старом бурнусе с урока в кухмистерскую или вечером в лавочку ли осьмушкой чаю?

Дома я усердно принимаюсь за уборку вещей в дорогу. Но какие же у меня вещи?

Я открыл корзинку, в которой в беспорядке навалено белье, выдвинул из-под кровати чемодан с письмами, бумагами и нотами – и опустил руки.

Тут все мои воспоминания. Этот чемодан – мой старый товарищ. В первый раз он отправился со мной в путешествие еще тогда, когда я только что «вступал в жизнь», ехал на юг в университетский город.

Удивительно живо помню я эти дни в пути! Помню даже, как смотрелся в зеркало на вокзале в Курске и думал, что похож на Шопена; помню, как по вагону ходили полосы света и тени – от яркого мартовского солнца и клубов дыма, плывущих мимо окон. Снежные поля блестящие золотой слюдой, сияющая даль манила к югу, к чему-то молодому и веселому... А потом – большой, шумный город, весна, во всем что-то нежное, легкое, южное... Северный уездный городок, где осталась моя семья, разорившаяся помещичья семья, был от меня далеко, и я не понимал тогда, что потерял последнюю связь с родиной. Разве есть у меня теперь родина? Если нет работы для родины, нет и связи с нею. А у меня нет даже и этой связи с родиной – своего угла, своего пристанища... И я быстро постарел, выветрился нравственно и физически, стал бродягой в поисках работы для куска хлеба, а свободное время посвятил меланхолическим размышлениям о жизни и смерти, жадно мечтал о каком-то неопределенном счастье... Так сложился мой характер и так просто прошла моя молодость.

Собственно говоря, и вспоминать-то нечего. А все-таки при взгляде на этот истрепанный чемодан я опускаю руки, подавленный воспоминаниями. Каждый раз, как мне приходится укладывать в него мой скарб, я говорю себе: вот еще незворотно прошло столько-то лет; еще часть моей жизни оторвана... И мне больно говорить это себе. Вспоминаются один за другим дни, проведенные в этой комнате, – дни, полные неопределенных, часто сладких надежд и мечтаний. Вспоминаются и далекие дни, те, что уже в тумане. О них говорят связки писем. Вот письма родных, которые где-то там, на севере, все еще ждут меня к праздникам и грустят обо мне с нежною любовью, как о мальчике... Вот письма первой любви, первых товарищей... И при взгляде на каждое из них у меня сжимается сердце.

Резкий звонок заставил меня быстро вскочить с кресла и кинуться к шляпе. Елена! И я заметался по комнате, готовый даже выпрыгнуть в окошко. А между тем уже слышен ее голос:

– Дома Ветвицкий?

Я распахнул дверь, пробежал через кухню, а оттуда – по двору к калитке...

V

До позднего вечера я бродил за городом. Кругом было поле, безжизненное, унылое. Наплывали угрюмые тучи, ветер усиливался, и сухой бурьян летел по пашням в неприветную, темную даль. И на душе у меня становилось тоже все темнее и темнее.

В смутном, волнующемся сумраке городского сада я сидел под старыми деревьями на забытой скамейке. Вот где, думалось мне, уныние теперь – на кладбище! Разве в смерти есть что-нибудь ужасное, сильное? Смерть – ничто, пустота. И только одним этим и пугает нас смерть. И на кладбище так же: сумерки, ни души кругом; могилы и могилы, заросшие травой; трава теперь высохла, пожелтела и тихо шелестит от ветра...

«А где Елена?» – приходило мне иногда в голову. Я вдруг вспоминаю чью-то легенду о ветре и душах повесившихся людей и в испуге поднимаюсь со скамьи. Зачем я так скверно спрятался от нее? Зачем не поговорил с ней? Но что же я мог сказать ей? Это все равно, что мне отправиться сейчас к Зине...

Я опять сажусь и пристально гляжу в одну точку, стараясь охватить то, что творится в моей душе.

Звезды в мутном небе светят бледно и сумрачно. Ветер поднимает пыль на дорожках почти темного сада, и с деревьев сыплются листья. Точно напряженный шепот, не смолкает над мною порывисто усиливающийся шум и шелест деревьев. А когда ветер, как дух, как живой, убегает, кружась, в дальние аллеи, старые тополи гудят там так угрюмо, жутко...

Когда я наконец решил вернуться домой, была уже ночь. Подавленный тоской, подгоняемый ветром, я бессильно брел по улицам. Вот и наш домишко ярко светит окнами в черном мраке под деревьями. Кругом шум ветра и листьев, а там тихо, и сухие ветки плюща сонно качаются над окном моей комнаты. В ней, за стеклами, спокойным, ройным снегом горит лампа... Зачем я еду? Кто гонит меня в ату даль,

где полутемный поезд, одинокая ночь и долгий замирающий стон паровоза?

В страхе я остановился.

– Елена! – хотелось крикнуть мне.

И, точно угадав мое желание, она неслышно вышла из темноты под деревьями.

– Можно к тебе? – спросила она деревянным голосом.

Я растерялся, смущенно пробормотал:

– Конечно... Конечно, можно...

В темноте я долго не мог попасть ключом в замочную скважину, наконец отворил дверь и неестественно-шутливо проговорил:

– Прошу!

– Я только на минутку, – ответила она сухо, входя в комнату и не глядя на меня.

Я подвинул ей кресло, сел против нее и взял ее за руку.

– Снимай, – сказал я ласково, указывая глазами на перчатку, – посиди у меня.

Она взглянула на меня, улыбнулась, но вдруг губы ее дрогнули и на глазах показались слезы.

– Елена! – сказал я укоризненно.

Она не ответила. Я повторил свои слова, но уже без нежности и пожал плечами.

– Елена! – снова начал я с раздражением. – Надо же взять себя в руки, – прибавил я, чувствуя, что говорю глупости.

Она упорно молчала. Зубы ее были стиснуты, в голубых глазах, пристально устремленных на огонь, стояли слезы.

Я с шумом отодвинул кресло, быстро застегнул на все пуговицы пиджак и, заложив руки в карманы, заходил по комнате. Но, повернув раза два или три, снова бросился в кресло и, прикрыв глаза, спросил с холодной насмешливостью:

– Что же тебе угодно от меня?

Она быстро и удивленно взглянула на меня, хотела что-то сказать, но вдруг закрыла лицо руками и разразилась громкими рыданиями. И, рыдая, комкая к глазам платок, заговорила отрывистым, резким голосом:

– Ты не смеешь так говорить!.. Как ты... смеешь... когда я... так... относилась к тебе? Ты обманывал меня...

– Зачем ты врешь? – перебил я ее, – Ты отлично знаешь, что я относился к тебе по-дружески. Но я не хочу вашей мещанской любви... Оставьте меня в покое!

– А я не хочу твоей декадентской дружбы! – крикнула Елена и отняла платок от глаз. – Зачем ты ломался? – заговорила она твердо, сдерживая рыдания и глядя на меня в упор с ненавистью. – Почему ты вообразил, что мной можно было играть?

Я опять резко перебил ее:

– Ты с ума сошла! Когда я играл тобою? Мы оба одиноки, оба искали поддержки друг в друге – и, конечно, не нашли, – и больше между нами ничего не было.

– А, ничего! – снова крикнула Елена злобно и радостно. – Какой же такой любви вам угодно? Почему ты даже мысли не допускаешь равнять меня с собою? Я одна, меня ждет ужасная жизнь где-нибудь в сельском училище, я мелкая общественная единица, но я лучше тебя. А ты? Ты даже вообразить себе не можешь, как я вас ненавижу всех – неврастеников, эгоистов! Все для себя! Все ждете, что ваша ничтожная жизнь обратится в нечто необыкновенное!

– Да! – сказал я со злобой, подымаясь. – Я люблю жизнь, безнадежно люблю! Мне дана только одна жизнь и та на какие-нибудь пятьдесят лет, из которых пятнадцать ушло на детство и четверть уйдет на сон. И при этом я никогда не знал счастья! Смешно, не правда ли?

Но Елена опять прижала платок к глазам и зарыдала с новой силой.

– И поэтому ты... – заговорила она гадливо. – И потому ты сегодня так низко и спрятался от меня? Ты опять лжешь, чтобы закрыться пышными фразами...

Я с невероятной быстротой схватил пресс-папье и со всего размаху ударил им по столу.

– Уйди! – крикнул я бешено.

И мгновенно похолодел от ужаса за сделанное. Я увидел, как Елена вскочила, сразу оборвав рыдания, и лицо ее перекошилось от детского страха.

– Уйди! – закричал я опять, но уже другим, жалким голосом.

Она распахнула дверь, и ветер, как шалый, со стуком рванул к себе раму, с шелестом и шумом деревьев ворвался в комнату и мгновенно вырвал свет из лампы. Я упал на постель, уткнулся лицом в подушку и заскрежетал зубами, упиваясь своей скорбью и своим отчаяньем. Тополи гудели и бушевали во мраке...

1897

Поздней ночью

Был ли это сон или час ночной таинственной жизни, которая так похожа на сновидение? Казалось мне, что осенний грустный месяц уже давным-давно плывет над землей, что наступил час отдыха от всей лжи и суеты дня. Казалось, что уже весь, до последнего нищенского угла заснул Париж. Долго спал я, и наконец медленно отошел от меня сон, как заботливый и неторопливый врач, сделавший свое дело и оставивший больного уже тогда, когда он вздохнул полной грудью и, открыв глаза, улыбнулся застенчивой и радостной улыбкой возвращения к жизни. Очнувшись, открыв глаза, я увидел себя в тихом и светлом царстве ночи.

Я неслышно ходил по ковру в своей комнате на пятом этаже и подошел к одному из окон. Я смотрел то в комнату, большую и полную легкого сумрака, то в верхнее стекло окна на месяц. Месяц тогда обливал меня светом, и, подняв глаза вверх, я долго смотрел в его лицо. Месячный свет, проходя сквозь белесые кружева гардин, смягчал сумрак в глубине комнаты. Отсюда месяца не было видно. Но все четыре окна были озарены ярко, как и то, что было возле них. Месячный свет падал из окон бледно-голубыми, бледно-серебристыми арками, и в каждой из них был дымчатый теневого крест, мягко ломавшийся по озаренным креслам и стульям. И в кресле у крайнего окна сидела та, которую я любил, – вся в белом, похожая на девочку, бледная и прекрасная, усталая ото всего, что мы пережили и что так часто делало нас злыми и беспощадными врагами.

Отчего она тоже не спала в эту ночь?

Избегая глядеть на нее, я сел на окно, рядом с ней... Да, поздно – вся пятиэтажная стена противоположных домов темна. Окна там чернеют, как слепые глаза. Я заглянул вниз, – узкий и глубокий коридор улицы тоже темен и пуст. И так во всем городе. Только бледный сияющий месяц, слегка наклоненный, катится и в то же время остается недвижимым среди дымчатых бегущих облаков, одиноко бодрствуя над городом. Он глядел мне прямо в глаза, светлый, но немного на ущербе и оттого – печальный. Облака дымом плыли мимо него. Около месяца они были светлы и таяли, дальше сгущались, а за гребнем крыш проходили уже совсем угрюмой и тяжелой грядой...

Давно не видел я месячной ночи! И вот мысли мои опять возвратились к далеким, почти забытым осенним ночам, которые видел я когда-то в детстве, среди холмистой и скудной степи средней России. Там месяц глядел под мою родную кровлю, и там впервые узнал и полюбил я его кроткое и бледное лицо. Я мысленно покинул Париж, и на мгновение помешалась мне вся Россия, точно с возвышенности я взглянул на огромную низменность. Вот золотисто-блестящая пустынная ширь Балтийского моря. Вот – хмурые страны сосен, уходящие в сумрак к востоку, вот – редкие леса, болота и перелески, ниже которых, к югу, начинаются бесконечные поля и равнины. На сотни верст скользят по лесам рельсы железных дорог, тускло поблескивая при месяце. Сонные разноцветные огоньки мерцают вдоль путей и один за другим убегают на мою родину. Передо мной слегка холмистые поля, а среди них – старый, серый помещичий дом, ветхий и кроткий при месячном свете... Неужели это тот же самый месяц, который глядел когда-то в мою детскую комнату, который видел меня потом юношей и который грустит теперь вместе со мной о моей неудавшейся молодости? Это он успокоил меня в светлом царстве ночи...

– Отчего ты не спишь? – услышал я робкий голос.

И то, что она первая обратилась ко мне после долгого и упорного молчания, больно и сладко кольнуло мне в сердце. Я тихо ответил:

– Не знаю... А ты?

И опять мы долго молчали. Месяц заметно опустился к крышам и уже глубоко заглядывал в нашу комнату.

– Прости! – сказал я, подходя к ней. Она не ответила и закрыла глаза руками.

Я взял ее руки и отвел их от глаз. По щекам ее катились слезы, а брови были подняты и дрожали, как у ребенка. И я опустился у ее ног на колени, прижался к ней лицом, не сдерживая ни своих, ни ее слез.

– Но разве ты виноват? – шептала она смущенно. – Разве не я во всем виновата?

И улыбалась сквозь слезы радостной и горькой улыбкой.

А я говорил ей, что мы оба виноваты, потому что оба нарушали заповедь радости, для которой мы должны жить на земле. Мы опять любили друг друга, как могут любить только те, которые вместе страдали, вместе заблуждались, но зато вместе встречали и редкие мгновения правды. И только бледный, грустный месяц видел наше счастье...

1899

Антоновские яблоки

I

...Вспоминается мне ранняя погожая осень. Август был с теплыми дождиками, как будто нарочно выпадавшими для сева, с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника св. Лаврентия. А "осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик". Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак: "Много тенетника на бабье лето – осень ядреная"... Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести. Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег. Это тархане, мещане-садовники, наняли мужиков и насыпают яблоки, чтобы в ночь отправлять их в город, – непременно в ночь, когда так славно лежать на возу, смотреть в звездное небо, чувствовать запах дегтя в свежем воздухе и слушать, как осторожно поскрипывает в темноте длинный обоз по большой дороге. Мужик, насыпавший яблоки, ест их сочным треском одно за одним, но уж таково заведение – никогда мещанин не оборвет его, а еще скажет:

– Вали, ешь досыта, – делать нечего! На сливанье все мед пьют.

И прохладную тишину утра нарушает только сытое квохтанье дроздов на коралловых рябинах в чаще сада, голоса да гулкий стук ссыпаемых в меры и кадушки яблок. В поредевшем саду далеко видна дорога к большому шалашу, усыпанная соломой, и самый шалаш, около которого мещане обзавелись за лето целым хозяйством. Всюду сильно пахнет яблоками, тут – особенно. В шалаше устроены постели, стоит одноствольное ружье, позеленевший самовар, в уголке – посуда. Около шалаша валяются рогожи, ящики, всякие истрепанные пожитки, вырыта земляная печка. В полдень на ней варится великолепный кулеш с салом, вечером греется самовар, и по саду, между деревьями, расстилается длинной полосой голубоватый дым. В праздничные же дни коло шалаша – целая ярмарка, и за деревьями поминутно мелькают красные уборы. Толпятся бойкие девки-однодворки в сарафанах, сильно пахнущих краской, приходят «барские» в своих красивых и грубых, дикарских костюмах, молодая старостиха, беременная, с широким сонным лицом и важная, как холмогорская корова. На голове ее «рога», – косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками, так что голова кажется огромной; ноги, в полусапожках с подковками, стоят тупо и крепко; безрукавка – плисовая, занавеска длинная, а понева – черно-лиловая с полосами кирпичного цвета и обложенная на подоле широким золотым «прозументом»...

– Хозяйственная бабочка! – говорит о ней мещанин, покачивая головою. – Переводятся теперь и такие...

А мальчишки в белых замашных рубашках и коротеньких порточках, с белыми раскрытыми головами, все подходят. Идут по двое, по трое, мелко перебирая босыми ножками, и косятся на лохматую овчарку, привязанную к яблоне. Покупает, конечно, один, ибо и покупки-то всего на копейку или на яйцо, но покупателей много, торговля идет бойко, и чахоточный мещанин в длинном сюртуке и рыжих сапогах – весел. Вместе с братом, картавым, шустрым полуидиотом, который живет у него "из милости", он торгует с шуточками, прибаутками и даже иногда «тронет» на тульской гармонике. И до вечера в саду толпится народ, слышится около шалаша смех и говор, а иногда и топот пляски...

К ночи в погоду становится очень холодно и росисто. Надышавшись на густом ржаном аромате новой соломы и мякины, бодро идешь домой к ужину мимо садового вала. Голоса на деревне или скрип ворот раздаются по студеной заре необыкновенно ясно. Темнеет. И вот еще запах: в саду – костер, и крепко тянет душистым дымом вишневым сучьев. В темноте, в глубине сада – сказочная картина: точно в уголке ада, пылает около шалаша багровое пламя, окруженное мраком, и чьи-то черные, точно вырезанные из черного дерева силуэты двигаются вокруг костра, меж тем как гигантские тени от них ходят по яблоням. То по всему дереву ляжет черная рука в несколько аршин, то четко нарисуются две ноги – два черных столба. И вдруг все это скользянет с яблони – и тень упадет по всей аллее, от шалаша до самой калитки...

Поздней ночью, когда на деревне погаснут огни, когда в небе уже высоко

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
блещет бриллиантовое созвездие Стожар, еще раз пробежишь в сад.

Шурша по сухой листве, как слепой, доберешься до шалаша. Там на полянке
немного светлее, а над головой белеет Млечный Путь.

– Это вы, барчук? – тихо окликает кто-то из темноты.

– Я. А вы не спите еще, Николай?

– Нам нельзя-с спать. А, должно, уж поздно? Вон, кажись, пассажирский поезд
идет...

Долго прислушиваемся и различаем дрожь в земле, дрожь переходит в шум,
растет, и вот, как будто уже за самым садом, ускоренно выбивают шумный такт
колеса: громохвая и стуча, несется поезд... ближе, ближе, все громче и сердитее... И
вдруг начинает стихать,глохнуть, точно уходя в землю...

– А где у вас ружье, Николай?

– А вот возле ящика-с.

Вскинешь кверху тяжелую, как лом, одностволку и с маху выстрелишь. Багровое
пламя с оглушительным треском блеснет к небу, ослепит на миг и погасит звезды, а
бодрое эхо кольцом грянет и раскатится по горизонту, далеко-далеко замирая в
чистом и чутком воздухе.

– Ух, здорово! – скажет мещанин. – Потрачайте, потрачайте, барчук, а то
просто беда! Опять всю дулю на валу отрясли...

А черное небо чертят огнистыми полосками падающие звезды. Долго глядишь в
его темно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не поплывет земля под
ногами. Тогда вострепнешься и, пряча руки в рукава, быстро побежишь по аллее к
дому... Как холодно, росисто и как хорошо жить на свете!

II

"Ядреная антоновка – к веселому году". Деревенские дела хороши, если
антоновка уродилась: значит" и хлеб уродился... Вспоминается мне урожайный год.

На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы,
распахнешь, бывало, окно в прохладный сад, наполненный лиловатым туманом, сквозь
который ярко блещит кое-где утреннее солнце, и не утерпишь – велишь поскорее
заседлывать лошадь, а сам побежишь умываться на пруд. Мелкая листва почти вся
облетела с прибрежных лозин, и сучья сквозят на бирюзовом небе. Вода под
лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжелая. Она мгновенно прогоняет
ночную лень, и, умывшись и позавтракав в людской с работниками горячими
картошками и черным хлебом с крупной сырой солью, с наслаждением чувствуешь под
собой скользкую кожу седла, проезжая по Выселкам на охоту. Осень – пора
престольных праздников, и народ в это время прибран, доволен, вид деревни совсем
не тот, что в другую пору. Если же год урожайный и на гумнах возвышается целый
золотой город, а на реке звонко и резко гогочут по утрам гуси, так в деревне и
совсем не плохо. К тому же наши Выселки спокон веку, еще со времен дедушки,
славилась «богатством». Старики и старухи жили в Выселках очень подолгу, –
первый признак богатой деревни, – и были все высокие, большие и белые, как лунь.
Только и слышишь, бывало: "Да, – вот Агафья восемьдесят три годочка отмахала!" –
или разговоры в таком роде:

– И когда это ты умрешь, Панкрат? Небось тебе лет сто будет?

– Как изволиете говорить, батюшка?

– Сколько тебе годов, спрашиваю!

– А не знаю-с, батюшка.

– Да Платона Аполлоныча-то помнишь?

– Как же-с, батюшка, – явственно помню.

– Ну, вот видишь. Тебе, значит, никак не меньше ста.

Старик, который стоит перед барином вытянувшись, кротко и виновато
улыбается. Что ж, мол, делать, – виноват, зажился. И он, вероятно, еще более
зажился бы, если бы не объелся в Петровки луку.

Помню я и старуху его. Все, бывало, сидит на скамеечке, на крыльце,
согнувшись, трясая головой, задыхаясь и держась за скамейку руками, – все о
чем-то думает. "О добре своем небось", – говорили бабы, потому что «добра» у нее
в сундуках было, правда, много. А она будто и не слышит; подслеповато смотрит
куда-то вдаль из-под грустно приподнятых бровей, трясет головой и точно силится
вспомнить что-то. Большая была старуха, вся какая-то темная. Панева – чуть не
прошлого столетия, чуньки – покойнички, шея – желтая и высохшая, рубаха с
канифасовыми косяками всегда белая-белая, – "совсем хоть в гроб клади". А около
крыльца большой камень лежал: сама купила себе на могилку, так же как и саван, –
отличный саван, с ангелами, с крестами и с молитвой, напечатанной по краям.

Под стать старикам были и дворы в Выселках: кирпичные, строенные еще дедами.
А у богатых мужиков – у Савелия, у Игната, у Дрона – избы были в две-три связи,
потому что делиться в Выселках еще не было моды. В таких семьях водили пчел,

гордились жеребцом-битюгом сиво-железного цвета и держали усадьбы в порядке. На гумнах темнели густые и тучные конопляники, стояли овины и риги, крытые вприческу; в пуньках и амбарчиках были железные двери, за которыми хранились холсты, прялки, новые полушубки, наборная сбруя, меры, окованные медными обручами. На воротах и на санках были выжжены кресты. И помню, мне порою казалось на редкость заманчивым быть мужиком. Когда, бывало, едешь солнечным утром по деревне, все думаешь о том, как хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах, а в праздник встать вместе с солнцем, под густой и музыкальный благовест из села, умыться около бочки и надеть чистую замашную рубаху, такие же портки и несокрушимые сапоги с подковками. Если же, думалось, к этому прибавить здоровую и красивую жену в праздничном уборе, да поездку к обедне, а потом обед у бородатого тестя, обед с горячей бараниной на деревянных тарелках и с ситниками, с сотовым медом и брагой, – так больше и желать невозможно!

Склад средней дворянской жизни еще и на моей памяти, – очень недавно, – имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию. Такова, например, была усадьба тетки Анны Герасимовны, жившей от Выселок верстах в двенадцати. Пока, бывало, доедешь до этой усадьбы, уже совсем обедняется. С собаками на сворах ехать приходится шагом, да и спешить не хочется, – так весело в открытом поле в солнечный и прохладный день! Местность ровная, видно далеко. Небо легкое и такое просторное и глубокое. Солнце сверкает сбоку, и дорога, укатанная после дождей телегами, замаслилась и блестит, как рельсы. Вокруг раскидываются широкими косяками свежие, пышно-зеленые озими. Взойдется откуда-нибудь ястребок в прозрачном воздухе и замрет на одном месте, трепеща острыми крылышками. А в ясную даль убегают четко видные телеграфные столбы, и проволоки их, как серебряные струны, скользят по склону ясного неба. На них сидят кобчики, – совсем черные значки на нотной бумаге.

Крепостного права я не знал и не видел, но, помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовал его. Въедешь во двор и сразу ощутишь, что тут оно еще вполне живо. Усадьба – небольшая, но вся старая, прочная, окруженная столетними березами и лозинами. Надворных построек – невысоких, но домовитых – множество, и все они точно слиты из темных дубовых бревен под соломенными крышами. Выделяется величиной или, лучше сказать, длиной только почерневшая людская, из которой выглядывают последние могикане дворового сословия – какие-то ветхие старики и старухи, дряхлый повар в отставке, похожий на Дон-кихота. Все они, когда въезжаешь во двор, подтягиваются и низко-низко кланяются. Седой кучер, направляющийся от каретного сарая взять лошадь, еще у сарая снимает шапку и по всему двору идет с обнаженной головой. Он у тетки ездил фореитором, а теперь возит ее к обедне, – зимой в возке, а летом в крепкой, окованной железом тележке, вроде тех, на которых ездят попы. Сад у тетки славился своею запущенностью, соловьями, горlinkками и яблоками, а дом – крышей. Стоял он во главе двора, у самого сада, – ветви лип обнимали его, – был невелик и приземист, но казалось, что ему и веку не будет, – так основательно глядел он из-под своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши, почерневшей и затвердевшей от времени. Мне его передний фасад представлялся всегда живым: точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз, – окнами с перламутровыми от дождя и солнца стеклами. А по бокам этих глаз были крыльца, – два старых больших крыльца с колоннами. На фронтоне их всегда сидели сытые голуби, между тем как тысячи воробьев дождем пересыпались с крыши на крышу... И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде под бирюзовым осенним небом!

Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушеного липового цвета, который с июня лежит на окнах... Во всех комнатах – в лакейской, в зале, в гостиной – прохладно и сумрачно: это оттого, что дом окружен садом, а верхние стекла окон цветные: синие и лиловые. Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и витых золотых рамах никогда не трогались с места. И вот слышится покашливание: выходит тетка. Она небольшая, но тоже, как и все кругом, прочная. На плечах у нее накинута большая персидская шаль. Выйдет она важно, но приветливо, и сейчас же под бесконечные разговоры про старину, про наследства, начинают появляться угощения: сперва «дули», яблоки, – антоновские, «бель-барыня», боровинка, «плодовитка», – а потом удивительный обед: вся насквозь розовая вареная ветчина с горошком, фаршированная курица, индюшка, маринады и красный квас, – крепкий и сладкий-пресладкий... Окна в сад подняты, и оттуда веет бодрой осенней прохладой.

III

За последние годы одно поддерживало угасающий дух помещиков – охота.

Прежде такие усадьбы, как усадьба Анны Герасимовны, были не редкость. Были и разрушающиеся, но все еще жившие на широкую ногу усадьбы с огромным помещьем, с садом в двадцать десятин. Правда, сохранились некоторые из таких усадеб еще и до сего времени, но в них уже нет жизни... Нет троек, нет верховых «киргизов», нет гончих и борзых собак, нет дворни и нет самого обладателя всего этого – помещика-охотника, вроде моего покойного шурина Арсения Семеныча.

С конца сентября наши сады и гумна пустели, погода, по обыкновению, круто менялась. Ветер по целым дням рвал и трепал деревья, дожди поливали их с утра до ночи. Иногда к вечеру между хмурыми низкими тучами пробивался на западе трепещущий золотистый свет низкого солнца; воздух делался чист и ясен, а солнечный свет ослепительно сверкал между листвою, между ветвями, которые живою сеткою двигались и волновались от ветра. Холодно и ярко сияло на севере над тяжелыми свинцовыми тучами жидкое голубое небо, а из-за этих туч медленно выплывали хребты снеговых гор-облаков. Стоишь у окна и думаешь: "Авось, бог даст, распогодится". Но ветер не унимался. Он волновал сад, рвал непрерывно бегущую из трубы людской струю дыма и снова нагонял зловещие космы пепельных облаков. Они бежали низко и быстро – и скоро, точно дым, затуманивали солнце. Погасал его блеск, закрывалось окошечко в голубое небо, а в саду становилось пустынно и скучно, и снова начинал сеять дождь... сперва тихо, осторожно, потом все гуще и, наконец, превращался в ливень с бурей и темнотою. Наступала долгая, тревожная ночь...

Из такой трепки сад выходил почти совсем обнаженным, засыпанным мокрыми листьями и каким-то притихшим, смирившимся. Но зато как красив он был, когда снова наступала ясная погода, прозрачные и холодные дни начала октября, прощальный праздник осени! Сохранившаяся листва теперь будет висеть на деревьях уже до первых заморозков. Черный сад будет сквозить на холодном бирюзовом небе и покорно ждать зимы, пригреваясь в солнечном блеске. А поля уже резко чернеют пашнями и ярко зеленеют закустившимися озимями... Пора на охоту!

И вот я вижу себя в усадьбе Арсения Семеныча, в большом доме, в зале, полной солнца и дыма от трубок и папирос. Народу много – все люди загорелые, с обветренными лицами, в поддевах и длинных сапогах. Только что очень сытно пообедали, раскраснелись и возбуждены шумными разговорами о предстоящей охоте, но не забывают допивать водку и после обеда. А на дворе трубят рог и завывают на разные голоса собаки. Черный борзой, любимец Арсения Семеныча, взлезает на стол и начинает пожирать с блюда остатки зайца под соусом. Но вдруг он испускает страшный визг и, опрокидывая тарелки и рюмки, срывается со стола: Арсений Семеныч, вышедший из кабинета с арапником и револьвером, внезапно оглушает залу выстрелом. Зала еще более наполняется дымом, а Арсений Семеныч стоит и смеется.

– Жалко, что промахнулся! – говорит он, играя глазами.

Он высок ростом, худощав, но широкоплеч и строен, а лицом – красавец цыган. Глаза у него блестят дико, он очень ловок, в шелковой малиновой рубаше, бархатных шароварах и длинных сапогах. Напугав и собаку и гостей выстрелом, он шутливо-важно декламирует баритоном:

Пора, пора седлать проворного донца

И звонкий рог за плечи перекинуть! –

и громко говорит:

– Ну, однако, нечего терять золотое время!

Я сейчас еще чувствую, как жадно и емко дышала молодая грудь холодом ясного и сырого дня под вечер, когда, бывало, едешь с шумной ватагой Арсения Семеныча, возбужденный музыкальным гамом собак, брошенных в чернолесье, в какой-нибудь Красный Бугор или Гремячий Остров, уже одним своим названием волнующий охотника. Едешь на злом, сильном и приземистом «киргизе», крепко сдерживая его поводьями, и чувствуешь себя слитым с ним почти воедино. Он фыркает, просится на рысь, шумно шуршит копытами по глубокому и легким коврам черной осыпавшейся листвы, и каждый звук гулко раздается в пустом, сыром и свежем лесу. Тявкнула где-то вдалеке собака, ей страстно и жалобно ответила другая, третья – и вдруг весь лес загремел, точно он весь стеклянный, от бурного лая и крика. Крепко грянул среди этого гама выстрел – и все «заварилось» и покатило куда-то вдаль.

– Береги-и! – завопил кто-то отчаянным голосом на весь лес.

"А, береги!" – мелькнет в голове опьяняющая мысль. Гикнешь на лошадь и, как сорвавшийся с цепи, помчишься по лесу, уже ничего не разбирая по пути. Только

деревья мелькают перед глазами да лепит в лицо грязью из-под копыт лошади. Выскочишь из лесу, увидишь на зеленой пестру, растянувшуюся по земле стаю собак и еще сильнее наддашь «киргиза» наперерез зверю, – по зеленым, взметам и жнивьям, пока, наконец, не перевалишься в другой остров и не скроется из глаз стая вместе со своим бешеным лаем и стоном. Тогда, весь мокрый и дрожащий от напряжения, осадить вспененную, хрипящую лошадь и жадно глотаешь ледяную сырость лесной долины. Вдали замирают крики охотников и лай собак, а вокруг тебя – мертвая тишина. Полураскрытый строевой лес стоит неподвижно, и кажется, что ты попал в какие-то заповедные чертоги. Крепко пахнет от оврагов грибной сыростью, перегнившими листьями и мокрой древесной корою. И сырость из оврагов становится все ощутительнее, в лесу холоднеет и темнеет... Пора на ночевку. Но собрать собак после охоты трудно. Долго и безнадежно-тоскливо звенят рога в лесу, долго слышатся крик, брань и визг собак... Наконец, уже совсем в темноте, вваливается ватага охотников в усадьбу какого-нибудь почти незнакомого холостяка-помещика и наполняет шумом весь двор усадьбы, которая озаряется фонарями, свечами и лампами, вынесенными навстречу гостям из дому...

Случалось, что у такого гостеприимного соседа охота жила по несколько дней. На ранней утренней заре, по ледяному ветру и первому мокрому зазимку, уезжали в леса и в поле, а к сумеркам опять возвращались, все в грязи, с раскрасневшимися лицами, пропахнув лошадиным потом, шерстью затравленного зверя, – и начиналась попойка. В светлом и людном доме очень тепло после целого дня на холоде в поле. Все ходят из комнаты в комнату в расстегнутых поддевах, беспорядочно пьют и едят, шумно передавая друг другу свои впечатления над убитым матерым волком, который, оскалив зубы, закатив глаза, лежит с откинутым на сторону пушистым хвостом среди залы и окрашивает своей бледной и уже холодной кровью пол. После водки и еды чувствуешь такую сладкую усталость, такую негу молодого сна, что как через воду слышишь говор. Обветренное лицо горит, азакроешь глаза – вся земля так и поплывет под ногами. А когда ляжешь в постель, в мягкую перину, где-нибудь в угловой старинной комнате с образничкой и лампадой, замелькают перед глазами призраки огнисто-пестрых собак, во всем теле занает ощущение скачки, и не заметишь, как потонешь вместе со всеми эти образами и ощущениями в сладком и здоровом сне, забыв даже, что эта комната была когда-то молельной старика, имя которого окружено мрачными крепостными легендами, и что он умер в этой молельной, вероятно, на этой же кровати.

Когда случалось проспать охоту, отдых был особенно приятен. Проснешься и долго лежишь в постели. Во всем доме – тишина. Слышно, как осторожно ходит по комнатам садовник, растапливая печи, и как дрова трещат и стреляют. Впереди – целый день покоя в безмолвной уже по-зимнему усадьбе. Не спеша оденешься, побродишь по саду, найдешь в мокрой листве случайно забытое холодное и мокрое яблоко, и почему-то оно покажется необыкновенно вкусным, совсем не таким, как другие. Потом примешься за книги, – дедовские книги в толстых кожаных переплетах, с золотыми звездочками на сафьянных корешках. Славно пахнут эти, похожие на церковные требники книги своей пожелтевшей, толстой шершавой бумагой! Какой-то приятной кисловатой плесенью, старинными духами... Хороши и заметки на их полях, крупно и с круглыми мягкими росчерками сделанные гусиным пером. Развернешь книгу и читаешь: "Мысль, достойная древних и новых философов, цвет разума и чувства сердечного"... И невольно увлечешься и самой книгой. Это – «Дворянин-философ», аллегория, изданная лет сто тому назад иждивением какого-то "кавалера многих орденов" и напечатанная в типографии приказа общественного призрения, – рассказ о том, как "дворянин-философ, имея время и способность рассуждать, к чему разум человека возноситься может, получил некогда желание сочинить план света на пространном месте своего селения"... Потом наткнешься на "сатирические и философские сочинения господина Вольтера" и долго упиваешься милым и манерным слогом перевода: "Государи мои! Эразм сочинил в шестом-надесяти столетии похвалу дурачеству (манерная пауза, – точка с занятою); вы же приказываете мне превознести пред вами разум..." Потом от екатерининской старины перейдешь к романтическим временам, к альманахам, к сентиментально-напыщенным и длинным романам... Кукушка выскакивает из часов и насмешливо-грустно кукует над тобою в пустом доме. И понемногу в сердце начинает закрадываться сладкая и странная тоска...

Вот "Тайны Алексиса", вот "Виктор, или Дитя в лесу": "Бьет полночь! Священная тишина заступает место дневного шума и веселых песен поселян. Сон простирает мрачные крылья свои над поверхностью нашего полушария; он стрясает с них мрак и мечты... Мечты... Как часто продолжают оне токмо страдания злостного!..." И замелькают перед глазами любимые старинные слова: скалы и дубравы, бледная луна и одиночество, привидения и призраки, «ероты», розы и лилии, "проказы и резвости молодых шалунов", лилейная рука, Людмилы и Алины... А вот журналы с именами: Жуковского, Батюшкова, лицеиста Пушкина. И с грустью

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
вспомнишь бабушку, ее полонезы на клавикордах, ее томное чтение стихов из "Евгения Онегина". И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою... Хорошие девушки и женщины жили когда-то в дворянских усадьбах! Их портреты глядят на меня со стены, аристократически-красивые головки в старинных прическах кротко и женственно опускают свои длинные ресницы на печальные и нежные глаза...

IV

Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб. Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие. Перемерли старики в Выселках, умерла Анна Герасимовна, застрелился Арсений Семеныч... Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства!.. Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!

Вот я вижу себя снова в деревне, глубокой осенью. Дни стоят синеватые, пасмурные. Утром я сажусь в седло и с одной собакой, с ружьем и с рогом уезжаю в поле. Ветер звонит и гудит в дуло ружья, ветер крепко дует навстречу, иногда с сухим снегом. Целый день я скитаюсь по пустым равнинам... Голодный и прозябший, возвращаясь я к сумеркам в усадьбу, и на душе становится так тепло и отрадно, когда замелькают огоньки Выселок и потянет из усадьбы запахом дыма, жилья. Помню, у нас в доме любили в эту пору «сумерничать», не зажигать огня и вести в полутемноте беседы. Войдя в дом, я нахожу зимние рамы уже вставленными, и это еще более настраивает меня на мирный зимний лад. В лакейской работник топит печку, и я, как в детстве, сажусь на корточки около вороха соломы, резко пахнущей уже зимней свежестью, и гляжу то в пылающую печку, то на окна, за которыми, синевя, грустно умирают сумерки. Потом иду в людскую. Там светло илюдно: девки рубят капусту, мелькают сечки, я слушаю их дробный, дружный стук и дружные, печально-веселые деревенские песни... Иногда заедет какой-нибудь мелкопоместный сосед и надолго увезет меня к себе... Хороша и мелкопоместная жизнь!

Мелкопоместный встает рано. Крепко потянувшись, поднимается он с постели и крутит толстую папиросу из дешевого, черного табаку или просто из махорки. Бледный свет раннего ноябрьского утра озаряет простой, с голыми стенами кабинет, желтые и заскорузлые шкурки лисиц над кроватью и коренастую фигуру в шароварах и распоясанной косоворотке, а в зеркале отражается заспанное лицо татарского склада. В полутемном, теплом доме мертвая тишина. За дверью в коридоре похрапывает старая кухарка, жившая в господском доме еще девчонкою. Это, однако, не мешает барину хрипло крикнуть на весь дом:

– Лукерья! Самовар!

Потом, надев сапоги, накинув на плечи поддевку и не застегивая ворота рубахи, он выходит на крыльцо. В запертых сенях пахнет псиной; лениво дотягиваясь, с визгом зевая и улыбаясь, окружают его гончие.

– Отрыж! – медленно, снисходительным басом говорит он и через сад идет на гумно. Грудь его широко дышит резким воздухом зари и запахам озябшего за ночь, обнаженного сада. Свернувшиеся и почерневшие от мороза листья шуршат под сапогами в березовой аллее, вырубленной уже наполовину. Вырисовываясь на низком сумрачном небе, спят нахохленные галки на гребне риги... Славный будет день для охоты! И, остановившись среди аллеи, барин долго глядит в осеннее поле, на пустынные зеленые озими, по которым бродят телята. Две гончие суки повизгивают около его ног, а Заливай уже за садом: перепрыгивая по колким жнивьям, он как будто зовет и просится в поле. Но что сделаешь теперь с гончими? Зверь теперь в поле, на взметах, на чернотропе, а в лесу он боится, потому что в лесу ветер шуршит листвою... Эх, кабы борзые!

В риге начинается молотьба. Медленно расходясь, гудит барабан молотилки. Лениво натягивая постромки, упираясь ногами по навозному кругу и качаясь, идут лошади в приводе. Посреди привода, вращаясь на скамеечке, сидит погонщик и однотонно покрикивает на них, всегда хлестая кнутом только одного бурого мерина, который ленивее всех и совсем спит на ходу, благо глаза у него завязаны.

– Ну, ну, девки, девки! – строго кричит степенный подавальщик, облачаясь в широкую холщовую рубаху.

Девки торопливо размечают ток, бегают с носилками, метлами.

– С богом! – говорит подавальщик, и первый пук старновки, пущенный на пробу, с жужжаньем и визгом пролетает в барабан и растрепанным веером возносится из-под него кверху. А барабан гудит все настойчивее, работа закипает, и скоро все звуки сливаются в общий приятный шум молотьбы. Барин стоит у ворот риги и смотрит, как в ее темноте мелькают красные и желтые платки, руки, грабли, солома, и все это мерно двигается и суетится под гул барабана и однообразный крик и свист погонщика. Хоботье облаками летит к воротам. Барин стоит, весь посеревший от него. Часто он поглядывает в поле... Скоро-скоро забелеют поля, скоро покроет их

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Зазимок...

Зазимок, первый снег! Борзых нет, охотиться в ноябре не с чем; но наступает зима, начинается «работа» с гончими. И вот опять, как в прежние времена, съезжаются мелкопоместные друг к другу, пьют на последние деньги, по целым дням пропадают в снежных полях. А вечером на каком-нибудь глухом хуторе далеко светятся в темноте зимней ночи окна флигеля. Там, в этом маленьком флигеле, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи, настраивается гитара...

На сумерки буен ветер загулял,

Широки мои ворота растворял, –

начинает кто-нибудь грудным тенором. И прочие нескладно, прикидываясь, что они шутят, подхватывают с грустной, безнадежной удалью:

Широки мои ворота растворял,

Белым снегом путь-дорогу заметал...

Эпитафия

За крайней избой нашей степной деревушки пропадала во ржи наша прежняя дорога к городу. И у дороги, в хлебах, при начале уходившего к горизонту моря колосьев, стояла белоствольная и развесистая плакучая береза. Глубокие колеи дороги зарастали травой с желтыми и белыми цветами, береза была искривлена степным ветром, а под ее легкой сквозной сенью уже давным-давно возвышался ветхий, серый голубец, – крест с треугольной тесовой кровелькой, под которой хранилась от непогод суздальская икона божией матери.

Шелковисто-зеленое, белоствольное дерево в золотых хлебах! Когда-то тот, кто первый пришел на это место, поставил на своей десятине крест с кровелькой, призвал попа и освятил «Покров пресвятыя богородицы». И с тех пор старая икона дни и ночи охраняла старую степную дорогу, незримо простирая свое благословение на трудовое крестьянское счастье. В детстве мы чувствовали страх к серому кресту, никогда не решались заглянуть под его кровельку, – одни ласточки смели залетать туда и даже вить там гнезда. Но и благоговение чувствовали мы к нему, потому что слышали, как наши матери шептали в темные осенние ночи:

– Пресвятая богородица, защити нас покровом твоим!

Осень приходила к нам светлая и тихая, так мирно и спокойно, что, казалось, конца не будет ясным дням. Она делала дали нежно-голубыми и глубокими, небо чистым и кротким. Тогда можно было различить самый отдаленный курган в степи, на открытой и просторной равнине желтого жнивья. Осень убирала и березу в золотой убор. А береза радовалась и не замечала, как недолговечен этот убор, как листок за листком осыпается он, пока наконец не оставалась вся эта раздетая на его золотистом ковре. Очарованная осенью, она была счастлива и покорна и вся сияла, озаренная из-под низу отсветом сухих листьев. А радужные паутинки тихо летали возле нее в блеске солнца, тихо садились на сухое, колкое жнивье... И народ называл их красиво и нежно – «пряжей богородицы».

Зато жутки были дни и ночи, когда осень сбрасывала с себя кроткую личину. Беспощадно трепал тогда ветер обнаженные ветви березы! Избы стояли нахохлившись, как куры в непогоду, туман в сумерки низко бежал по голым равнинам, волчьи глаза светились ночью на задворках. Нечистая сила часто скидывается ими, и было бы страшно в такие ночи, если бы за околлицей деревни не было старого голубца. А с начала ноября и до апреля бури неустанно заносили снегами и поля, и деревню, и

березу по самый голубец. Бывало, выглянешь из сеней в поле, а жесткая выюга свистит под голубцом, дымится по острым сугробам и со стоном проносится по равнине, заметая на бегу следы по ухабистой дороге. Заблудившийся путник с надеждой крестился в такую пору, завидев в дыму метели торчащий из сугробов крест, зная, что здесь бодрствует над дикой снежной пустыней сама царица небесная, что охраняет она свою деревню, свое мертвое до поры, до времени поле.

Поле долго было мертвым, но степные люди были прежде выносливы. И вот наконец крест начинал вырастать из оседающих серых снегов. Обтаивала и горбатая унавоженная дорога, наступали теплые и густые мартовские туманы. От туманов и дождей чернели и дымились в сумрачные дни крыши изб... Потом туманы сразу сменялись солнечными днями. И все снежное поле насыщалось водою, растоплялось и, растопленное, блистало под солнцем, дрожа бесчисленными ручьями. В один-два дня степь принимала новый вид: по-весеннему темнели равнины, окаймленные бледно-синеватой далью. Выпускали шершавый скот из хлевов; обессиленные за зиму лошади и коровы бродили и лежали на выгоне, а галки садились на их худые спины и дергали клювом шерсть для своих гнезд. Но дружная весна к хорошим кормам, – скот отгуляется по теплым росам! Уже пели жаворонки в ясные полдни, уже мальчишки-пастухи загорали от ветров и солнца, которые просушивали землю. Когда же обмывал ее весенний дождь и пробуждал норный гром, господь благословлял в тихие звездные ночи расти хлебом и травам, и, успокоенная за свои нивы, кротко глядела из голубца старая икона. Тонко пахло в чистом ночном воздухе зеленью, мирно было в степи, тихо в темной деревне, где уже не вздували огня с Благовещенья, и замирали по вечерней паре песни девушек, прощавшихся со своими обрученными подругами.

А потом все менялось не по дням, а по часам. Зеленел выгон, зеленели ветлы перед избами, зеленела береза. Шли дожди, протекали жаркие июньские дни, зацветали цисты, наступали веселые сенокосы... Помню, как мягко и беззаботно шумел летний ветер в шелковистой листве березы, путая эту листву и склоняя до самых колосьев тонкие, гибкие ветви; помню солнечное утро на Троицу, когда даже бородатые мужики, как истые потомки русичей, улыбались из-под огромных березовых венков; помню грубые, но могучие песни на Духов день, когда мы с закатом уходили в ближний дубовый лесок и там варили кашу, расставляли ее в черепках по холмикам и «молили кукушку» быть милостивой вещуньей; помню «игры солнца» под Петров день, помню величальные песни и шумные свадьбы, помню трогательные молебны перед кроткой заступницей всех скорбящих, – в поле, под открытым небом...

Жизнь не стоит на месте, – старое уходит, и мы провожаем его часто с великой грустью. Да, но не тем ли и хороша жизнь, что она пребывает в неустанном обновлении? Детство миновало. Потянуло нас взглянуть дальше того, что мы видели за околицей деревни, тем сильнее потянуло, что и деревня становилась все скучней, и береза уже не так густо зеленела весной, и крест у дороги ветшал, и люди истощили поле, которое охранял он. И так как беда не ходит одна, то само небо, казалось, стало гневаться на людей. Знойные и сухие ветры разгоняли тучи, подымая вихри по дороге, солнце нещадно палило хлеба и травы. Подсыхали до срока тощие ржи и овсы. Было больно смотреть на них, потому что нет ничего печальнее и смиреннее тощей ржи. Как беспомощно склоняется она от горячего ветра легкими пустыми колосьями, как сиротливо шелестит! Сухая пашня сквозит между ее стеблями, видны среди них сухие васильки... И дикая серебристая лебеда, предвестница запустения и голода, заступает место тучных хлебов у старой проселочной дороги. Нищие и слепые все чаще стали с жалобными припевами обходить деревню. А деревня безмолвно стояла на припеке – равнодушная, печальная.

Тогда, точно в горести, потемнел от пыльных ветров кроткий лик богоматери. Проходили годы, – она каялась безучастной к судьбе своего поля. И люди мало-помалу стали уходить по дороге к городу, уходить в далекую Сибирь. Они продавали свой скудный скарб, забивали досками окна изб, запрягали лошадей и навсегда уходили из деревни на поиски нового счастья. И деревня опустела.

– Ни души! – сказал ветер, облетев всю деревню и закрутив в бесцельном удальстве пыль на дороге.

Но береза не ответила ему, как отвечала прежде. Она слабо зашевелила ветвями и опять задремала. Она уже знала, что выгон в деревне зарос высокой сорной травой, что глухая крапива поднялась у порогов, что поlying серебрится на полураскрытых крышах. Степь вокруг была мертва, а десяток уцелевших изб можно было издали принять за кибитки кочевников, покинутые в поле после битвы или чумы. И голубец уже покосился под березой, на верхушке которой торчали сухие белые сучья. Теперь, в сумерки, когда за темными полями слабо алел закат, ночевали на ней только грачи да вороны, которые немало видели перемен на этом свете...

Вот новые люди стали появляться на степи. Все чаще приходят они по дороге из города и располагаются станом у деревни. Ночью они жгут костры, разгоняя

темноту, и тени далеко убегают от них по дорогам. С рассветом они выходят в поле и длинными буравами сверлят землю. Вся окрестность чернеет кучами, точно могильными холмами. Люди без сожаления топчут редкую рожь, еще вырастающую кое-где без сева, без сожаления закидывают ее землю, потому что ищут они источников нового счастья, – ищут их уже в недрах земли, где таятся талисманы будущего...

Руда! Может быть, скоро задымят здесь трубы заводов, лягут крепкие железные пути на месте старой дороги и поднимется город на месте дикой деревушки. И то, что освящало здесь старую жизнь – серый, упавший на землю крест будет забыт всеми... Чем-то освятят новые люди свою новую жизнь? Чье благословение призовут они на свой бодрый и шумный труд?

1900

Над городом

Глядя на колокольню снизу, с церковного двора, мы сами чувствовали, до чего мы еще малы, и было жутко немного, потому что облака в ясном весеннем небе медленно уходили от нас, а высокая белая колокольня, суживаясь кверху и блестя золотым крестом под облаками, медленно, плавно валились на церковный двор – и крест был похож на человечка с распростертыми руками... Потом мы вперегонки кидались к узкой двери в колокольню.

Длинная, почти отвесная лестница тотчас же за дверью терялась в темноте. В темноте, стиснутые холодными кирпичными стенами, храбро лезли мы друг за другом вперед. Свет, как мы знали, должен был открыться внезапно – и правда, скоро впереди мелькал проблеск. Еще несколько шагов, поворот – и мы в низком помещении, бледно озаренном решетчатым окном. Над головой – тяжелый накат из бревен, перекрещивающиеся в пыли и паутине балки, на полу – целые вороха известкового птичьего помета, изогнутая медная купель среди кирпичей и мусора, суздальские облупившиеся иконы, кадило с оборванными цепями... Черничка-галка, с пухом в клюве, сидит на подоконнике и выжидательно косит одним глазом. Таинственно в этой старой кладовке! Но осматриваться некогда. Голоса и топот ног опередивших нас раздаются уже над нами, – звонко и весело, как всегда весной в колокольне. И, кинув несколько быстрых взглядов на мусор и балки, мы спешили по темным изломам лестниц дальше...

Вот наконец и первый пролет: сразу стало светло, просторно, в арки широко видно небо. Внизу – церковный двор, мощный камнем, красная крыша сторожки в углу ограды и береза у железных ворот... Хорошо глядеть на все это сверху – видеть у себя под ногами верхушку березы! С высоты все кажется красивее, меньше, двор после весенних дождей стал бел, опрятен, между его высохшими плитами пробивается первая травка, а верхушка березы закружилась легкими, прозрачными кружевами зелени, необыкновенно нежной и свежей. И как тепло! Выйдет солнце из-за облака – чувствуешь на лице горячую ласку света. Воробьи на березе задорно зачирикают в этом блеске, извозчик, проезжающий мимо, хлестнет лошадь, – и совсем по-летнему затрепещат по мостовой колеса...

– Идите сюда! – раздается чей-то крик сверху. И, переглянувшись, мы устремляемся к гнилой и крутой лестнице во второй ярус, более узкий и как будто более зыбкий, чем первый, и снова попадаем в полутемные недра колокольни, разделенные бревенчатыми потолками. Опять грубый и беспорядочный вид балок и лестниц, мешающих в сумраке; опять холодок и запах кирпичных стен... Всюду запустение старой башни, все велико, покрыто пылью и птичьим пометом... Лестницы, под которыми валялись кирпичи и бревна, были шатки, колени у нас дрожали, сердце учащенно билось; но в узкие окошечки возле лестницы мы видели лазурь, высоту, к которой стремились. На подоконниках, на лестницах и балках сидели сытые голуби, сизые и «жаркие», и так как мы уже чувствовали себя в одном мире с ними, то нам было очень жаль, что они так поспешно, пугая и себя и нас, рассыпались куда попало при нашем приближении, торопливо хлопая свистящими крыльями. Это, впрочем, не мешало им тотчас же опускаться на другие лестницы и снова начинать гулкое, сердито-ласковое воркованье, топчась на одном месте с раздувающимися зобами. А в одном углу сидела на яйцах белая голубка – и с каким любопытством мы смотрели на нее сверху! Тут было совсем почти темно, только в длинное и узкое окошечко голубой лентой сияло небо...

– Васька идет! – радостно говорил кто-нибудь из нас, заглянул в это окошечко и увидав под колокольней звонаря Ваську. И тогда мы еще более ускоряли шаги,

чтобы поспеть к звону. Ощущение высоты было уже очень сильно, когда мы выскакивали во второй пролет. Но нужно было сделать еще шагов тридцать, к колоколам, в третий ярус. Мельком мы заглядывали вниз – и не узнавали березы у ограды: так мала и низка стала она! Теперь даже огромный купол церкви был наравне с нами, а под ним разноцветные крыши города, сбегающего к реке, улицы и переулки меж ними, грязные дворы, сады и пустоши... Вон во дворе чиновника баба развешивает белье по веревке; вон мещанин, в жилетке и ситцевой рубашке, выходит из тесового, похожего на собачий, домика воле сарая; рядом, на почтовом дворе, лениво бродят с хомутами в руках ямщики, запрягая двух одров в тележку; а вон скучные каменные дома купца-богача близ базарной площади, на скате которой, над мелкой рекой, стоит старый, приземистый собор с синим куполом в белых звездах... Улицы пусты, – все эти мещане, купцы, старухи и молодые кружевницы сидят по своим домишкам и, должно быть, не знают, какой простор зеленых полей развертывается вокруг города; а мы вот знаем и побежим еще выше, где уже совсем жутко, особенно когда подумаешь, что приближаешься к самому шпицу колокольни, сияющей над городом своим золотым крестом...

Теперь детство кажется мне далеким сном, но до сих пор мне приятно думать, что хоть иногда поднимались мы над мещанским захолустьем, которое угнетало нас длинными днями и вечерами, хождением в училище, где гибло наше детство, полное мечтания о путешествиях, о героизме, о самоотверженной дружбе, о птицах, растениях и животных, о заветных книгах! Птицы любят высоту, – и мы стремились к ней. Матери говорили, что мы растем, когда видим во сне, что летаем, – и на колокольне мы росли, чувствовали за своими плечами крылья... Когда мы, запыхавшись, одолевали наконец последний ярус колокольни, мы видели вокруг себя только лазурь да волнистую степь. Город, как пестрый план, лежал далеко под нами, маленький и скученный, а в сердцах у нас было то, что должны испытывать на полете ласточки. В ожидании Васьки затевали мы драки, бегали друг за другом, стуча сапогами под медными шлемами колоколов, и громко кричали в них, возбуждая в меди эхо. Пробираясь по лесенке среди веревок, привязанных за колокольные языки, к главному колоколу, украшенному барельефами херувимов и надписью, какой купец отливал его, мы по очереди ударяли в края колокола: ударишь и слушаешь – и кажется, что где-то далеко идет певучий благовест к ранней обедне! И однажды, поднявшись на верхнюю ступеньку, вдруг увидел я на колоколе барельефный лик строгого и прекрасного Ангела Великого Совета и прочитал сильное и краткое веление: "Благовествуй земле радость велию..."

Как поразила меня даже в то время эта надпись! Благовествовать взбирался на колокольню дурачок Васька; но даже эта жалкая фигура не мешает мне вспоминать предвечернее время весеннего дня, ясное небо в арках колокольни и ту могучую дрожь, которой гудела вершина колокольни вместе со всеми нами, когда, после долгих раскачиваний была, Васька оглушал нас первым ударом, спугивал голубей со всех карнизов и уже весь отдавался любимому делу, утопая в звонком и непрерывном гудении меди. От этого гудения у нас верезжало в ушах, во всем теле; казалось, что вся колокольня с вершины до основания полна голосов, гула и пения. Не спуская глаз с мотающихся рук Васьки, стояли мы, охваченные восторгом перед гигантской силой звуков, замирая от захватывающей дух гордости, точно сами мы были участниками в возвышенном назначении колокола благовествовать радость. Затерявшиеся в звуках, мы как будто сами носились по воздуху вместе с их разливающимися волнами и ждали только одного – чтобы поскорее ответил своим низким басом соборный колокол и чтобы Васька, в волнении соревнования, поднялся с лестницы во весь рост и уже изо всех сил ударил звонилком. Боже, какой трезвон начинался тогда над нашим убогим местечком и как мечтал я хоть когда-нибудь побыть на месте Васьки!

Странное желание это и теперь иногда посещает меня. Отдыхая порой в городишке, где протекло мое отрочество, я вспоминаю эту чуть ли не единственную его радость – нашу колокольню. Сидя в летние вечера под окном, я слушаю зачинающийся в разных концах города, перепутывающийся и мерно дрожащий гул колоколов, и этот гул погружает меня в думы о том, как протекают тысячи тысяч наших жизней. Товарищи моих детских дней, те, которым детство сулило так много, – где они? А матери и отцы их, уже сгорбленные и пригнутые к земле страданиями и близостью смерти, плетутся с желтыми восковыми свечами в руках пред алтаря бога, который всегда казался им жестоким и карающим, требующим вечных покаянных слез и вздохов... И мне вспоминается далекое время, когда Васька так звучно и тяжело ударял в большой колокол. Я мысленно взбираюсь на колокольню и уже в свои руки беру веревку, привязанную к колокольному билу. Трудно раскачивать его, но нужно раскачивать сильнее, чтобы с первого же удара дрогнул воздух. А когда ответят другие колокола, нужно позабыться, затеряться в бурных звуках и хоть на мгновение поверить и напомнить людям, что "бог не есть бог мертвых, но живых"!

Мелитон

Были светлые майские сумерки, я ехал верхом по нашему Заказу. Лошадь шла узкой дорогой среди свежей поросли осин и орешника. Кругом все было молодо, зелено, соловьи нежно и отчетливо выщелкивали по сторонам, перекликались друг с другом. Уже давно село солнце, но лес не успел еще стихнуть: горлинки журчали где-то вблизи, кукушка куковала в отдаленье... В майские ночи сон слаб и недолог, до рассвета брезжит, заря зарю встречает.

Я выехал к поляне, где стояла караулка. В ложине за поляной лежал большой, полноводный пруд. Над прудом, над столетними березами и дубами, окружавшими его, слабо означался бледный и прозрачный круг месяца. А возле пруда на пне сидел Мелитон и кидал сухие прутья в жаркий и проворный костерчик, разведенный в земляной печурке под котелком, висевшим в ней. Как всегда, очень чисты были его заплатанные портки и рубаха, ладно подвязаны онучи. Он сидел, поставив на колени локти, положив лицо в ладони, смотрел на огонь, а сам напевал что-то тихим и тонким, совсем женским голосом.

– Ай карасиков наловил, Мелитон? – спросил я, соскакивая с лошади.

Он поднялся, вытянулся во весь рост, с той особой выправкой, что присуща была когда-то только николаевским служакам, и тотчас принял бесстрастное выражение, как бы стараясь скрыть постоянную печаль своих бледно-бирюзовых глаз. Росту он был высокого, телом худ и костляв. Серые густые брови и такие же усы, на щеках сходящиеся со щетинистыми баками, придавали ему вид суровый, но лысина зги бирюзовые глаза и чистая крестьянская рубаха, свидетельствующая о готовности лечь «под святыне» когда угодно, говорили о кроткой, отшельнической жизни.

Когда картошки в чугушке стали сипеть и бурлить, он потыкал в них щепочкой и снял чугушечку с огня. Огонь стал потухать, только красная грудка жара светилась в землянке. Возле нее пахло сгоревшей дубовой листвою, а когда старик стал чистить картошки, запахло так вкусно, что я попросил и себе парочку. И мы молча стали ужинать возле неподвижного стемневшего пруда, в тишине и сумраке все еще не гаснувшей весенней зари. Закат за деревьями вправо алел нежно и тонко, и казалось, что там уже рассветает.

– Мелитон, – спросил я с юношеской простодушностью, – правда, тебя сквозь строй прогоняли?

– Правда-с, – ответил он просто и кратко.

– А за что?

– А, конечно, за глупость, за провинности...

Он ушел в избу, а я долго сидел один, глядя на тлеющие угли. Появился он из сумрака неслышно и принес с собой еще один ломоть ржаного хлеба, ножик, сделанный из старой косы, и горсть крупной соли. Ласково и нервно виляя хвостом, прибежал за ним Крутик, маленький, веселый, но отчаянно злой, несмотря на свою веселость. Он тоже сел возле печки, с удовольствием зевнул, облизнулся и стал следить глазами за каждым движением Мелитона, круто солившего хлеб. Соловьи по-прежнему пели страстно и звонко, нежно и удало.

– Ведь ты совсем одинокий? – спросил я.

– Совсем-с. Была жена, да уж так давно, что и не вспомнишь.

– А дети?

– Были и дети-с, да их тоже бог прибрал в свое время...

И он опять замолчал, со старческой неспешностью пережевывая хлеб. Я вглядывался в движения его морщинистых щек, в его опущенные веки, стараясь проникнуть в тайну его печальной молчаливости. Он кротко и беспомощно взглянул на меня, – я отвернулся. Было мне тогда двадцать лет, все умиляло меня: лес, небо, караулка, пучки каких-то трав и венчиков в ее сенцах под крышей, между сухой листвою решетника... На ногах Мелитона лыковые лапти, думал я, на теле замашная рубаха... Как это чудесно – жить такой чистой, простой, бедной жизнью! И эти венчики – для кого он собирает, вяжет их? Венчики еще более тронули меня, и я сказал, подымаясь:

– Совсем у тебя скит, Мелитон!

Он ласково и грустно улыбнулся.

– В скиту часовенки бывают-с, – сказал он, бросая корку Крутику, и залил водой из чугушка угли.

Они зашипели и померкли. И тотчас же стало видно, что в лесу уже светлая, лунная ночь, что поляна освещена сияющим месяцем, что чащи леса почернели и отделились от нее. Крутик, как только поужинал коркой, тотчас же принялся за свое ночное дело. Он с звонким лаем хлопотал то там, то здесь за караулкой, и было похоже, будто весь лес полон злыми и неугомонными собачонками. Мелитон зажег в избе лампу, настилая мне на конике сена, – окошечки под ее старой нахлобученной крышей засияли, как два золотых глаза. Потом он вынес лампочку в сенцы. Я вошел туда, и он опять улыбнулся мне.

– А то вот-с на коечку ложитесь, – сказал он, кивая на свою кровать.

В углу возле входа было устроено нечто вроде койки на высоких ножках из березовых поленьев. На ней было тоже настлано сено, прикрытое попоной и возвышавшееся к изголовью.

– Да какой теперь сон, – сказал я, – скоро уж и светать станет.

– Скоро-с, – согласился Мелитон бесстрастно.

И правда, мы только подремали. В темной избе было тихо, приятно, в окошечки виднелись зеленоватые кусочки лунной ночи. Но что-то не давало мне спать: достаточно было тонкого напева комара, чтобы очнуться. Я слушал Крутика, соловьев, думал о чем-то, чего не вспомнишь, как всегда в бессонную ночь... Не спал и Мелитон. Его донимали блохи.

– Ну, уж погоди, погоди, отучу я тебя спать под койкой! – бормотал он изредка, разумея Крутика.

Потом он кашлял, вздыхал, шептал что-то... Наконец я услышал его шаги под окнами. Я высунулся из окна на прохладу ночного воздуха. Мелитон меня не замечал. Он сидел на пороге, опустив голову, не спеша растирал на ладони листовой табак и опять напевал грустным женским голосом.

– Ах, господи-батюшка! – прошептал он с глубоким вздохом, покачивая головой и высекая огонь. И, закутив трубку, оперся на руку и запел внятней, задушевней.

Слышно было, что рассказывал он в песне про какие-то зеленые сады, с добрым укором напоминал кому-то те места, где «скончалась-распросталась, ах, да прежняя любовь...». Ночь сияла. Месяц выбрался на самую середину неба, стал над самым прудом. Изредка по воде что-то струисто поблескивало, точно там вился серебристый уж. У противоположного берега воды как будто не было. Там была светлая бездна в другое, подземное небо. Вековые дубы и березы на том берегу казались теперь выше, стройнее, чем днем. Но еще лучше был тот лес, который, вверх корнями, темнел под берегом, уходя в эту бездну вершинами. А вдаль, за лесом, небо уж стало стеклянно-зеленое, там, в полях, начали свежо и отчетливо бить перепела... Я закрыл глаза. Когда же очнулся, был уже день. Пруд весь дымился, поляна поседела от крупной росы, лес, похолодевший, свежий, как будто еще недвижней стоял вокруг поля. А потом в окна потянуло влажным ветром, в пруде заквакали лягушки, и петух, сильно и выпукло захлопав крыльями, заорал в сенцах хриплым басом. Мелитон, согнувшись, шел к избе от пруда с полным, тяжелым ведром, из которого плескалась вода, и оставлял за собой длинный ярко-зеленый след по седой траве...

В последний раз навестил я Мелитона как-то прошлой зимой. Помню, день был хмурый, туманный, густой иней пара стоял на деревьях. Я ездил на станцию за почтой, потом, выехав со станции, уже в сумерки, перевалив с ее двора через сугроб на выезд в поле, решил свернуть к Заказу. Быстро темнело. Лошадь моя от инея вся посерела и закурчалась, ресницы и усы у меня вскоре стали такими же. В поле сперва ничего нельзя было разглядеть даже в двух шагах – только серая, дикая мгла. Но вот в этой мгле стало светлеть и светлеть. Пробиваясь сквозь нее малиновым шаром, стал подыматься вдаль большой месяц, пополам перерезанный длинной лиловой тучкой. Подымаясь, он оставил эту тучку ниже себя, а сам становился все ярче, золотистей. Когда же я подъехал к Заказу, въехал в тень, далеко лежавшую от него по полю и испещренную узорами света, все уже блистало в полях и в Заказе как бы в некоем сказочном царстве. А потом дивной красной звездой засветился огонек в караулке и по всему чуткому, морозному лесу пошел звонкий, разбегающийся по чащам лай Крутика.

У дубка перед караулкой я привязал лошадь. С дубка бенгальским огнем посыпался иней. Я постоял и послушал глубокую тишину леса, потом осторожно подошел к завалинке караулки и заглянул в полузамерзшее окно. И глухая, отшельническая жизнь старика снова поразила меня своей святой суровостью. В глубине слабо освещенной, дочерна закопченной избы он стоял перед дощечкой иконы в углу и, закрыв глаза, кланялся ей то до земли, то в пояс. Видно было, что он только что выкупался, – редкие волосы его были мокры и причесаны, подбородок чисто пробрит, длинная белая рубаха распоясана. Порой он закидывал голову назад и долго, долго стоял так с закатившимися под лоб глазами...

Говорил он в тот вечер опять мало, был особенно тих и ласков. В избе было тепло и сыро, как в бане; я скинул шубу и сидел на лавке. А он тянулся, стоял

передо мною, отвечал не спеша и все опускал веки. Наконец, уже собираясь уезжать, я как будто мимоходом спросил:

– Мелитон, отчего ты всегда такой скучный?

Он удивился.

– Я-с? – спросил он растерянно. – Я ничего-с... Известно, старость...

– Или горе у тебя какое? – сказал я, глядя ему в глаза.

– Избави бог! – сказал он поспешно, – Я караюлю-с...

– Да нет, я не про то, – сказал я, смутившись. – Я так спросил...

Он понял, успокоился и нежно улыбнулся, прикрывая глаза.

– А я думал, обида какая-с, – сказал он. – А что я не веселый, так какое же мне теперь веселье? Да и грехов много-с.

– Какие же у тебя грехи, Мелитон!

– Грехи-с у всякого есть, – сказал он серьезно. – На то и живем-с, чтобы за грехи каяться.

– Да ты и то как святой живешь. Ты вон постишься целый век.

Он опять удивился и даже слегка нахмурился.

– Ем-с, как все, – сказал он скороговоркой. – Едят и хуже моего, да и то не гnevят бога жалобой.

– Ну, коли так, будь здоров, до свиданья, – сказал я, надевая шубу, поднимаясь и отворяя дверь на морозный воздух лунной ночи.

Морозило крепко, и Большая Медведица бриллиантами висела по небу над снежной поляной. Мелитон без шапки и в одной рубахе стоял па пороге.

– Прощай, Мелитон, – сказал я, садясь в сани. – Иди в избу, простудишься!

– Никак нет, – ответил он. – Счастливой дороги-с...

Лошадь в светлом поле бежала шибко и бодро, полозья пели и визжали, ветер обжигал лицо, сковывал усы, ресницы. Я отвертывался от него, прикрываясь пахучим на морозе еновым воротником.

1900–1930

Сосны

I

Вечер, тишина занесенного снегом дома, шумная лесная вьюга наружи...

Утром у нас в Платоновке умер сотский Митрофан, а в сумерках у меня сидел священник, опоздавший причастить Митрофана, пил чай и долго рассказывал о том, как много народу померзло в нынешнем году...

«Чем не сказочный бор?» – думаю я, прислушиваясь к шуму леса за окнами и к высоким жалобным нотам ветра, налетающего вместе с снежными вихрями на крышу. И мне представляется путник, который кружится в наших дебрях и чувствует, что не найти ему теперь выхода вовеки.

– Есть ли жив-человек в этих хижинах? – говорит он, с трудом различая в белой крутящейся мгле Платоновку.

Но морозный ветер захватывает ему дыхание, слепит снегом, и мгновенно пропадает огонек, который, казалось, мелькнул сквозь вьюгу. Да и человечьи ли это хижины? Не в такой ли же черной сторожке жила Баба-Яга? «Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом! Приюти странника в ночь!..»

Лежа весь вечер, я представляю себе, как пугливо и зыбко мерцают мои освещенные окошечки, такие одинокие среди бушующего леса, с головы до ног поседевшего от вьюги! Дом стоит у широкой просеки, в затишье, но когда ураган гигантским призраком на снежных крыльях проносится под лесом, сосны, которые высоко царят над всем окружающим, отвечают урагану столь угрюмой и грозной октавой, что в просеке делается страшно. Снег при этом бешено и беспорядочно мчится по лесу, непритворенная дверь в сенцах с необыкновенной силой бьет в стену, а собаки, которые лежат в них, утопая в снегу, как в пуховых постелях, жалобно взвизгивают сквозь сон, дрожа крупной дрожью... И мне опять вспоминается Митрофан, который ждет могилы в такую мрачную ночь.

В комнате тепло и тихо. Стекла холодно играют разноцветными огоньками, точно мелкими драгоценными камнями. Лежанка натоплена жарко, п к шуму и стуку я так привык, что могу не замечать их. Лампа на столе: горит ровным сонным светом. Ровно, чуть внятно звенит в ней выгорающий керосин, монотонно и неясно, точно

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.r
под землей, баюкает кто-то ребенка за стеною в кухне, – не то сама Федосья, не
то ее Анютка, которая с малолетства во всем подражает своим вечно вздыхающим
теткам, матери. И, прислушиваясь к этому знакомому с детства напеву, к этим
шумам и стукам, весь отдаешься во власть долгого вечера.

Ходит сон по сеням,

А дрема по дверям, –

поет в душе жалобная песня, а вечер реет над головою неслышною тенью,
завораживает сонным звоном в лампе, похожим на замирающее нытье комара, и
таинственно дрожит и убегает на одном месте темным волнистым кругом, кинутым на
потолок лампы.

Но вот в сенцах слышен певучий визг шагов по сухому бархатистому снегу.
Хлопают двери в прихожей, и кто-то топает в пол валенками. Слышу, как чья-то
рука шарит по двери, ищет скобку, а затем чувствую холод и свежий запах
январской метели, сильный, как запах разрезанного арбуза.

– Спите? – спрашивает Федосья осторожным шепотом.

– Нет... А что? Это ты, Федосья?

– Я-с, – отвечает Федосья, меняя голос на громкий и естественный. – Ай я вас
разбудила?

– Нет... Ты что?

Вместо ответа Федосья оборачивается к двери, – хорошо ли притворила? – и,
улыбнувшись, становится к печке. Ей просто хотелось провести меня. Это
небольшая, но плотно сбита баба в полушубке; голова у нее закутана шалью и
похожа на совиную, не полушубке и на шали тает снег.

– Там пыль! – говорит она с удовольствием и, ежась, прижимается к печке. –
Что, давно вечер-то по часам?

– Половина десятого.

Федосья кивает головою и задумывается. За день она переделала сотни мелких
дел. Теперь она в тумане отдыха. Глядя на снег совершенно бессмысленными,
удивленными глазами, она с наслаждением затягивается долгим и глубоким зевком и,
зевая, бормочет:

– Ах, господи, что ж это зевается, куда это девается! Вот жалко Митрофана-
то! Целый день с ума не идет, а тут еще наши: выехали, нет ли? Поедут-
замерзнут!

И вдруг быстро прибавляет:

– Постойте – в каком ухе звенит?

– В правом, – отвечаю я. – Нынче они не поедут...

– Вот и не угадали! А я было про мужика своего загадала. Боюсь, обморозится...

И, увлеченная думами о вьюге, Федосья начинает:

– Так-то на сороки было, на сорок мучеников. Вот, расскажу вам, страсть-то
была! Вы-то, известное дело, не помните, вам тогда небось пяти годочков не было,
а я-то явственно помню. Сколько тогда народу померзло, сколько обморозилось...

Я не слушаю, я наизусть знаю рассказы о всех метелях, которые помнит
Федосья. Я машинально ловлю ее слова, и они странно переплетаются с тем, что я
слышу внутри себя. «Не в том царстве, не в том государстве, – певуче и глухо
говорит во мне голос старика-пастуха, который часто рассказывает мне сказки, –
не в том царстве, не в том государстве, а у самом у том, у каком мы живем, жил,
стало быть, молодой вьюноша...»

Лес гудит, точно ветер дует в тысячу золотых арф, заглушённых степами и
вьюгой. «Ходит сон по сеням, а дрема по дверям», и, намаявшись за день, поевши
«соснового» хлебушка с болотной водицей, спят теперь по Платоновкам наши
былинные люди, смысл жизни и смерти которых ты, господи, веши!

Вдруг ветер со всего размаху хлопает сенной дверью в стену и, как огромное
стадо птиц, с шумом и свистом проносится по крыше.

– Ох, господи! – говорит Федосья, вздрагивая и хмурясь. – Хоть бы уж спать
скорей в страсть такую! Ужинать-то будете? – прибавляет она, делая над собой
усилие, чтобы взяться за скобку.

– Рано еще...

– А мой сгад – нечего третьих петухов ждать! Поужинали бы и спали бы, спали
себе!

Дверь медленно отворяется и затворяется, и я опять остаюсь один, все думая о
Митрофане.

Это был высокий и худой, но хорошо сложенный мужик, легкий на ходу и стройный, с небольшой, откинутой назад головой и с бирюзово-серыми, живыми глазами. Зимой и лето его длинные ноги были аккуратно обернуты серыми онучами и обуты в лапти, зиму и лето он носил коротенький изорванный полушубок. На голове у него всегда была самодельная заячья шапка шерстью внутрь. И как приветливо глядело из-под этой шапки его обветренное лицо с облупившимся носом и редкой бородкой! Это был Следопыт, настоящий лесной крестьянин-охотник, в котором все производило цельное впечатление: и фигура, и шапка, и заплатанные на коленях портки, и запах курной избы, и одностволка. Появляясь на пороге моей комнаты и вытирая полою полушубка мокрое от метели коричневое лицо, оживленное бирюзовыми глазами, он тотчас же наполнял комнату свежестью лесного воздуха.

– Хорошо у нас! – говорил он мне часто. – Главное дело – лесу много. Правда, хлебушка, случается, не хватает али чего прочего, да ведь на бога жаловаться некуда: есть, лес – в лесу зарабатывать. Мне, может, еще трудней другого, у меня одних детей сколько, а я все-таки иду да иду! Волка ноги кормят. Сколько годов я тут прожил и все не нажил... Я и не помню ничего, что было. Был будто один-два дня летом али, скажем, весной – и больше ничего. Зимних дён больше вспоминается, а все тоже похожи друг на дружку. И ничего не скуплю, а хорошо. Идешь по лесу – лес из леса выходит, синее, а там прогалина, крест из села виден... Придешь, заснешь – глядь, уж опять утро и опять пошел на работу... была бы шея – хомут найдется! Говорят – живете вы, мол, в лесу, пням молитесь, а спроси его, как надо жить – не знает. Видно, живи как батрак: исполняй, что приказано – и шабаш.

И Митрофан действительно прожил всю свою жизнь так, как будто был в батраках у жизни. Нужно было пройти всю ее тяжелую лесную дорогу – Митрофан шел беспрекословно... И разладила его путь только болезнь, когда пришлось пролежать больше месяца в темноте избы, – перед смертью.

– За траву не удержишься! – говорил он мне, снисходительно улыбаясь, когда я советовал ему съездить в больницу.

И кто знает, – не прав ли был он?

«Умер, погиб, не выдержал, – значит, так надо!» думаю я и поднимаюсь, чтобы пойти на воздух. Надев шубу и шапку, подхожу к лампе. На мгновение шум метели за окном смущает меня, но затем я решительно дую на свет.

В темных пустых комнатах, через которые я прохожу, мутно сереют окна. От налетающих вихрей они то светлеют, то темнеют, – совсем как в корабельной каюте в качку. В прихожей холодно, как в сенцах, и пахнет сырой, промерзлой корой дров, заготовленных на топку. Громадная старинная икона божией матери с мертвым Иисусом на коленях чернеет в углу...

На дворе ветер рвет с меня шапку и с головы до ног осыпает меня морозным снегом. Но, ох, как хорошо поглубже вздохнуть холодным воздухом и почувствовать, как легка и тонка стала шуба, насквозь пронизанная ветром! На мгновение я останавливаюсь и делаю усилие взглянуть... Новый порыв ветра прямо в лицо перехватывает мне дыхание, и я успеваю разглядеть только два-три вихря, промчавшихся по просеке в поле. Гул леса вырывается из шума вьюги, как гул органа. Я крепко нагибаю голову, погружаюсь почти по пояс в сугроб и долго иду, сам не зная куда...

Ни деревни, ни леса не видно. Но я знаю, что деревня направо и что в конце ее, у плоского болотного озера, теперь занесенного снегом, – изба Митрофана. И я иду, – долго, упорно и мучительно, – и вдруг в двух шагах от меня вспыхивает сквозь дым вьюги огонек. Кто-то бросается ко мне на грудь и чуть не сбивает меня с ног. Наклоняюсь, – собака, которую я подарил Митрофану. Она отскакивает при моем движении с жалобно-радостным визгом назад и бросается к избе, точно хочет показать, что там делается. А у избы, около окошечка, светлым облаком кружится снежная пыль. Огонек освещает ее снизу, из сугроба. Утопая в снегу, я добираюсь до окна и торопливо заглядываю в него. Там, внизу, в слабо освещенной избе, лежит у окна что-то длинное, белое. Племянник Митрофана стоит, наклонившись над столом, и читает псалтырь. В глубине избы, на нарах, видны в полумраке фигуры спящих баб и детей...

II

Утро. Выглядываю в кусочек окна, не запущенный морозом, и не узнаю леса. Какое великолепие и спокойствие!

Над глубокими, свежими снегами, завалившими чащи елей, синее, огромное и удивительно нежное небо. Такие яркие, радостные краски бывают у нас только по утрам в афанасьевские морозы. И особенно хороши они сегодня, над свежим снегом и зеленым бором. Солнце еще за лесом, просека в голубой тени. В колеях санного следа, смелым и четким полукругом прорезанного от дороги к дому, тень совершенно синяя. А на вершинах сосен, на их пышных зеленых венцах, уже играет золотистый

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.p
солнечный свет. И сосны, как хоругви, замерли под глубоким небом.

Приехали братья из города. Они привезли с собой много бодрости морозного утра. Пока в прихожей обметали венками валенки, обивали от снега тяжелые воротники шуб и вносили покупки в рогожных кулях, пересыпанных сухой снежной пылью, как мукою, в комнатах нахолодилось и металлически запахло морозным воздухом.

– Градусов сорок будет! – с трудом выговаривает кучер, входя с новым кульком. Лицо у него багровое – по голосу чувствуется, что оно задеревенело от морозу, – усы, борода и углы воротника на тулупе смерзлись в ледяные сосульки...

– Митрофанов брат пришел, – докладывает Федосья, просовывая голову в дверь, – тесу на гроб просит.

Я выхожу к Антону, и он спокойно рассказывает о смерти Митрофана и деловито переводит разговор на тес. Равнодушие это или сила?.. Скрипя сапогами по замерзшему снегу на крыльце, мы выходим из дому и, переговариваясь, идем к сараю. Воздух крепко сжат утренним морозом, голоса паши раздаются как-то странно, пар от дыхания вьется при каждом слове, точно мы курим. Тонкий остистый иней садится на ресницы.

– Ну, и денек господь послал! – говорит Антон, останавливаясь у сарая, где уже пригревает, и, щурясь от солнца, глядит на густую зеленую стену хвои вдоль просеки и глубокое: ясное небо над нею, – Эх, кабы и завтра так же! Ладно бы похоронили!

Потом мы отворяем скрипучие ворота насквозь промерзшего сарая. Антон долго гремит досками и наконец взваливает на плечо длинную сосновую тесину. Сильным движением подкинув и поправив ее на плече, он говорит: «Ну, покорнейше благодарим вас!» – и осторожно выходит из сарая. Следы лаптей похожи на медвежьи, а сам Антон идет приседам, принаравливаясь к колебаниям доски, и тяжелая зыбкая доска, перегнувшись через его плечо, мерно покачивается в лад с его движениями. Когда же он, утонув почти по пояс в сугроб, скрывается за воротами, я слышу замирающий скрип его шагов. Вот так тишина! Две галки звонко и радостно сказали что-то друг другу. Одна из них с разлету опустилась на самую верхнюю веточку к густо-зеленой, стройной ели, закачалась, едва не потеряв равновесия, – и густо посыпалась и стала медленно опускаться радужная снежная пыль. Галка засмеялась от удовольствия, но тотчас же смолкла... Солнце поднимается, и все тише становится в просеке...

После обеда все ходят смотреть Митрофана. Деревня тонет в снегу. Снежные, белые избушки расположились вокруг ровной белой поляны, и на этой ярко сверкающей под солнцем поляне очень уютно и пригревает. Домовито пахнет дымком, печеным хлебом. Мальчишки взяты друг друга на ледяшках, собаки сидят на крышах изб... Совсем дикарская деревушка! Вон молодая плечистая баба в замашной рубахе любопытно выглянула из се-нец... Вон худой, похожий на старичка-карлика, дурачок Пашка в дедовской шапке идет за водовозкой. В обмерзлой кадлушке тяжело плескается дымящаяся, темная и вонючая вода, а полозья визжат, как поросенок... Но вот и изба Митрофана.

Какая она маленькая, низенькая, и как все буднично вокруг нее! Лыжи стоят у дверей в сенцы. В сенцах дремлет и жует жвачку корова, Стена избы, выходящая в сенцы, сильно подалась от них, и поэтому дверь надо отворять с большими усилиями. Она отлипает наконец, и в лицо пахнуло теплым избяным запахом. В полумраке стоят несколько баб у печки и, пристально глядя на покойника, шепотом переговариваются. А покойник под коленкором лежит в этой напряженной тишине и слушает, как плаксиво и жалостно читает псалтырь Тимошка.

– Совсем талый! – с умилением говорит одна из баб и, приглашая посмотреть покойника, осторожно приподнимает коленкор.

О, какой важный и серьезный стал Митрофан! Голова маленькая, гордая и спокойно-печальная, закрытые глаза глубоко ввалились, большой нос обреза; большая грудь, приподнятая последним вздохом, точно закаменела, а ниже ее, в глубокой впадине живота, лежат большие восковые руки. Чистая рубаха красиво оттеняет худобу и желтизну. Баба тихо взяла одну руку, – видно, как тяжела эта ледяная рука, – подняла и опять положила. Митрофан остался совершенно равнодушен и продолжал спокойно слушать, что читает Тимошка. Может, он знает даже и то, как ясен и торжественен сегодняшний день, – его последний день в родной деревне?

День этот кажется очень долгим в мертвой тишине Солнце медленно проходит свой небесный путь, и вот красноватый, парчовый луч уже скользнул в полутемную избу и косо озарил лоб покойника, когда же я выхожу из избы на улицу, солнце прячется между стволами сосен за частый ельник, теряя свой блеск.

Опять я бреду вдоль просеки. Снега на поляне и крыше изб, которые точно облиты сахаром, алеют. В просеке, в тени, чувствую, как резко морозит к ночи. Еще чище и нежнее стали краски зеленоватого неба к северу, еще тоньше рисуется мачтовый сосновый лес на его фоне. А с востока уже встала большая бледная луна.

Гаснет закат, она подымается все выше... Собака, с которой я хожу вдоль просеки, забегает иногда в ельник и, выскакивая, вся в снегу, из его таинственно-светлых и темных дебрей, замирает вместе с своей резкой черной тенью на ярко озаренной дороге. Месяц уже высоко... В деревушке – ни звука, робко краснеет огонек из тихой избы Митрофана... И большая, остро содрогающаяся изумрудом звезда на северо-востоке кажется звездой у божьего трона, с высоты которого господь незримо присутствует над снежной лесной страной...

III

А на следующий день понесли гроб Митрофана по лесной дороге к селу.

Воздух по-прежнему был резок и морозен, и миллионы мельчайших игл и крестиков тускло поблескивали на солнце, кружась в воздухе. Бор и воздух слегка затуманивались, – только на горизонте к югу ясно и зелено было ледяное небо. Снег пел и визжал под санями, когда я бежал на лыжах в село. Там я долго мерз на паперти, пока наконец увидел среди белой сельской улицы белые зипуны и белый большой гроб из новою тесу. Отворили дверь в церковь, откуда вместе с запахом воска тоже пахло холодом: бедная лесная церковка промерзла вся насквозь, весь иконостас и все иконы побелели от густого метеного инея. И когда она наполнилась сдержанным гонором, стуком шагов и паром от дыхания, когда с трудом опустили желтый разлтый гроб на пол, торопливым, простуженным голосом заговорил и запел священник. Жидкие синеватые струйки дыма вились над гробом, из которого страшно выглядывал острый коричневый нос и лоб в венчике. Кадило в руках священника было почти пусто, дешевый ладан, брошенный в еловые уголья, издавал запах лучины, а сам священник, повязанный по ушам платком, был в больших валенках и в старом мужицком полушубке, поверх которого торчала старая риза. Он, наперебой с дьячком, в полчаса справил службу и только «со святыми упокой» пропел не спеша и стараясь придать своему голосу трогательные оттенки, – печаль о бренности всего земного и радость за брата, отошедшего, после земного подвига, в лоно бесконечной жизни, «иде же праведные упокоеваются». Напутствуемый протяжным пением, гроб с мерзлым покойником вынесли из церкви, пронесли его по улице и за селом, на пригорке, опустили в неглубокую яму, которую и закидали мерзлой глинистой землей и снегом. В снег воткнули елочку и, покряхтывая от мороза, торопливо разошлись и разъехались.

Глубокая тишина царила теперь на лесной полянке, по которой торчало из сугробов несколько низких деревянных крестов. Беззвучно кружились в воздухе бесчисленные морозные остинки, где-то высоко над головой тянул сдержанный, глухой и глубокий гул: так шумит под вечер в отдалении море, когда оно скрыто за горами. Мачтовые сосны, высоко поднявшие на своих глинисто-красноватых голых стволах зеленые кроны, тесной дружиной окружали с трех сторон пригорок. Под ним широко синела еловыми лесами низменность.

Длинный земляной бугор могилы, пересыпанный снегом, лежал на скате у моих ног. Он казался то совсем обыкновенной кучей земли, то значительным – думающим и чувствующим. И, глядя на него, я долго силился поймать то неуловимое, что знает только один бог, – тайну ненужности и в то же время значительности всего земного. Потом я крепко двинул лыжи под гору. Облако холодной снежной пыли взвилось мне навстречу, и по всему девственно-белому, пушистому косогору правильно и красиво прорезались два параллельных следа. Не удержавшись, я упал под горой в густой и необыкновенно зеленый ельник, набил в рукава снегу. Задевая за ельник, я быстро пошел зигзагами между его кустами. Траурные сороки с резким стрекотанием, игриво качаясь в воздухе, перелетали над ними. Минуты текли за минутами – я все так же равномерно и ловко совал ногами по снегу. И уже ни о чем не хотелось думать. Тонко пахло свежим снегом и хвоей, славно было чувствовать себя близким этому снегу, лесу, зайцам, которые любят объедать молодые побеги елочек... Небо мягко затуманивалось чем-то белым и обещало долгую тихую погоду... Отдаленный, чуть слышный гул сосен сдержанно и немолчно говорил и говорил о какой-то вечной, величавой жизни...

1901

– Напрасно уезжаете! – говорят мне знакомые, поздним вечером прощаясь со мной на вокзале. – Добрые люди только съезжаются в Петербург. Чего вы там не видали? лесов, сугробов? А потом еще эта новая дорога, на которой дня не проходит без крушений!

– Бог милостив! – отвечаю я.

Провожаящие пожимают плечами. Наступают те неприятные минуты разлуки, когда сказать уже нечего, улыбки делаются фальшивыми, а время начинает идти страшно медленно.

Наконец раздается второй звонок. Махая шляпами, провожающие уходят и, оборачиваясь, кланяются уже с искренней приветливостью.

– Готово! – кричит кто-то около паровоза, и паровоз тяжело стучается буферами в вагоны. Слышно, как он сдержанно сипит горячим паром, изредка кидая клубы дыма, и платформа пустеет. Остаются только высокий красивый офицер с продолговатым, нагло-серьезным лицом в полубачках, и дама в трауре. Дама кутается в ротонду и тоскливо смотрит на офицера заплаканными черными глазами. Потом с неловкой поспешностью очень сытого человека проходит большой рыжеусый помещик с ружьем в чехле и в оленьей дохе поверх серого охотничьего костюма, а за ним приземистый, но очень широкий в плечах генерал. Потом из конторы быстро выходит начальник станции... Он только что вел с кем-то неприязненный спор и поэтому, резко скомандовав: «Третий», так далеко швыряет папиросу, что она долго прыгает по платформе, рассыпая по ветру красные искры. И тотчас: же на всю платформу звонит гулкий вокзальный колокол, раздаются гремучие свистки оберкондуктора, мощные взрывывания паровоза – и мы плавно трогаемся.

Офицер идет по платформе, раскланиваясь, ускоряя шаги и все более отставая от вагонов; паровоз отрывистее и резче кидает из-под цилиндров горячим паром... Но вот мелькнул последний фонарь платформы, офицера точно сдернуло – и поезд очутился в темноте. Она сразу развернулась, усеянная тысячами золотых огней в предместьях а поезд уверенно несется в нее мимо товарных складов и вагонов, грозно предупреждая кого-то дрожащим ревом. Светлые отражения окон все быстрее бегут по рельсам и шпалам, ускользающим в разные стороны, потом по снегу. Скоро в вагоне станет тепло и уютно, и, беспорядочно громоздя вещи по диванам, пассажиры начнут располагаться на ночь. Седой, строгий, но очень вежливый старичок-кондуктор в пенсне на кончике носа не спеша проходит среди этой тесноты и пунктуально переписывает билеты, наклоняясь к фонарику своего помощника.

Воздух в полях, после города, кажется необыкновенным, – и, как всегда, я до поздней ночи стою в сенях вагона, отворив боковую дверь, и напряженно гляжу против ветра в темные снежные поля. Вагон дрожит и дребезжит от быстрого бега, ветер сыплет в лицо снежной пылью, свет фонаря в сенях прыгает, мешаясь с тенями. И, качаясь, я хожу от двери к двери по холодным сеням, уже побелевшим от снега... Прежде в пути всегда хотелось петь, кричать под грохочущий марш поезда. Теперь не то. Плывут, бегут смутные силуэты холмов и кустарников, с мгновенным глухим ропотом проносятся под колесами чугунные мостики, в далеких, чуть белеющих полях мелькают огоньки глухих деревушек. И, шурясь от ветра, я с грустью гляжу в эту темную даль, где забытая жизнь родины мерцает такими бледными тихими огоньками...

Возвратясь в вагон, вижу в полусумраке фигуры лежащих; тесно от шуб и поднятых спинок диванов, пахнет табаком и апельсинами... Согреваясь после холодного ветра, долго смотрю полузакрытыми глазами, как покачивается меховое пальто, повешенное у двери, и думаю о чем-то неясном, что сливается с дрожащим сумраком вагона и незаметно убаюкивает. Славная вещь – этот сон в пути! Сквозь дремоту чувствуешь иногда, что поезд затихает. Тогда слышатся громкие голоса под окнами, шарканье ног по каменной платформе, а в вагоне – ровное дыхание и храп спящих. Что-то беспокоит глаза... Это тусклый и лучистый, желтоватый блеск замерзшего окна, за которым вокзальный фонарь. Он мутно и неприятно озаряет сумрак вагона.

– Не знаете, какая станция? – спрашивает кто-то странным испуганным голосом...

Потом звонок бьет где-то далеко-далеко, усыпительно, хлопают двери вагонов, и доносится жалобный гул паровоза, напоминающий о бесконечной дали и ночи. Что-то начинает вздрагивать и поталкивать под бок; металлически-лучистый блеск фонарей проходит по стеклам и гаснет; пружины дивана покачиваются все ровнее и ровнее, и наконец непрерывно возрастающий бег поезда снова погружается в дремоту...

Внезапное прикосновение чьей-то руки извещает перед утром о пересадке. Испуганно вскакиваю, торопливо забираю вещи и через большую, но сонную и тускло освещенную станцию иду на какую-то длинную платформу, занесенную свежим глубоким снегом, к маленькому поезду, составленному из самых разнокалиберных вагонов...

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
Новая дорога! Тишина, маленькие вагоны, душистый дым березовых дров, запах хвои...
Славно!

В полудремоте попадаю в вагон-микст, тесный, с квадратными окнами, и тотчас же снова крепко засыпаю. И к утру уже оказываюсь далеко от Петербурга. И начинается настоящий русский зимний путь, один из тех, о которых совсем забыли в Петербурге...

II

Будит меня чей-то мучительный кашель. Открываю глаза: вижу станового, старого служаку в рыжей енотовой шубе поверх серой полицейской шинели. От натуги глаза у него вытаращены и полны слез, обветренное лицо красно, седые усы взъерошены. Он необыкновенно жарко раскурил огромнейшую папиросу из дешевого крепкого табаку, а в старом вагончике и без того сумрачно, потому что окна полусасыпаны снегом. Поезд трясет и гремит, как телега.

– Вот так кашель! – говорит становой, отдуваясь, так просто и добродушно, точно мы росли вместе. – Только и полегчает, когда немножко покуришь!

«Ну, значит, Петербург далеко!» – думаю я и заглядываю в окна. О, какой белый, чистый снег! Белое безжизненное небо и белое бесконечное поле с кустарниками и перелесками. Проволоки телеграфных столбов лениво плывут за окнами, точно им скучно подыматься, опускаться и вытягиваться вслед за поездом, а столбам надоело бежать за ними. Поезд на подъемах скрипит и качается, а под уклоны бежит, как старик, пустившийся догонять кого-нибудь. Однообразно белеют поля, машет вдали крыльями птица, чернеют кустарники и деревушки – и все это кругами уходит назад. Ветер лениво развеивает дым паровоза, и кустарники, по которым расстилается этот дым, будто курятся и плавают по снежному полю...

Пассажиров, кроме меня и станового, который, впрочем, скоро слезет на разъезде, всего-навсего один: бородатый коренастый старик – железнодорожный артельщик с сумкой через плечо, похожий на уездного лавочника. Он усердно занимается насыпкой папирос и чаепитием, все утро слышно, как он с наслаждением схлебывает с блюдечка горячую жидкость.

– Не угодно ли-с? – говорит он, указывая глазами на жестяной чайник. – А то что ж на вокзалах-то платить по гривеннику за стаканчик!

Около двери, где я помещаюсь, по ногам несет холодом; сижу, закутавши колени, и смотрю то на свежие выемки около линии, то на новенькие тесовые станции и разъезды, то на белое поле с перелесками, и кажется, что стволы деревьев трепещут и сливаются, а весь перелесок идет кругом: ближние деревья, трепеща, бегут назад, а дальние постепенно заходят вперед... Потом мы с артельщиком пьем чай, потом я отправляюсь бродить по вагонам и площадкам... Необыкновенно приятно смотреть на мелькающий в воздухе снег: настоящей Русью пахнет!

Станции и разъезды часты, но они теряются среди окружающего их пустынного и огромного пейзажа зимних полей. Еще не завладела новая дорога краем и не вызвала к себе его обитателей. Постоит поезд на пустой станции и опять бежит среди перелесков... Едем все же с опозданием: стояли в поле, и никто не знал почему, и все сидели в томительном ожидании, слушая, как уныло шумит ветер за стенами неподвижных вагонов и как жалобно кричит бочкообразный паровоз, имеющий манеру трогать с места так, что пассажиры падают с диванов. Качаясь на неровном бегу поезда, я хожу из вагона в вагон и везде вижу обычную жизнь русского захолустного поезда. В первом и втором классе пусто, а в третьем – мешки, полушубки, сундуки, на полу сор и подсолнухи, почти все смят, лежа в самых тяжелых и безобразных позах. Неспящие сидят и до одурения накуриваются; жаркий воздух синеет от едкого и сладковатого дыма махорки. Один лотерейщик, молодой нор с бегаящими глазами, не дремлет. Он собирает в кучку мужиков и полупьяных рабочих, и они, пробуя свое счастье, изредка, точно на смех, выигрывают то карандаш в две копейки, то какой-нибудь бокал из дутого стекла. Слышится спор и говор, неистово кричит ребенок, поезд стучит и гроыхает, а солдат, в новой ситцевой рубаше и в черном галстуке, сидит над спящими на своем сундучке и, поставив ногу на противоположную лавочку, с бессмысленными глазами и вытянутой верхней губой, рычит на тульской гармонике: «Чудный месяц плывет над рекою»...

– Станция Белый Бор, остановки восемь минут... – кричит кондуктор, рослый мужик в тяжелой длинной шинели, и, проходя по нашему вагону, с такой силой хлопает дверями, точно хочет заколотить их навек.

Это значит, что начинаются леса. После Белого Бора через две станции – уездный город, по имени которого и называются эти леса, смешанное чернолесье и красноелесье. Проходит еще час, полтора – и вдали, из-за леса, показываются главы и кресты монастыря, которым далеко известен этот город. Бор вокруг него вырубает нещадно, новая дорога идет как завоеватель, решивший во что бы то ни стало

расчистить лесные чащи, скрывающие жизнь в своей вековой тишине. И долгий свисток, который дает поезд, проходя перед городом по мосту над лесной речкой, как бы извещает обитателей этих мест об этом шествии.

На несколько минут вокруг нас закипает суматоха. За деревянным, кирпичного цвета вокзалом видны тройки, громяхают бубенчики, кричат наперебой извозчики; зимний день сер и тепел, и похоже на масленицу. По платформе гуляют барышни и молодые люди, среди которых дает тон высокий телеграфист, местный красавец, фронт в дымчатом пенсне и кавказской папахе. Двери в вагоне поминутно растворяются, со двора несет холодом, пахнет снегом и хвойным лесом. Статный лакей в одном фраке и без шапки носит жареные пирожки, и странно видеть среди леса его крахмальную рубашку и белый галстук. В наш вагон набирается много барышень, которые кого-то провожают и шепчутся, играя глазами; купец с подушкой ломится к своему месту, давя на пути все встречное, а худой и очень высокий священник, запыхавшись и сдвинув с потного лба на затылок бобровую шапку, вбегают в вагон и убегает, униженно прося носильщика о помощи. Он укладывает бесчисленное количество узлов и кулек на диваны и под диваны, извиняется перед всеми за беспокойство и притворно-весело бормочет:

– Ну, теперь так! Вот это сюда... А вот это, я думаю и под лавочку можно... Я не потревожу вас? Ну, и чудесно покорнейше благодарю!

В толпе ковыляет хромой разносчик с корзиной лимонов, монашенки с убитыми лицами жалобно просят на обитель... Вагон везет назад и опять останавливают. Долго слышится, как кондуктора переругиваются и гремят по окнам сигнальной веревкой, протягивая ее от паровоза по поезду... Наконец поезд трогается.

И опять перед окнами мелькают березы и сосны в снегу, поля и деревушки, а над ними – серое небо...

III

Эти березы и сосны становятся все неприветливее; они хмурятся, собираясь толпами все плотнее и плотнее. Идет молодой легкий снежок, но от сплошных чашей в вагонах темнеет, и кажется, что хмурится и погода. Омрачается и радость возвращения к тихому лесному дню... Новая дорога все дальше уводит в новый, еще неизвестный мне край России, и от этого я еще живее чувствую то, что так полно чувствовалось в юности: всю красоту и всю глубокую печаль русского пейзажа, так нераздельно связанного с русской жизнью. Новую дорогу мрачно обступили леса и как бы говорят ей:

– Иди, иди, мы расступаемся перед тобой. Но неужели ты снова только и сделаешь, что к нищете людей прибавишь нищету природы?

Зимний день в лесах очень короток, и вот уже синют за окнами сумерки, и мало-помалу заползает в сердце беспричинная, смутная, настоящая русская тоска. Петербург представляется далеким оазисом на окраине огромной снежной пустыни, которая обступила меня со всех сторон на тысячи верст. Вагон опять пустеет. Опять со мною только артельщик и двое спящих, – кавалерист и помощник начальника станции. Кавалерист, молодой человек в крепко натянутых рейтузах, спит как убитый, богатырски растянувшись на спине; помощник лежит вниз лицом, слабо покачиваясь, точно приноравливаясь к толчкам бегущего поезда. И тяжело смотреть на его старое пальто и старые калоши, сносившиеся с дивана.

Все сгущается сумрак в холодном, дребезжащем, неуклюжем вагоне. Мелькают стволы высоких сосен в сугробах, толпами теснятся на пригорках монахини-елочки в своих черных бархатных одеждах... Порою чаша расступается, и далеко разворачивается унылая болотная низменность, угрюмо синет амфитеатр лесов за нею, и полосой дыма висит молочно-свинцовый туман над лесами. А потом снова около самых окон зачистят сосны и ели в снегу, глухими чашами надвинется чернолесье, потемнеет в вагоне... Стекла в окнах дребезжат и перезванивают, плавно ходит на петлях не притворенная в другое отделение дверь, а колеса, перебивая друг друга, словно под землей, ведут свой торопливый и невнятный разговор.

– Болтайте, болтайте! – важно и задумчиво говорят им угрюмые и высокие чащи сосен. – Мы расступаемся, но что-то несете вы в наш тихий край?

Огоньки робко, но весело светят в маленьких новых домиках лесных станций. Новая жизнь чувствуется в каждом из них. Но в двух шагах от этого казенного домика начинается совсем другой мир. Там чернеют затерянные среди лесов редкие поселки темного и унылого лесного народа. На платформах стоят люди из этих деревушек, – несколько нищих в рваных полушубках, лохматых, с простуженными горлами, но таких смиренных и с такими чистыми, почти детскими глазами. Опустив кнуты, они выглядывают пассажира почти безнадежно, потому что на несколько человек из них редко приходится даже один пассажир. И, тупо глядя на поезд, они тоже как бы говорят ему своими взглядами:

– Делайте, как знаете, – нам податься некуда. А что из этого выйдет, мы не

знаем.
Гляжу и я на этот молодой, замученный народ... на великую пустыню России
медленно сходит долгая и молчаливая ночь...

Ночь эта будет теплая, с мягко падающим, ласковым снежком. На минуту поезд
останавливается перед длинным и низким строением на разъезде. Освещенные
окошечки его, как живые глаза, выглядывают из векового соснового леса,
занесенного снегами. Паровоз, лязгая колесами по рельсам, плавно прокатывает
мимо поезда, приводит к нему десяток товарных вагонов и двумя жалобными криками
объявляет, что он готов. Крики гремучими переливами далеко бегут по лесной
округе, перекликаясь друг с другом...

– Сейчас нехорошее место будет! – со вздохом говорит стоящий за мной на
площадке вагона мещанин. – Тут сейчас подъем версты к три, а потом насыпь.
Смотреть жутко! Тут дня не проходит без беды...

Я смотрю, как уходят от нас и скрываются в лесу огоньки станций. «Какой
стране принадлежу я, одиноко скитающийся? – думается мне. – Что общего осталось
у нас с этой лесной глушью, она бесконечно велика, и мне ли разобраться в ее
печалях, мне ли помочь им? Как прекрасна, как девственно богата эта страна!
Какие величание и мощные чащи стоят вокруг, тихо задремывая в эту теплую
январскую ночь, полную нежного и чистого запаха молодого снега и зеленой хвои! И
какая жуткая даль!»

Я гляжу вперед, на этот новый путь, который с каждым часом нее неприветливее
встречают угрюмые леса. Стиснутая черными чащами и освещенная впереди паровозом,
дорога похожа на бесконечный туннель. Столетние сосны замыкают ее и, кажется, не
хотят пускать вперед поезд. Но поезд борется: равномерно отбивая такт тяжелым,
отрывистым дыханием, он, как гигантский дракон, вползает по уклону, и голова его
изрыгает вдали красное пламя, которое ярко дрожит под колесами паровоза на
рельсах и, дрожа, злобно озаряет угрюмую аллею неподвижных и безмолвных сосен.
Аллея замыкается мраком, по поезд упорно подвигается вперед. И дым, как хвост
кометы, плывет над ним длинною белесою грядой, полной огненных искр и окрашенной
из-под низу кровавым отражением пламени.

1901

Туман

Вторые сутки мы были в море. На рассвете первой ночи мы встретили густой
туман, который закрыл горизонты, задымил мачты и медленно возрастал вокруг нас,
сливаясь с серым морем и серым небом. Была зима, но все последние дни стояла
оттепель. На Кавказских горах таяли снега, а море дышало обильными предвесенними
испарениями. И вот ранним сумрачным утром машина внезапно затихла, а пассажиры,
разбуженные этой неожиданной остановкой, гремучими свистками и топотом ног по
палубе, полусонные, озябшие и встревоженные, один за другим стали появляться у
рубки. Шел беспорядочный говор, а серые космы тумана, как живые, медленно ползли
по пароходу.

Помню, что вначале это сильно беспокоило. Колокол почти непрерывно звонил на
баке, из трубы с тяжким хрипом вырывался угрожающий рев; и все тупо смотрели на
растущий туман. Он вытягивался, изгибался, плыл дымом и порою так густо окутывал
пароход, что мы казались друг другу призраками, двигающимися во мгле. Похоже
было на хмурые осенние сумерки, когда неприятно дрогнешь от сырости и
чувствуешь, как зеленеет лицо. Потом туман сделался немного светлее, ровней и,
значит, безнадежнее. Пароход снова шел, по так робко, что дрожь от работающей
машины была почти беззвучна. Не переставая звонить, он направлялся теперь все
дальше от берегов, к югу, где непроницаемая густота тумана наливалась уже
настоящими сумерками, – тоскливой аспидной мутью, за которой в двух шагах
чудился конец света, жуткая пустыня пространства. С рей, с навесов и снастей
капала вода. Мокрая угольная пыль, летевшая из трубы, черным дождем сыпалась
возле нее. Хотелось хоть что-нибудь рассмотреть в ненастной дали, но туман
окутывал, как сон. притуплял слух и зрение; пароход был похож на воздушный
корабль, перед глазами была серая муть, на ресницах – холодная паутина, и
матрос, который курил невдалеке от меня, обсасывая мокрые соленые усы, казался
мне порою таким, точно я видел его во сне... В шесть часов мы снова стали.

Вспыхнуло сквозь туман живым глазком электричество в фонаре на мачте,
черными клубами величаво повалил дым из жерла тяжелой и приземистой трубы и

повис в воздухе. Колокол без смысла и однообразно звонил на носу где-то мрачным и тоскливым голосом простионала «сирена»... может быть, и не существующая, а созданная напряженным слухом, которому всегда чудится что-нибудь в таинственной безбрежности тумана... Туман темнел все угрюмее. Вверху он сливался с сумраком неба, внизу бродил вокруг парохода, едва касаясь воды, которая слабо плескалась в паровые бока. Наступала долгая зимняя ночь. Тогда, чтобы вознаградить себя за тоскливый день, истомивший всех ожиданиями беды, пассажиры сбились вместе с моряками в кают-компанию. Вокруг парохода была уже непроглядная тьма, а внутри его, в нашем маленьком мирке, было светло, шумно илюдно. Играли в карты, пили чай, вина, лакеи бегали из буфета в буфет, хлопая пробками. Я лежал внизу, в своем помещении, слушал топот ног, раздававшийся над головою. Кто-то заиграл манерно-печальный модный вальс на пианино, и мне захотелось на люди. Я оделся и вышел.

Должно быть, всем было весело в тот вечер. По крайней мере, казалось так, и было приятно, что вечер прошел незаметно. Все забыли про туман и опасности, танцевали, пели, ходили с сияющими глазами. Потом устали и захотели спать... И большая, душная и жаркая кают-компания, в которой уже болезненно-ярко блестели огни, наконец опустела. А когда я заглянул туда через полчаса, то там был уже полный мрак, как почти и всюду на пароходе. Сверху доносился иногда звон колокола и был очень странен в наступившей тишине. Потом и он стал слышен все реже и реже... И все точно вымерло.

Я прошелся внизу, по коридорам, посидел в рубке, прислоняясь к холодной мраморной стене... Вдруг и в ней погасло электричество, а я сразу точно ослеп. Внутренне напевая то, что пели и играли в этот вечер, я ощупью добрался до трапа, поднялся на несколько ступеней к верхней палубе – и остановился, пораженный красотой и печалью лунной ночи.

О, какая странная была эта ночь! Был уж очень поздний, – может быть, предрассветный час. Пока мы пели, пили, говорили друг другу вздор и смеялись, здесь, в этом чуждом нам мире неба, тумана и моря вззошла кроткая одинокая и всегда печальная луна, и воцарилась глубокая полночь... совершенно такая же, как пять – десять тысяч лет тому назад. – Туман тесно стоял вокруг, и было жутко глядеть на него. Среди тумана, озаряя круглую прогалину для парохода, вставало нечто подобное светлomu мистическому видению: желтый месяц поздней ночи, опускаясь на юг, замер на бледной завесе мглы и, как живой, глядел из огромного, широко раскинутого кольца. И что-то апокалиптическое было в этом круге... что-то неземное, полное молчаливой тайны, стояло в гробовой тишине, – во всей этой ночи, в пароходе и в месяце, который удивительно близок был на этот раз к земле и прямо смотрел мне в лицо с грустным и бесстрастным выражением.

Медленно поднялся я на последние ступеньки трапа и прислонился к его перилам. Подо мной был весь пароход. По выпуклым деревянным мосткам и палубам тускло блестели кое-где продольные полосы воды, – следы тумана. От перил, канатов и скамеек, как паутина, падали легкие дымчатые тени. В середине парохода, в трубе и машине, чувствовалась колоссальная и надежная тяжесть, в мачтах – высота и зыбкость. Но весь пароход все-таки представлялся легко и стройно выросшим кораблем-привидением, оцепеневшим на этой бледно освещенной прогалине среди тумана. Вода низко и плоско лежала перед правым бортом. Таинственно и совершенно беззвучно колеблясь, она уходила в легкую дымку под месяц и поблескивала в ней, словно там появлялись и исчезали золотые змейки. Блеск этот терялся в двадцати шагах от меня, – дальше он мерцал уже чуть видно, как мертвый глаз. А когда я смотрел вверх, мне опять чудилось, что этот месяц – бледный образ какого-то мистического видения, что эта тишина тайна, часть того, что за пределами познаваемого...

Внезапно зазвонили на баке в колокол. Звуки уныло побежали один за другим, нарушая молчание ночи, и тотчас же послышался где-то впереди смутный шум и ропот. Мгновенно предчувствие опасности заставило меня впитаться глазами в сумрачный туман, и вдруг кровавый сигнальный огонь, похожий на крупный рубин, вырос из тумана и стал быстро приближаться к нам. Под ним мутно-золотыми пятнами расплывались и шли длинной цепью освещенные окна, а в шуме колес, который был похож сперва на приближающийся шум каскада, уже выделялись звуки быстро вертящихся лопастей, и можно было различить, как шипит и сыплется вода. Вахтенный на нашем пароходе с поспешностью очнувшегося от сна человека машинально и нескладно забил в колокол, а затем тяжело захрипела труба, и из нее с трудом пробился широкий и мрачный гул потрясающий весь остов парохода. Из тумана раздался тогда ответный голос, похожий на гулкий крик паровоза, но он быстро затерялся в тумане, а за ним медленно стал таять и шум колес, и красный сигнальный огонь. В этом крике и шуме чувствовалось что-то задорное и суетное, – верно, и капитан встречного парохода был молод и дерзок, – но что значила эта суетная смелость перед лицом такой ночи!

«Где мы?» – пришло мне в голову. Вахтенные, вероятно, уже снова дремлют, пассажиры спят непробудным сном, – туман сбил меня с толку... Я не представляю себе, где мы, потому что в этих местах на Черном море я никогда не бывал... Я не понимаю молчаливых тайн этой ночи, как и вообще ничего не понимаю в жизни. Я совершенно одинок, я не знаю, зачем я существую. И зачем эта странная ночь, и зачем стоит этот сонный корабль в сонном море? А главное – зачем все это не просто, а полно какого-то глубокого и таинственного значения?

Околдованный тишиной ночи, тишиной, подобной которой никогда не бывает на земле, я отдавался в ее полную власть. На мгновение мне почудилось, что в невыразимой дали где-то прокричал петух... Я усмехнулся. «Этого не может быть», – подумал я с какой-то странной радостью; и все, чем я жил когда-то, показалось мне таким маленьким и жалким! Если бы в этот час выплыла на месяц наяда, – я не удивился бы... Не удивился бы, если бы утопленница вышла из воды и, бледная от месяца, села в лодку, спущенную около окон пассажирских кают... Теперь месяц смотрит прямо в эти круглые окошечки и озаряет угасающим светом спящих, а они лежат, как мертвые... Не разбудить ли кого-нибудь? Но нет, – зачем? Мне никто не нужен теперь, и я никому не нужен, и все мы чужды друг другу...

И невыразимое спокойствие великой и безнадежной печали овладело мною. Думал я о том, что всегда влекло меня к себе, – о всех живших на этой земле, о людях древности, которых всех видел этот месяц и которые, верно, казались ему всегда настолько маленькими и похожими друг на друга, что он даже не замечал их исчезновения с земли. Но теперь и они были чужды мне: я не испытывал моего постоянного и страстного стремления пережить все их жизни, – слиться со всеми, которые когда-то жили, любили, страдали, радовались и прошли и бесследно скрылись во тьме времен и веков. Одно я знал без всяких колебаний и сомнений, – это то, что есть что-то высшее даже по сравнению с глубочайшею земною древностью... может быть, та тайна, которая молчаливо хранилась в этой ночи... И впервые мне пришло в голову, что, может быть, именно то великое, что обыкновенно называют смертью, заглянуло мне в эту ночь в лицо, и что я впервые встретил ее спокойно и понял так, как должно человеку...

Утром, когда я открыл глаза и почувствовал, что пароход идет полным ходом и что в открытый люк тянет теплый, легкий ветерок с побережий, я вскочил с койки, снова полный бессознательной радости жизни. Я быстро умылся и оделся и, так как по коридорам парохода громко звонили, сзывая к завтраку, распахнул дверь каюты и, весело стуча ярко вычищенными сапогами по трапу, побежал наверх. Улыбаясь, я сидел потом на верхней палубе и чувствовал к кому-то детскую благодарность за все, что должны переживать мы. И ночь и туман, казалось мне, были только затем, чтобы я еще более любил и ценил утро. А утро было ласковое и солнечное, – ясное бирюзовое небо весны сияло над пароходом, и вода легко бежала и плескалась вдоль его бортов.

1901

Тишина

Мы приехали в Женеву под дождем, ночью, но к рассвету от дождя осталась только свежесть в воздухе. Отворив дверь на балкон, мы почувствовали упоительную прохладу раннего осеннего утра. В улицах таял молочный туман с озера, солнце тускло, но уже бодро блистало в тумане, а влажный ветер тихо покачивал кроваво-красные листья дикого винограда на столбах балкона. Мы умылись и оделись быстро и вышли из отеля, освеженные крепким сном, готовые на какие угодно скитания и с молодым предчувствием чего-то хорошего, что сулит нам день.

– Славное утро опять послал нам бог! – сказал мне товарищ. – Ты заметил, что первый день после нашего приезда куда-нибудь – непременно погожий? Не курить, есть только молоко, зелень, жить на воздухе и просыпаться вместе с солнцем – как это облагораживает дух! Скоро об этом будут говорить не доктора, а поэты... Не кури, не кури – это дает ощущение, давно не испытанное, ощущение чистоты и юношеской свежести.

Но где озеро? И на минуту мы остановились в недоумении. Вдалеке нее было в легком светлом тумане, а мостовая в конце улицы блестела под солнцем, как золотая. И мы быстро пошли к тому, что казалось мокрой и блестящей мостовой.

Солнце на пустой набережной уже сильно пригревало сквозь туман, и все сияло передо глазами. Но долины, озеро и дальние Савойские горы еще дышали холодом.

Выйдя на набережную, мы невольно остановились в том радостном изумлении, которое испытываешь всегда, внезапно увидев простор моря, озера или долин с высоты. Савойские горы таяли в светлом утреннем пару, и под солнцем едва можно было различить их: приглядишься – и уже только тогда увидишь тонкую золотистую линию хребта, вырезающуюся в небе, а потом почувствуешь и самую массивность горных громад. Вблизи, в огромном пространстве долины, в прохладной и влажной свежести тумана, лежало голубое, прозрачное и глубокое озеро. Оно еще дремало, как дремали и косые паруса лодок, столпившихся у города. Точно серые поднятые крылья возвышались они в воздухе, но были еще беспомощны в тишине утра. Две – три чайки низко и плавно скользнули над водой, и одна из них вдруг блеснула мимо нас и метнулась в улицу. Мы разом обернулись за ней и видели, как она, испуганная непривычным зрелищем, сделала резкий и быстрый поворот назад... Счастливы люди, в города которых залетают чайки в солнечное утро!

И пас потянуло в горы, на озеро, куда-то вдаль... Пока испарялся туман, мы сходили в город, купили в кабачке вина и сыру, полюбовались чистотой и приветливостью улиц, живописными тополями и платанами в тихих золотых садах. Бирюзовое небо стало уже ярко и чисто над ними.

– Знаешь, – говорил мне товарищ, – мне часто не верится, что я действительно в тех местах, о которых, бывало, только мечтал, глядя па карту, и все хочется напомнить себе об этом. Чувствуешь ты, что вот за этими горами, так близко от нас – Италия? Чувствуешь ты юг в этой удивительной осени? А вон Савоя – родина тех самых мальчиков-савояров с обезьянками, о которых читал в детстве такие трогательные истории!

У мостков пристани дремали па солнце и лодки и лодочники. В голубой прозрачной воде видны были песчаное дно, сваи и кили лодок. Было совсем летнее утро, и только по тому спокойствию, которое царило в прозрачном воздухе, чувствовалось, что это спокойствие последних дней осени. От тумана не осталось и следа, озеро было необыкновенно далеко видно по долине. И, сняв пиджаки, мы засучили рукава и взялись за весла. Пристань отошла, стала отдаляться. Уходил и сиявший под солнцем город, набережная, парки... Впереди вода блестела ослепительно, около лодки становилась все глубже, тяжелей и прозрачней. Весело было погружать в нее весла, чувствовать ее упругость и смотреть, как взлетают из-под весел брызги. А когда я оглядывался, я видел раскрасневшееся лицо моего спутника и глубокую ширь, вольно и спокойно лежавшую среди покатых гор, покрытых желтеющими лесами, виноградниками и виллами в парках. На минуту мы опустили весла – и наступила глубокая тишина. Прикрыв глаза, мы долго слышали только однообразное журчание воды, бегущей вдоль бортов лодки. И даже по звуку можно было угадать, как чиста и прозрачна она

– Едем? – спросил я.

– погоди – слушай!

Я совсем поднял весла, и журчание стало медленно замирать. С весел упала капля, другая... Солнце все жарче пригревало нам лица... И вот издали издали долетел до нас мерный и звонкий голос колокола, одиноко звонившего где-то в горах. Так далеко был он, что порою мы едва улавливали его.

– Помнишь колокол Кельнского собора? – вполголоса спросил меня товарищ. – Я проснулся раньше тебя еще утренняя заря чуть брезжила, – стал у раскрытого окна и долго слушал, как он одиноко и звонко кричал над своим старым городом. Помнишь орган в соборе и всю средневековую красоту его? Рейн, старые города, старые картины, Париж... Но это не то, это лучше...

Звон колокола, чистый и нежный, доносился до нас, сладко было слушать его, сидеть с закрытыми глазами и чувствовать ласку солнца на лице и мягкую прохладу от воды. С отдаленным, глухим и сердитым ропотом колес прошел верстах в двух от нас весь белый и сверкающий пароходик. Плавные, стекловидные перебаты воды долго и широко бежали к нам и наконец ласково заколыхали лодку.

– Вот мы и в горах, – сказал мне товарищ, когда пароход стал, сокращаясь, удаляться. – Жизнь осталась где-то там, за этими горами, а мы вступаем в благословенную страну той тишины, которой нет имени на нашем языке.

Медленно работая веслами, он говорил и слушал, а озеро все шире обнимало нас. Звон колокола казался то ближе, то дальше.

«Где-то в горах, – думал я, – приютилась маленькая колокольня и одна славит своим звонким голосом мир и тишину воскресного утра, призывая идти к ней по горным тропинкам, над голубым озером...»

Далеко по горам пестрели нежными осенними красками леса и рощи, одиноко проводили ясный осенний день живописные виллы в садах... Чтобы вымыть стакан, я зачерпнул в него воды и бросил ее в воздух. Она взвилась и блеснула в воздухе.

– Помнишь ты «Манфреда»? – сказал товарищ. – Манфред в Бернских Альпах, у водопада. Полдень. Он произносит заклинания, берет в пригоршни воды и бросает ее в воздух. В радуге водопада появляется Дева Гор... Как это прекрасно! Вот сейчас я

подумал, что влаги можно поклоняться, как поклонялись огню... До чего это понятно – обожествление природы! Какое это великое счастье – жить, существовать в мире, дышать, видеть небо, воду, солнце! И все же мы несчастны! В чем дело? В кратковременности нашей, в одиночестве, в неправильности нашей жизни? Вот на этом озере были когда-то Шелли, Байрон... потом Мопассан, одинокий и носивший в своем сердце жажду счастья целого мира. И все мечтатели, все любившие и молодые когда-то, все, которые приходили сюда за счастьем, все уже прошли и скрылись навсегда. Так пойдем и мы с тобой... Хочешь вина?

Я поставил стакан, он налил и прибавил с грустной улыбкой:

– Мне кажется, что когда-нибудь я сольюсь с этой предвечной тишиной, у преддверия которой мы стоим, и что счастье только в ней. Помнишь Ибсена: «Ты слышишь, Майя, тишину?» Слышишь ли ты ее, эту тишину гор?

Мы долго глядели на горы и на чистое нежное небо над ними, в котором была безнадежная грусть осени. Мы представили самих себя далеко в сердцевине гор, где не бывала еще нога человека... Солнце стоит над глубокими и со всех сторон замкнутыми долинами, орел парит в огромном пространстве между нами и небом... И только нас двое, и мы идем все дальше в глубину гор, как те, что гибнут в поисках эдельвейса... Не спеша работая веслами и прислушиваясь к замирающему звону, мы говорили о путешествии в Савойю, о том, сколько времени мы можем пробывать там-то и там-то, но мысли наши снова невольно возвращались к мечтам о счастье. Красота новой для нас природы, красота искусства и религии всюду волновала нас юношеской жадой возвысить до нее нашу жизнь, наполнить ее истинными радостями и разделить эти радости с людьми. Женщины, за которыми мы всюду следили в пути, дразнили нас жадой любви, возвышенной, романтической, утонченно-чувственной, почти обожествляющей тот идеально-женственный образ, который мелькал перед нами... Но не сказочной ли это счастье, которое уходит за темные леса и горы все дальше по мере того, как идешь за ним?

Товарищу, с: которым я пережил так много в пути, одному из немногих, которых я люблю, посвящаю ли немногие строки. Посылаю мой привет всем друзьям нашим по скитаниям, мечтам и чувствам.

1901

Костер

У поворота с большой дороги, у столба, указывающего путь на проселок, горел в темноте костер. Я ехал в тарантасе тройкой, слушал звон поддужного колокольчика, дышал свежестью степной осенней ночи. Костер горел ярко, и, чем ближе я подъезжал к нему, тем все резче отделялось пламя от нависшего над ним мрака. А вскоре стало можно различить и самый столб, озаренный из-под низу, и черные фигуры людей, сидевших на земле. Казалось, что они сидят в каком-то хмуrom подземелье и что темные своды этого подземелья дрожат от переплетающихся языков пламени.

Когда его отблеск коснулся голов тройки, люди, сидевшие у костра, повернулись. Позы у них были внимательные, лица красные. Собака вдруг вырезалась на огне и залаяла. Потом поднялся с земли один из сидевших. В низком пространстве, озаренном костром, он был огромен.

– Гирла-а! – гортанно и глухо крикнул он на собаку.

Остановив лошадей, я попросил спичек:

– Добрый вечер! Нельзя ли закурить у вас?

За лаем собаки, человек, который выжидательно встал передо мною, крепкий, широкогрудый старик в бараньей шапке и накинутом на плечи кожаном, не расслышал, злобно топнул ногой.

– Ах, каторжна! – крикнул он на овчарку и, не спуская с меня подозрительного взгляда, громко прибавил гортанным цыганским говором: – Добрый вечер, пану, а що милости его завгодно будэ?

Ноздри у него были вырезаны резко, борода доходила до самых глаз. И в этих черных глазах, в черных жестких волосах, густо вьющихся из-под шапки, в в жесткой, кудрявой бороде – во всем чувствовалась дикость и внимательность степного человека.

– Да вот, закурить нечем, – повторил я. – Дайте, пожалуйста, пару спичек.

– А хибя ж есть спички у цыган? – спросил старик. – Може пан от костра запалит?

Он отошел к костру, наклонился и спокойно кинул на ладонь руки раскаленный уголь. Я поспешил приставить к нему папиросу и кинул два-три быстрых взгляда на маленький табор. Один из сидевших был рыжий оборванный мужик, видно, бродяга-рабочий с низов, другой – молодой цыган. Он сидел, горделиво откинув голову назад, и, охватив руками поднятые колени, искоса смотрел ни меня. Синева-смуглое лицо его было тонко и очень красиво. Белки глаз выделялись на этом лице – и глаза казались изумленными. Одет он был щеголем: топкие сапоги, новый картуз, городской пиджак, шелковая лиловая рубаша.

– Може, пан блукае? – спросил старик, кидая уголь.

– Нет, – сказал я и еще раз глянул за костер, который слепил меня своим ярким мерцанием. И тогда из темноты выделились серые полы большого разлатого шатра, брошенная дуга и оглобли телеги, а возле них – самовар, горшки и большая перина, на которой лежала толстая цыганка в лохмотьях, кормившая грудью полуголого ребенка. Надо всем же этим стояла девочка лет пятнадцати и задумчиво смотрела на меня печально-призывными глазами необыкновенной красоты.

– Може, проводить пана? – повторил старик живо.

– Нет, спасибо, – поспешил я ответить и откинулся в задок тарантаса.

– Пошел!

Лошади тронули, копыта дружно застучали, а колокольчик так и залился жалобным стоном, перебивая лай бросившейся за нами собаки...

Не было больше тепла и запаха горящего бурьяна, в лицо веяло свежестью ночи, и опять, темнея в сумраке, бежали навстречу мне поля. Черная дуга высоко вырезывалась в небе и, качаясь, задевала звезды. Но еще ярче, чем у костра, видел я теперь черные волосы, нежно-страстные глаза, старое серебряное монисто на шее... И в запахе росистых трав, и в одиноком звоне колокольчика, в звездах и в небе было новое чувство – томящее, непонятное, говорящее о какой-то невознаградимой потере...

1902–1932

В августе

Уехала девушка, которую я любил, которой я ничего не сказал о своей любви, и так как мне шел тогда двадцать второй год, то казалось, что я остался один во всем свете. Был конец августа; в малорусском городе, где я жил, стояло знойное затишье. И когда однажды в субботу я вышел после работы от бондаря, на улицах было так пусто, что, не заходя домой, я побрел куда глаза глядят за город. Шел я по тротуарам мимо закрытых еврейских магазинов и старых торговых рядов; в соборе звонили к вечерне, от домов ложились длинные тени, но было еще так жарко, как бывает в южных городах в конце августа, когда даже в садах, жарившихся на солнце целое лето, все покрыто пылью. Мне было тоскливо, несказанно тоскливо, а вокруг меня все замирало от полноты счастья, – в садах, в степи, на баштанах и даже в самом воздухе и густом солнечном блеске.

На пыльной площади, у водопровода стояла красивая большая хохлушка в расшитой белой сорочке и черной плахте, плотно обтягивавшей ее бедра, в башмаках с подковками на босу ногу. Было в ней что-то общее с Венерой Милосской, если только можно вообразить себе Венеру загорелой, с карими веселыми глазами и с такой ясностью чела, которая бывает, кажется, только у хохлушек и полек. Наполнив ведра, она положила коромысло на плечо и пошла прямо навстречу мне, – стройная, несмотря на тяжесть плескавшей воды, слегка покачивая станом и постукивая башмаками по деревянному тротуару... И помню, как почтительно я посторонился, давая ей дорогу, и как долго смотрел за нею! А в улицу, которая шла с площади под гору, на Подол, видна была огромная, мягко синеющая долина реки, луга, леса, смуглые золотистые пески за ними и даль, нежная южная даль...

Кажется, никогда не любил я так Малороссию, как. в ту пору, никогда не хотел так жить, как в ту осень, а между тем толковал я тогда только о борьбе с жизнью, учился только бондарному ремеслу. И теперь, постояв на площади, я решил отправиться в гости к толстовцам, за город. Спускаясь под гору на Подол, я встретил много парных извозчиков, которые шибко везли пассажиров с пятичасового поезда из Крыма. Огромные ломовые лошади медленно тащили в гору гремящие телеги с ящиками и тюками, и запах москательных товаров, ванили и рожи, извозчики, пыль и люди, которые ехали откуда-то, где должно быть хорошо, – все опять заставило мое сердце сжаться от каких-то мучительно-тоскливых и сладких

стремлений. Я свернул в тесный переулочек между садами и долго шел по предместью. «Панычи» этого предместья, мастеровые и мещане, дико и чудесно «гукали» в летние ночи по долине да пели хорами на церковный лад красивые и печальные казацкие песни. Теперь «панычи» молотили. На окраине, там, где голубые и белые мазанки стояли уже на леваде, при начале долины, мелькали на токах цепи. Но в затишье долины было жарко так же, как в городе, и я поспешил взобраться на гору, в открытую, ровную степь.

Тихо, покойно и просторно было там. Вся степь, насколько хватало глаз, была золотая от густого и высокого жнивья. На широком, бесконечном шляхе лежала глубокая пыль: казалось, что идешь в бархатных башмаках. И все вокруг – и жнивья, и дорога, и воздух – сияло от низкого вечернего солнца. Прошел черный от загара, пожилой хохол в тяжелых сапогах, в бараньей шапке и толстой свитке цвета ржаного хлеба, и палка, которой он попирался, блестела на солнце, как стеклянная. Крылья грачей, перелетавших над жнивьем, тоже блестили и лоснились, и нужно было закрываться полями жаркой шляпы от этого блеска и зноя. Далеко, почти на горизонте, можно было различить телегу и пару волов, которые медленно влекли ее, да шалаш сторожа на бахчах... Ах, славно было среди этой тишины и простора! Но всю душу мою тянуло к югу, за долину, в ту сторону, куда уехала она...

В полуверсте от дороги, над долиной, краснела черепичная кровля маленького хутора – поместье толстовцев, Павла и Виктора Тимченков. И я пошел туда по сухому, колкому жнивью. Вокруг хаты было пусто. Я заглянул в окошечко – там гудели одни мухи, гудели целыми роями: на стеклах, под потолком, в горшках, стоявших на лавках. К хате был пристроен скотник; и там не оказалось никого. Ворота были открыты, и солнце сушило двор, запаленный навозом...

– Вы куда? – внезапно окликнул меня женский голос.

Я обернулся: на обрыве: над долиной, на меже бахчи сидела жена старшего Тимченки, Ольга Семеновна. Не вставая, она подала мне руку, и я сел с ней рядом.

– Скучно? – спросил я, глядя ей прямо в лицо.

Она опустила глаза на свои босые ноги. Маленькая, загорелая, в грязной рубахе и старенькой плахте, она была похожа на девочку, которую послали стеречь баштаны и которая грустно проводила долгий солнечный день. И лицом она была похожа на девочку-подростка из русского села. Однако я никак не мог привыкнуть к ее одежде, к тому, что она босыми ногами ходит по навозу и колкому жнивью, даже стыдился смотреть на эти ноги. Да она и сама все поджимала их и часто искоса поглядывала на свои испорченные ногти. А ноги были маленькие и красивые.

– Муж ушел на леваду молотить, – сказала она, – а Виктор Николаич уехал... Павловского опять арестовали за отказ от солдатчины. Вы помните Павловского?

– Помню, – сказал я машинально.

И мы смолкли и долго смотрели на синеву долины, на леса, пески и меланхолично зовущую даль. Солнце еще грело нас; круглые, тяжелые арбузы лежали среди длинных пожелтевших плетей, перепутанных, как змеи, и тоже грелись.

– Отчего вы не откровенны со мной? – начал я. – Зачем вы насилуете себя? Вы любите меня.

Она съежилась, подобрала ноги и прикрыла глаза; потом сдунула волос, упавший на щеку, и с решительной улыбкой сказала:

– Дайте мне папироску.

Я дал. Она затянулась раза два, закашлялась, далеко бросила папиросу и задумалась.

– Я с самого утра так сижу, – сказала она. – Куры приходят с самой левады расклеивать арбузы... И не знаю, почему нам кажется здесь скучно. Мне очень нравится здесь, очень...

Над долиной, верстах в двух от хутора, куда я пришел на закате, я сел, снял шляпу... Сквозь слезы я смотрел вдоль, и где-то далеко мне грезилась южная знойная города, синий стенной вечер и образ какой-то женщины, который слипался с девушкой, которую я любил, но дополнял ее своею таинственностью и той детской печалью, которая была в глазах маленькой женщины на баштанах...

1901

В гостиной наступило на минуту молчание, и, воспользовавшись этим, она встала с места и как бы мельком взглянула на меня.

– Ну, мне пора, – сказала она с легким вздохом, и у меня дрогнуло сердце от предчувствия какой-то большой радости и тайны между нами.

Я не отходил от нее весь вечер и весь вечер ловил в ее глазах затаенный блеск, рассеянность и едва заметную, но какую-то новую ласковость. Теперь в тоне, каким она как бы с сожалением сказала, что ей пора уходить, мне почудился скрытый смысл, – то, что она знала, что я выйду с нею.

– Вы тоже? – полуутвердительно спросила она. – Значит, вы проводите меня, – прибавила она вскользь и, слегка не выдержав роли, улыбнулась, оглядываясь.

Стройная и гибкая, она легким и привычным движением руки захватила юбку черного платья. И в этой улыбке, в молодом изящном лице, в черных глазах и волосах, даже, казалось, в тонкой нитке жемчуга на шее и блеске брильянтов в серьгах – во всем была застенчивость девушки, которая любит впервые. И пока ее просили передать поклоны ее мужу, а потом помогали ей в прихожей одеваться, я считал секунды, боясь, что кто-нибудь выйдет с нами.

Но вот дверь, из которой на мгновение упала в темный двор полоса света, мягко захлопнулась. Подавляя нервную дрожь и чувствуя во всем теле необычайную легкость, я влил ее руку и заботливо стал сводить с крыльца.

– Вы хорошо видите? – спросила она, глядя под ноги. И в голосе ее опять послышалась поощряющая приветливость.

Я, наступая па лужи и листья, наугад попел ее по двору, мимо обнаженных акаций и укусных деревьев, которые гулко и упруго, как корабельные снасти, гудели под влажным и сильным ветром южной ноябрьской ночи.

За решетчатыми воротами светился фонарь экипажа. Я взглянул ей в лицо. Не отвечая, она взяла своей маленькой, узкой от перчатки рукой железный прут ворот и без моей помощи откинула половину их в сторону. Поспешно прошла она к экипажу и села в него, так же быстро сел и я рядом с нею...

II

Мы долго не могли сказать ни слова. То, что тайно волновало нас последний месяц, было теперь сказано без слов, и мы молчали только потому, что сказали это слишком ясно и неожиданно. Я прижал ее руку к своим губам и, взволнованный, отвернулся и стал пристально глядеть в сумрачную даль бегущей навстречу нам улицы. Я еще боялся ее, и когда на мой вопрос, – не холодно ли ей, – она только со слабой улыбкой шевельнула губами, не в силах ответить, я понял, что и она боится меня. Но на пожатие руки она ответила благодарно и крепко.

Южный ветер шумел в деревьях на бульварах, колебал пламя редких газовых фонарей на перекрестках и скрипел вывесками над дверями запертых лавок. Иногда какая-нибудь сгорбленная фигура вырастала вместе с своей шаткою тенью под большим качающимся фонарем таверны, но исчезал фонарь за нами – и опять на улице было пусто, и только сырой ветер мягко и непрерывно бил по лицам. Из-под колес брызгами сыпалась в разные стороны грязь, и она, казалось, с интересом следила за ними. Я взглядывал иногда на ее опущенные ресницы и склоненный под шляпой профиль, чувствовал всю ее так близко от себя, слышал тонкий запах ее волос, и меня волновал даже гладкий и нежный мех соболя на ее шее...

Потом мы свернули на широкую, пустую и длинную улицу, казавшуюся бесконечной, миновали старые еврейские ряды и базар, и мостовая сразу оборвалась под нами. От толчка на новом повороте она покачнулась, и я невольно обнял ее. Она взглянула вперед, потом обернулась ко мне. Мы встретились лицом к лицу, в ее глазах не было больше ни страха, ни колебания, – легкая застенчивость сквозила только в напряженной улыбке, – и тогда я, не сознавая, что делаю, на мгновение крепко прильнул к ее губам...

III

В темноте мелькали высокие силуэты телеграфных столбов вдоль дороги, – наконец пропали и они, свернули куда-то в сторону и скрылись. Небо, которое над городом было черно и все-таки отделялось от его слабо освещенных улиц, совершенно слилось здесь с землею, и нас окружил ветренный мрак. Я оглянулся назад. Огни города тоже исчезли, – они были рассыпаны точно где-то в темном море, – а впереди мерцал только один огонек, такой одинокий и отдаленный, точно он был на краю света. То была старая молдавская корчма на большой дороге, и оттуда несло сильным ветром, который путался и торопливо шуршал в иссохших стеблях кукурузы.

– Куда мы едем? – спросила она, сдерживая дрожь в голосе.

Но глаза ее блеснули, – наклонившись к ней, я различал их в темноте, – и в них было странное и вместе с тем счастливое выражение.

Ветер торопливо шуршал и бежал, путаясь в кукурузе, лошади быстро неслись ему навстречу. Снова куда-то мы свернули, и ветер сразу изменился, стал влажнее и прохладнее и еще беспокойней заметался вокруг нас.

Я полной грудью вдыхал его. Мне хотелось, чтобы все темное, слепое и непонятное, что было в этой ночи, было еще непонятнее и смелее. Ночь, которая казалась в городе обычной ненастной ночью, была здесь, в поле, совсем иная. В ее темноте и ветре было теперь что-то большое и властное, – и вот наконец послышался сквозь шорох бурьянов какой-то ровный, однообразный, величавый шум.

– Море? – спросила она.

– Море, – сказал я. – Это уже последние дачи.

А в побледневшей темноте, к которой мы пригляделись, вырастали влево от нас огромные и угрюмые силуэты тополей в дачных садах, спускавшихся к морю. Шорох колес и топот копыт по грязи, отдаваясь от садовых оград, на минуту стал явственнее, но скоро их заглушил приближающийся гул деревьев, в которых метался ветер, и шум моря. Промелькнуло несколько наглухо забитых домов, смутно белевших в темноте и казавшихся мертвыми... Потом тополи расступились, и внезапно в пролет между ними пахнуло влажностью, – тем ветром, который прилетает к земле с огромных водяных пространств и кажется их свежим дыханием.

Лошади остановились.

И тотчас же ровный и величавый ропот, в котором чувствовалась огромная тяжесть воды, и беспорядочный гул деревьев в беспокойно дремавших садах стали слышнее, и мы быстро пошли по листьям и лужам, по какой-то высокой аллее, к обрывам.

IV

Море гудело под ними грозно, выделяясь из всех шумов этой тревожной и сонной ночи. Огромное, теряющееся в пространстве, оно лежало глубоко внизу, далеко белея сквозь сумрак бегущими к земле гривами пены. Страшен был и беспорядочный гул старых тополей за оградой сада, мрачным островом выраставшего на скалистом побережье. Чувствовалось, что в этом безлюдном месте властно царит теперь ночь поздней осени и старый большой сад, забитый на зиму дом и раскрытые беседки по углам ограды были жутки своей заброшенностью. Одно море гудело ровно, победно и, казалось, все величавее в сознании своей силы. Влажный ветер валил с ног на обрыве, и мы долго не в состоянии были насытиться его мягкой, до глубины души проникающей свежестью. Потом, скользя по мокрым глинистым тропинкам и остаткам деревянных лестниц, мы стали спускаться вниз, к сверкающему пеной прибою. Ступив на гравий, мы тотчас же отскочили в сторону от волны, разбившейся о камни. Высились и гудели черные тополи, а под ними, как бы в ответ им, жадным и бешеным прибоем играло море. Высокие, долетающие до нас волны с грохотом пушечных выстрелов рушились на берег, крутились и сверкали целыми водопадами снежной пены, рыли песок и камни и, убегая назад, увлекали спутанные водоросли, ил и гравий, который гремел и скрежетал в их влажном шуме. И весь воздух был полон тонкой, прохладной пылью, все вокруг дышало вольной свежестью моря. Темнота бледнела, и море уже ясно видно было на далекое пространство.

– И мы одни! – сказала она, закрывая глаза.

V

Мы были одни. Я целовал ее губы, упиваясь их нежностью и влажностью, целовал глаза, которые она подставляли мне, прикрывая их с улыбкой, целовал похолодевшее от морского ветра лицо, а когда она села на камень, стал перед нею на колени, обессиленный радостью.

– А завтра? – говорила она над моей головой.

И я поднимал голову и смотрел ей в лицо. За мною жадно бушевало море, над нами высились и гудели тополи...

– Что завтра? – повторил я ее вопрос и почувствовал, как у меня дрогнул голос от слез непобедимого счастья. – Что завтра?

Она долго не отвечала мне, потом протянула мне руку, и я стал снимать перчатку, целуя и руку и перчатку и наслаждаясь их тонким, женственным запахом.

– Да! – сказала она медленно, и я близко видел в звездном свете ее бледное и счастливое лицо. – Когда я была девушкой, я без конца мечтала о счастье, но все оказалось так скучно и обыденно, что теперь эта, может быть, единственная счастливая ночь в моей жизни кажется мне непохожей на действительность и преступной. Завтра я с ужасом вспомню эту ночь, но теперь мне все равно... Я люблю

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
тебя, – говорила она нежно, тихо и вдумчиво, как бы говоря только для самой себя.

Редкие, голубоватые звезды мелькали между тучами над нами, и небо понемногу расчищалось, и тополи на обрывах чернели резче, и море все более отделялось от далеких горизонтов. Была ли она лучше других, которых я любил, я не знаю, но в эту ночь она была несравненной. И когда я целовал платье на ее коленях, а она тихо смеялась сквозь слезы и обнимала мою голову, я смотрел на нее с восторгом безумия, и в тонком звездном свете ее бледное, счастливое и усталое лицо казалось мне лицом бессмертной.

1901

НОВЫЙ ГОД

Послушай, скачала жена, – мне жутко.

Была лунная зимняя полночь, мы ночевали на хуторе в Тамбовской губернии, по пути в Петербург с юга, и спали в детской, единственной теплой комнате во всем доме. Открыв глаза, я увидел легкий сумрак, наполненный голубоватым светом, пол, покрытый попонами, и белую лежанку. Над квадратным окном, в которое виднелся светлый снежный двор, торчала щетина соломенной крыши, серебрившаяся инеем. Было так тихо, как может быть только в поле в зимние ночи.

– Ты спишь, – сказала жена недовольно, – а я задремала давеча в возке и теперь не могу...

Она полулежала на большой старинной кровати у противоположной стены. Когда я подошел к ней, она заговорила веселым шепотом:

– Слушай, ты не сердись, что я разбудила тебя? Мне, правда, стало жутко немного и как-то очень хорошо. Я почувствовала, что мы с тобой, совсем одни тут, и на меня напал чисто детский страх...

Она подняла голову и прислушалась.

– Слышишь, как тихо? – спросила она чуть слышно. Мысленно я далеко оглянул снежные поля вокруг нас, – всюду было мертвое молчание русской зимней ночи, среди которой таинственно приближался Новый год... Так давно не ночевал я в деревне, и так давно не говорили мы с женой мирно! Я несколько раз поцеловал ее в глаза и волосы с той спокойной любовью, которая бывает только в редкие минуты, и она внезапно ответила мне порывистыми поцелуями влюбленной девушки. Потом долго прижимала мою руку к своей загоревшейся щеке.

– Как хорошо! – проговорила она со вздохом и убежденно. И, помолчав, прибавила: – Да, все-таки ты единственный близкий мне человек! Ты чувствуешь, что я люблю тебя?

Я пожал ее руку.

– Как это случилось? – спросила она, открывая глаза. – Выходила я не любя, живем мы с тобой дурно, ты говоришь, что из-за меня ты ведешь пошлое и тяжелое существование... И однако все чаще мы чувствуем, что мы нужны друг другу. Откуда это приходит и почему только в некоторые минуты? С Новым годом, Костя! – сказала она, стараясь улыбнуться, и несколько теплых слез упало на мою руку.

Положив голову на подушку, она заплакала, и, верно, слезы были приятны ей, потому что изредка она поднимала лицо, улыбалась сквозь слезы и целовала мою руку, стараясь продлить их нежностью. Я гладил ее волосы, давая понять, что я ценю и понимаю эти слезы. Я вспомнил прошлый Новый год, который мы, по обыкновению, встречали в Петербурге в кружке моих сослуживцев, хотел вспомнить позапрошлый – и не мог, и опять подумал то, что часто приходит мне в голову: годы сливаются в один, беспорядочный и однообразный, полный серых служебных дней, умственные и душевные способности слабеют, и все более неосуществимыми кажутся надежды иметь свой угол, поселиться где-нибудь в деревне или на юге, копаться с женой и детьми в виноградниках, ловить в море летом рыбу... Я вспомнил, как ровно год тому назад жена с притворной любезностью заботилась и хлопотала о каждом, кто, считаясь нашим другом, встречал с нами новогоднюю ночь, как она улыбалась некоторым из молодых гостей и предлагала загадочно-меланхолические тосты и как чужда и неприятна была мне она в тесной петербургской квартирке...

– Ну, полно, Оля! – сказал я.

– Дай мне платок, – тихо ответила она и по-детски, прерывисто вздохнула. – Я уже не плачу больше.

Лунный свет воздушно-серебристой полосой падал на лежанку и озарял ее

странною, яркой бледностью. Все остальное было в сумраке, и в нем медленно плавал дым моей папиросы. И от попон на полу, от теплой, озаренной лежанки – ото всего веяло глухой деревенской жизнью, уютом родного дома...

– Ты рада, что мы заехали сюда? – спросил я.

– Ужасно, Костя, рада, ужасно! – ответила жена с порывистой искренностью. – Я думала об этом, когда ты уснул. По-моему, – сказала она уже с улыбкой, – венчаться надо бы два раза. Серьезно, какое это счастье – стать под венец сознательно, поживши, пострадавши с человеком! И непременно жить дома, в своем углу, где-нибудь подальше ото всех... «Родиться, жить и умереть в родном доме» – как говорит Мопассан!

Она задумалась и опять положила голову на подушку.

– Это сказал Сент-Бёв, – поправил я.

– Все равно, Костя. Я, может быть, и глупая, как ты постоянно говоришь, но все-таки одна люблю тебя... Хочешь, пойдем гулять?

– Гулять? Куда?

– По двору. Я надену валенки, твой полушубочек... Разве ты уснешь сейчас?

Через полчаса мы оделись и, улыбаясь, остановились у двери.

– Ты не сердись? – спросила жена, взяв мою руку.

Она ласково заглядывала мне в глаза, и лицо ее было необыкновенно мило в эту минуту, и вся она казалась такой женственной в серой шали, которой она по-деревенски закутала голову, и в мягких валенках, делавших ее ниже ростом.

Из детской мы вышли в коридор, где было темно и холодно, как в погребе, и в темноте добрались до прихожей. Потом заглянули в залу и гостиную... Скрип двери, ведущей в залу, раздался по всему дому, а из сумрака большой, пустой комнаты, как два огромных глаза, глянули на нас два высоких окна в сад. Третье было прикрыто полуразломанными ставнями.

– Ау! – крикнула жена на пороге.

– Не надо, – сказал я, – лучше посмотри, как там хорошо.

Она притихла, и мы несмело вошли в комнату. Очень редкий и низенький сад, вернее, кустарник, раскиданный по широкой снежной поляне, был виден из окон, и одна половина его была в тени, далеко лежавшей от дома, а другая, освещенная, четко и нежно белела под звездным небом тихой зимней ночи. Кошка, неизвестно как попавшая сюда, вдруг прыгнула с мягким стуком с подоконника и мелькнула у нас под ногами, блеснув золотисто-оранжевыми глазами. Я вздрогнул, и жена тревожным шепотом спросила меня:

– Ты боялся бы здесь один?

Прижимаясь друг к другу, мы прошли по зале в гостиную, к двойным стеклянным дверям на балкон. Тут еще до сих пор стояла огромная кушетка, на которой я спал, приезжая в деревню студентом. Казалось, что еще вчера были эти летние дни, когда мы всей семьей обедали на балконе... Теперь в гостиной пахло плесенью и зимней сыростью, тяжелые, промерзлые обои кусками висели со стен... Было больно и не хотелось думать о прошлом, особенно перед лицом этой прекрасной зимней ночи. Из гостиной виден был весь сад и белоснежная равнина под звездным небом, – каждый сугроб чистого, девственного снега, каждая елочка среди его белизны.

– Там утонешь без лыж, – сказал я в ответ на просьбу жены пройти через сад на гумно. – А бывало, я по целым ночам сидел зимой на гумнах, в овсяных ометах... Теперь зайцы, небось, приходят к самому балкону.

Оторвав большой, неуклюжий кусок обоев, висевший у двери, я бросил его в угол, и мы вернулись в прихожую и через большие бревенчатые сени вышли на морозный воздух. Там я сел на ступени крыльца, закуривая папиросу, а жена, хрустя валенками по снегу, сбегала на сугробы и подняла лицо к бледному месяцу, уже низко стоявшему над черной длинной избой, в которой спали сторож усадьбы и наш ящик со станции.

– Месяц, месяц, тебе золотые рога, а мне золотая казна! – заговорила она, кружась, как девочка, по широкому белому двору.

Голос ее звонко раздался в воздухе и был так странен в тишине этой мертвой усадьбы. Кружась, она прошла до ямщицкой кибитки, черневшей в тени перед избой, и было слышно, как она бормотала на ходу:

Татьяна на широкий двор

В открытом платьице выходит,

На месяц зеркало наводит,

Но в темном зеркале одна

– Никогда я уж не буду гадать о суженом! – сказала она, возвращаясь к крыльцу, запыхавшись и весело дыша морозной свежестью, и села на ступени возле меня. – Ты не уснул, Костя? Можно с тобой сесть рядом, миленький, золотой мой?

Большая рыжая собака медленно подошла к нам из-за крыльца, с ласковой снисходительностью виляя пушистым хвостом, и она обняла ее за широкую шею в густом меху, а собака глядела через ее голову умными вопросительными глазами и все так же равнодушно-ласково, вероятно, сама того не замечая, махала хвостом. Я тоже гладил этот густой, холодный и глянцеви́тый мех, глядел на бледное человеческое лицо месяца, на длинную черную избу, на сияющий снегом двор, и думал, подбадривая себя:

«В самом деле, неужели уже все потеряно? Кто знает, что принесет мне этот Новый год?»

– А что теперь в Петербурге? – сказала жена, поднимая голову и слегка отпихивая собаку. – О чем ты думаешь, Костя? – спросила она, приближая ко мне помолodeвшее на морозе лицо. – Я думаю о том, что вот мужики никогда не встречают Нового года, и во всей России теперь все давным-давно спят...

Но говорить не хотелось. Было уже холодно, в одежду пробирался мороз. Вправо от нас видно было в ворота блестящее, как золотая слюда, поле, и голая лозинка с тонкими обледеневшими ветвями, стоявшая далеко в поле, казалась сказочным стеклянным деревом. Днем я видел там остов дохлой коровы, и теперь собака вдруг насторожилась и остро приподняла уши: далеко по блестящей слюде побежало от лозинки что-то маленькое и темное, – может быть, лисица, – и в чуткой тишине долго замирало чуть уловимое, таинственное потрескивание наста.

Прислушиваясь, жена спросила:

– А если бы мы остались здесь?

Я подумал и ответил:

– А ты бы не соскучилась?

И как только я сказал, мы оба почувствовали, что не могли бы выжить здесь и года. Уйти от людей, никогда не видать ничего, кроме этого снежного поля! Положим, можно заняться хозяйством... Но какое хозяйство можно завести в этих жалких остатках усадьбы, на сотне десятин земли? И теперь всюду, такие усадьбы, – на сто верст в окружности нет ни одного дома, где бы чувствовалось что-нибудь живое! А в деревнях – голод...

Заснули мы крепко, а утром, прямо с постели, нужно было собираться в дорогу. Когда за стеною закрипели полозья и около самого окна прошли по высоким сугробам лошади, запряженные гусем, жена, полусонная, грустно улыбнулась, и чувствовалось, что ей жаль покидать теплую деревенскую комнату...

«Вот и Новый год! – думал я, поглядывая из скрипучей, опушенной инеем кибитки в серое поле. – Как-то мы проживем эти новые триста шестьдесят пять дней?»

Но мелкий лепет бубенчиков спутывал мысли, думать о будущем было неприятно. Выглядывая из кибитки, я уже едва различал мутный серо-сизый пейзаж усадьбы, все более уменьшающийся в ровной снежной степи и постепенно сливающийся с туманной далью морозного туманного дня. Покрикивая на заиндеветших лошадей, ямщик стоял и, видимо, был совершенно равнодушен и к Новому году, и к пустому полю, и к своей и к нашей участи. С трудом добравшись под тяжелым армяком и полушубком до кармана, он вытащил трубку, и скоро в зимнем воздухе запахло серой и душистой махоркой. Запах был родной, приятный, и меня трогали и воспоминание о хуторе, и наше временное примирение с женою, которая дремала, прижавшись в угол возка и закрыв большие, серые от инея ресницы. Но, повинувшись внутреннему желанию поскорее забыться в мелкой суете и привычной обстановке, я деланно-весело покрикивал:

– Погоняй, Степан, потрогивай! Опоздаем! А далеко впереди уже бежали туманные силуэты телеграфных столбов, и мелкий лепет бубенчиков так шел к моим думам о бессвязной и бессмысленной жизни, которая ждала меня впереди...

1901

I

На закате шел дождь, полно и однообразно шумя по саду вокруг дома, и в незакрытое окно в зале тянуло сладкой свежестью мокрой майской зелени. Гром грохотал над крышей, гулко возрастая и раздражаясь треском, когда мелькала красноватая молния, от нависших туч темнело. Потом приехали с поля в мокрых чекменях работники и стали распрягать у сарая грязные сохи, потом пригнали стадо, наполнившее всю усадьбу ревом и блеянием. Бабы бегали по двору за овцами, подоткнув подола и блестя белыми босыми ногами по траве; пастушонок в огромной шапке и растрепанных лаптях гонялся по саду за коровой и с головой пропадал в облитых дождем лопухах, когда корова с шумом кидалась в чащу... Наступила ночь, дождь перестал, но отец, ушедший в поле еще утром, все не возвращался.

Я была одна дома, но я тогда никогда не скучала; я еще не успела насладиться ни своей ролью хозяйки, ни свободой после гимназии. Брат Паша учился в корпусе, Анюта, вышедшая замуж еще при жизни мамы, жила в Курске; мы с отцом провели мою первую деревенскую зиму в уединении. Но я была здорова и красива, нравилась сама себе, нравилась даже за то, что мне легко ходить и бегать, работать что-нибудь по дому или отдавать какое-нибудь приказание. За работой я напевала какие-то собственные мотивы, которые меня трогали. Увидав себя в зеркале, я невольно улыбалась. И, кажется, все было мне к лицу, хотя одевалась я очень просто.

Как только дождь прошел, я накинула на плечи шаль и, подхватив юбки, побежала к парку, где бабы доили коров. Несколько капель упало с неба на мою открытую голову, но легкие неопределенные облака, высоко стоявшие над двором, уже расходились, и на дворе реял странный, бледный полусвет, как всегда бывает у нас в майские ночи. Свежесть мокрых трав доносилась с поля, мешаясь с запахом дыма из топившейся людской. На минуту я заглянула и туда, – работники, молодые мужики в белых запашных рубашках, сидели вокруг стола за чашкой похлебки и при моем появлении встали, а я подошла к столу и, улыбаясь над тем, что я бежала и запыхалась, сказала:

– А папа где? Он был в поле?

– Они были не надолго и уехали, – ответило мне несколько голосов сразу.

– На чем? – спросила я.

– На дрожках, с барчуком Сиверсом.

– Разве он приехал? – чуть не сказала я, пораженная этим неожиданным приездом, но, вовремя спохватившись, только кивнула головой и поскорее вышла.

Сиверс, кончив Петровскую академию, отбывал тогда воинскую повинность. Меня еще в детстве называли его невестой, и он тогда очень не нравился мне за это. Но потом мне уже нередко думалось о нем, как о женихе; а когда он, уезжая в августе в полк, приходил к нам в солдатской блузе с погонами и, как все вольноопределяющиеся, с удовольствием рассказывал о «словесности» фельдфебеля-малоросса, я начала свываться с мыслью, что буду его женой. Веселый, загорелый – резко белела у него только верхняя половина лба, – он был очень мил мне.

"Значит, он взял отпуск", – взволнованно думала я, и мне было и приятно, что он приехал, очевидно, для меня, и жутко. Я торопилась в дом приготовить отцу ужин, но, когда я вошла в лакейскую, отец уже ходил по золу, стуча сапогами. И почему-то я необыкновенно обрадовалась ему. Шляпа у него была сдвинута на затылок, борода растрепана, длинные сапоги и чесучовый пиджак закиданы грязью, но он показался мне в эту минуту олицетворением мужской красоты и силы.

– Что ж ты в темноте? – спросила я.

– Да я, Тата, – ответил он, называя меня, как в детстве, – сейчас лягу и ужинать не буду. Устал ужасно, и притом, знаешь, который час? Ведь теперь всю ночь заря, заря зарю встречает, как говорят мужики. Разве молока, – прибавил он рассеянно.

Я потянулась к лампе, но он замахал головой и, разглядывая стакан на свет, нет ли мухи, стал пить молоко. Соловьи уже пели в саду, и в те три окна, что были на северо-запад, виднелось далекое светло-зеленое небо над лиловыми весенними тучками нежных и красивых очертаний. Все было неопределенно и на земле, и в небе, все смягчено легким сумраком ночи, и все можно было разглядеть в полусвете непогасшей зари. Я спокойно отвечала отцу на вопросы по хозяйству, но, когда он внезапно сказал, что завтра к нам придет Сиверс, я почувствовала, что краснею.

– Зачем? – пробормотала я.

– Свататься за тебя, – ответил отец с принужденной улыбкой. – Что ж, малый красивый, умный, будет хороший хозяин... Мы уж пропили тебя.

– Не говори так, папочка, – сказала я, и на глазах у меня навернулись слезы. Отец долго глядел на меня, потом, поцеловав в лоб, пошел к дверям кабинета.
– Утро вечера мудренее, – прибавил он с усмешкой.

II

Сонные мухи, потревоженные нашим разговором, тихо гудели на потолке, мало-помалу задремывая, часы зашипели и звонко и печально прокуковали одиннадцать...

"Утро вечера мудренее", – пришли мне в голову успокоительные слова отца, и опять мне стало легко и как-то счастливо-грустно.

Отец уже спал, в кабинете было давно тихо, и все в усадьбе тоже спало. И что-то блаженное было в тишине ночи после дождя и старательном выщелкивании соловьев, что-то неуловимо прекрасное реяло в далеком полусвете зари. Стараясь не шуметь, я стала осторожно убирать со стола, переходя на цыпочках из комнаты в комнату, поставила в холодную печку в прихожей молоко, мед и масло, прикрыла чайный сервиз салфеткой и прошла в свою спальню. Это не разлучало меня с соловьями и зарей. Ставни в моей комнате были закрыты, но комната моя была рядом с гостиной, и в отворенную дверь, через гостиную, я видела полусвет в зале, а соловьи были слышны во всем доме. Распустив волосы, я долго сидела на постели, все собираясь что-то решить, потом закрыла глаза, облокотилась на подушку, и внезапно заснула. Кто-то явственно сказал надо мной: "Сиверс!" – я, вздрогнув, очнулась, и вдруг мысль о замужестве сладким ужасом, холодом пробежала по всему моему челу...

Я лежала долго, без мыслей, точно в забытьи. Потом мне стало представляться, что я одна во всей усадьбе, уже замужняя, и что вот в такую же ночь муж вернется когда-нибудь из города, войдет в дом и неслышно снимет в прихожей пальто, а я предупрежу его – и тоже неслышно появлюсь на пороге спальни... Как радостно поднимет он меня на руки! И мне уже стало казаться, что я люблю. Сиверса я знала мало; мужчина, с которым я мысленно проводила эту самую нежную ночь моей первой любви, был не похож на него, и все-таки мне казалось, что я думаю о Сиверсе. Я почти год не видала его, а ночь делала его образ еще более красивым и желанным. Было тихо, темно; я лежала и все более теряла чувство действительности. "Что ж, красивый, умный..." И, улыбаясь, я глядела в темноту закрытых глаз, где плавали какие-то светлые пятна и лица...

А меж тем чувствовалось, что наступил самый глубокий час ночи. "Если бы Маша была дома, – подумала я про свою горничную, – я пошла бы сейчас к ней, и мы проговорили бы до рассвета... Но нет, – опять подумала я, – одной лучше... Я возьму ее к себе, когда выйду замуж..."

Что-то робко треснуло в зале. Я насторожилась, открыла глаза. В зале стало темнее, все вокруг меня и во мне самой уже изменилось и жило иной жизнью, особой ночной жизнью, которая непонятна утром. Соловьи умолкли, – медленно щелкал только один, живший в эту весну у балкона, маятник в зале тикал осторожно и размеренно-точно, а тишина в доме стала как бы напряженной. И, прислушиваясь к каждому шороху, я приподнялась на постели и почувствовала себя в полной власти этого таинственного часа, созданного для поцелуев, для воровских объятий, и самые невероятные предположения и ожидания стали казаться мне вполне естественными. Я вдруг вспомнила шутливое обещание Сиверса прийти как-нибудь ночью в наш сад на свидание со мной... А что, если он не шутил? Что, если он медленно и неслышно подойдет к балкону?

Облокотившись о подушку, я пристально смотрела в зыбкий сумрак и переживала в воображении все, что я сказала бы ему едва слышным шепотом, отворяя дверь балкона, сладостно теряя волю и позволяя увести себя по сырому песку аллеи в глубину мокрого сада...

III

Я обулась, накинула шаль на плечи и, осторожно выйдя в гостиную, с бьющимся сердцем остановилась у двери на балкон. Потом, убедившись, что в доме не слышно ни звука, кроме мерного тиканья часов и соловьиного эхо, бесшумно повернула ключ в замке. И тотчас же соловьиное щелканье, отдававшееся по саду, стало слышнее, напряженная тишина исчезла, и грудь свободно вздохнула душистой сыростью ночи.

По длинной аллее молодых березок, по мокрому песку дорожки я шла в полусвете зари, затемненной тучками на севере, в конец сада, где была сиреневая беседка среди тополей и осин. Было так тихо, что слышно было редкое падение капель с нависших ветвей. Все дремало, наслаждаясь своей дремотой, только соловей томился своей сладкой песней. В каждой тени мне чудилась человеческая фигура, сердце у меня поминутно замирало, и, когда я наконец вошла в темноту беседки и на меня

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
пахнуло ее теплотой, я была почти уверена, что кто-то тотчас же неслышно и крепко обнимет меня.

Никого, однако, не было, и я стояла, дрожа от волнения и вслушиваясь в мелкий, сонный лепет осин. Потом села на сырую скамью... Я еще чего-то ждала, порою быстро взглядывала в сумрак рассвета... И еще долго близкое и неуловимое веяние счастья чувствовалось вокруг меня, – то страшное и большое, что в тот или иной момент встречает всех нас на пороге жизни. Оно вдруг коснулось меня – и, может быть, сделало именно то, что нужно было сделать: коснуться и уйти. Помню, что все те нежные слова, которые были в моей душе, вызвали наконец на мои глаза слезы. Прислонясь к стволу сырого тополя, я ловила, как чье-то утешение, слабо возникающий и замирающий лепет листьев и была счастлива своими беззвучными слезами...

Я проследила весь сокровенный переход ночи в рассвет. Я видела, как сумрак стал бледнеть, как заалело белесое облачко на севере, сквозившее сквозь вишенник в отдалении. Свежело, я куталась в шаль, а в светлеющем просторе неба, который на глаз делался все больше и глубже, дрожала чистой яркой каплей Венера. Я кого-то любила, и любовь моя была во всем: в холоде и в аромате утра, в свежести зеленого сада, в этой утренней звезде... Но вот послышался резкий визг водовозки – мимо сада, на речку... Потом на дворе кто-то крикнул сиплым, утренним голосом... Я выскользнула из беседки, быстро дошла до балкона, легко и бесшумно отворила дверь и пробежала на цыпочках в теплую темноту своей спальни...

Сиверс утром стрелял в нашем саду галок, а мне казалось, что в дом вошел пастух и хлопает большим кнутом. Но это не мешало мне крепко спать. Когда же я очнулась, в зале раздавались голоса и гремели тарелками. Потом Сиверс подошел к моим дверям и крикнул мне:

– Наталья Алексеевна! стыдно! Заспались!

А мне и правда было стыдно, стыдно выйти к нему, стыдно, что я откажу ему, – теперь я знала это уже твердо, – и, торопясь одеться и поглядывая в зеркало на свое побледневшее лицо, я что-то шутливо и приветливо крикнула в ответ, но так слабо, что он, верно, не расслышал.

1902–1926

"Надежда"

Есть несравненная прелесть в этих осенних днях, серых и прохладных, когда, возвращаясь из города на дачу, встречаешь только одних ломовых, нагруженных мебелью прочих запоздавших дачников. Уже прошли сентябрьские ливни, переулки между садами стали грязны, сады желтеют и редеют, до весны остаются наедине с морем. Вдоль дороги, среди садовых оград и решеток, только и видишь теперь, что закрытые фруктовые лавки, будки, где продавали летом воды... По всему пути, от дорогих вилл и до выбеленных известкой домишек на отдаленном каменистом побережье, видишь раскрытые балконы, увитые длинными сухими ветвями дикого винограда, закрытые ставни, наглухо забытые двери, завернутые в рогожу нежные южные растения. И чем дальше от города, тем все тише, безлюдней. Паровик ходит уже редко, и требовательные свистки его па остановках далеко отдаются в чистый воздух. Шагаешь вдоль пути между садами и слушаешь... Вот паровик где-то остановился и два раза жалобно и гулко крикнул, но где, близко или далеко, не скажешь. Свисток похож на эхо, эхо на свисток, а замерло то и другое, растаял удаляющийся шум за садами – и опять ничем не нарушаемая тишина. Не спеша шагаешь по шпалам, сердце бьется ровно, идти и дышать осенней прохладой легко и сладко... Остаться бы тут до весны, слушать по ночам шум бушующего в темноте моря, бродить по целым дням на обрывах! Образ одинокой женщины на террасе зимней виллы рисуется воображению, каждая аллея тополей, с синевой моря в пролете, зовет в свои ворота...

Мы шли и заглядывали в такие аллеи, любясь старыми мраморными статуями среди цветников и деревьев, желтыми листьями, которые покрывали садовые дорожки и ступени балконов. День был серый и спокойный, прохладный, в свежем воздухе сыро и крепко пахло морем. Море выглядывало то там, то здесь из-за кустов и деревьев, оно наполняло своим присутствием всю окрестность, его свобода и дыхание чувствовались все время и всюду. Помнишь мраморную нимфу в чьем-то большом запущенном парке, что так задумчиво сидела на глыбе камня среди фонтана? Летом, когда парк был тенист и зноен, когда солнечные пятна осыпали нимфу, из

камня со всех сторон бежало множество холодных и чистых ключей, и, склонив голову, нимфа слушала их непрестанное журчанье. Теперь оно смолкло, в садах было свежо, тихо, и сквозь низкорослые акации, сквозь ветви обнаженных тополей и кустарники цвета земли свободно чувствовался пустынный простор морского побережья...

Мы шли, а воздушно-голубое море все шире открывалось то там, то здесь за деревьями и красными черепичными крышами дач на обрывах. И как раз в то время, когда мы дошли до того места, где сады вдруг расступаются, где всегда внезапно останавливаешься, пораженный простором далей, почти на черте горизонта увидели мы паруса «Надежды».

Уже вечерело, и среди спокойных серых облаков, длинными грядами закрывавших небо, появились оранжевые оттенки, – признак того, что холодеет. К горизонту было светлее, а прохлада после дождей и без того очистила воздух и необыкновенно расширила дали. В море был штиль, и оно развertyвалось безграничной равниной нежно-зеленой, отчасти сиреневой стали, которая смелым и вольным полукругом касалась вдали неба. Внизу, по извилистой линии заливов, зеленая вода была так прозрачна, что даже с обрыва видны были темно-лиловые спины камней под нею; дальше ее поверхность кое-где морщилась, как поверхность шелковой ткани, под набегающим легким ветром, доносившим до нас свежий морской запах, а еще дальше спокойный простор моря убежал к горизонту длинными и тонко начертанными полосами течений и оттенков, У горизонта они терялись, – казалось, что за горизонтом снова начинаются спокойные водные поля; но, должно быть, там, где была «Надежда», был ровный попутный бриз. И, ярусами подняв свои паруса, сузившись в отдалении, «Надежда», как сказочная плавучая колокольня, четко серела на той зыбкой грани, где море касалось неба. Она была одна и необыкновенно подчеркивала эту ровную ширь, во всей полноте воскресшая своими парусами поэзию старого моря. И даже с побережья, несмотря на огромное для глаза расстояние, видно было, какое это славное, сильное судно, изящное и гордое, точно королевский бриг. Летом оно вернулось из Австралии, и мы встретили его, как друга, смотрели на него, как на живое. Сколько стран и морей видело оно, сколько океанских волн омывало его острую, высокую грудь! Гавань была переполнена судами, но все это были тяжелые и неуклюжие пароходы, дымившие черными приземистыми трубами, нагруженные черепицей, железом, хлебом, бочками, по целым дням грохотавшие лебедками. Они знали только свои грузы, а на «Надежде» странствовали, учились молодые моряки, и как выделялась в этом плавучем городе судов легкая и вольная «Надежда», входившая в гавань под шестью рядами своих парусов! Теперь она снова покидала нас... И все, о чем мы так юношески мечтали, в те дни, глядя в море, вечно что-то обещающее за своими зыбкими горизонтами, все, чем оно волновало нас и в этот осенний день в тишине опустевших дачных садов, – все с необыкновенной силой охватило нас при виде далекой «Надежды»...

Коснувшись горизонта, она вырезалась и как бы застыла на нем. Куда она держала путь? К югу, к Босфору, Средиземному морю... Завтра перед ней откроются более нежные дали, тонко засияют новые берега... Стройная, одинокая на последней грани моря, она удалялась незаметно, но неуклонно. И уже новые горизонты развertyвались перед теми, которые были на ней...

Ночью, когда набегающий ветер беспокойно и осторожно, точно ища чего-то, шелестел сухими ветвями дикого винограда на нашем балконе и доносил полусонный шум волн, я все еще провожал «Надежду» на ее пути в темном море...

1902–1932

Сны

В поле было холодно, туманно и ветрено, смерилось рано. Еле светили подкрученные фитили ламп и резко воняло керосином в пустом вокзале нашей захолустной станции, на буфетной стойке в третьем классе спал под тулупом станционный сторож. Я прошел в комнату для господ – там медленно постукивали в полусумраке стенные часы, на столе желтела прошлогодняя вода в графине... Я лег на вытертый плюшевый диван и тотчас уснул, утомленный тяжелой дорогой под дождем и снегом. Спал я, как мне казалось, долго, но, открыв глаза, с тоской увидел, что на часах всего половина седьмого.

«И прошел тот день к вечеру темных осенних ночей», – вспомнилась мне печальная строка из какой-то старой русской книги.

По-прежнему было холодно и тихо, по-прежнему чернела за окнами тьма...

Когда часы нерешительно, точно раздумывая, пробили восемь, где-то завизжала и гулко хлопнула дверь, а на платформе жалобно занял звонок. Выйдя в третий класс, я увидел мещанина в картузе и чуйке, который, поставив локти на колени и положив в ладони голову, неподвижно сидел на скамье.

– Это поезд вышел? – спросил я.

Мещанин восторженно и взглянул на меня испуганно. Потом что-то пробормотал и, нахмурившись, быстро пошел к дверям на платформу.

– У него жена в родах умирает, – сказал проснувшийся сторож, сидя на буфетной стойке и вертя сигарку из газетной бумаги. – У всякого, значит, свое горе, – прибавил он рассеянно и вдруг сладко зевнул, оживленно, с непонятым злорадством заговорил: – Вот тебе и женился на богатой! Второй день мучается, царские врата в церкви отворили – ничего не помогает. Теперь в город за доктором скачет, а к чему, спрашивается?

– Думаешь, не поспеет?

– Никак! – ответил сторож. – Вернется он завтра вблизи вечера, а она к тому времени помрет. Беспременно помрет, – прибавил он убежденно. – Три раза, говорит, на оракул кидал, – кто, мол, раньше помрет, я али жена, и три раза выходило одно и то же. Перва... как это? «Нечего тебе простирать вдаль свои намерения», а потом и того хуже: «Молись богу, не пей вина и пива и готовься в монастырь». А вчерась, говорит, во сне видел: будто обрили его догола и все зубы вынули...

Он, верно, говорил бы еще долго, но тут тяжело зашумел подходящий товарный поезд. Снова завизжала и заняла входная дверь, показался кондуктор в тяжелой мокрой шинели с оторванным на спине хлястиком, за ним смазчик с тусклым фонарем в руке... Я вышел на платформу.

Там я долго ходил в темноте ветреной, сырой ночи. Наконец, сотрясая зазвеневшие рельсы, загорелся в тумане своими огромными красными глазами пассажирский паровоз. Я поднялся в полутемный, теплый и вонючий вагон, переполненный спящим народом, и уже на ходу поезда нашел свободную скамейку в углу около двери в другое отделение. В зыбком сумраке вокруг меня беспорядочно темнели лежащие на лавках и на поднятых спинках лавок, под полом гудели колеса, и, закрывая глаза, я все терял представление, в какую сторону идет поезд. Но прошел истопник с кочергой, похожий на негра, и не затворил возле меня двери. Послышался говор, потянуло махоркой... Мещанин, ехавший в город за доктором, сидел и курил с угрюмым, сосредоточенным выражением лица, на краю четвертой от двери лавки у чьих-то ног, а за растворенной дверью возле меня, в дымном сумраке под фонарем, тесной кучкой курили мужики и слушали кого-то, сидевшего против них.

– Да-а, братцы мои, – слышался сквозь гул бегущего вагона чей-то голос. – Да-а. И попадись в это самое разнесчастное село старик-священник из Епифани. Перевели его, значит, из города в самый что ни на есть бедный приход, А за что перевели – пил дюже... значит, и перевели вроде как бы в наказание. А старичок-то пить-то пил, да оказался такой, что лучше и не надо. «Сколько, мол, отец Петр, за кстины аль за похороны берете?» – «Не я, свет, беру, а нуждишка! Сколько силы твоей есть...» И вот так-то всегда. Перевели его, значит, весной, пробыл он честь-честью лето, а осенью и захвораю. Года, что ли, такие, или простудился он, – лето-то, сами знаете, какое было, – только, видимое дело, слабеть стал. И вот, братцы мои, почуявши такую историю, вышел он на Покров после обедни к народу – и простился со всеми: «Должно, говорит, скоро я преставлюсь к господу богу, миряне, – простите, ежели согрешил что...» И, сказавши таким манером, поклонился народу и ушел в алтарь. А пришедши домой, сел было обедать, есть не наел, только ложкой помутит, встал и говорит сторожу, что при ём заместо служки был: «Что-то, говорит, мне холодно, свет, и так-то скушно, – просто мочи нет. Все дочка-покойница вспоминается, все будто ждет она меня к себе... Убирай, мол, со стола – не идет мне еда на ум». – «Напрасно вы такие речи говорите, папаша, – это сторож-то ему, – напрасно, мол, так случилось. Какие такие наши годы?» – «Нет, говорит, помру! Только дюже, говорит, везде горя много, и ужли никакой тому перемены не буде?» А на дворе не хуже теперешнего льет, невзгода, и уж вечер заходит. Поглядел этак старичок в окошечко, махнул ручкой и ушел к себе в горницу. А в горнице оправил лампадку да и прилег на часок. То ли он спал, то ли так, в забытии лежал, только ночь на дворе, а он все лежит да лежит...

– Вот она, дело-то какая! – сказал кто-то с глубоким вздохом. – На Покров, говоришь, вышло-то все это?

– Да ведь сказали, на Покров! – сумрачно перебил сиплым голосом большой рыжий мужик с злыми глазами в рваном полушубке, сидевший на краю лавки против рассказчика.

– На Покров, на Покров, – подтвердил рассказчик. – Вечером. Ушел, говорю, к себе в горницу и лег... Да-а... Ушел и лежит и так будто угрелся на лежаночке,

супротив лампадки, что никак не может подняться, помолиться да лечь как следует. Лежу, говорит, гляжу на лампадку и вдруг вижу: отворяется тихенько- тихенько этак дверь и входит ко мне дочь-покойница. «Что такое, думаю, что за притча такая, господи?» А она проходит прямо ко мне и кладет мне руку на руку. Сама вся в черном, а лицо белая, белая да красивая! А этак вполголоса: «Встань, говорит, батюшка, иди поскорее в церковь». Я р-раз с постели, а ей уж нету! Посидел, я, посидел, и, что больше сижу, все чудней и страшней мне становится. Вскочил, наконец того, на ноги, захватил ключи от церкви, накинул шубенку, выбрался в сенцы... Темь, жуть, сенцы так и гудут от бури, – нет, думаю, надо итить! Спешу на гору, дохожу до церкви, – глядь, а там огонек теплится, ровно бы покойник на ночь поставлен. Оробел я опять, одначе перекрестился – и на паперть. Насилу ключом в замок попал. Отворяю дверь – нет тебе никакого покойника, а только горит свечечка над царскими вратами. Кто ж это, думаю, ее зажег, что такое буде? Стою ни жив ни мертв, вдруг – р-раз! – отдернулась занавесь на царских вратах, растворяются этак широко и тихо двери, и выходит из темени, из самого, значит, алтаря, агромадный красный кочет. Вышел, остановился, затрепыхал крыльями и как закричит на всю церкву: ку-ка-ре-ку! Пропел до трех раз и пропал. И только, значит, пропал, выходит из алтаря другой, белый, как кипень, и запел еще громче прежнего. И опять до трех раз... У меня, рассказывал священник поутру, руки, ноги отнялись, а я все стою и жду, что будет дальше, а дальше выходит и третий: черный, как головешка, только гребешок светится, и запел он, братцы мои, таково жутко и строго, что опустил я на коленки и говорю так внятно и раздельно на всю церкву: «Да воскреснет бог и расточатся враги его!» И только это сказал я, – нет тебе никаких кочетов, а стоит передо мною седенький-седенький монашек и говорит мне тихим голосом: «Не пужайся, служитель божий, а объяви всему народу, что, мол, означает твоя видение. А означает она ба-альшие дела!»

– Вот за это-то за самое и называют вашего брата храпоидолами, чертями, – громко сказал мещанин, открывая глаза и угрожающе нахмуриваясь. – Ночь, скука, а он ишь какие суеверия сидит разводит! Ты к чему все это гнешь-то, а?

– Да ведь я ничего плохого, – несмело пробормотал рассказчик.

– Позволь – ты откуда взял-то все это?

– Как откуда? Сам священник, говорят, рассказывал.

– Священник энтот помер, – перебил мещанин.

– Это верно, верно... помер... вскорости и помер...

– Ну, значит, и брешут на него, что в голову влезет. Ведь это сновидение.

Дубина!

– Да я-то про что ж? Известно, сновидение.

– Ну и молчи, – опять перебил мещанин. – Да и курить-то давно пора бросить, надымили – овин чистый!

– В первый класс иди, коли не ндравится, – сипло и зло сказал рыжий мужик.

– Побреши еще!

– Брешут собаки да твои свояки!

– Буде, буде, ребята! – закричали мужики, заволновавшись.

Бранившиеся смолкли, и в вагоне на время наступила тишина. Потом мещанин вздохнул.

– Ну и стерва, прости ты меня, господи! – задумчиво и серьезно сказал он таким тоном, точно был в вагоне один.

И опять наступила тишина с глухим говором колес, храпом и дыханием спящих.

– А за что ругаться-то? – спросил рассказчик, когда бранившиеся угрюмо успокоились. – Кто первый начал-то? Ведь ты! Мы балакали промеж себе...

– Чо-орт! – ответил мещанин поспешно, и голос его страдальчески дрогнул. – Ведь ночь, скука, а у меня, может, жена и дите помирают. Пойми!

– Горя-то и у других не мене твоего, – ответил рыжий мужик.

– Не мене! – передразнил мещанин. – Я, может быть, тысячи не пожалел бы теперь на доктора, а он за сто верст, а дорога – ни проходу, ни проезду! Вчерась измаялся, ткнулся в чем был на постель и вижу – будто обрили меня догола и все зубы вынули! Пойми – сладко?

– Ага! – сказал рыжий мужик. – Покаялся! А то – сновиде-ение!

– До Туровки кто имеет билеты? – прокричал кондуктор, проходя по вагону.

И, осветив фонарем чьи-то ноги, крепко хлопнул возле меня дверь в соседнее отделение.

Поднявшись с места, я снова отворил ее и стал на пороге. Мещанин сидел, спал, согнувшись, а рыжий мужик говорил со сдвинутыми бровями тому, который рассказывал:

– Ну, ну, докапывай дальше.

Несколько полушубков стеснилось вокруг рассказчика, несколько серьезных глаз блестя в дымном сумраке глухо гудящего и бегущего вагона. Рассказчик вздохнул и уже хотел было начать говорить, но тут рыжий поднял на меня глаза и сипло

обращение сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.r
сказал:

– А тебе, господин, что надо?

– Послушать хотел, – ответил я.

– Не господское это дело мужицкие побаски слушать.

– Да-а, братцы мои, – снова заговорил рассказчик прежним тоном, как только я отошел, – и стоит, значит, перед ним седенький, седенький монашек и говорит ему тихим голосом: «Не пужайся, мол, служитель божий, а слушай и объяви народу, что, мол, означает твоя видение. А означает она ба-альшие дела»...

Но, начав громко, рассказчик мало-помалу стал понижать голос. Тщетно я вслушивался – все тонуло в ропоте колес и в тяжком храпе спящих. Заслышав сквозь этот ропот и храп далекий заунывный свисток паровоза, возвещавший о станции, с лапки возле меня поспешно вскочил юнкер в очках, оглянулся вокруг себя странными глазами и, опять быстро опустившись на скамью и облокотившись на свой сундучок, тотчас же опять заснул. Какая-то пожилая женщина в темном ситцевом платье поднялась, болезненно морщась, и поплелась в сени. Лежащие, мешки, сундуки и полушубки составляли грубую и печальную картину, которая раскачивалась передо мною. Мужик, рассказывавший про петухов, сидел, подавшись вперед к рыжему, и что-то негромко, но горячо говорил, но, когда я настораживался, чтобы расслышать, что он говорил, из дымного сумрака против меня ничего не было слышно, только блестели серьезные и злые глаза.

1903

Золотое дно

I

Тишина – и запустение. Не оскудение, а запустение...

Не спеша бегут лошади среди зеленых холмистых полей; ласково веет навстречу ветер, и убаюкивающе звенят трели жаворонков, сливаясь с однообразным топотом копыт. Вот с одного из косогоров еще раз показалась далеко на горизонте низким синеватым силуэтом станция. Но, обернувшись через минуту, я уже не вижу ее. Теперь вокруг тарантаса – только пары, хлеба и лощинки с дубовым кустарником...

– Ну, что новенького, Корней? – спрашиваю я кучера, молодого загорелого мужика с умными, слегка прищуренными глазами.

– Новенького? – сдержанно отвечает Корней, не оборачиваясь. – Нового у вас ничего нету.

– Значит, живете по-старому?

– Это правильно. Плохо живем...

Не много нового узнаю я и в имении сестры, где я всегда делаю остановку на пути к Родникам. Кажется, что еще год тому назад усадьба не была так ветха. Полы и потолки в зале еще немного покосились и потемнели, ветви запущенного палисадника лезут в окна, тесовые крыши служб серебрятся и дают кое-где трещины... А по двору, держа в поводу худого стригуна, запряженного в водовозку, еле бредет полуслепой и глухой Антипушка, и разошедшиеся колеса водовозки порою так неистово взвизгивают, что больно слушать.

– Так плохи, говоришь, дела? – спрашиваю я сестру, которая задумчиво смотрит куда-то вдаль, на косогоры за лугами и речкой.

– Совсем, совсем плохи! – поспешно, как будто даже с удовольствием подтверждает сестра. – Будь капитал, еще, может быть, можно было бы поправиться. Ведь земля-то сущее золотое дно. Но банк, банк!

– Зато тишина-то какая! – говорю я.

– Уж этого хоть отбавляй! – с угрюмой иронией соглашается племянник-студент. – Действительно тишина и прескверная, черт ее дери, тишина! Вроде: высыхающего пруда. – Издали – хоть картину пиши. А подойди – затхлостью понесет, ибо воды-то в нем на вершок, а тины – на две сажени, и караси все подошли... Дно-то, действительно, золотое, только до него сам черт не докопается!

II

Дорога вьется сперва по перелескам. Потом пропадает в большом кологрововском заказе. В прежнее время она далеко обходила его; теперь ездит прямо, по двору

усады, раскинувшейся по бокам лесного оврага своим одичавшим садом и кирпичными службами. Как только в лес врывается громохание бубенчиков, из усадьбы отвечает ему угрюмый лай овчарок, ведущих свой род от тех свирепых псов, что сторожили когда-то не менее свирепую и угрюмую жизнь старика Кологривова. Пока тарантас, сопровождаемый лаем, с грохотом катится по мостикам через овраги, смотрю на груды кирпичей, оставшихся от сгоревшего дома и потонувших в бурьяне, и думаю о том, что сделал бы старик Кологривов, если бы увидел нахалов, скачущих по двору его усадьбы! В детстве я слышал про него поистине ужасы. Одна из любовниц пыталась опоить его какими-то колдовскими травами, – он заточил ее своим судом в монастырь. Когда объявили волю, он «тронулся», как говорили, «в отделку» и с тех пор почти никогда не показывался из дому. Медленно разоряясь, он по ночам, дрожа от страха, что его убьют, сидел в шапочке с мощей угодника и громко читал заговоры, псалмы и покаянные молитвы собственного сочинения. Осенью однажды его нашли в моленной мертвым...

– Не знаешь, не продали еще? – спрашиваю я у Корнея.

– Продали, – отвечает он. – И продали то, говорят, за тринку! Живет тут приказчик от наследников, а ему что ж? Не свое добро. Без хозяина, известно, и товар – сирота. А земля тут – прямо золотое дно!

– Хороша?

– Аршин чернозему. А лес-то!

Правда, славный лес. Горько и свежо пахнет березами, весело отдается под развесистыми ветвями громохание бубенчиков, птицы сладко звенят в зеленых чащах... На полянах, густо заросших высокой травой и цветами, просторно стоят столетние березы по две, по три на одном корню. Предвечерний золотистый свет наполняет их тенистые вершины. Внизу, между белыми стволами, он блестит яркими длинными лучами, а по опушке бежит навстречу тарантасу стальными просветами. Просветы эти трепещут, сливаются, становятся все шире... И вот опять мы в поле, опять веет сладким ароматом зацветающей ржи, и пристяжные на бегу хватают пучки сочных стеблей...

– А вон и Батурино – насмешливо говорит Корней. И я уже понимаю его.

– Что, и тут плохо?

– Да уж молодые-то уехали. А старуха дом продает. Добилась до последнего.

– А как бы заглянуть туда?

– Да скажите, что, мол, дом себе для Родников присматриваю...

III

В Батурино – это большая деревня, но уж известно, что такое «барская» деревня! – в Батурино тихо. Скучно лоснится на солнце мелкий длинный пруд желтой глинистой водой; баба возле навозной плотины лениво бьет вальком по мокрому серому холсту... С плотины дорога поднимается в гору мимо батурина сада. Сад еще до сих пор густ и живописен, и, как на идиллическом пейзаже, стоит за ним серый большой дом под бурой, ржавой крышей. Но усадьба, усадьба! Целая поэма запустения! От варка остались только стены, от людской избы – раскрытый остов без окон, и всюду, к самым порогам, подступили лопухи и глухая крапива. А на «черном» крыльце стоит и в страхе глядит на меня слезящимися глазами какая-то старуха. Поняв из моих неловких объяснений, что я хочу посмотреть дом, она спешит предупредить барыню.

– Я доложу-с, доложу-с, – бормочет она, скрываясь в темных сенях.

Вольно, должно быть, Батуриной выходить после таких докладов! И правда, – когда через несколько минут отворяется дверь, я вижу растерянное, старческое лицо, виноватую улыбку голубых кротких глаз... Делаем вид, что мы очень рады друг другу, что этот осмотр дома – вещь самая обыденная, и Батурина любезным жестом приглашает войти, а другой дрожащей рукой старается застегнуть ворот своей темной кофточки из дешевенького нового ситцу.

Бормоча что-то притворное, я вхожу в переднюю... О, да это совсем ночлежка! Темно, душно, стены закопчены дымом махорки, которую курит бывший староста Батуриных, Дрон, не покинувший усадьбу и донине... Направо – дверь в его каморку, прямо – комната старух, скудно освещенная окном с двойными рамами, с радужными от старости стеклами...

– Мы ведь в пристройке-с теперь живем, – виновато поясняет Батурина. – Ведь знаете, какие года-то пошли, да и теплее тут зимою...

– Но, может быть, я беспокою вас?

Старуха трясет головой и смотрит недоумевающе и вопросительно.

– Не беспокою ли я вас? – говорю я громче. Расслышав, Батурина поспешно улыбается.

– Нет-с, нет-с, – отвечает она с ласковой снисходительностью. – Пожалуйте-с.

И отворяет дверь в коридор...

Еще мрачнее в этих пустых комнатах! Первая, в которую я заглядываю из коридора, была когда-то кабинетом, а теперь превращена в кладовую: там ларь с солью, кадушка с пшеном, какие-то бутылки, позеленевшие подсвечники...

В следующей, бывшей спальне, возвышается пустая и огромная, как саркофаг, кровать... И старуха отстает от меня и скрывается в кладовой, якобы чем-то озабоченная. А я медленно прохожу в большой гулкой зал, где в углах свалены книги, пыльные акварельные портреты, ножки столов...

Галка вдруг срывается с криво висящего над ломберным столиком зеркала и на лету ныряет в разбитое окно... Вздвогнув от неожиданности, я отступаю к стеклянной двери на разошедшийся балкон, с трудом отворяю ее и прикрываю глаза от низкого яркого солнца. Какой вечер! как вес цветет и зеленеет, обновляясь каждую весну, как сладостно журчат в густом вишеннике, перепутанном с сиренью и шиповником, кроткие горлинки, верные друзья погибающих помещичьих гнезд!

IV

Вечер в поле встречает нас целым архипелагом пышных золотисто-лиловых облаков на западе, необыкновенной нежностью и ясностью далей.

– Дядя, дай серничка! – кричит один из мальчишек, стерегущих на парах лошадей, и, вскочив с межи, бегом догоняет тарантас.

Но Корней суров и задумчив. Он с наслаждением вытягивает мальчишку кнутом и сдержанно покрикивает на лошадей.

«О чем он думает?» – думаю я, глядя на его выгоревший на солнце картуз.

И Корней слегка повертывается на облучке и, следя задумчивым взглядом за мелькающими подковами пристяжной, начинает говорить...

– Всем не мед, – говорит он. – Не одним господам... Хрестьянский банк, мол, помогает! Да нет, в долг-то не проживешь. Купят мужики сто – двести десятин, – конечно, компанией, не сообразясь с силой, и запутляются, и норовят слопать друг друга. А пойдут свары – дело и совсем изгадится, и хоть на перемет с обрывком лезь!

– Однако, – говорю я, – крупных-то господ осталось три-четыре на уезд – значит, расходится земля по народу.

– По городским купчишкам да лавошникам, – поправляет Корней. – По ним, а не по народу... И опять же земля без настоящего хозяина остается: им ведь только бы купить, благо дешево, а жить-то они ведь тут не станут! Ну, вот их- то, чертей, и зажать бы в тесном месте!

– Следовало бы?

Но Корней отводит глаза в сторону.

– Попойте пора, – говорит он деловым тоном.

– На Воргле попоим.

– Ну, на Воргле, так на Воргле... Эй, не рано!

Свежеет, и блеск вечера меркнет. Меланхолично засинели поля, далеко-далеко на горизонте уходит за черту земли огромным мутно-малиновым шаром солнце. И что-то старорусское есть в этой печальной картине, в этой синеющей доли с мутно-малиновым щитом. Вот он еще более потускнел, вот от него остался только сегмент, потом – дрожащая огневая полоска... Быстро падает синеватый сумрак летней ночи, точно кто незримо сеет его; в лужках уже – холодно, как в погребе, и резко пахнет росистой зеленью – только изредка повекает откуда-то теплом. В сумраке мелькают придорожные лозинки, и на них, нахохлившись, спят вороны... А на востоке медленно показывается большая голова бледного месяца.

Как печальны кажутся в это время темные деревушки, мертвую тишину которых будит звук рессор и бубенчиков! как глуха и пустынна кажется старая большая дорога, давно забытая и неезженная! Слава богу, хоть месяц всходит! Все веселее...

V

Воргол – нежилой хутор покойной тетки, степная деревушка на месте снесенной дедовской усадьбы и большого села, три четверти которого ушло в Сибирь, на новые места. Дорога долго идет под изволок; когда уже становится совсем светло от месяца, тарантас шибко подкатывает по густой росистой траве к одинокому флигелю на скате котловины среди косогоров. Звон бубенчиков замирает, и нас охватывает гробовое молчание.

– Уж и глухо же тут! – говорит Корней, слезая с козел, и голос его странно звучит возле пустых стен. – Посидите тут на крылечке, а я лошадей попою и овсеца им кину.

И медленно отводит гроыхающих бубенчиками лошадей под гору к колодцу. А я поднимаюсь на деревянное крыльцо флигеля и сажусь на ступеньку...

Но жутко здесь, в этой котловине, со всех сторон замкнутой холмами, спускающимися к пересохшему руслу Воргла, и бледно освещенной неверным месячным светом! Пустой широкий двор переходит в мужицкий выгон, а за выгоном чернеет семь приземистых избышек, глубоко затаивших в себя свою ночную жизнь...

– Корней, – говорю я, как только Корней показывается с лошадьми из-под горы, – надо ехать! Поедем шажком, а уж покормим дома.

Корней останавливается.

– Ай соскучились?

– Соскучился. Ну его к черту... Едем.

– Это еще милость, – говорит Корней насмешливо. – Вы бы осенью али зимой заехали!

– И как вы только живете тут!

Корней завертывает сигарку, глядя в землю, и долго молчит. Потом сдержанно отвечает:

– Живем пока...

– То есть как «пока»? А потом-то что ж?

– Потом – что бог даст. Все что-нибудь да будет...

– Что же?

– Да что-нибудь будет... Не век же тут сидеть, чертям оборки вить! Разойдется народ по другим местам, либо еще как...

– А как?

При свете месяца ясно видно лицо Корнея, но, опуская голову, он сдвигает брови и отводит глаза в сторону.

– Как иначе-то?

– Там видно будет, – отвечает Корней уже совсем хмуро. – Поедьте, барин, не рано!

И молча лезет на козлы.

1903

Далекое

Иле девять лет. На нем гимназический картуз, шелковая коричневая косоворотка, козловые сапожки с сафьяновым ободком на голенищах. Он сидит сзади отца на беговых дрожках, дрожки шибко катятся большой дорогой, а вокруг – поле, летнее жаркое утро...

Старую донскую кобылу подали к крыльцу чуть не на рассвете. Но, боже, сколько раз заглядывал Иля в кабинет отца, в тщетной надежде, что разговор со старостой кончен! Уже и росистая трава в тени от амбаров успела высохнуть, и запахло в саду оцепеневшей на солнечном припеке черемухой... Даже кобыла и та стала задремывать от скуки: осела на левую заднюю ногу, прижала одно ухо, прикрыла глаза...

Но всему бывает конец, кончилась и пытка ожидания. Держится Иля за кожаную подушку сиденья, задрав ноги на заднюю ось и почти касаясь лбом ружейных стволов на спине отца, поглядывает, как трепещут сверкающие на солнце спицы, как бежит по пыли возле них белая, с подпалинами, Джальма, близко видит загорелую шею и широкий затылок под белым картузом... Солнце стоит высоко и сильно припекает, кожа на дрожках стала горячая, – приятно пахнет нагретой кожей и колесной мазью. Душная, густая пыль облаком встает из-под колес, парусиновый пиджак на плечах отца темнеет. Но вот и проселок полевой рубеж, длинным, узким коридором теряющийся меж степами высокой серо-зеленой ржи. Отец сдерживает лошадь и закуривает, пуская через плечо клуб душистого дыма...

Ах, эти проселки! Весело ехать по глубоким колеям, заросшим муравой, повиликой, какими-то белыми и желтыми цветами на длинных стеблях. Ничего невидно ни впереди, ни по сторонам – только бесконечный, суживающийся вдаль пролет меж стенами колосистой гущи да небо, а высоко на небе – жаркое солнце. Синие васильки, лиловый куколь и желтая сурепка цветут во ржи. Дрожки задевают колосья, растущие кое-где по дороге, и они однообразно клонятся под колесами и выходят из-под них черными, испачканными колесной мазью. Мелкие кузнечики сухим дождем непрерывно сыплются из подорожника... Неожиданно потянуло откуда-то легким ветерком, солнечной теплотой... Отец подбирает вожжи... И опять заиграли спицы, закружились перед глазами пестрые венки наvertевшихся на втулки цветов, запрыгали дрожки по выбоинам... Тут надо держаться покрепче, но, ухватившись за

сиденье обеими руками, все-таки пристально следишь за тем, как навстречу, лоснясь, бегут серо-зеленые волны, как тень от облачка то там, то здесь на мгновение затушевывает их, как носитесь, хлопая ушами, за перепелами и жаворонками Джальма: иногда совершенно пропадает во ржи, – только по волнистой линии, струящейся за нею, видно, где она, – а иногда высоко выпрыгивает из колосьев, удивленно озираясь по сторонам...

Порою встречалась телега, в ней – баба с белоголовым мальчиком на коленях, которая неумело держит веревочные вожжи, неумело сворачивает, заезжая в рожь, а бокастая лошадевка с жадностью хватает губами колосья... Встретился однажды мужик: он без шапки сидел на грядке телеги, возле длинного узкого гробика из золотистого теса, и веселое лучистое солнце жарко пекло его лохматую голову... Встречался урядник верхом на худой, длиннеей кляче или бородатый, могучий о. Алексей в широкополой шляпе, высоко восседавший на своей тележке, за которой бежал жеребенок мышиного цвета, на длинных, тонких ножках... А не то вдали показывался тарантас, а в тарантасе – загорелый помещик в крылатке, в дворянском картузе, с изумленно выкаченными белками. Увидав соседа, он изумлялся еще более, радостно тарачил глаза и разводил руками, меж тем как кучер в плиссовой безрукавке и круглой шапочке с павлиньими перьями останавливал тройку. Останавливал лошадь и отец, слезал с дрожек навстречу вылезавшему из тарантаса тарантасу – и начинались бесконечные разговоры. Помещик говорит страшно громко, размахивает руками и все кого-то бранит... Потом над чем-то долго, с мучительным наслаждением хохочет, сотрясаясь всем телом... Отец тоже кричит и тоже хохочет.

– Ну, до свиданья, до свиданья! – наконец говорит он, нахохотавшись.

– До свиданья, батюшка, очень рад был встретиться!

– Мой поклон вашему семейству!

– И вашим также передайте мой сердечный привет!

– Восемнадцатого будете?

– Обязательно, обязательно!

Помещик становится на подножку тарантаса, накренивая его, с трудом усаживается... Но не проходит и минуты, как сзади опять раздается крик:

– Сосед! На минуточку!

И опять стоянка, опять разговоры...

Утомленная, но счастливая своими хлопотами Джальма сидит у колес и жарко дышит, изредка, с коротким стуком, ловя зубами мух. В небе блестят и кудрявятся белые облака, всюду столько света и радости, как бывает лишь в июне, и все неподвижнее становится воздух к полудню. Два желтых мотылька, как два лепестка розы, беззвучно и однообразно играют над склонившимися в оцепенении колосьями, над цветками и травами, нагретыми зноем. Сладко пахнет васильками. И, щурясь от солнца, Иля в забытии следит за облаком, похожим на пуделя, которое, медленно тая, плывет по светозарной сини неба, прислушивается, как сипят в траве кузнечики, а над головою на тысячу ладов сонно звенит жалобными дискантами воздушная музыка насекомых, неумолчно воспевающих дали, млеющие в мареве зноя, радость и свет солнца, беспричинную, божественную радость жизни...

Наговорившись, отец гонит лошадь шибко, и дрожки прыгают и несутся под изволок, к какому-то широкому логу среди степных косогоров.

За этим логом следует подъем на покату ю гору, залитую зелеными овсами, а с горы открывается видна новый, еще более широкий и разлтый лог. Тут были заливные болотистые лужки, и мелкая степная речка, извивавшаяся под ним, делала много широких затонов, густо заросших зелеными щетками куги. Оттого, что горизонт был со всех сторон замкнут этими похожими на ржаные хлебы косогорами, глухо было тут на редкость, но какая милая, своеобразная жизнь, жизнь куличков, бекасов и диких чирков, чувствовалась в тишине и глуши этих мелких затонов!

– Держись! – кричит отец сквозь дребезжание бегущих под гору дрожек.

И вдруг дребезжание сразу обрывается.

Под горою ветерок спадает. Солнце печет, колеса шуршат в густой, насыщенной водой траве. Пресно пахнет теплым илом, разогретой кугою; белая, как снег, рыбалка неожиданно вырывается из кочкарников и сверкает в воздухе острыми крыльями... А вот и болото – серебристо-зеркальные затоны с островками тонколистой осоки...

Не спуская с них глаз, отец передает Иле вожжи, осторожно слезает с дрожек и, скинув ружье, торопливо, но бесшумно направляется к ним.

– Джальма! – строго, отрывисто и негромко говорит он каким-то особым, условным тоном Джальме, которая перепрыгивает с кочки на кочку с высунутым языком. Длинные сапоги его тонут в мягких кочкарниках, серебристые пузыри болотного газа остаются в его следах, отпечатывающихся в бархатистой и влажной траве... От солнца и блеска воды светло так, что больно смотреть...

– Джальма!

И Джальма, быстро оглянувшись, вдруг – бултых в воду и, наслаждаясь

прохладой, медленно плывет к затону, к камышам. Из воды видна только ее вытянутая прилизанная голова с опущенными ушами и длинный хвост, который плывет за ней, как чужой, как палка. Потом и голова и хвост заворачивают в камыши, отец входит по колена в воду и тоже скрывается в камышах. Проходит десять, двадцать минут напряженного молчания... Где-то далеко раздается тяжкий, глухой выстрел... Весь восторженувшись, пристально глядит Иля вперед, но за камышами ничего не видно.

В камышах что-то осторожно попискивает и булькает; по широкой луже недалеко от дрожек, извиваясь, проплывает уж; перламутрово-голубые стрекозы с треском распускают длинные стеклянные крылышки, вылетая из горячей грани, а высоко в небе медленно вырастает и вытягивается большое белоснежное облако... Вот оно приняло образ сказочного исполина, а из затона, в котором, углубляя его, ярко светит отражение этого исполина, что-то глухо, угрюмо и жалобно ухнуло... Ухнуло и выжидательно замолчало...

— Бычки! — вспоминает Иля загадочное слово, оброненное отцом, и весь замирает от сладкого ужаса.

Воображение мгновенно создает образ какого-то фантастического существа, одного из тех страшных подводных жителей, что глубоко скрываются в болотах и только изредка высовывают свои лобастые рогатые головы с выпученными глазами на свет божий. Что, если выглянет такой бычок именно теперь, в этот безмолвный час знойного полдня? И, косясь на затон, Иля не замечает, что картуз его съехал на затылок, что комары облепили ему потную шею и руки и что ослепительно-жаркое солнце бьет прямо в лицо... Вдруг раздается кашель. Иля вздрагивает и мгновенно возвращается к действительности. Отец идет, по пояс мокрый, хлупает тяжелыми сапогами, налитыми болотной водой.

— Тут... бычки, — говорит Иля нерешительно.

— Ну и что же?

— Они очень большие?

— Кто? Бычки-то? Да ведь это жучки! Водяные жучки!

— Как жучки? — бормочет Иля, пораженный и разочарованный.

Отец раскраснелся, расстегнул ворот рубахи, лицо у него доброе и оживленное. Подойдя к дрожкам, он бросает иле убитого чирка, и, мгновенно забыв о бычках, Иля с жадностью ловит его на лету. Чирок еще теплый! Головка с закатившимися глазами, подернутыми белесою пленкой, бессильно падает на радужный зобик, брюшко в запекшейся крови... Но как оно славно пахнет тиной и порохом! И Джальма вылезает из осоки тоже веселая и удовлетворенная. Глаза безумные, с длинного красного языка льет слюна, белая атласная шерсть вся прилизана, уши висят, ноги в иле, — точно в черных чулках...

Мокрые блестящие шины колес снова шуршат по бархатной сочной траве, изредка врезываясь в воду и разбрасывая во все стороны светлые длинные брызги. Лужи, в которых золотыми полосами то там, то здесь резко вспыхивает жаркий солнечный блеск, мелькают перед глазами... Из куги то и дело с жалобными стонами вырываются кулички... Потом мягкий кочарник сразу обрывается, — дрожки снова трещат по дороге, убегающей в гору...

Ах, когда Иля вырастет, он будет самым счастливым человеком в мире! Он поселится на хуторе, будет жить только охотой, будет каждый день чистить кирпичом и промывать свое ружье, будет варить себе кулеш, спать возле порога дома на войлоке, а просыпаться еще в ту пору, когда едва-едва брезжит зелено-серебристый рассвет...

Но и теперь чудесно. Дышит Иля чистым полевым ветром, слушает хохлатых жаворонков, распевających над полями, в облаках, в бесконечном просторе... Степь вокруг, куда ни кинь взор, зеленая, ровная, вольная. И ни души в степи, ни кустика, ни деревца, — только далеко впереди машет, как утопающий руками, чья-то мельница.

1903–1926

Цифры

I

Мой дорогой, когда ты вырастешь, вспомнишь ли ты, как однажды зимним вечером

Страница 326

ты вышел из детской в столовую, остановился на пороге, – это было после одной из наших ссор с тобой, – и, опустив глаза, сделал такое грустное личико?

Должен сказать тебе: ты большой шалун. Когда что-нибудь увлечет тебя, ты не знаешь удержу. Ты часто с раннего утра до поздней ночи не даешь покоя всему дому своим криком и беготней. Зато я и не знаю ничего трогательнее тебя, когда ты, насладившись своим буйством, притихнешь, побродишь по комнатам и, наконец, подойдешь и сиротливо прижмешься к моему плечу! Если же дело происходит после ссоры и если я в эту минуту скажу тебе хоть одно ласковое слово, то нельзя выразить, что ты тогда делаешь с моим сердцем! Как порывисто кидаешься ты целовать меня, как крепко обвиваешь руками мою шею, в избытке той беззаветной преданности, той страстной нежности, на которую способно только детство!

Но это была слишком крупная ссора.

Помнишь ли, что в этот вечер ты даже не решился близко подойти ко мне?

– Покойной ночи, дядечка, – тихо сказал ты мне и, поклонившись, шаркнул ножкой.

Конечно, ты хотел, после всех своих преступлений, показаться особенно деликатным, особенно приличным и кротким мальчиком. Нянька, передавая тебе единственный известный ей признак благовоспитанности, когда-то учила тебя: «Шаркни ножкой!» И вот ты, чтобы задобрить меня, вспомнил, что у тебя есть в запасе хорошие манеры. И я понял это – и поспешил ответить так, как будто между нами ничего не произошло, но все-таки очень сдержанно:

– Покойной ночи.

Но мог ли ты удовлетвориться таким миром? Да и лукавить ты не горазд еще. Перестрадав свое горе, твое сердце с новой страстью вернулось к той заветной мечте, которая так пленяла тебя весь этот день. И вечером, как только эта мечта опять овладела тобою, ты забыл и свою обиду, и свое самолюбие, и свое твердое решение всю жизнь ненавидеть меня. Ты помолчал, собрал силы и вдруг, торопясь и волнуясь, сказал мне:

– Дядечка, прости меня... я больше не буду... И, пожалуйста, все-таки покажи мне цифры! Пожалуйста!

Можно ли было после этого медлить ответом? А я все-таки помедлил. Я, видишь ли, очень, очень умный дядя...

II

Ты в этот день проснулся с новой мыслью, с новой мечтой, которая захватила всю твою душу.

Только что открылись для тебя еще не изведенные радости: иметь свои собственные книжки с картинками, пенал, цветные карандаши – непременно цветные! – и выучиться читать, рисовать и писать цифры. И все это сразу, в один день, как можно скорее. Открыв утром глаза, ты тотчас же позвал меня в детскую и засыпал горячими просьбами: как можно скорее выписать тебе детский журнал, купить книг, карандашей, бумаги и немедленно приняться за цифры.

– Но сегодня царский день, все заперто, – соврал я, чтобы оттянуть дело до завтра или хоть до вечера: уж очень не хотелось мне идти в город.

Но ты замотал голову.

– Нет, нет, не царский! – закричал ты слишком тонким голоском, поднимая брови. – Вовсе не царский – я знаю.

– Да уверяю тебя, царский! – сказал я.

– А я знаю, что не царский! Ну, пожа-алуйста!

– Если ты будешь приставать, – сказал я строго и твердо то, что говорят в таких случаях все дяди, – если ты будешь приставать, так и совсем не куплю ничего.

Ты задумался.

– Ну, что ж делать! – сказал ты со вздохом. – Ну, царский, так царский. Ну, а цифры? Ведь можно же, – сказал ты, опять поднимая брови, но уже басом, рассудительно, ведь можно же в царский день показывать цифры?

– Нет, нельзя, – поспешно сказала бабушка. – Придет полицейский и арестует... и не приставай к дяде.

– Ну, это-то уж лишнее, – ответил я бабушке, – А просто мне не хочется сейчас. Вот завтра или вечером покажу.

– Нет, ты сейчас покажи!

– Сейчас не хочу. Сказал – завтра.

– Ну, во-от, – протянул ты. – Теперь говоришь – завтра, а потом скажешь – еще завтра. Нет, покажи сейчас!

Сердце тихо говорило мне, что я совершаю в эту минуту великий грех – лишаю тебя счастья, радости... Но тут пришло в голову мудрое правило: вредно, не полагается баловать детей.

И я твердо отрезал:

– Завтра. Раз сказано – завтра, значит, так и надо сделать,

– Ну, хорошо же, дядька! – пригрозил ты дерзко и весело. – Помни ты это себе!

И стал поспешно одеваться.

И как только оделся, как только пробормотал вслед за бабушкой: «Отче наш, иже еси на небеси...» – и проглотил чашку молока, – вихрем понесся в зал. А через минуту оттуда уже слышались грохот опрокидываемых стульев и удалые крики...

И весь день нельзя было унять тебя. И обедал ты наспех, рассеянно, болтая ногами, и все смотрел на меня блестящими странными глазами.

– Покажешь? – спрашивал ты иногда. – Непременно покажешь?

– Завтра непременно покажу, – отвечал я.

– Ах, как хорошо! – вскрикивал ты. – Дай бог поскорее, поскорее завтра!

Но радость, смешанная с нетерпением, волновала тебя все больше и больше. И вот, когда мы – бабушка, мама и я – сидели перед вечером за чаем, ты нашел еще один исход своему волнению.

III

Ты придумал отличную игру: подпрыгивать, бить изо всей силы ногами в пол и при этом так звонко вскрикивать, что у нас чуть не лопались барабанные перепонки.

– Перестань, Женя, – сказала мама. В ответ на это ты – трах ногами в пол!

– Перестань же, деточка, когда мама просит, сказала бабушка.

Но бабушки-то ты уж и совсем не боишься. Трах ногами в пол!

– Да перестань, – сказал я, досадливо морщась и пытаясь продолжать разговор.

– Сам перестань! – звонко крикнул ты мне в ответ, с дерзким блеском в глазах и, подпрыгнув, еще сильнее ударил в пол и еще пронзительнее крикнул в такт.

Я пожал плечом и сделал вид, что больше не замечаю тебя.

Но вот тут-то и начинается история.

Я, говорю, сделал вид, что не замечаю тебя. Но сказать ли правду? Я не только не забыл о тебе после твоего дерзкого крика, но весь похолодел от внезапной ненависти к тебе. И уже должен был употребить усилия, чтобы делать вид, что не замечаю тебя, и продолжать разыгрывать роль спокойного и рассудительного.

Но и этим дело не кончилось.

Ты крикнул снова. Крикнул, совершенно позабыв о нас и весь отдавшись тому, что происходило в твоей переполненной жизнью душе, – крикнул таким звонким криком беспричинной, божественной радости, что сам господь бог улыбнулся бы при этом крике. Я же в бешенстве вскочил со стула.

– Перестань! – рявкнул я вдруг, неожиданно для самого себя, во все горло.

Какой черт окатил меня в эту минуту целым ушатом злобы? У меня помутилось сознание. И надо было видеть, как дрогнуло, как исказилось на мгновение твое лицо молнией ужаса!

– А! – звонко и растерянно крикнул ты еще раз.

И уже без всякой радости, а только для того, чтобы показать, что ты не испугался, криво и жалко ударил в пол каблуками.

А я – я кинулся к тебе, дернул тебя за руку, да так, что ты волчком перевернулся передо мною, крепко и с наслаждением шлепнул тебя и, вытолкнув из комнаты, захлопнул дверь.

Вот тебе и цифры!

IV

От боли, от острого и внезапного оскорбления, так грубо ударившего тебя в сердце в один из самых радостных моментов твоего детства, ты, вылетевши за дверь, закатился таким страшным, таким пронзительным альтиком, на какой не способен ни один певец в мире. И надолго, надолго замер... Затем набрал в легкие воздуха еще больше и поднял альт уже до невероятной высоты...

Затем паузы между верхней и нижней нотами стали сокращаться, – вопли потекли без умолку. К воплям прибавились рыдания, к рыданиям – крики о помощи. Сознание твое стало проясняться, и ты начал играть, с мучительным наслаждением играть роль умирающего.

– О-ой, больно! Ой, мамочка, умираю!

– Небось не умрешь, – холодно сказал я. – Покричишь, покричишь, да и смолкнешь.

Но ты не смолкал.

Разговор, конечно, оборвался. Мне было уже стыдно, и я зажигал папиросу, не

поднимая глаз на бабушку. А у бабушки вдруг задрожали губы, брови, и, отвернувшись к окну, она стала быстро, быстро колотить чайной ложкой по столу.

– Ужасно испорченный ребенок! – сказала, нахмуриваясь и стараясь быть беспристрастной, мама и снова взялась за свое вязанье. – Ужасно избалован!

– Ой, бабушка! Ой, милая моя бабушка! – вопил ты диким голосом, взывая теперь к последнему прибежищу – к бабушке.

И бабушка едва сидела на месте.

Ее сердце рвалось в детскую, но, в угоду мне и маме, она крепилась, смотрела из-под дрожащих бровей на темневшую улицу и быстро стучала ложечкой по столу.

Понял тогда и ты, что мы решили не сдаваться, что никто не утолит твоей боли и обиды поцелуями, мольбами о прощении. Да и слез уже не хватало. Ты до изнеможения упился своими рыданиями, своим детским горем, с которым не сравнится, может быть, ни одно человеческое горе, по прекратить вопли сразу было невозможно, хотя бы из-за одного самолюбия.

Ясно было слышно: кричать тебе уже не хочется, голос охрип и срывается, слез нет. Но ты все кричал и кричал!

Было неважно и мне. Хотелось встать с места, распахнуть дверь в детскую и сразу, каким-нибудь одним горячим словом, пресечь твои страдания. Но разве это согласуется с правилами разумного воспитания и с достоинством справедливого, хотя и строго дяди? Наконец ты затих...

V

– И мы тотчас помирились? – спрашиваешь ты.

Нет, я так выдержал характер. Я по крайней мере через полчаса после того, как ты затих, заглянул в детскую. И то так? Подошел к дверям, сделал серьезное лицо и растворил их с таким видом, точно у меня было какое-то дело. А ты в это время уже возвращался мало-помалу к обыденной жизни.

Ты сидел на полу, изредка подергивался от глубоких прерывистых вздохов, обычных у детей после долгого плача, и с потемневшим от размазанных слез личиком забавлялся своими незатейливыми игрушками – пустыми коробочками от спичек, – расставляя их по полу, между раздвинутых ног, в каком-то, только тебе одному известном порядке.

Как сжалось мое сердце при виде этих коробочек!

Но, делая вид, что отношения наши прерваны, что я оскорблен тобой, я едва взглянул на тебя. Я внимательно и строго осмотрел подоконники, столы... Где это мой портсигар?... И уже хотел выйти, как вдруг ты поднял голову и, глядя на меня злыми, полными презрения глазами, хрипло сказал:

– Теперь я никогда больше не буду любить тебя.

Потом подумал, хотел сказать еще что-то очень обидное, но запнулся, не нашелся и сказал первое, что пришло в голову:

– И никогда ничего не куплю тебе.

– Пожалуйста! – небрежно ответил я, пожимая плечом. – Пожалуйста! Я от такого дурного мальчика и не взял бы ничего.

– Даже и японскую копеечку, какую тогда подарил, назад возьму! – крикнул ты тонким, дрогнувшим голосом, делая последнюю попытку уязвить меня.

– А вот это уж и совсем нехорошо! – ответил я. – Дарить и потом отнимать! Впрочем, это твое дело.

Потом заходили к тебе мама и бабушка. И так же, как я, делали сначала вид, что вошли случайно... по делу... Затем качали головами и, стараясь не придавать своим словам значения, заводили речь о том, как это нехорошо, когда дети растут непослушными, дерзкими и добиваются того, что их никто не любит. А кончили тем, что советовали тебе пойти ко мне и попросить у меня прощения.

– А то дядя рассердится и уедет в Москву, – говорили бабушка грустным тоном, – и никогда больше не приедет к нам.

– И пускай не приедет! – отвечал ты едва слышно, все ниже опуская голову.

– Ну, я умру, – говорила бабушка еще печальнее, совсем не думая о том, к какому жестокому средству прибегает она, чтобы заставить тебя переломить свою гордость.

– И умирай, – отвечал ты сумрачным шепотом.

– Хорош! – сказал я, снова чувствуя приступ раздражения. – Хорош! – повторил я, дымя папиросой и поглядывая в окно на темную пустую улицу.

И, переждав, пока пожилая худая горничная, всегда молчаливая и печальная от сознания, что она – вдова машиниста, зажгла в столовой лампу, прибавил:

– Вот так мальчик!

– Да не обращай на него внимания, – сказала мама, заглядывая под матовый колпак лампы, не коптит ли. – Охота тебе разговаривать с такой злостью!

И мы сделали вид, что совсем забыли о тебе.

VI

В детской огня еще не зажигали, и стекла ее окон казались теперь синими-синими. Зимний вечер стоял за ними, и в детской было сумрачно и грустно. Ты сидел на полу и передвигал коробочки. И эти коробочки мучили меня. Я встал и решил побродить по городу.

Но тут послышался шепот бабушки.

– Бесстыдник, бесстыдник! – зашептала она укоризненно. – Дядя тебя любит, возит тебе игрушки, гостинцы...

Я громко прервал:

– Бабушка, этого говорить не следует. Это лишнее. Тут дело не в гостинцах. Но бабушка знала, что делает.

– Как же не в гостинцах? – ответила она. – Не дорог гостинец, а дорога память.

И, помолчав, ударила по самой чувствительной струне твоего сердца:

– А кто же купит ему теперь пенал, бумаги, книжку с картинками? Да что пенал! Пенал – туда-сюда. А цифры? Ведь уж этого не купишь ни за какие деньги. Впрочем, прибавила она, – делай, как знаешь. Сиди тут один в темноте.

И вышла из детской.

Кончено – самолюбие твое было сломлено! Ты был побежден.

Чем неосуществимее мечта, тем пленительнее, чем пленительнее, тем неосуществимее. Я уже знаю это.

С самых ранних дней моих я у нее во власти. Но я знаю и то, что, чем дороже мне моя мечта, тем менее надежд на достижение ее. И я уже давно в борьбе с нею. Я лукавлю: делаю вид, что я равнодушен. Но что мог сделать ты?

Счастье, счастье!

Ты открыл утром глаза, переполненный жаждою счастья. И с детской доверчивостью, с открытым сердцем кинулся к жизни: скорее, скорее!

Но жизнь ответила:

– Потерпи.

– Ну пожалуйста! – воскликнул ты страстно.

– Замолчи, иначе ничего не получишь!

– Ну погоди же! – крикнул ты злобно. И на время смолк.

Но сердце твое буйствовало. Ты бесновался, с грохотом валял стулья, бил ногами в пол, звонко вскрикивал от переполнявшей твое сердце радостной жажды... Тогда жизнь со всего размаха ударила тебя в сердце тупым ножом обиды. И ты закатился бешеным криком боли, призывом на помощь.

Но и тут не дрогнул ни один мускул на лице жизни... Смирись, смирись!

И ты смирился.

VII

Помнишь ли, как робко вышел ты из детской и что ты сказал мне?

– Дядечка! – сказал ты мне, обессиленный борьбой за счастье и все еще алкая его. – Дядечка, прости меня. И дай мне хоть каплю того счастья, жажда которого так сладко мучит меня.

Ни жизнь обидчива.

Она сделала притворно печальное лицо.

– Цифры! Я понимаю, что это счастье... Но ты не любишь дядю, огорчаешь его...

– Да нет, неправда, – люблю, очень люблю! – горячо воскликнул ты.

И жизнь наконец смиростивилась.

– Ну уж бог с тобою! Неси сюда к столу стул, давай карандаши, бумагу...

И какой радостью засияли твои глаза!

Как хлопотал ты! Как боялся рассердить меня, каким покорным, деликатным, осторожным в каждом своем движении старался ты быть! И как жадно ловил ты каждое мое слово!

Глубоко дыша от волнения, поминутно слюнявя огрызок карандаша, с каким старанием налегал ты на стол грудью и крутил головой, выводя таинственные, полные какого-то божественного значения черточки!

Теперь уже и я наслаждался твоею радостью, с нежностью обоняя запах твоих волос: детские волосы хорошо пахнут, – совсем как маленькие птички.

– Один... Два... Пять... – говорил ты, с трудом водя по бумаге.

– Да нет, не так. Один, два, три, четыре.

– Сейчас, сейчас, – говорил ты поспешно. – Я сначала: один, два...

И смущенно глядел на меня.

– Ну, три...

– Да, да, три! – подхватил ты радостно. – Я знаю. И выводил три, как большую

У истока дней

I

В тумане моего прошлого есть один далекий день, который я вспоминаю особенно часто.

Я вижу большую комнату в бревенчатом доме на хуторе средней России.

Одно окно этой комнаты – на юг, на солнце, два других – на запад, в вишневый сад.

В простенке стоит старинный туалет красного дерева, а на полу возле него сидит ребенок трех или четырех лет.

Он один в комнате и чувствует себя необыкновенно счастливым.

На дворе сухо, – погожий конец степного августа, и солнечный свет косо падает из окна, выходящего на юг, почти до того места, где сидит на полу ребенок.

А он открыл дверцу в тумбе туалета, обоняет кисленький запах старинных духов и тщательно укладывает на полированную полочку синие гербовые бумаги.

Нужды нет, что эти бумаги покрыты строками крупных непонятных завитушек и что не приказано ни рвать, ни пачкать их: радостно уже одно и то, что обладаешь ими, что их много и что можно раскладывать их в тумбе, которая отныне будет твоею.

Так было и сказано:

– Вот эта тумбочка с нынешнего дня – твоя.

А для того, чтобы было что укладывать, подарили большую кипу синих бумаг с красивыми двуглавыми птицами. Накапится много и других вещей, вроде коробочек и граненых пузырьков, стоящих на туалете. И все это будет спрятано сюда же.

Но на свете, как известно, все кончается: бумаги уже несколько раз укладывались на полочке и так и этак, порядок, в котором они должны быть, строго обдуман, – остается затворить тумбу, поглядеть на нее с приятным чувством собственности – и заняться чем-нибудь другим.

Чем же?

Ребенок стоит возле туалета и осматривается.

Увы, в простой деревенской комнате с голыми бревенчатыми стенами совсем почти пусто: только стулья, да большая кровать, да августовское солнце, косо озаряющее некрашеный пол.

Приятно подойти к окну, почувствовать тепло солнечного света и, прижавшись лицом к стеклу, расплющить нос... Очень заманчива и паутина – легкая восьмигранная сетка в верхнем углу окна... Но, во-первых, до нее не дотянешься, если даже приставить к окну стул, а во-вторых, из щели в углу может выбежать на высоких тонких ножках большой серый паук.

И ребенок, подняв глаза, чувствует сладкий страх при мысли о таинственном хозяине этой паутины, имя которого он произносит с запинкой, по-крестьянски – паука – и который так сердито выскакивает из своей щели, когда в его сеть попадает муха.

Сладко следить тогда за ее гибелью!

Жалобно и долго, долго ноет она в тишине пустой комнаты, точно зовет на помощь... Но помощи нет, и время течет среди ее однотонного плача в полной неизвестности, что будет дальше... И вдруг он, этот темно-серый страшный паук, выскакивает из щели и быстро бежит по паутине... схватывает муху в лапы, замирает с нею на месте и наконец уже, слабую, затихающую, тянет ее в свое жилище...

Что это за жилище? Что делает в нем его хозяин, чем занят он?

Нечаянно взгляд ребенка падает в эту минуту на зеркало.

II

Я хорошо помню, как поразило оно меня.

С него начинаются смутные, не связанные друг с другом воспоминания моего младенчества. Точно в сновидениях живу я в них. И вот оно, первое сновидение у

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
истока дней моих.

Ранее нет ничего: пустота, несуществование.

Ни мое сердце, ни мой разум никогда не могли и до сих пор не могут примириться с этой пустотой. Но, покоряясь неизбежности, я принимаю за начало моего бытия этот августовский день, эти синие гербовые бумаги с орлами, тихую невыразимую радость, которую они дали мне, – и зеркало.

Между колонками туалета, в тяжелой прихотливой раме, висело что-то светлое, блестящее, красивое – и непонятное. Я видал его и ранее. Видел и отражения в нем. Но изумило оно меня только теперь, когда мои восприятия вдруг озарились первым ярким проблеском сознания, когда я разделился на воспринимающего и сознающего. И все окружавшее меня внезапно изменилось, ожило – приобрело свой собственный лик, полный непонятного.

Я заглянул в то светлое, блестящее, что слегка наклонно висело между колонок туалета, увидел там другую комнату, совершенно такую же, как та, в которой я был, но только более заманчивую, более красивую, увидел самого себя – и в первый раз в жизни был изумлен и очарован.

Я восторженно оглянулся... Да, несомненно, в зеркале было все, что было и здесь, вокруг меня – и стены, и стулья, и пол, и солнечный свет, и ребенок, стоявший среди комнаты... Нас было двое, удивленно смотревших друг на друга! И вот один из нас вдруг закрыл глаза – и все исчезло: остались только светлые пятна, закружившиеся в темноте... Потом снова открыл их – и снова увидел все то, что уже видел... Не странно ли только, что комната в зеркале падает, валится на меня?

Робко приблизился я к зеркалу и, дотянувшись рукой до нижней части рамы, толкнул ее.

Зеркало блеснуло, стукнулось о стену, а покатым пол, отраженный в нем, стал еще более покатым. Теперь вся комната падала на меня, падал и мальчик, стоявший против меня, и кровать, и стулья... Очарованный, восхищенный, долго глядел я на то чудесное и новое, что так внезапно открылось мне – и потянул раму к себе. Зеркало блеснуло, завалилось назад – и все исчезло... И как раз в эту минуту кто-то хлопнул дверью, и я вздрогнул и громко крикнул от страха.

III

что было дальше?

Много раз пытался я вспомнить еще хоть что-нибудь; но это никогда не удавалось.

Вспоминая, я быстро переходил к выдумке, к творчеству, ибо и воспоминания – то мои об этом дне не более реальны, чем творчество.

Твердо помню только одно: зеркало поразило меня именно в этот день. Я должен был разгадать его во что бы то ни стало.

Но как?

О, много было лукавств и ухищрений!

Они, эти ухищрения, кончались всегда неудачей. И пережив неудачу, я, конечно, забывал о зеркале. Но вот я опять оставался наедине с ним – и опять испытывал его власть над собою.

Я любил угловую комнату, когда она была пуста. Я входил, затворял за собой двери – и тотчас же вступал в какую-то особую, чародейственную жизнь.

Так тихо, так тихо, что слышна каждая нота в тонком и печальном плаче замирающей в паутине мухи!

И я затаивал дыхание, и казалось, что и комната ждет чего-то вместе со мною.

Мальчик, стоящий предо мною в отраженной комнате, был теперь выше ростом, решительнее, смелее, чем тот, что стоял в ней в светлый августовский день несколько лет тому назад. Но отраженная комната была все так же притягательна, заманчива... стократ заманчивее той, в которой был я! И сладко было снова и снова тешить себя несбыточной мечтой побывать, пожить в этой отраженной комнате!

Только существует ли она и тогда, когда не смотришь на нее?

Чтобы узнать все это, нужно прежде всего обмануть кого-то.

И вот я делал равнодушное лицо, отходил от зеркала, заглядывал с притворной беспечностью в окна – и вдруг быстро оборачивался к туалету...

Нет, все по-прежнему!

Но тогда не сесть ли в кресло против зеркала? Закрывать глаза и притворяться спящим... А затем сразу открыть их...

Увы, снова хитрость моя рассыпается прахом!

Оставалось еще одно: приоткрыть ресницы – так мало, так мало, чтобы никто и не подумал, что они приоткрыты...

Но как это трудно!

Ресницы дрожат, глазам больно, и выходит все одно и то же: или совсем ничего не видно, или хоть слабо, но видно все!

И много раз, делая отчаянные усилия, сдвигал я с места тяжелые колонки, среди которых висело зеркало, и заглядывал между ними и стеною. Но и там, именно там, где должна была заключаться разгадка тайны, не оказывалось ничего, кроме бревен с одной стороны и шершавых дощечек, которыми было забито зеркало, с другой!

– Значит, кроется что-нибудь за ними, за этими дощечками?

Говорят, что за этими дощечками только стекло, намазанное ртутью. Да, но что такое ртуть? Ртуть тоже нечто чудесное. Положил кто-то этой ртути в пекущиеся хлебы – и вдруг хлебы запрыгали по печке! А главное: почему поспешили закатать это что-то, намазанное ртутью и называемое зеркалом, в черный коленкор, как только умерла Надя?

В эту страшную ночь, когда в доме свершилось что-то невыразимое, наполнившее весь дом сперва таинственной суматохой, испуганными голосами, а потом страстными криками матери, – зеркало завесили черным коленкором.

Я, спавший в угловой комнате на широкой постели, и диком ужасе вскочил на колени, когда тишину ночи прорезали эти крики. А затем в комнату быстро вошла заплаканная нянька и накинула на зеркало кусок черной материи.

И, как внезапный ветер по затрепетавшим листьям дерева, по всему моему телу прошла одна мысль, одно сознание: в доме смерть! То ужасное, чье имя – тайна!

IV

Ночи предшествовали тяжелые, печальные дни.

Стоял февраль, наполнявший комнаты скудным полусветом.

А девочка была больна уже давно, и казалось, что конца не будет этим дням, этому скудному полусвету и тишине, воцарившейся с тех пор, как в детской, пропитанной сладковатым запахом лекарств, затворили двери и завесили окна темными шторами.

В глуши, на хуторе, заброшенные, забытые, жили мы тогда: мать, Надя, нянька Дарья, большая властная старуха, я и мой воспитатель, – если только можно было назвать так этого странного человека, похожего на Данте, – человека без роду, племени, уже много лет скитавшегося по мелким помещикам, обучавшего их детей и нигде не уживавшегося.

Я медленно, с трудом читал, а он, этот Данте, в стареньком узеньком кургузом сюртучке и коротких панталонах, из-под которых торчали грубые рыжие сапоги, ходил по комнате из угла в угол и думал, думал, бормоча свои думы себе под нос и порою с злорадным наслаждением похохатывая.

А смерть уже незримо реяла среди нас, и печальную тишину дома нарушали только шаги моего воспитателя и мое однотонное чтение. И читал я как раз о ней: читал песнь о старом нормандском бароне, умиравшем в отдаленном покое замка в бурную и темную ночь рождества Христова. И когда она появилась наконец – столь грозная, что даже собаки на дворе завyli, услышав вопли в доме, – тотчас же было брошено черное покрывало и на то, что каким-то образом было причастно ее тайне!

V

Я уснул, чувствуя томительную тоску. За окнами чернела ночь, комната была слабо озарена стоявшей на полу возле кровати свечой.

Обычно со мной спала мать. Но с тех пор, как заболела девочка, на ночь стала приходить ко мне нянька. А в эту ночь даже и няньки не было. Она только изредка входила, вынимала что-то из ящиков туалета, шепотом говорила мне: «Спи, спи, я сейчас приду», – и снова уходила. И я пытался уснуть.

Но тоска, предчувствие чего-то, что вот-вот должно совершиться, будили меня, едва только я начинал забываться. Задремлю – и вдруг вскочу с бьющимся сердцем и страстным желанием крикнуть о помощи.

Но даже крикнуть я не смел – так тихо было в доме и так странно блестело зеркало, наклонно висевшее между колонок туалета и отражавшее покатым пол и дрожащий длинный огонь свечи, стоявшей возле кровати. И вот...

Поднялась какая-то возня, послышались испуганные, торопливые голоса, стук дверей, а вслед за ними сдавленный, ужасный крик... Пораженный им до глубины сердца, я вскочил, сел на колени и замер, уже готовый ответить на этот крик криком еще более ужасным, как растворилась дверь, и по комнате, сотрясая пол своею тяжестью, пробежали нянька с черным куском коленкора в руках...

Потом меня, дрожащего от ужаса и изумления, зачем-то одели, и воспитатель мой повел меня в ту, слабо освещенную синей лампадкой комнату, где на ломберном столе, покрытом простынею, лежала кукла в розовом платьице...

Помню, как мы остановились на пороге этой комнаты и, перекрестившись,

поклонились в угол, лампадке и этой кукле...

Помню даже, что набожное смирение, с которым медленно перекрестился и поклонился мой воспитатель, показалось мне неестественным...

Мне показалось, что он пьян: это с ним случалось нередко... И от этого мне сделалось еще страшнее.

А он, с истовостью пьяного человека, желающего показать, что он несколько не пьян, а, напротив, сознательно, серьезно и спокойно делает все то, что полагается в таких случаях, подвел меня к столу, приподнял за плечи – и я увидел бледное, безжизненное личико и тусклый блеск мертвых, слизистых глаз под неплотно смежившимися черными ресницами, четко выделявшимися среди бледности... В этом было что-то безобразное!

Безобразно-ужасен был и сон, которым я забылся после того.

Я до сих пор чувствую всю нескладную, горячечную суматоху всех этих людей, наполнивших дом и начавших торопливо переносить и передвигать из комнаты в комнату столы, стулья, кровати и зеркала, как только я закрыл глаза.

Девочка мгновенно ожила, хотя и осталась все такой же загадочной и безмолвной, какой она была на столе, и поспешила вмешаться в суматоху, бегая из комнаты в комнату под ногами мужиков, торопливо носивших на руках стулья и зеркала, покрытые черным коленкором.

Как это она могла ожить и остаться в то же время мертвой?

Как это она могла бегать и не упасть, когда лицо ее было столь же слепо и безжизненно, как тусклая полоска ее глаз, блестящая в прорезе неплотно прикрытых ресниц?

Наконец настало утро.

VI

Ах, как хорошо сделал господь бог, создавши свет! Сколько раз в жизни говорил я эти слова, открывая глаза после тяжких ночных сновидений! Как этот свет успокаивает, как укрощает и душу нашу, и все окружающее нас!

Белый, спокойный и простой день был в мире, когда я проснулся.

Но, проснувшись, я тотчас взглянул на зеркало... О, каким печальным показалось оно мне!

Да и не одно оно. Все в доме было печально: и заплаканная, похудевшая, с блестящими глазами, мать, и серьезный воспитатель, и притихшая, уже далеко не столь властная, как прежде, старуха-нянька, и разговоры вполголоса, и эта кукольная девочка с восковым личиком, лиловатым виском, неживыми локонами и полуприкрытыми ресницами, из-под которых еще тусклее, чем вчера, блестела полоска стеклянных глаз...

А потом, в солнечный морозный день с метелью, приехали на трех розвальнях попы, нанесли в дом холоду, запаха снега и ладана и стали с грустными причитаниями и пением ходить вокруг лежащей на столе куклы, кланяться ей и дымить на нее из кадила...

И с какой изысканной деликатностью, с какой кокетливой печалью заливался в этот день высокий горловой тенор всегда смелого и даже наглого о. Федора!

Как он легко, точно в кадрили, то приближался к столу, то пятился назад и своей ловкой рукой – далее не рукой, а только одной кистью – высоко взвивал пылающее кадио и потоплял в синих клубах церковного благоухания неподвижно лежащую куклу!

И как чувствовал я в этот день всю сладость страстных рыданий матери, когда заливающийся тенор грустно утешал ее неизреченной красотой небесных обителей. И какой болью сжалось мое сердце в тот момент, когда гробик, наскоро сбитый из пахучего соснового теса, навсегда закрыли крышкой и понесли, среди пения, в розвальни, возле которых, в солнечной морозной метели, ветер, развеивал волосы на обнаженных головах мужиков!

VII

Надолго застыл после того в тишине и грусти наш бревенчатый флигель.

Весеннее солнце по целым дням наполняло радостным блеском детскую, – теперь нашу классную, – но померкли все мои радости!

Что это случилось с милой веселой девочкой, которая так звонко выкрикивала когда-то свое имя, а теперь лежит в селе на погосте, в могиле?

Откуда пришла она? Зачем росла, прыгала, радовалась вплоть до того рокового вечера, в который точно какой-то злой дух дохнул на нее своим пламенным дыханием?

С разгоревшимся личиком, с сияющими глазками, она была особенно оживлена в тот вечер – и вдруг поникла на плечо матери.

– Мама, бай!

И тотчас же ее унесли в детскую, и это был последний час, в который я видел ее: живой из детской она не вернулась.

Вот идут дни за днями, а ее все нет – и никогда не будет...

Даже и люльку ее снесли в чердак...

Вот вынимают зимние рамы, и наша классная наполняется душистой свежестью и теплом яркого солнца... А ее нет – и никогда не будет!

Говорят, что она на погосте, в Знаменском. Но вся ли? То живое, прекрасное, что было в ней, не там, а где-то далеко... в раю, в небе.

В тихие апрельские сумерки, когда я сидел с нянькой у раскрытого окна, выходящего в темный и свежий сад, я подолгу смотрел на меркнувший нежно-алый закат, по которому громоздились синие тучки, похожие на саркофаги. И когда над ними в зеленоватом небе вспыхивало серебристое зерно первой звезды, нянька говорила мне:

– Вон душенька нашей барышни.

Но и в этих словах... Нет, это было слишком просто! Это было так же просто, так же ничего не объясняло, как и то, что зеркало есть стекло, намазанное ртутью.

VIII

И велико было мое недоумение, когда я убедился в этом!

Не раз отодвигал я зеркало от стены и не раз убеждался, что ничего-то нет за ним, кроме бревен, паутины и шершавых дощечек!

Однако нужно было заглянуть и под эти дощечки!

И однажды, когда в доме все спали, я отодвинул, замирая от страха быть пойманным, зеркало от стены – и кухонным ножом приподнял одну из дощечек...

Да, меня не обманывали!

Под дощечкой ничего не было, кроме стекла, намазанного красно-коричневой краской.

Но, может быть, есть что-нибудь между этой краской и стеклом?

Нет, и там ничего нет: я слегка поцарапал концом ножа в уголке зеркала – и увидал... стекло!

Но не стала ли таинственная ртуть еще более таинственной после того?

Несомненно. Ибо разве не чудесно было и то, что сделал я? Я соскоблил ножом каплю красной краски и увидел, что чудесное стекло стало стеклом самым обыкновенным: прильнувши к тому месту, где я скоблил, можно было сквозь стекло видеть комнату...

Где я был до той поры, в которой блеснул первый луч моего сознания, пробужденного светлым стеклом, висевшим в тяжелой раме между колонок туалета? Где я был до той поры, в которой туманилось мое тихое младенчество?

– Нигде, – отвечаю я себе.

Но, в таком случае, я, значит, не существовал до этой поры?

– Нет, не существовал.

Но тут вмешивается сердце:

– Нет. Я не верю этому, как не верю и никогда не поверю в смерть, в уничтожение. Лучше скажи: не знаю. И незнание твое – тоже тайна.

Моя память так бессильна, что я почти ничего не помню не только о своем младенчестве, но даже о детстве, отрочестве. А ведь существовал же я! И не только существовал, – думал, чувствовал, и так полно, так жадно, как никогда потом. Где же все это?

Это тоже тайна. И всюду она, эта всепроникающая власть тайны, власть, чаще всего злая, враждебная нам.

Чем только ни мучила она меня в пору моего младенчества!

Три свечи в комнате – к чьей-нибудь смерти.

Вой собаки ночью – к смерти.

Ворон, пролетевший со свистом крыльев низко над домом, – к смерти.

Разбитое нечаянно зеркало – к смерти.

Черный коленкор, накинутый на него, – символ смерти.

А что творится ночью на чердаках, в поле, на кладбище! Что отражается по ночам перед бедою в зеркалах!

– Вошла я это, матушка-барыня, ночи за две перед тем, как барышне умереть, глянула на туалет, а в зеркале стоит кто-то белый-белый, как мел, да длинный-предлинный!

– Да небось платье твое отразилось.

– И, бог знает что! Разве я не помню, в чем была? То-то и дело, что в юбке в одной бумажной да в темной кофточке!

И я порою думал: уж не права ли ты, моя старая наставница?

На зеркале и до сих пор видна царапина, сделанная моей рукой много лет тому назад, – в ту минуту, когда я пытался хоть глазком заглянуть в неведомое и непонятное, сопутствующее мне от истока дней моих до грядущей могилы.

Я видел себя в этом зеркале ребенком – и вот уже не представляю себе этого ребенка: он исчез навсегда и без возврата.

Я видел себя в зеркале отроком, но теперь не помню и его.

Видел юношей – и только по портретам знаю, кого отражало когда-то зеркало.

Но разве мое – это ясное, живое и слегка надменное лицо? Это лицо моего младшего, давно умершего брата. Я и гляжу на него, как старший: с ласковой улыбкой снисхождения к его молодости. А в зеркале отражается печальное и, увы, уже спокойное лицо!

Настанет день – и навсегда исчезнет из мира и оно.

И от попыток моих разгадать жизнь останется один след: царапина на стекле, намазанном ртутью.

1906

Маленький роман

I

В этот вечер мы встретились на станции.

Она кого-то ждала и была рассеянна.

Поезд пришел и затопил платформу народом. Пахло лесом после дождя, каменным углем. Знакомых было так много, что мы едва успевали раскланиваться. Но того, кого она тревожно искала глазами, не было.

Поезд тронулся, и она остановилась, глядя широко раскрытыми синими глазами на мелькающие вдоль платформы вагоны. В окнах, на площадках – всюду были лица, лица. Но того лица, что было нужно, не было.

Наконец стена вагонов оборвалась, мелькнул задний буфер, поезд стал уменьшаться, сокращаться в пролете между зелеными лесами. На опустевшей платформе тонко блеснули длинные полосы дождевой воды, голубой от неба.

Платформа была в тени, – солнце скрылось за ее навесом, сзади нас, но дачи в лесу, напротив, были еще озарены и весело горели стеклами. Где-то страстно и отчаянно, в нос, заливался граммофон; где-то щелкали шары крокета и раздавались мальчишеские крики... Даже не взглянув на меня, она коротко сказала: «Пройдемтесь немного», – и я пошел.

За станцией в глаза ударило яркое вечернее солнце, но дальше стоял тенистый лес. И мы долго шли его прохладной просекой, но корням и утоптаным, упругим тропинкам, возле грязной дороги, среди зеленых лимов, осин и густого орешника, задевавшего нас бархатистой листвой. Она шла впереди, и я глядел на ее юбку, подолом которой она обвила себе ноги, на клетчатую кофточку, на тяжелый узел ее кос. Она ловко выбирала места посуше, наклоняясь от веток.

– О чем вы думаете? – спросила она раз, не оборачиваясь.

– О ваших ботинках, – сказал я. – О том, что они не на французских каблуках. Не верю женщинам на французских каблуках.

– А мне верите?

– Верю...

Но вот просека кончилась, мы очутились на солнце, на открытом зеленом бугре, и она остановилась и обернулась.

– Какой вы милый! – сказала она, – идет себе и молчит... У меня неожиданный прилив нежности к вам.

Я ответил сдержанно:

– Спасибо. Это в горе бывает. Она широко раскрыла глаза.

– В горе? В каком горе?

– Но ведь я знаю, что вы кого-то напрасно ждали. Знаю и то, что сейчас вы предложите мне догонять вас.

– Угадали. Хотите?

Я подошел к ней и, взяв за руки, слегка притянул к себе. Она отклонилась.

– Нет, – пробормотала она. – Нет... Ради бога...

И, помолчав, ловким движением выдернула руки, подхватила юбки и побежала с бугра в разлужье.

Направо и налево были овраги, заросшие лесом, впереди – широкая лощина, покрытая рядами скошенного сена, почти вся в тени. Сбежав в разлужье, она остановилась на границе этой тени, в блеске низкого солнца. Но, подпустив меня на шаг, прыгнула через канаву и пустилась по ложине. Я прыгнул за нею – и вдруг с неба посыпался легкий, быстрый, сухой шорох, а на взгорье налево пала легкая, чуть дымящаяся радуга.

– Дождь! – звонко крикнула она и еще быстрее побежала по сверкающему под ливнем лугу.

Половина его, еще озаренная солнцем, дрожала и сияла в стеклянной, переливающейся золотом сети, – редкий крупный дождь сыпался торопливо и шумно. Видно было, как длинными иглами неслись с вечернего голубого неба, из высокой дымчатой тучки, капли... Потом они замелькали реже, радуга на взгорье стала меркнуть – и шорох сразу замор.

Добежав до стога, она упала в него и засмеялась. Грудь ее дышала порывисто, в волосах мерцали капельки.

– Попробуйте, как бьется сердце, – сказала она, взяв мою руку.

Я обнял ее, наклонился к ее полуоткрытым губам. Она не сопротивлялась.

Потом тихо отстранила меня и отвернула от меня зардевшееся лицо. Она перекусывала сухой стебелек и блестящими глазами рассеянно смотрела вдаль.

– Это первый и последний раз, – сказала она. – Хорошо?

– Хорошо, – ответил я.

Она пристально посмотрела на меня.

– А вы хоть немножко любите меня? Мне так хорошо с вами, я так счастлива! И не ревнуете меня ни к кому... То, что я ждала кого-то, право, не имеет ни малейшего отношения к нам... Ну да, он уже и официально мой жених, и скоро я стану графиней Эль-Маммуна... Почему? Не знаю... Просто потому, что я его боюсь...

Она протянула мне руки с намерением подняться. Я поцеловал сперва одну, потом другую.

– А теперь пойдем, – сказала она.

– Куда?

– Еще немного по лугу...

Я поднял ее – и она мельком, застенчиво улыбнулась. Потом милыми женскими движениями поправила волосы, глубоко вздохнула свежестью луга... В лесу, то там, то здесь, глухо куковала кукушка, оттеняя глубину и звучность его после дождя, высоко в небе плыли и таяли теплые дымчатые облака с золотисто-альными краями...

А на обратном пути мы заблудились. Однако она быстро сообразила, что где. И уверенно повела меня.

Тут, уступая моей просьбе, кратко, намеками, волнуясь, она рассказала мне свою историю. Кончив, она долго шла молча.

В лесу стояли северные сумерки. А лес, молчаливый, темный, тянулся на много верст вокруг. И весь этот лесной край был погружен теперь в грустное и спокойное ожидание ночи. Зыбкий полусвет таял, задремывал. Мелкое болотистое озеро, по берегу которого мы пробирались, еще белело меж деревьев. Но и оно было тускло и печально, как в лесу. Надвинулись тучи, сливаясь с темнотою леса. И все цепенел теплый сонный воздух, напоенный пряным ароматом болотных трав и хвои. Светляки золотистыми изумрудами тлели под кустами, задремывающими под таинственный шепот кузнечиков. Чтобы сократить путь, мы повернули от озера в длинный и широкий коридор вековых сосен. И, уже с трудом различая дорогу, пошли по глубокому песку к поляне, как вдруг что-то зашуршало в сухой перепутанной хвое и оттуда колом вынырнула большая головастая сова. Она метнулась на нас – я даже успел разглядеть ее серые штаники – и взвилась на своих широких круглых крыльях. Она отшатнулась и стала. А сова, беззвучно описав дугу, снова пала вниз и плавно потонула в чаще ветвей, во мраке.

– Не к добру, – сказала она, покачав головой. Я улыбнулся.

– Уверю вас, не к добру, – повторила она просто и настойчиво.

– Что же будет?

– Ах, я не знаю! Впрочем, мне все равно. Эти дни с вами и особенно этот вечер я никогда не забуду. Дайте я на прощанье...

Не договорив, она обняла меня, грустно и нежно посмотрела в лицо, подумала и поцеловала один глаз, другой... И мы пошли через поляну на зеленый огонек семафора, мерцавший за деревьями. Совсем стемнело; тихо зашептался с лесом дождь. А когда мы вбежали на балкон дачи, под парусиновый навес, к чайному столу, освещенному свечами в колпачках, дождь уже лил как из ведра.

Мы отряхивались и притворно рассказывали, как мы заблудились, как искали дорогу. И вдруг смолкли: из темного угла балкона, с качалки, поднялся непомерно высокий, худой и широкоплечий человек лет тридцати, с голым черепом, чудесной черной бородой и блестящими глазами. Старики смутились, она побледнела. Я пожал его большую руку и шутливо сказал:

собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

– Боже, какой вы высокий! Из вас вышел бы отличный средневековый латник.

– Да? – живо спросил он. – Что ж, могло быть. Меня зовут граф Маммуна...

Мне отыскали старый огромный зонт, надавали советов, где лучше пройти, и я спустился с мокрых ступеней балкона в непроглядную тьму.

Она стояла на пороге, в светлом треугольнике парусинового шатра. Когда я добрался до калитки, она, не повышая голоса, сказала:

– Прощайте.

И это было последнее слово, слышанное мною от нее.

II

«Дорогой мой, – писала она мне через четыре месяца после этого, – не вините меня, что я исчезла, даже не предупредив вас. Он был в тысячу раз сильнее меня. Я потеряла волю, упустила страшный момент, когда еще можно было все порвать. Теперь у меня нет уже почти никаких надежд на встречу с вами. Да и как бы мы встретились? Мне кажется, я нисколько, нисколько не обманываю себя насчет вашего чувства. Для вас это был неожиданный и маленький роман, только и всего. Но все равно; клянусь вам, – если я кого-нибудь любила за всю свою жизнь, то это вас...

Что такое эта мириада раз воспетая людьми любовь? Может быть, дело-то и не в самой любви. В письмах одного умершего писателя я недавно прочла: «Любовь – это когда хочется того, чего нет и не бывает». Да, да, никогда не бывает. Но все равно. Я вас любила и люблю...

Вспоминаю все чаще всего в сумерки. В сумерки мы простились, в сумерки и пишу я вам это первое и, верно, последнее письмо. А пишу бог знает откуда: из Альп, из ледяного, пустого отеля за облаками, в октябрьский вечер. У него начинается чахотка, и я бессовестно издеваюсь над его жизнью. Я не только держу его в Альпах в самую нелепую пору – я еще таскаю его в самые скверные туманные дни по озерам, в горы. Теперь он покорен мне.

Он молчит по целым дням, блестит глазами, но покорен. Молча шел и нынче. Когда мы вошли сюда, прислуга отеля, доживающая здесь последние дни простой крестьянской жизнью в кухне, ахнула от изумления: вот так гости! Но, может быть, и потому, что он был бледен и огромен, как смерть.

А пошла я сюда ради вас. Чтобы думать, вспоминать в тишине, в безнадежности...

Так хорошо, так задумчиво синеют поздней осенью эти долины, уходя друг за другом в горы. Небо равнодушно и низко висит над озерами, и неподвижно лежат темно-свинцовые озера, налитые между туманно-сизыми кряжами. Когда я гляжу в это облачное небо, меня всегда тянет уйти в его туманы, провести ночь в каком-нибудь пустом горном отеле... Я бы полжизни отдала, чтобы вы были здесь со мной...

Мы уехали из города на пароходе утром, а после полудня уже шли в гору. Как печальна была эта дорога! Низкорослый лес на обрывах и скатах был редок, дремал и скупо ронял мелкие желтые листья. Иногда из-за деревьев глядели тупые, изумленные морды больших красных коров. Иногда слышался птичий свист мальчишек-пастухов, собиравших по кустарникам хворост. В глубочайшей тишине мы шагали все выше и выше, а с гор, с круч, сумрачно синевших сосновыми лесами, серым дымом спускалась зима. Останавливаясь, чтобы передохнуть, я подолгу смотрела в долины, слабо лиловевшие в деревьях далеко внизу. Тогда слышно было падение каждого листика. Мокрые кустарники плакали – тихо, тихо...

Близ какого-то туннеля, черневшего своим жерлом в тумане, встретили какой-то поселок, пять-шесть сонных хижин на скате. Только не спеша можно было одолевать трудный подъем по грязным, скользким шпалам. Но очень скоро от поселка осталось одно пятно внизу, а с гор уже повеяло сыростью осеннего снега.

Тут он остановился и предложил вернуться.

Я, назло ему, отказалась.

– Не остроумно, – сказал он и, подумав, опять пошел.

Туман все густел и темнел, а мы шли ему навстречу, миновали черную, закопченную и гулкую дыру туннеля, прошли почти отвесный мост над дымным бездонным ущельем... Если мой невольный спутник отставал, он мгновенно расплывался в тумане. И когда мы перекликались, голоса наши были глухи и странны.

Раз он окликнул меня, – он все сзади шел, – и, когда я остановилась, подошел и протянул мне руку.

– Будь ласкова, – несмело сказал он, – заберись мне в рукав и вытяни фуфайку.

И мне стало жаль его. Он понял это, отпустил глаза и прибавил:

– И потом, поедem куда-нибудь, где тепло, и займемcя оба каким-нибудь делом. А так очень тяжело. Это ад, а не свадебное путешествие.

– Разойтись нам надо, – ответила я.

Он помолчал. И пробормотал, сдвигая брови:

– Трудно это...

– Тогда я возьму на себя этот труд, – сказала я. Ты не смеешь делать меня жертвой своей нелепой любви.

– Я все смею, – сказал он, в упор глядя на меня. Мне терять нечего. Я отвернулась и пошла.

Мокрые рельсы, покрытые тающим снегом, сбегали сверху, сосны и ели шли оттуда по обрывам. В сумерках, в тумане можно было скорее чувствовать, чем различать! их лиловые пятна. И надо всеми этими хмурыми горами стояла такая тяжкая тишина заоблачного царства, которая исключала малейший признак жизни. И вдруг в старой ели, стоявшей возле дороги, послышался шорох. Помните сову? Я именно здесь вспомнила ее и после этого решила непременно написать вам. Это была, конечно, не сова, это был королек, – кажется, самая маленькая из всех существующих птиц. Серенький, вспорхнул он с мокрого дерева, дымящегося рукава ели, сел было на дорогу – и тихо перелетел к обрывам налево, в туман...

Представляете себе этот вечер? Мглистые стены бора, мокрый, бледный снег вдоль дороги, дымные пропасти, где висит густая аспидная мгла... А королек спокоен. Его не пугает зимняя горная ночь. Он проведет ее где придется – предоставив себя чьей-то высшей защите. А вот у меня нет веры в эту защиту.

Сейчас лягу спать в этом пустом ледяном номере, пахнущем сосною, и, когда потушу огонь, буду думать о том, что я за облаками, в настоящем царстве смерти. Он лежит в соседнем номере и глухо кашляет. Это не человек, а какие-то погребальные дроги. Я ненавижу его всей душой!

Если встретимся и я буду свободна, поцелую ваши руки от радости – делайте тогда со мной, что хотите. Нет – так тому и быть...»

III

Но и это письмо дошло до меня бог знает когда. Из Москвы переслали его в деревню. Там оно провалялось чуть не три месяца, потом колесило по югу. И получил я его уже в начале марта, перед отъездом из Крыма.

Тронуло оно меня, взволновало – ужасно.

Но что написать в ответ, что сделать? Я долго думал над этим и придумал только одно, прости меня, боже:

«Поеду-ка и я через горы на лошадях».

На крымских горах тоже висел туман. Но была весна, мне было двадцать восемь лет...

На Ляй-лю, в грязной корчме на перевале, я пил кислое красное вино, пока перепрягали тройку. Все тонуло во мгле, проносившейся по ветру мимо окошечка корчмы... Я вынул письмо, перечитал его – и у меня забилося сердце.

«Ах, милая, чудесная! Но что сделать? Что сделать?»

В корчме не сиделось. Я вышел на воздух...

Туман розовел, таял. В мглистой вышине светлело, теплело. В небесах, в дыму облаков обозначилось что-то радостное, нежное... Оно росло, ширилось – и внезапно засияло лазурью...

Надо написать, – непременно!

Но что? Куда?

Над горной пустыней, окружавшей меня, сиял легкий лазурный купол. Но еще долго курились зубчатые утесы над стремнинами, пока не блеснуло наконец солнце. И тогда от тумана не осталось и следа. Небо раскрылось над горами во всей своей необъятности, далеко зазеленело в чистом воздухе волнистое плоскогорье. Ветер тянул с севера, но он был ласков, мягок. И, опьяненный этим ветром, я пошел к обрывам, чтобы еще раз взглянуть на море.

Исполинская дымчатая тень в радужном ореоле пала от меня в густой зыбкий пар под обрывом. Бесконечная, изрытая равнина сгустившихся облаков – целая страна белых рыхлых холмов – развернулась перед моими глазами. Вместо бездонных стремнин и скал, вместо побережий и заливов, до самого горизонта простиралась подо мною эта равнина, необозримым слоем повисшая над морем. И вся сила моей души, вся печаль и радость – печаль о той, другой, которую я любил тогда, и безотчетная радость весны, молодости – все ушло туда, где, на самом горизонте, за южным краем облачного слоя, длинной яркой лентой синело море...

Колокольчик однообразным дорожным напевом говорил о долгом пути, о том, что прошлое отжито, что впереди – новая жизнь. Старая дорожная коляска, старая почтовая тройка, ушастый ямщик-татарин на высоких козлах рядом с увязанными чемоданами, дружный топот копыт, под несмолкающий плач колокольчиков, бесконечная лента шоссе... Долго я оборачивался и глядел на сизые зубцы скал, вырезающихся на сини пустого неба... А тройка, мод заливающийся звон и топот, катилась и катилась все ниже и ниже, все глубже и глубже, в лесистые живописные пропасти, все дальше и дальше от перевала, вырастающего и уплывающего в небо.

Здесь, в этих молчаливых горных долинах, стояла прозрачная тишина первых

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
весенних дней, красота бледно-ясной лазури, черных голых деревьев, прошлогодних
коричневых листьев, слежавшихся в кустах, первых фиалок, диких тюльпанов.
Здесь еще только начинали зеленеть горные скаты, отдыхая от стужи и снега.
Здесь хрустально чист и свеж был воздух, как бывает он чист и свеж только ранней
весной...
И казалось мне тогда, что ничего не нужно в жизни, кроме этой весны и дум о
счастье.
А в конце марта, будучи уже в деревне, на севере, я неожиданно получил –
почтой, через Москву – телеграмму из Женевы:
«Исполняя волю покойной, сообщаю вам, что она скончалась 17 сего марта.
Эль-Маммуна».
1909–1926

Птицы небесные

С горы, по наглаженной, ухабистой дороге, спускался к реке студент Воронов.
Возле моста, положив руки на костыль и глядя на реку, стоял какой-то маленький
человечек.

Изумрудные льдины лежали вокруг темно-лиловой проруби. Голоса баб,
полоскавших белье, звонко раздавались в морозном воздухе. Солнце скрывалось
сзади, за горю, снежная долина вся была в тени, но оконца изб и кресты церкви
на противоположной вороновской стороне еще горели лучистым золотом.

Глубокие январские снега, огромные снежные шапки на избах алели. Красновато
чернел и сквозил возле церкви сад вороновского поместья, густо и свежо темнели
сосны палисадника перед его домом. Дым из труб дома поднимался в чистое зеленое
небо ровными фиолетовыми столбами.

Казалось, что стоявший возле моста любуется.

Мимо него, со скрипом, раскатывались, неслись розвальни: шибко возвращался
обоз порожняком. И он благоразумно отошел к сторонке.

– Держись, срежу! – крикнул один из обозчиков, сани которого раскатились
особенно лихо.

Стоявший обернулся, что-то крикнул в ответ... И, махнул рукой, закашлялся.

Студент сбежал к мосту, – он все кашлял. По вытянутой шее и склоненной
голове, по тому, как он отставил костыль, опершись на него обеими руками, видно
было, что кашель затяжной, мучительный. Но, должно быть, притворный: верно, что
был дурачок, бродяга по святым местам, и, верно, он заметил барина.

Студент поравнялся с ним, заглянул ему в лицо, под самодельную шапку с
наушниками и назатыльником, мехом внутрь. Тогда он смолк, низко поклонился и,
отдуваясь, медленно побрел по мосту, с визгом вонзая в морозный снег железный
наконечник костыля. Худые ноги в больших лаптях еле волочились...

Нет, не дурачок. Просто нищий и больной.

Необычна была только аккуратность, с которой лежали мешки за его спиной.
Необычен и зипунишка, старый, но тщательно заплатаанный. И уже совсем необычно
было лицо – лицо подростка лет под сорок: бледное и изможденное, простое и
печальное. Черные глазки глядели со странным спокойствием. Печальные губы среди
реденьких усов и бороды полуоткрывались. Прядь длинных волос, по-женски
ложившаяся на маленькое восковое ухо под наушником, была суха и мертва. Тело –
щуплое, тощее, с болезненно приподнятыми плечами.

– Застыл, старик? – крикнул студент с деланной бодростью.

Нищий приостановился и тяжело перевел дыхание, раскрывая рот, поднимая грудь
и плечи.

– Нет, – ответил он неожиданно просто и даже как будто весело. – Застыть не
застыл...

И опять собрался с духом и прибавил еще бодрее, таким тоном, точно все
обстояло вполне благополучно, кроме того, с чем уж ничего не поделаешь:

– Застыть не застыл. А вот здоровье... Он приподнял грудь:

– А вот здоровье все хужеет! И легонько двинулся вперед.

Студент осмотрел его лапти, онучи: ноги тонки и слабы, онучи тонки и стары,
лапти разбиты, велики... И как это он ухитряется ходить по такому морозу?

– Уж очень у тебя, дядя, обужа-одежа плоха! – сказал студент.

– Обужа, верно, плоха, – согласился нищий. – А вот одежда... Нет, одежда ничего.
У меня под ней кофта ватная.

– Все-таки студишься небось без валенок-то?

– Студишься... Бока колет... Закашляешься – прямо смерть.

Говорить на ходу было трудно. И студент остановился. Остановился и нищий и поспешил положить дрожавшие руки на костыль.

– Дальний?

– Дальний... Из-под Ливен.

– Давно удушье-то?

– Удушье-то? Давно...

– Селитру не жег? Очень помогает.

– Нет. Перец... пил. Студент покачал головой.

– Глупо, – сказал он. – Я вот на доктора учусь, доктором, значит, буду...

Понимаешь?

– Дело хорошее... Как не понимать...

– Ну, так и послушайся меня: перец не пей, а купи селитры. И стоит-то всего две копейки. Разведи, намочи бумагу, высуши и жги. Подышишь – полегчает.

И опять согласился нищий, не придав, видимо, ни малейшего значения селитре:

– Это можно. Деньги не велики.

– А ночевать-то где ноне будешь?

– Ночевать-то? Ночевать везде можно... В Знаменском ночую...

– Как в Знаменском? – сказал студент. – Но ведь ты туда к свету со своей ходьбой придешь!

– Мне спешить некуда, – ответил нищий и так просто, что студент слегка смехался. Помолчал и спросил:

– Побор в мешках-то?

– Ну, побор! Добришко... Рубахи, портки. Порток у меня много... Трое...

За мостом дорога раздваивалась: одна шла круто в гору, к вороновскому поместью, другая, отлогая, наискось к церкви.

– Слушай, – сказал студент, – пойдем к нам. Я бы тебе деньжонок дал...

Солнце закатывалось. Нищий посмотрел на гору, на черную, густую зелень елок в вороновском палисаднике, на мертвеющие сизые крыши усадьбы, на малахитовые снега выгона... И не спеша ответил:

– Беден только бес, на нем креста нет. А мне они почесть без надобности. А коли хочется, дай.

– Ну вот, и пойдем.

– А пойтить... не пойду. Ночую в Знаменском, ежели... дойду...

И, склонив голову, отдуваясь, полегоньку, нищий упорно побрел по дороге к церкви.

Студент забежал домой, захватил кошелек и догнал его на выезде в поле. Оттуда, с севера, дуло острым ветром, клейко схватывавшим усы и ресницы. Темнела и вся двигалась мутно-фиолетовая снежная равнина, отлого поднимавшаяся к высокому ветряку на горизонте. Свет заката еще брезжил на ее крестом простертых крыльях. А темнеющее поле все курилось и курчавилось, бежало быстрой дымящейся зыбью поземки.

– Ну-ка вот тебе полтинничек, – слегка задохнувшись, сказал студент, когда на скрип его шагов нищий обернулся и остановился. – Да скажи, как понимать тебя, – прибавил он шутливо.

Нищий усмехнулся.

– А мне теперь ничего, полегчало, – ответил он бодро, хотя лицо его посинело и сморщилось, а на глазах от ветра выступили слезы.

Сняв большую варежку, он неловко взял ледяными пальцами монету и задумчиво посмотрел на нее. Студент ждал великой радости, но поблагодарил нищий довольно спокойно:

– Вот за это спасибо... А поминать меня, бог даст, не придется... Дойду.

– Серьезно, как звать-то тебя и что ты за чудака такой? – спросил студент.

– Звать-то? Звали Лукой... А уж чем чуден я – не знаю.

– Да ведь замерзнешь!

– И замерзнешь, не откажешься. Смерть, брат, она как солнце, глазами на нее не глянешь. А найдет – везде. Да и помирать-то не десять раз, а всего один.

– В рай, значит, спешить попасть? – сказал студент, трогая ухо и поворачиваясь от ветра.

– Зачем в рай? Это еще дело темное – не то есть он, рай-то, не то нет. А мне и тут не плохо.

Ветер все сильнее дул в спину, в голову, леденил затылок, делал легкими ноги. Студент с удивлением взглянул в лицо нищего:

– Это тебе-то не плохо?

Нищий гоже взглянул ему в глаза.

– А что ж мне? – спросил он. – Беден только бес, на нем креста нет. А я живу себе.

– Живешь, как птицы небесные?
– А что ж птицы небесные? Птицы-звери всякие, они, брат, о раях не думают, замерзнуть не боятся.
– А ты что? Философ? Атеист?
– Не понимаю я этих слов.
– Знаю, что не понимаешь. Я хотел спросить: в бога-то ты веришь?
Нищий подумал.
– В бога нет того создания, чтоб не верило, – твердо сказал он.
Студент взглянул на него с еще большим удивлением. Но стоять было так холодно, что он поколебался, поколебался и решительно выговорил:
– Ну с богом!
– Стало быть, прощайте, – отозвался нищий и тряхнул своей круглой шапкой. – Спаси Христос...

И, подумав, надел варежку и повернулся. Маленький, сгорбленный, с высоким костылем, он скоро стал еще меньше, по пояс утонул в сумерках и волнистой снежной зыби, густо бежавшей на него от мельницы...

Вечером студент долго ходил из угла в угол по залу. Прислуга спала. На столе горела лампа, в углу, перед иконой – лампадка: когда барыни не было дома, нянька всегда зажигала ее, – чтобы бог дал благополучную дорогу. И теперь студент с тревогой посматривал на часы, – был уже девятый, а матери все не было.

– Дикарь! – говорил он иногда вслух, вспоминая нищего.

Ночью он спал мало. С вечера читал Юнга и часов в десять, в валенках и башлыке, вышел взглянуть на восход Близнецов. И на пороге сеней оторопел: показалось, что свету божьего не видно, – так гулко шумел сад от морозной бури, так бешено несла поземка. Но сад четко чернел над ее непрерывно несущимися вихрями, и звезды огнем горели па черном чистом небе. Утопая в снегу, нагибая голову от жгучей, захватывающей дух пыли, студент одолел гудящую аллею и глянул в поле: темь, смутно волнующееся белесое море – и над ним, как два страшных, то исчезающих, то появляющихся алмазно-голубых глаза, две яркие, широко расставленные звезды...

Второй раз студент добрался до садового вала в двенадцатом часу. Стало еще морознее и страшнее. Все спит мертвым сном, нигде ни огонька, сад ревет властно и дико. Небо еще чище, чернее, звезды еще пламеннее. А над белым морем метели – два других, еще шире раскинутых, кровавых глаза; Арктур и Марс. Остро блещут зерна Волопаса, веером рассыпанные па горизонте за мельницей. Близнецы, сдвинувшись, горят почти над головой...

«Замерзнет, черт!» – с сердцем подумал студент про нищего.

И всю ночь тревожно и однообразно стучали в темный дом, заносимый снегом, плохо прикрытые ставни. До костей промерзнув на ветру, студент заснул крепко, но потом стал сквозь сон томиться этим стуком. Он очнулся, зажег свечу, оделся... Ставни уже не стучали. И, выйдя на крыльцо, он услышал отдаленную сонно-певучую переключку петухов и замер от восхищения. Свежо и остро пахло тем особенным воздухом, что бывает после вьюги с севера. Тихая, звонкая ночь, вся золотистая от полумесяца, низко стоявшего над горой, за долиной, мешалась с тонким светом зари, чуть алевшей на востоке. Треугольником дрожащего расплавленного золота висела там Венера. Марс и Арктур искрились высоко на западе. И все звезды, мелкие и крупные, так отделялись от бездонного неба, так были ярки и чисты, что золотые и хрустальные нити текли от них чуть не до самых снегов, отражавших их блеск. Горели огни по избам на селе, петухи как бы убаюкивали нежно-усталый, склоняющийся полумесяц. И с звонким скрипом, с визгом въезжала в ворота знакомая тройка вся серо-курчавая от инея, с белыми пушистыми ресницами...

Когда студент подбежал к саням, мать и кучер в один голос крикнули ему, что на знаменской дороге лежит в снегу мертвое тело.

1909

Примечания

- 1 «Дай мне сольдо!» (итал.).
- 2 «Я любил, люблю, дездемона» (итал.).
- 3 Молния мечет свою стрелу...
л. де лиль (франц.).
- 4 Повторение – мать учения (лат.).
- 5 Превосходно! (лат.).

Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. Стихотворения. Рассказы. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru
6 Сдерживайтесь, сэр! (англ.).

7 Как вы познакомились с ним? (англ.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://buninivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!